

МИНИСТЕРСТВО ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. ОПАРИН

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Монография

Харьков «Факт»
2018

*Утверждено к печати Ученым советом Харьковской медицинской академии
последипломного образования (Протокол № 5 от 18.05.2018 г.).*

Издается в авторской редакции

Рецензенты:

Корж А.Н., заведующий кафедрой общей практики — семейной
медицины Харьковской медицинской академии последипломного образования,
доктор мед. наук, профессор;

Пасиешвили Л.М., заведующая кафедрой общей практики — семейной
медицины Харьковского национального медицинского университета,
доктор мед. наук, профессор;

Жаловага А., проректор по учебной работе института Подкова Лесна
(Варшава, Польша), доктор философских наук, доктор юридических наук,
профессор;

Рогожин Б.А., доцент кафедры социальной медицины, управления
и бизнеса в охране здоровья Харьковской медицинской академии
последипломного образования, кандидат мед. наук.

Опарин А. А.

О 60 История медицины эпохи Возрождения и Реформации / А. А. Опарин. — Харьков: Факт, 2018. — 416 с.

ISBN 978-966-637-892-0

В монографии на основании комплексных исследований, как источников так и работ отечественных и зарубежных ученых в области истории медицины, Всемирной истории, философии, археологии и религиоведения представлена история медицины эпохи Возрождения и Реформации.

Монография может быть рекомендована студентам медицинских и гуманитарных вузов, их преподавателям и всем, интересующимся медициной и историей.

УДК 28

ISBN 978-966-637-892-0

© Опарин А. А., 2018

Предисловие

Эпоха Возрождения и Реформации занимает одну из ключевых страниц Всемирной истории, определяя развитие мировой экономики, политики и культуры и нашего времени. Анализу этих эпох посвящены сотни научных работ.

Однако, рассмотрение в контексте этих движений отдельных наук и видов деятельности человека носит, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев не комплексный характер, что зачастую не даёт возможности получить полноценные выводы по тому или иному вопросу или проблеме. В этой связи работа профессора Алексея Опарина, одного из видных европейских специалистов в области истории медицины, представляет исключение. В представленной монографии впервые проанализирована история медицины в неразрывной связи с историей эпох Возрождения и Реформации в сравнительном анализе этих движений на развитие медицинской науки и практики.

В работе впервые показана ключевая роль религиозных и философских верований на формирование медицины и парамедицины. В работе чётко показана роль Реформации в формировании медицинской науки и Возрождения в формировании парамедицины.

В монографии впервые комплексно показана роль Информационных идей в прогрессе развития медицинской науки и идей Контрреформации в формировании статистики медицинской науки и образования. Все это придает данной монографии несомненную научную новизну и практическую значимость. В ходе работы над данной книгой автором проанализированы работы, как учёных периода Реформации и Возрождения, так и ведущие труды современных авторов, что дало ему возможность комплексно представить изучаемую эпоху.

Монография чётко структурирована и написана прекрасным литературным языком. Хочется так же отметить, что отдельные её части, с разрешения автора, переведены сегодня на польский язык и используются в учебном процессе. Учитывая вышеизложенное считаем, что данная монография будет представлять интерес, как для историков медицины, так и специалистов в области религиоведения и Всемирной истории.

*Доктор философских наук,
доктор юридических наук,
профессор Анатолий Жаловага,
Варшава, Польша*

Предисловие

Представленная монография посвящена части Европейской истории, которая включает время от XIII века по 1648-й год. Особенность периода подчеркивается сразу же указанными временными рамками. Размытость начала Ренессанса и финал, который определило завершение кровавой Тридцатилетней войны Вестфальским миром, которым было установлено некоторое согласие между силами Реформации и Контрреформации.

Последнее определило развитие Истории европейской цивилизации не только на период Нового Времени, но сохраняет актуальность и в XXI веке. Именно подробное и системное изложение причин, мотивов и атмосферы, наполненной противоречивыми морально-нравственными цивилизационными течениями, выразителем которых являлась вера, составляют значительную часть первых разделов исследования.

В работе аргументированно показано, что религиозные представления, проникавшие во все уголки человеческого бытия и определявшие судьбы народов и границы государств создавали фон на котором разворачивалась драма развития медицинской науки того сложного и полного противоречий периода Истории. Такой подход позволяет читателю почти вещественно ощутить дух той эпохи и сформулировать логику, необходимую для понимания последующих разделов, где доминирует медицина. Это особенно важно для тех читателей, чье образование не было перегружено подобными противоречиями Мировой истории и чье внимание по тем или иным причинам обошло стороной эти страницы истории Европы и ее народов.

Сам же медицинский аспект логически исходит из контента социально-исторического развития, доминантой которого, сопровождением и вектором являлись вопросы веры, охватывавшие все стороны человеческого бытия. Это особенно ярко отражалось в философии — универсальном инструменте познания, который был основным для медицины того времени и не утративший своего главенства и в наши дни.

Спектр учений о мироздании, инструменты и средства познания в значительной мере определялись постулатами и догматами, исходившими из веры. Причем, как показывают приведенные биографии выдающихся деятелей медицины, это касалось в равной степени и тех, кто изначально числил себя в числе последователей той или иной конфессии, так и тех, кто относил себя к атеистам.

Приведенный контекст развития медицины: науки, образования, доступности врачебной помощи, включая и средства для ле-

чения, правил и рекомендаций по сохранению жизни и здоровья, увязан с логикой развития потребностей общества в медицине как в отрасли хозяйствования и отдельной профессии. Убедительно, аргументированно и наглядно показано, что наиболее чувствительной к идеологическим и нравственным постулатам, которые циркулируют в обществе, является образование и наука. Именно вопросы развития науки и обучения новых специалистов как ничто другое, показывают, насколько адекватны логике цивилизационного вектора признанные в данном обществе нравственные правила и законы совести.

Исследование вопросов медицинских технологий также нашло отражение в работе и представляет несомненный интерес, как для теоретиков, так и для практиков от медицины. Можно даже признать, что конфликты между эскулапами и мэтрами XV—XVII столетий продолжают и сегодня. Более того, не сложно предвидеть, что не все приведенные взгляды и оценки подобных дискуссий будут разделены одинаково всеми читателями. Ну, а раз есть спор, значит — истина где-то рядом и ее все-таки можно увидеть. Про это тоже рассказывает книга.

Необходимо отметить, что монография вводит в научный оборот для специалистов по организации здравоохранения и историков медицины ряд новых оригинальных исследований и трудов, что, безусловно, будет позитивно влиять на развитие отечественной науки. Книгу можно рекомендовать как исследователям истории, истории медицины так и практическим врачам и руководителям современной медицины, которым она даст живительный материал для объективной оценки происходящего и формирования планов развития перспективы отрасли и своего дела.

*Рогожин Б.А., доцент кафедры социальной
медицины, управления
и бизнеса в охране здоровья Харьковской
медицинской академии
последипломного образования, кандидат мед. наук.*

От автора

Представленная монография является продолжением предыдущей работы «Истории Древней и Средневековой медицины», завершая, таким образом, исторический обзор развития медицинской науки и практики с глубокой древности по XVII столетие. При работе над ней автор использовал практически все доступные на сегодняшний день основные материалы по данному разделу, представляя их в неразрывной связи со Всемирной историей, без чего понять само развитие медицины невозможно. Именно поэтому в данной работе отдельная часть принадлежит анализу истории Европы того периода. Завершая данную работу, автор, пользуясь возможностью, выражает глубокую признательность рецензентам, профессорам А. Жаловаге, Л.М. Пасиешвили, А.Н. Коржу, доцентам Б.А. Рогожину и З. П. Петровой.

Хотелось бы также выразить особую признательность коллективу и руководству музея Истории медицины им. П. Страдыня в Риге за возможность работы в стенах музея, Вилнису Латгалису за организацию посещения Латвии, Андрису Пешелису за перевод материалов по истории медицины с латышского языка, Мехтихановой Зареми Шамиловне за перевод материалов по истории медицины с турецкого языка, Бертольду Гибнеру за возможность и организацию посещения Литвы и работы над материалами по истории медицины, покойному профессору Леониду Дмитриевичу Тондию за предоставление ценных книг по истории медицины, Василию и Сергею Клочко за организацию поездки в Эстонию и посещение мест, связанных с историей Средневековой медицины, Эдуарду Ильницкому за возможность посещения Германии и ее мест, связанных с историей медицины, Павлу Фролову за организацию поездки в Финляндию, Василию Стойко за поездку в Чехию и работу над материалами по Средневековой истории медицины, Нукри Берекашвили за организацию поездок в Грузию и Восточную Турцию и сбор материалов по истории медицины Грузии и Трапезунда.

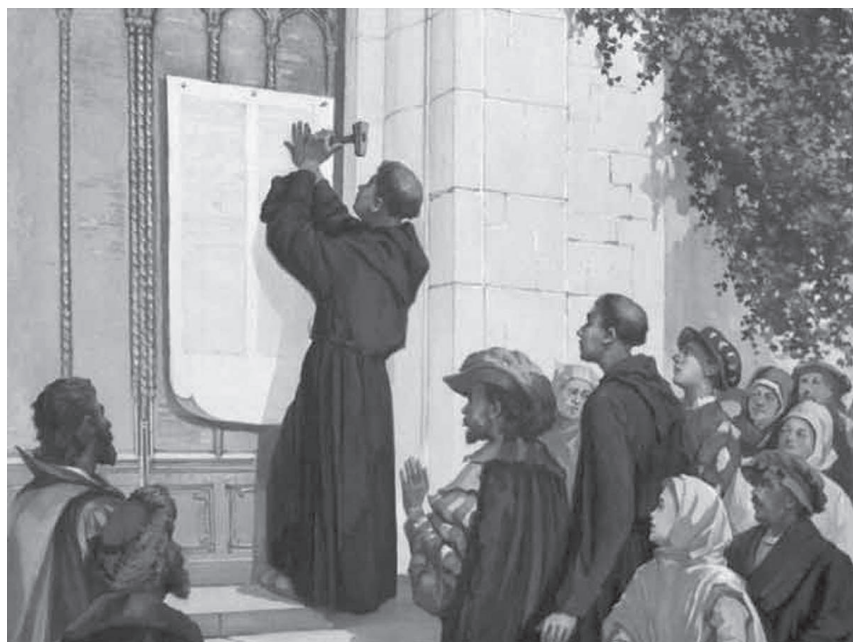
Также автор приносит особую благодарность коллективу издательства «Факт»: М.В. Десятниковой, В.В. Кулик, Е.А. Ильиной и ее Генеральному директору В.Е. Гудзинскому за прекрасное издание и выпуск данной работы.

Так же особые слова благодарности за всестороннюю поддержку автор приносит своей семье: дочери, родителям и супруге.

*Профессор А. Опарин,
Харьков. 25 мая 2018 г.*

Часть первая
ЕВРОПА ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ,
РЕФОРМАЦИИ
И КОНТРРЕФОРМАЦИИ

Вступление

Историю развития медицинской науки эпохи Возрождения, Реформации и Контрреформации невозможно не только оценить, но и понять, не рассмотрев сами эти три важнейших во всей Всемирной истории движения. Более того, знание и понимание этих движений даёт нам ключи к пониманию всего дальнейшего пути развития медицинской науки и практики.

«При изучении истории медицинской науки особенно важны те моменты, которые представляют поворотные вехи в развитии культуры в целом и в отдельных ее отраслях. Таким знаменательным рубежом была эпоха Возрождения, время коренной ломки общественных отношений и острых социальных конфликтов. На смену загнивающему феодальному строю в его недрах вызревали и крепились новые, капиталистические отношения, стали развиваться торговля, ремесла, мануфактуры, были проложены новые торговые пути, открыты новые страны. Поднимающийся класс — молодая буржуазия — стремилась к овладению производительными силами, к познанию природы, к увеличению власти над ней, к перестройке общественных отношений в своих интересах. Борьба между старым и новым была длительной и заняла не одно столетие»¹.

Академик И.П. Павлов, характеризуя эту эпоху, отмечает следующее: «Прорвавшейся страстью дышит период, называвшийся эпохой Возрождения, период начала свободного художества и свободных исследований в Новейшей истории человечества. Художественные и научные произведения этого периода должны быть постоянно перед глазами теперешних поколений»².

И одновременно с этим, только понимание движений Возрождения, Реформации контрреформации, внимательный анализ их, даёт возможность разрешить и те насущные проблемы, которые стоят перед современной медициной и в сфере практического здравоохранения, и в сфере преподавания, и в сфере проведения дальнейших научных исследований.

И потому первую часть нашей книги мы посвящаем рассмотрению и анализу истории Возрождения, Реформации и Контрреформации.

¹ Заблудовский П.Е. Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // В кн. Фракасторо Д. О contagii, contagioznych болезнях и лечениях. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 165.

² Павлов И.П. Предисловие к труду А. Везалия «О строении человеческого тела». В кн. Полное собр. соч. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т.1. — С. 203.

Глава 1

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ ИЛИ НАЗАД В АНТИЧНОСТЬ

Особую страницу истории человечества представляет собой эпоха Возрождения. Это движение в странах Западной Европы, начавшееся в Италии на рубеже XIII—XIV веков, называют еще эпохой Гуманизма или Ренессанса. Возрождение являлось протестом против засилья средневековой церкви, подавлявшей человеческую личность, против господства суеверий церкви над государством, наукой и искусством.

Сам термин «Возрождение» происходит от лат. *renovatio* (обновление), от которого происходят и французский эквивалент данного понятия — *Renaissance*, и итальянский — *Rinascimento*, что тоже происходит от этого латинского слова, и потому равноправным термином понятия Возрождения стал термин Ренессанс.

Впервые понятие Возрождение употребляет итальянский архитектор Джорджо Вазари в своем труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», изданном в 1550 г.

«В этой работе Вазари рассматривал свою эпоху как время возрождения искусства после тысячелетнего мрака и варварства, то есть долгого упадка античной культуры и искусства в Средние века»¹.

Третий термин, который употребляется наравне с терминами Возрождение и Ренессанс для обозначения данной эпохи — Гуманизм — имеет свои особенности, которые не согласуются с нашим современным значением понятия гуманизма. «Часто слово «гуманизм» употребляют как синоним термина «человеколюбие». Но в таком смысле этот термин не связан ни с какой исторической конкретностью и применяется лишь для этических оценок.

Применительно к эпохе Возрождения гуманизм имеет иное значение. Впервые, насколько известно, этот термин был введен в XV в. Писатель и ученый Леонардо Бруни называл новую светскую науку о человеке, его месте в мире и поведении в обществе *studia humanitatis* или *humanitas*. Латинское слово *humanus* означает «человеческий», следовательно, *studia humanitatis* означает «человеческие науки», в противоположность *studia divina* — «божественные науки», которые лежали в основе схоластической системы образования. Термин *humanitas*, *studia humanitatis* был заимствован интеллигенцией эпохи Возрождения у римских авторов. Так, Ци-

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века. — Харьков: Майдан, 2017. — С. 360.

церон понимал под ним воскрешение на римской почве греческой образованности. Другой римский ритор II в. н. э. Авл Гелий объяснял, что под гуманизмом римляне понимали «эрудицию и осведомленность в науке и искусствах».

В таком же значении понимали слово «гуманизм» в эпоху европейского Возрождения, подразумевая под ним эрудицию и осведомленность в науках и искусствах. И гуманистами в эпоху Возрождения называли тех, кто посвящал себя изучению и преподаванию *studia humanitatis*, то есть наук и искусств, кто был всесторонне образован, обязательно владел древними языками, знал историю, обладал искусством оратора, поэта, писателя¹.

Таким образом, понятие гуманизма эпохи Возрождения не имело ничего общего с понятием человеколюбия и большинство гуманистов эпохи Возрождения, к сожалению, это полностью подтвердили, как своей личной жизнью, так и исповедуемой философией.

• Причины рождения Ренессанса именно в Италии

Примечательно, что появляется Возрождение (Ренессанс) — языческой культуры и философии, вроде бы, в совершенно не подходящем для себя месте — в Италии, в том числе и в самом Риме, этом центре средневековой государственной церкви. Однако, причины этого не случайны.

Во-первых, Италия и ее народ, как никакая другая страна прекрасно видела все отступления и злоупотребления средневековой государственной церкви².

Во-вторых, догматы средневековой церкви рисовали Бога далеким от людей, жестоким и мелочным, только и ждущим, чтобы

Давид. Б. Микеланджело.

Так скульпторы эпохи Возрождения изображали библейских героев по примеру языческих богов

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века. — Харьков: Майдан, 2017. — С. 364.

² Гонсалес Х. История христианства. В 2 т. — СПб.: Библия для всех, 2006. — Т. 2, с. 13—14; Порозовская Б.Д. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. — М.: Республика, 1995. — С. 60-61; Фукс. Указ. соч., с. 128—129; Лависс Э, Рамбо А. Эпоха крестовых походов. — СПб.: Полигон, АСТ, 1999. С. 279.

Давид. Донателло

человека наказать и, безусловно, такой образ Бога мог внушить ужас, но не любовь и уважение¹.

В-третьих, в Италии, как центре средневековой церкви, как нигде, насаждались все догматы, обряды и представления, которые превращали жизнь человека в нескончаемые посты, самобичевания, покаяния, паломничества, которые лишали человека самых элементарных земных радостей.

Все вне церкви объявлялось грехом и пороком, и даже гигиенический уход за собственным телом объявлялся пособничеством греху, так как его вместилищем является человеческая плоть. Люди были лишены радости и тайне жаждали ее получить².

В-четвертых, Италия, как никакая другая страна была опутана шпионской сетью инквизиторских трибуналов и каждый, вне зависимости от своего социального положения, жил в постоянном страхе быть обвиненным в ереси. И люди уже невыразимо устали от этого ощущения постоянного страха³.

В-пятых, Италия, как никакая другая страна, сохраняла множество великолепных памятников архитектуры античного времени, красота и яркие краски которых входили в выгодное противоречие с однообразием и мрачностью средневековых форм, завороченно маня к себе и как бы обещаая при прикосновении к ним новые прекрасные открытия. И потому для многих античная культура стала рисоваться альтернативой мрачному и темному Средневековью.

В-шестых, впитывая со времен императора Константина Великого языческие верования и культы, средневековая государственная церковь максимально сблизилась с языческой религией и философией, и потому, как в догматике, так и обрядах,

¹ Макарий, митрополит. Православно-догматическое богословие. В 2 т. — К., 2007. — Т. 2. С. 651—653, 656—659.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — Спб.: Библия для всех, 2007—2010. — Т. 3. С. 136—137; Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 28, 84—85; С. 112—113; ; Фукс. Указ. соч., с. 131—132.

³ Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 100; Гегель. Указ. соч., с. 326; Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 641.

язычество и христианство не виделись уже такими противоположными¹.

В-седьмых, вследствие падения Византии Италия окончательно становится главным посредником при торговле с Востоком, благодаря чему начинают процветать многие итальянские города, и начинается зарождаться средний класс в виде городских купцов, разбогатевших крестьян (или, по-современному говоря, фермеров) и поместного дворянства, т.е. тот средний класс, который вообще отсутствовал в средневековом обществе.

В эту эпоху в отличие от Средневековья, где господствовала цеховая система, зиждущаяся на ученическом труде, начинают появляться мануфактуры с наемным трудом. Это было обусловлено тем, что с ростом торговли возрос объем производства, при котором одних учеников уже не хватало и стали необходимы наемные рабочие. Эти наемные рабочие начинают создавать прибавочную стоимость, и зарождающаяся буржуазия присваивает себе эту стоимость². Появилась эта перестройка цеховой системы на мануфактуры именно в Италии, которая, как мы уже отмечали, находилась на пересечении торговых путей³. Так, торговля способствовала переходу от ремесла к мануфактуре. Этому же процессу отмирания средневековых экономических отношений способствовало и открытие Америки и других доселе невиданных заморских владений, что так же вело к активизации торговли, появлению новых рынков сбыта и источников сырья в колониях. Награбленные в колониях сокровища стали притекать в метрополию и тут превращались в капитал⁴.

В эпоху Средневековья деньги не играли особой роли, ибо феодал получал от крестьянина почти все в готовом виде. С активизацией же торговли потребность в деньгах стала неотъемлемой.

Одновременно с этим феодальные замки с изобретением артиллерии потеряли свое стратегическое значение, а вместе с ним начали утрачивать и свою власть феодалы. Против последних объединяются королевская власть и горожане, что станет основой для формирования национальных государств⁵.

¹ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997. — Т. 3, с. 318—319, 322—323; Христианство: Словарь / Под ред. Л. Н. Митрохина. — М.: Республика, 1994. — С. 234; Пенник. Джонс. Указ. соч. С. 144—145; Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Biefild: GBV, 1994. — Т. 1. С. 574—575.

² Бородулин Ф.Р. История медицины: Избранные лекции. — М., 1961. — С. 154.

³ Бородулин. Указ. соч., с. 155.

⁴ Бородулин. Указ. соч., с. 155.

⁵ Бородулин. Указ. соч., с. 153.

И вот, этот новый средний класс, в первую очередь, купечество, получил в свои руки свободный капитал, который он мог использовать для препровождения досуга, наслаждений и меценатства.

Более того, зарождающийся молодой класс буржуазии нуждался в новых научных открытиях, которые должны были стимулировать развитие экономики, т.е. их бизнес⁶.

Таким образом, жители Италии, находясь на земле, богатой следами античного великолетия, устав от гнетущего тысячелетнего господства средневековой государственной церкви, дискредитировавшей в их глазах своим учением и жизнью Бога и одновременно воспитанные ею же на языческих представлениях и верованиях, получив в свои руки капитал, были готовы увидеть в античной культуре и искусстве выход из темного и невежественного Средневековья.

• Сходные черты движения Возрождения и Реформации

Анализируя движения Возрождения и Реформации, мы можем выделить несколько сходных моментов, объединяющих их.

Во-первых, и представители движения Реформации, и Возрождения видели весь упадок средневековой государственной церкви.

Во-вторых, представители обоих этих движений видели темноту и невежество средневекового общества.

В-третьих, понимая это, они видели необходимость в преобразовании жизни тогдашнего общества.

В-четвертых, появление и Возрождения, и Реформации было обусловлено тем, что все попытки внутренней реформы средневековой государственной церкви в виде созыва церковных соборов, которые пытались ограничить власть папства, деятельности ранних реформаторов, указывающих на злоупотребления средневековой церкви, деятельности мистиков, пытавшихся обратить внимание с внешней формы обрядовости на внутреннюю суть религии, были уничтожены папством².

Однако, как методы, так и сами цели этого преобразования были ими (Реформацией и Возрождением) выдвинуты совершенно различные, что привело, в свою очередь, и к прямо противоположным плодам этих движений, которые сказываются и по сей день в жизни современных государств и народов.

¹ Заблудовский. Указ. соч., с. 80.

² Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992. — С. 209.

• Сравнительная характеристика движения Возрождения и Реформации

В приведенной ниже таблице мы попытались выделить основные различия между двумя этими поистине судьбоносными не только для Европы, но, в конечном счете, и для всего мира, движениями.

Таким образом, исходя из вышеизложенных положений, становится весьма понятным, почему страны Западной и Северной Европы (Англия, Швеция, Дания, Норвегия, Нидерланды, Германия), принявшие учение Реформации, уходят далеко вперед, а страны Южной Европы (Испания, Италия), впитавшие в себя принципы движения Возрождения, остались далеко позади в своем развитии.

Таблица 1

Сравнительная характеристика движения Возрождения и Реформации (сост. А.А. Опарин)

Возрождение	Реформация
Светское движение в своей основе	Религиозное движение в своей основе
Возврат, возрождение языческих ценностей, идеалов, философских воззрений в культуре, воспитании, повседневной жизни	Возврат к чистоте Библейского учения во всех сферах жизни и деятельности человека
Синтез языческих представлений, верований, философий с христианским учением, как в церкви, так и в повседневной жизни	Отвержение всего языческого, небиблейского, как в церкви, так и в повседневной жизни
Антропоцентризм, при котором человек и его желания — мера всех вещей	Теоцентризм, при котором Бог и Его Закон — мера всех вещей
Исправить человека в отдельности и человеческое общество в целом — человеческими усилиями	Возможность преобразования человека только Богом
Возвеличивание и культ физической красоты человека	Возвеличивание морали, нравственности, внутренней красоты человека
Рассмотрение религии, как выполнения определенных обрядов и форм	Рассмотрение религии, как преобразующей и неотъемлемой части всей жизни
Затронуло лишь узкий круг образованных верхов общества	Затронула все сферы и социальные слои общества

Индивидуальное мировоззрение, ставящее во главу угла собственные желания человека, его планы, при выполнении которых нет понятий «хорошо» и «плохо» — цель оправдывает средства	Библейское мировоззрение, при котором главное — это руководствоваться Божьей волей и Его Законом, данными в Библии
Главное назначение человека — это его земное существование и поэтому от жизни надо взять все!	Главное назначение жизни человека — это его подготовка к вечной жизни и потому целью является избавиться от всего греховного и недоброго
Критика средневекового духовенства, но без указания причин его упадка	Критика средневекового духовенства с указанием, что главной причиной его упадка является отход средневековой государственной церкви от Евангельского принципа бескорыстного благотворительного служения, обмирщение церкви, превращение церкви в крупнейшего феодала и политическую силу Европы.
Плодами стали: распад института семьи, кризис морали, нечестная коммерция, «грязная» политика, коррупция правящих классов и судов, пренебрежение человеческой личностью.	Плодами стали: укрепление института семьи, поднятие морали общества, честное предпринимательство, честные суды, уважение к человеку, как личности, созданной по подобию Божию.
Заложены основы для формирования атеизма, экуменизма, дарвинизма, расизма и фашизма	Заложены основы для всемирной проповеди Евангелия; равенства всех людей вне зависимости от их религиозной, национальной и расовой принадлежности; построение демократических государств

Таким образом, «совершенно ошибочно думать, что гуманизм, сам по себе, мог представлять опасность для старой церкви; столь же мало он мог вредить ей, как могло вредить, само по себе, изобретение книгопечатания. Изобретения, как книгопечатание или порох, не представляют сами по себе прогресса, но служат лишь новыми средствами, новыми двигателями для преуспевающего ума человеческого. Книгопечатный станок, как и паровая машина, могут быть орудиями, как истины, так и лжи, как добра, так и зла»¹.

¹ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т. 2, с. 601.

Гуманисты подвергали насмешкам и остротам окружающее их невежество, но как верно замечает крупнейший историк Средневековья Оскар Иегер, «мир не стал свободнее от того, что издевался над своими цепями»¹.

Попробовать же скинуть эти церковно-схоластические цепи подавляющее большинство острых только на язык гуманистов страшилось. «Все остерегались доводить свою оппозицию до риска сломать себе шею, помня, что четыре первые десятилетия XV века доказали, до чего могущественно еще папство, и конец гуситской революции вселял страх в оппозиционные элементы... Все мирились с существовавшим порядком вещей, обычным, заведенным испокон веков. Трусость и полу-ложь в отношении церковных и религиозных вопросов, подлаживание, компромиссы, при полном внутреннем индифферентизме, — все это знаменовало ту эпоху»².

В этом и будет состоять еще одно принципиальнейшее отличие последователей гуманизма, которые оставались саркастичными сторонними наблюдателями существовавшей жизни, не желавшими при этом терять свое, как правило, немалое состояние и вес в обществе от сторонников Реформации, которые были готовы и отдавали свою жизнь за справедливость, за равноправие людей, за чистоту Евангелия.

• **Общая характеристика движения Возрождения**

С одной стороны, гуманисты выступали за свободу личности и частной жизни против феодального и церковного гнета (в Италии — с конца XIII — начала XIV века — писатель и поэт Данте Алигьери, художник Джотто, в XIV—XV веке — писатель Джованни Боккаччо, поэт Франческо Петрарка, архитектор Филиппо Брунеллески, скульптор Донателло, скульптор и художник Верроккьо, художники Мазаччо, Пьеро дела Франческа, Андреа Мантенья, на рубеже XV—XVI веков — Леонардо да Винчи, художник Тициан, скульптор Микеланджело, в Германии — философ и писатель Эразм Роттердамский, художник Альбрехт Дюрер, философ-гуманист, политический деятель и памфлетист Ульрих фон Гуттен, во Франции — писатель Франсуа Рабле, философ-гуманист Мишель де Монтень, в Англии — драматург и поэт Уильям Шекспир, родоначальник утопического социализма — рая без Бога — Томас Мор, в Испании — писатель Сервантес, художник Веласкес, в Нидерландах — художники П. Брейгель, Ван дер Вейден и пр.

¹ Иегер. Указ. соч., т. 2, с. 601.

² Иегер. Указ. соч., т. 2, с. 601, 602.

Изображение обнаженного женского тела становится одним из символов эпохи Возрождения

С другой стороны, большинство работ почти их всех привело к самому настоящему возрождению язычества в его самых мрачных и сладострастных красках, попирающих элементарное понятие свободы и уважения к человеческой личности.

Стоило ли удивляться тому, как резко, в противоположную сторону, «качнулось» человеческое представление о религии и свободе? Конечно же, нет, ибо это движение было подготовлено средневековой церковью, когда вся Европа, по сути, была превращена в огромный монастырь с монашеским укладом жизни: пробуждение до рассвета, определенное число молитв, коленопреклонений, песнопений, масса запретов, мрачная темная одежда, мрачные лица, отсутствие радости, церковные наказания за малейшие отступления, жестокая борьба с инакомыслием, инквизиция, истребившая более 50 миллионов человек, приобретение спасения за деньги — введение индульгенций, — все это представляло Бога в глазах людей таким же мрачным, алчным и жестоким.

И люди не хотели служить мрачному Богу монастырей и пыточных подвалов, этим и был обусловлен резкий скачок в противоположную сторону, в античную философию — философию язычества, где не было церковного гнета и страха перед жестокими наказаниями, где все было позволено.

Гуманисты, по их мнению, нашли выход в античной культуре, которая привлекала их, прежде всего, своей жизнерадостностью и обилием света. Они попытались построить счастливую радост-

ную жизнь вне церкви, и самое главное, без Бога. В противоположность средневековым науке и искусству, где все сводилось к мрачным строжайшим богословским канонам, выработанным людьми и не имевшими с Библией ничего общего, они назвали новое движение, новое направление в жизни, науке, культуре и искусстве Человеческим — *Studia Humaniora*¹.

Мрачная схоластика средневековой церкви привела к другому «перекоосу» — возвращению язычества: языческой философии, языческой культуры и богословия. И если первые гуманисты, такие, как Петрарка, осознавали зависимость науки от религии, то затем, на следующем этапе, авторы в христианские произведения начинают вплетать языческие нити, и на третьем этапе развития Гуманизма **наблюдается соединение христианства с языческой философией**.

Это привело к тому, что отношение в обществе к христианству стало безразличным и скептическим. Так, к примеру, в это время во Флоренции ее правитель, Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, учредил Платоновскую Академию, центром «религии» которой стал Платон, греческий философ, по учению которого человеческий дух является частицей Божественного духа, и стремление человека возвыситься к Божественному есть его возвращение к исходному началу².

Итак, рассмотрим, что же, в конечном счете, возродилось в ходе движения Возрождения.

• Возрождение язычества в архитектуре

Как мы отмечали выше, самой сутью эпохи Возрождения стало «возрождение» язычества, когда «культура подменила собой христианство, а поклонение искусству и страсть к красноречию — уважение к истине и святости. Гуманисты тайно или демонстративно приносили жертвы богам Греции и Рима, а не Богу Библии»³.

Строящиеся в это время христианские церкви украшаются откровенно языческой символикой и изображениями языческих богов и героев. Языческие символы и статуи языческих богов входят в христианские храмы.

¹ Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. — М., 1978; Дживилегов А.К. Леонардо да Винчи. — М., 1974; Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. — СПб.: Евразия, 2000. — С. 352—355.

² Анналов Д. В. Этюды о Леонардо да Винчи. — Л. — М., 1939; Виппер Б. Р. Итальянский Ренессанс XIII—XVI веков. — М., 1977; Зубов В. П. Леонардо да Винчи. — М. — Л., 1962.

³ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 4, с. 385.

Дом Джульетты. Верона, Италия. Фото автора

Дом Ромео. Верона, Италия. Фото автора

Храмы и полотна того времени несли на себе множество тайных знаков и символов. В постройке ценилась, в первую очередь, не просто красота форм или рациональность, а тайный язык камня, который, имея оккультные символы, должен был хранить и вести владельцев дома. Потому средневековые соборы и полны массовых изображений алхимиков, философского камня, чисто языческих символов и демонических существ. Так, если мы внимательно будем анализировать особенности архитектуры средневековой Праги или Парижа, то мы увидим ряд очень примечательных черт, которые прежде всего характерны для церковных построек. Обычно на них туристы редко обращают внимание, будучи отвлечены общим видом архитектурных ансамблей. Так на главном соборе Праги — соборе Святого Вита массово представлены буквально десятки злоеющих демонических существ. Они же представлены и в интерьерах храма. Стены испещрены странными геометрическими фигурами и символами. Примечательной особенностью другого центрального архитектурного памятника Праги — Карлова моста — является множество великолепных статуй, но ни одна из них не излучает ни улыбки, ни радости. Все они излучают тоску, страдания, муку, обреченность. Кстати, центральной статуей Карлова моста является статуя Яна Непомуцкого, считающегося сегодня одним из главных святых Чехии. Между тем, жизнь этого святого представляет собой весьма примечательную для того времени историю, показывающую, насколько суеверные верования людей не согласуются с реальными историческими событиями.

Красота строений Праги удивительно сочетается с мрачностью ее архитектурных форм. Религиозные мотивы, выраженные в живописи и архитектуре, давят на человека, провозглашают его греховность, показывают силу тьмы, суровость Бога, но не дают надежды, радости, не раскрывают любящего и понимающего Бога, а ведь главная цель Евангелия — дать человеку радость, надежду и мир в сердце. Примером оккультного влияния является и часовня Всех Святых в городе Кутна Гора, примерно в часе езды от Праги, в которой все детали украшения выполнены из человеческих костей! Создание этих злоеющих украшений было начато в 1511 году и завершено к началу XVIII века. Также, к примеру, в Капелле делла Пианети можно видеть планетарных божеств и знаки зодиака, а в Капелле Сигизмондо центральным является образ сияющего солнца, олицетворяющий Аполлона-Христа¹.

---

¹ Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. — СПб.: Евразия, 2000. — С. 352.

● Возрождение язычества в живописи и искусстве

Представители Возрождения хотели создать мир, в котором люди интересовались бы сиюминутными наслаждениями «здесь и сейчас»¹. Так, один из талантливых ювелиров и скульпторов эпохи Возрождения Бенвенуто Челлини в своей автобиографии прямо пишет о том, что наслаждения жизнью во всех ее проявлениях было главным для него. Представители Возрождения сделали из физической красоты культ².

«Чувственность становится, таким образом, единственным явлением, соответствующим природе. Она, так сказать, единственная категория познания, допускаемая разумом, логикой. Вне ее люди Ренессанса не могли себе представлять вещи. Она единственный разум эпохи. Конечно, это положение не было сознательным актом, программой, которую защищали и осуществляли. Но чего бы ни касалась эпоха, что бы она ни создавала — во всем чувственность звучит как непременный и явственный аккомпанемент... Само собой попятно, что и все духовные рефлексии эпохи Ренессанса должны быть насыщены чувственностью. Так оно и было на самом деле. Каждая эпоха, каждое общество кристаллизуют свою сущность в идеологиях, и притом во всех духовных откровениях. Они идеологически выражают себя в философии, в науке, в системах права, в литературе, в искусстве, в правилах поведения, а также в своих представлениях о телесной красоте, провозглашая известные законы красоты, конструируя, таким образом, тип, который они считают идеалом»³.

«Напоказ выставляется специально женская нагота, что совершенно в духе идеологии абсолютизма, который сделал из женщины самый драгоценный предмет роскоши, а ценность предмета роскоши повышается в глазах владельца, если он возбуждает всеобщую зависть. А последняя может вспыхнуть лишь в том случае, если драгоценность выставляется напоказ. Необходимо коснуться еще одной особенности частной жизни, служащей не менее классическим доказательством свойственного Ренессансу культа физической красоты и относящейся к затронутому до сих пор кругу идей. Мы имеем в виду описание и прославление интимной телесной красоты возлюбленной или жены мужем или любовником в беседе с друзьями, их готовность дать другу даже случай воочию убедиться в этой хваленой красоте. Это одна из излюбленных разговорных тем эпохи»⁴.

¹ Кернс. Указ. соч., с. 211.

² Кернс. Указ. соч., с. 211.

³ Фукс Э. История нравов. — Смоленск: Русич, 2003. — С. 10—11.

⁴ Фукс. Указ. соч., с. 28—29.

● Возрождение язычества в моде

Проповедуемая сторонниками Возрождения чувственность или, говоря современным языком, сексуальность, сказалась и на изменении ими самой моды. «В применении к мужскому костюму эту задачу решили сначала так, что мужчина одевался в плотно облегавший тело костюм, оттенявший отчетливо каждый мускул. Верхнее платье было значительно укорочено и заменено своего рода курткой, спускавшейся ниже пояса не более чем на ладонь. «Она едва прикрывала заднюю часть тела. Так как платье делалось как можно уже, то оно казалось как бы второй кожей. Эта мода достигла своего крайнего развития в последних десятилетиях XIV в. и господствовала почти все XV столетие. Так как в своем крайнем развитии эта тенденция приводила к явной беспомощности в движениях, то стал намечаться переворот, который привел ко второму решению поставленной эпохой задачи... В применении к женской моде решение задачи было достигнуто не менее странными и смешными средствами, открывавшими, разумеется, не менее мужских мод широкий простор для проявления роскоши. Сначала и женщины одевались в плотно облегающие тело платья, подчеркивавшие все их эротически-возбуждающие прелести — пышность груди и бедер, красивую линию ног и т. д. Постепенно все внимание было сосредоточено, однако, на эротическом выявлении груди и бедер — так называемых главных характерных признаков красоты, основанной на понятии целесобразности. Этот процесс в продолжение веков повторялся, разумеется, неоднократно, но иногда в здоровой, иногда, напротив, в изощренной форме. В эпоху Ренессанса эта тенденция носила, безусловно, здоровый характер, и это положение несколько не колеблется от того, что найденное эпохой решение очень мало совпадает с нашими представлениями о красоте и гигиене»¹.

● Возрождение язычества в литературе

Порок и пошлость стали открыто рекламироваться и прославляться в литературных и художественных произведениях, типа «Книги шуток» Поджио, «Мандрагоре» М. Каллимако или «Декамероне» Д. Боккаччо.

«Рыцарский культ любви был процессом не только обновления, но и гниения. Он и вошел в жизнь прежде всего как процесс гниения. Разумеется, если смотреть на этот процесс под углом зрения вечности, то он представляется нам в очаровательной дымке поэзии. Художественные документы, созданные

---

¹ Фукс. Указ. соч., с. 33, 34.

рыцарской любовью, так своеобразны, что во всей литературе трудно найти что-нибудь аналогичное.

Стоит только снять с этого явления поэтический покров и прозреть за ним действительность — и перед нами предстанет иная картина и мы увидим только гниение и больше ничего. Какой стереотипный факт скрывается за этой идеализацией? Брак — непрерывный обман, вот смысл этих произведений. Обманывать мужа — высший закон любви. Правда, рыцарский брак, как брак всех господствующих классов, покоился исключительно на условности. Однако только открытое возмущение и мужественное освобождение от безнравственных оков может наполнить нашу душу восторгом и уважением. Но такой поступок не приходит в голову ни одной тогдашней женщине. Месть природы выражается в коварном обмане, в систематическом желании сделать мужа отцом чужих детей»¹.

Писатели эпохи Возрождения доходят до того, что прямо соединяют языческих богов и Христа. Так «Данте, не сомневаясь говорит о верховном Юпитере, претерпевшем за нас на земле крестную смерть; Боккаччо также спокойно зовет Христа сыном Юпитера»².

● **Возрождение языческой морали и образа жизни**

Возрождение принесло человеку свободу от инквизиторского гнета средневековой церкви, но эта свобода стала вскоре необузданной и дикой, превратив саму Италию, центр эпохи Возрождения, по единодушной оценке современников, в «самое порочное место в мире»³.

В эпоху Возрождения набирает новый размах так называемый обычай «пробной или первой ночи», когда феодал имел право на ночь с любой женщиной из его владений, выходящей замуж. «Обычай «пробных ночей» и «ночных визитов» жил преимущественно среди крестьянства. В самом деле он не ограничивался одним только крестьянством, а был распространен в XV и XVI вв. также и среди городского бюргерства, и притом, по видимому, во всей Европе. Один хронист сообщает, что итальянские горожанки разрешали своим возлюбленным «пробные ночи», причем те, однако, должны были воздерживаться, и что даже патриции не видели в этом ничего предосудительного»⁴.

¹ Фукс. Указ. соч., с. 96—97.

² Иегер. О. Всемирная история. В 4 т. — СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1904. — Т. 2, с. 601.

³ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2010. — Т. 4, с. 391—392.

⁴ Фукс. Указ. соч., с. 68.

Символ мужского плодородия. Собор св. Стефана, Вена, Австрия

«Женское помещение в замке — помещение, где работали женщины, — было в большинстве случаев вместе с тем и гаремом рыцаря. Таково же и его отношение к своим вассалам женского пола. Помещик-рыцарь имел право делать с женами и дочерьми своих вассалов все, что он хотел, и он так и поступал. Если они ему нравились, то ничто не могло ему помешать удовлетворить свое желание»¹.

Так «О въезде Людовика XI в Париж сообщается следующее. У фонтана дю Папсо стояли дикие мужчины и женщины, сражавшиеся друг с другом, а возле них три обнаженные прекрасные девушки, изображавшие сирен, обладавшие такой чудной грудью и такими прекрасными формами, что невозможно было наглядеться... Во время въезда Людовика XI в Париж в 1461 г. три обнаженные девушки по очереди декламировали перед королем стихи, прославлявшие его. Во время встречи городом Лиллем Карла Смелого Бургундского три обнаженные красавицы разыгрывали перед ним суд Париса»².

¹ Фукс. Указ. соч., с. 96—97.

² Фукс. Указ. соч., с. 24.

«Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей. Действительно, покровители Гуманизма отнюдь не заботились о подлинном достоинстве человеческой личности и подчас индивидуализм эпохи Возрождения был не только эгоистичным и аморальным, но имел также антисоциальный смысл... Священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что неоднократно приходилось издавать декреты, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток», но все напрасно. Монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий... В Риме в 1490 г. насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 г. их было 11 тысяч. До нас дошли целые трактаты и диалоги, посвященные этому ремеслу, а также мемуары некоторых известных куртизанок...

Внутренние раздоры и борьба партий в различных итальянских городах, не прекращавшаяся всю эпоху Возрождения и выдвигавшая сильных личностей, которые утверждали в той или иной форме свою неограниченную власть, отличались беспощадной жестокостью и какой-то неистовой яростью... Казни, убийства, изгнания, погромы, пытки, заговоры, поджоги, грабежи непрерывно следуют друг за другом. Победители расправляются с побежденными, с тем, чтобы через несколько лет самим стать жертвой новых победителей.

Уже с XIII в. в Италии появились кондотьеры, предводители наемных отрядов, за деньги служившие тем или иным городам... Многие такие кондотьеры захватывают себе города и становятся родоначальниками итальянских династий. Так в Милане уже в конце XIII в. воцаряется род Висконти, прославившийся убийствами и всякого рода жестокостями. Барнабо Висконти выстроил особый дворец, в котором в роскоши жило 500 громадных псов, и, кроме того, несколько сот псов было роздано на содержание жителям Милана, обязанным регулярно представлять отчет в особое собачье ведомство. В случае смерти собаки гражданин, на содержании которого она находилась, отправлялся на эшафот.

После смерти последнего Висконти герцогом Миланским стал кондотьер Франческо Сфорца. Его сын, Галеаццо Мария Сфорца закапывал живыми свои жертвы, выставлял на публичный позор соблазненных им женщин, заставлял крестьянина, укравшего зайца, съесть зайца живьем, с шерстью и шкурой; он обвинялся еще и в отравлении своей матери и был убит заговорщиками в церкви Сан Стефано в 1476 г. Его брат Лодовико Моро

лишил власти своего несовершеннолетнего племянника Джованни Галеаццо и через некоторое время отравил его. Моро вмешивался во все политические дела своего времени, непрестанно сея вокруг себя интриги, заговоры, тайные убийства, пока, наконец, французы не захватили Милан и Лодовико не умер во французском плену, где одно время его держали в железной клетке. Между прочим, все Сфорца были весьма образованными людьми и меценатами, а Лодовико Моро отличался особенно блестящим латинским стилем и знанием классиков. При его дворе много лет жил Леонардо да Винчи.

Известно своими злодействами и знаменитое семейство Медичи во Флоренции. Даже Лоренцо Медичи, с именем которого связан расцвет флорентийской культуры в XV в., который вошел в историю как чистейшее воплощение Ренессанса, великий покровитель искусств и наук, отбирал приданое у девушек, казнил и вешал..., и отнюдь не пренебрегал интригами, связанными с ядом и кинжалом»¹.

Безусловно, преступления и пороки были всегда в истории земли, в том числе и в эпоху Средневековья. Однако, «там люди после совершения греха каялись в нем. В эпоху Ренессанса наступили другие времена. Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность»².

● Возрождение язычества в жизни церкви

Исследуя историю государственной средневековой христианской церкви, мы, к сожалению, встречаемся с многочисленнейшими примерами греховного поведения высших церковных иерархов и духовенства в целом, однако, никогда порок духовенства не был так явен, масштабен и, главное, не скрываем, и даже пропагандируем духовенством, как в эпоху Возрождения.

Более того, история четко показывает, что «высшей точки этот разврат достиг, однако, не в Мадриде, Париже или Лондоне, а в Риме, при дворе различных пап, Борджиа, Ровере и других. Многие из этих высших церковных сановников, а с ними большая масса их пышной, упоенной светом жизнерадостности свиты кардиналов, архиепископов и епископов превзошли смелостью поведения все светские дворы. В Ватикане, рядом с папой, царила гордая,

¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982. — Глава «Обратная сторона титанизма».

² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Глава «Обратная сторона титанизма».

золотом засыпанная куртизанка, прославившаяся своим искусством любви. Таким папским любовницам, как Ваноцца, Джулия Фарнезе и дюжине других, воздвигались пышные дворцы, посвящались церкви и т. д.

Сообщения хронистов изобилуют чудовищными пороками, бывшими здесь в ходу. При дворе папы Александра VI любовь была превращена в зрелище, в котором участвовали красивые куртизанки и крепкого телосложения лакеи, и такими представлениями любовался весь двор»¹.

«Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 куртизанок. В Ферраре герцог Альфонс среди бела дня голым прогуливается по улицам... В Италии той эпохи нет никакой разницы между честными женщинами и куртизанками, а также между законными и незаконными детьми. Незаконных детей имели все: гуманисты, духовные лица, папы, князья. У Поджо Браччолини дюжина внебрачных детей, у Николо д'Эсте — около 300... Имели незаконных детей также и Папа Пий II, и Папа Иннокентий VIII, и Папа Юлий II, и Папа Павел III; все они Папы-гуманисты, известные покровители возрожденческих искусств и наук»².

«Импровизаторы, музыканты, комедианты, паяцы толпились при папском дворе и развлекали Христова наместника. Особенно высоко ценилось остроумие: чтобы вызвать смех, разрешалась грязная острота, кощунственная выходка, издевательство над Священным Писанием. Страсть к веселью сделалась господствующим стремлением. Пирьы сменялись пикниками, банкеты охотой и рыбной ловлей, и во всем этом преемник св. Петра принимал деятельное участие. Папский двор с его изящными кавалерами и красивыми дамами считался самым веселым в Европе... Все это видели своими глазами благочестивые пилигримы из-за Альп и по возвращении на родину становились последователями Лютера»³.

«Светская политика столь мало достойная Христова наместника, совершенно исчерпывала апостольское служение папы этой эпохи. Пасторская забота о спасении душ верующих считалась только средством к улучшению бюджета... Богословская деятельность папы исчерпывалась тем, что он расширил значение

¹ Фукс. Указ. соч., с. 112.

² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982. — Глава «Обратная сторона титанизма».

³ Корелин М.С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 152.

индульгенций, предоставив верующим выкупать умерших из чистилища, потому что такая прибавка увеличивала спрос на сильно подешевевший товар.

«Все до сих пор указанные и описанные пороки, даже вместе взятые, ничто в сравнении с чувственными эксцессами, отличавшими Римскую церковь главным образом в эпоху Ренессанса. Эротическая напряженность, характерная для эпохи, нашла в исторических условиях, которые она встречала в монастырях, как раз почву, особенно благоприятную для наиболее повышенных форм чувственного разгула»¹.

«Масса монастырей были самыми бойкими домами терпимости. По этому поводу сложилось немало поговорок: «Августинка по ночам всегда хочет иметь на подушке две головы. «Во многих монастырях под постелью найдешь всегда пару разных туфель»; «Сорная трава растет во всех садах», — сказал приор, когда брат-монах увидел утром у него под кроватью женские башмаки». Тайный секретарь Буркхарт сообщает о Риме: «Почти все монастыри города стали вертепами».

● Возрождение языческих методов в политике

«Эра вольных городских коммун была кратковременной: их сменили тирании. Разбогатевшие предприниматели — банкиры и купцы захотели стать аристократами и восстановить феодальные порядки. Рождаются новые владетельные династии, основателями которых были часто обыкновенные кондотьеры, предводители наемных военных отрядов, алчные и жестокие, продававшие свой меч то одному, то другому городу, перед тем как самим захватить верховную власть. Торговое соперничество городов превращается в кровавое соперничество между новыми городами. Но Италия, лишенная политического единства, стала ареной еще более опустошительных распрей между тремя могущественными европейскими державами той эпохи — Францией, Испанской и Германской империями. Тщетны оказались попытки объединить страну, и тщетны были попытки народа вернуть утраченную свободу и права. Восстания подавлялись огнем и мечом. Шла братоубийственная война, в которой мелкие итальянские государи старались заручаться друг против друга поддержкой иностранных держав.

«Я ничего не слышу, — пишет прославленный гуманист конца XV в. Марсилио Фичино, — кроме шума оружия, топота ко-

---

¹ Фукс. Указ. соч., с. 130.

Флоренция, один из центров эпохи Возрождения

ней, ударов бомбард, я ничего не вижу, кроме слез, грабежа, пожаров, убийств».

И это век прославленного Гуманизма. Цветут науки, поэзия, искусства. Утонченнейшая культура царит при дворах многих властителей, создающих так называемые академии, очень похожие на религиозные объединения мирян. В них занимались риторическими упражнениями, беседами, диспутами, светскими проповедями и моральными наставлениями, составляли духовные послания, церковно-политические призывы, пропагандировали дух «общности», прежде всего в научных занятиях, и для укрепления такой общности проводили совместные трапезы — банкеты, что в переводе с латыни означало «совместная жизнь». Но яд и кинжал столь же часто определяли судьбу этих властителей, возглавлявших подобные «семьи», да и судьба «братьев» зачастую оказывалась далека от призывов к единению и справедливости, провозглашаемых на банкетах.

Секретарь Флорентийской республики Николо Макиавелли заявлял, что идеальный государь должен уметь сочетать приемы льва и лисы, быть не только человеком, но и зверем. В папском Риме в начале XVI в. чуть ли не каждую ночь находили убитыми несколько прелатов, причем эти убийства организовывались самим Папой, знаменитым Александром VI Борджиа, который стремился уничтожить всех ему непокорных и присваивал имущество своих жертв.

«Кто стоит на высоте мира, — пишет современник, — тот всегда испытывает страх. Когда он ест, он боится быть отравленным... и не доверяет ни одному существу: ни брату, ни сыну, ни матери». По свидетельству другого, тиран Сигизмунд Малатеста «...в жестокости превзошел всех варваров. Своими окровавленными руками он подвергал ужасным пыткам неповинных и виновных. Он теснил бедных, отнимал у богатых их имущество, не щадил ни сирот, ни вдов. Одну свою жену он заколол кинжалом, другую отравил».

Таким образом, исследователи этой эпохи сходятся на том, что она изобилует противоречиями. По всеобщему свидетельству, Папа Александр VI, убийца, грабитель и развратник, был как государственный деятель наделен блестящим талантом и ратовал не только за собственное благополучие и возвеличивание своего дома, но и за подчинение Риму разрозненных феодальных владений, то есть за объединение исстрадавшейся в раздорах Италии.

Николо Макиавелли был пламенным патриотом, и если в политике оправдывал, как и все его современники, любые сред-

ства для достижения цели, то заветной целью его было единство отечества, единство страдающей в войнах, разорванной на клочки Италии.

Но это не все. Тот же Сигизмунд Малатеста, изверг и кровопийца, обладал широкими познаниями в философии, подолгу беседовал с гуманистами, слушал с наслаждением любовные сонеты»¹.

● Рождение опустошения

Еще одним детищем эпохи Ренессанса стал атеизм², вся разрушающая сила которого будет явлена спустя триста лет. Эпоха Возрождения за своим внешним блеском несла то же разрушение и духовное опустошение, что и средневековые обряды, фанатизм и схоластика. Его появление на свет, в канун Великой Реформации также являлось не случайным, ибо силы зла были очень не заинтересованы в успехе Реформации и стремились предложить людям различные ей альтернативы.

Ведущие современные французские историки отмечают, что «культура эпохи Возрождения по сути своей глубоко пессимистична и мрачна, в ней нет надежды на будущее, она проникнута паническими настроениями и убежденностью во всемогуществе зла, присутствие которого, похоже, ощущалось повсюду и всеми слоями населения. Так, в альманахе 1542 года говорилось, что из-за влияния Сатурна над всем миром скопились тучи Зла и единственное средство защиты — это приносить щедрые пожертвования Творцу, дабы утихомирить его гнев.

Связь между светилми, возвещавшими бедствия, и необходимостью искупать свои грехи позволяет понять, отчего толпы католиков устраивали массовые убийства протестантов: католики обвиняли протестантов в том, что те являются приспешниками сатаны и навлекают на людей гнев Господень»³.

Заключение

Таковы были плоды эпохи Возрождения — возрождения языческой философии, религии и культуры. И вот, когда безбожие и порок достигли наивысшей точки развития, когда люди в своем большинстве отошли от идеалов христианства, отвернувшись от

¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982. — Глава «Обратная сторона титанизма».

² Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. — СПб.: Евразия, 2000. — С. 353.

³ Констан Ж-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 132.

Христа, широкой волной прокатилась по Европе Реформация, зазвучал голос Мартина Лютера, который выступал, с одной стороны, против религиозного формализма и отступления от Библейского учения, и в то же время, против материализма и секуляризма, утверждая личную свободу человека вне связи с языческой философией или религиозной обрядностью, направляемую Библейскими принципами жизни и уважением к Богу.

Одновременно с этим необходимо особо отметить, что, несмотря на вышеизложенное, движение Возрождения открыло двери появлению свободы мысли и исследованию вообще, что дало один из толчков к исследованию Библии. Критика сторонниками Возрождения средневекового духовенства вскрыла то, о чем, порой только догадывались, что побудило многих задуматься над вопросом вообще об истинности данной средневековой религиозной системы. Все это сыграло определенную роль в подготовке Великой Реформации. Словом, движение Возрождения, языческое и секулярное по своей сути, даже помимо своей воли способствовало будущему триумфу Реформации, хотя большая часть его последователей, когда необходимо было сделать выбор между Реформацией и Контрреформацией, выберут Контрреформацию, то есть выберут еще более страшные кандалы для человеческой совести и свободы, чем те, против которых выступали вначале.

Глава 2

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ИЛИ ПУТЬ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

История Реформации, великого движения, начавшегося в XVI веке и провозгласившего необходимость возврата христианства от вкравшихся в него языческих учений к учению Библии, принадлежит к одному из важнейших периодов мировой истории, знаменуя переход от Средневековья к Новому времени¹.

Этот период дал нам то, что составляет лучшее среди достигнутого человечеством за весь его исторический путь. Понятие свободы совести, равенства людей вне зависимости от их религиозной, национальной, расовой принадлежности, равенства прав мужчин и женщин, защита малоимущих, детей, стариков и больных, демократические институты власти — все это дала именно Реформация. Все это могла дать именно только Реформация, по-

---

¹ Гонсалес Х. История христианства. В 2 т. — СПб.: Библия для всех, 2005; Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1904.

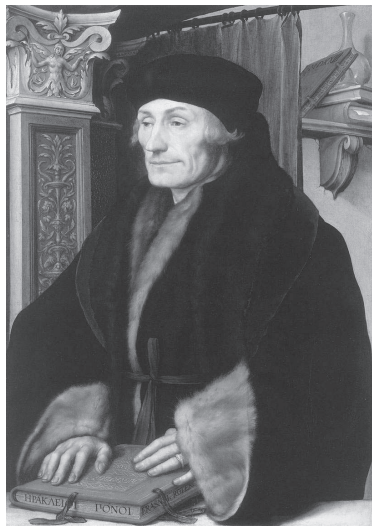
сколько она — единственное из всех исторических движений, стояла на принципах возврата к Евангельскому учению, внедрения его принципов в повседневную жизнь людей и государств. Единственное движение, четко провозгласившее, что без Бога, без Евангелия, невозможно изменение к лучшему ни в жизни отдельного человека, ни государства в целом.

Это движение привело к созданию нового направления в христианстве (наряду с католичеством и православием) — протестантизму, получившему такое название от протеста против слияния языческих учений с учением Библии, которое произошло в период средневековой церкви, и протеста против слияния церкви и государства, которое также произошло в дни Средневековья и плодом которого стали, в частности, Крестовые походы и инквизиция.

В нашей стране, в силу длительного господства государственной церкви, а затем атеистической идеологии, протестантские церкви, такие, как лютеранская, кальвинистская, адвентистская, баптистская и пр. именовались пренебрежительно сектами, а их члены — сектантами, что приравнивалось к фанатикам и темным, необразованным людям.

При этом нигде не говорилось, что протестантизм является ведущей религией в Великобритании, Германии, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, США, Австралии, Канаде, то есть, в ведущих, экономически и культурно развитых странах, население которых сектантским, то есть, темным, экономически и культурно отсталым, бедным и фанатичным уж никак не назовешь, в отличие, кстати, от тех стран, где продолжала господствовать государственная церковь. Последняя продолжала придерживаться тех же принципов, что и в дни Средневековья, взращивая суеверия, темноту и фанатизм, ибо таким народом всегда легче править.

Помню, в далекие школьные годы, на уроках по истории Средневековой Европы, нескончаемой чередой передо мной проходили крестьянские бунты, восстания и войны. Периодически «мелькало» слово «Реформация», но как-то вскользь, и все сводилось к разногласию между крестьянами и феодалами. В то недав-

Эразм Роттердамский

Мартин Лютер

нее, сугубо атеистическое время, многие исторические события освещались однобоко и куце, так, что долгое время не возникало никакого интереса к ним вернуться и разобраться, а что же все-таки представляла собой Реформация, каковы причины ее возникновения, и какой след она оставила в истории европейских государств, да и не только европейских.

Думаю, что и многие читатели, примерно, так же, как и я, имели похожее мне-

ние и представление о тех событиях в далеком Средневековье.

Итак, что же собой представляла Реформация?

Реформация (от латинского слова *reformatio* — исправление, преобразование, т.е., то, что включает в себя понятие «реформа») — это религиозное и общественно-политическое движение в Средневековой Западной, Центральной и Северной Европе, охватившее все слои населения и быстро распространившееся на многие государства, и основной ее целью было реформирование средневекового христианства в соответствии с Библейским учением.

Официальной датой начала Реформации признана на сегодняшний день дата 31 октября 1517 года, когда доктор богословия Виттенбергского университета Мартин Лютер прибил к дверям церкви 95 тезисов, направленных против злоупотреблений церкви, и, в частности, против продажи индульгенций¹. Но на самом деле, Реформация началась гораздо раньше, практически одновременно с эпохой Возрождения и затронула все без исключения сферы жизни: экономическую, социальную, политическую и религиозную².

2.1. Причины Реформации

• Причины Реформации. Социально-экономический аспект

Одной из причин Реформационного движения была борьба между представителями только еще зарождавшегося капитали-

¹ Лютер М. 95 тезисов. — СПб.: Роза мира. 2002.

² Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1904.

стического способа производства и феодального, на охране идеологии и главнейшей опорой которого была Средневековая папская церковь, которая сама являлась крупнейшим феодалом-землевладельцем¹. Реформации предшествовало обострение классового, экономического и политического противостояния. В европейских странах господствовал феодализм, и подавляющая часть населения представляла собой крепостное, зависимое от феодалов, беднейшее крестьянство, практически абсолютно бесправное, так как в целях укрепления феодальной собственности на землю, возрастало число крестьянских повинностей, при этом развитие крестьянских хозяйств не допускалось, что способствовало обнищанию крестьян².

В это время «крестьяне подвергались еще более суровой эксплуатации со стороны землевладельцев. Хотя некоторые монашеские обители и церковные деятели продолжали заниматься благотворительной деятельностью, большинство бедняков больше не считали церковь своей защитницей. Более того, показная роскошь прелатов, их власть как землевладельцев и поддержка ими усиливавшегося социального неравенства многими рассматривались как предательство бедных и как символ того, что церковью завладел антихрист. Брожение в этих слоях населения периодически выливалось в крестьянские восстания и призывы к установлению нового порядка»³.

В городах постепенно внедрялось и развивалось капиталистическое производство, в частности, по системе авансирования, что приводило к разрушению привычных принципов цехового ремесленного производства и росту, как бы мы сегодня сказали, безработицы. Крупные предприниматели скупали продукцию ремесленных цехов большими партиями, на выгодных для себя условиях, авансируя ремесленников сырьем и денежными средствами. Сами же ремесленники, на первый взгляд, свободные и самостоятельные, на самом деле были в полнейшей экономической зависимости от капиталиста, и сами когда-то свободные цеховые ремесленники превращались в наемных рабочих, подвергаясь усиленной эксплуатации, обнищанию и массовым увольнениям. Кроме того, продукция ремесленников облагалась непомерными, все возрастающими налогами, в то время как продукция монастырей подобными налогами не облагалась. В результате церковь богатели, расширяла земельные угодья, в том

¹ Гергей Е. История папства. — М.: Республика. 1996. — С. 225.

² Иегер. Указ. соч., т. 3, с. 7.

³ Гонсалес. Указ. соч., т. 2, с. 15.

Варфоломеевская ночь.
Фреска, Рим, Ватикан

числе, и в городах, и горожане, живя в собственных домах, были объявлены на чужой земле, и вынуждены были за эту землю платить огромные налоги в церковную казну. Таким образом, в городах быстро росла прослойка так называемого городского плебса, то есть, людей, лишенных, как и крестьяне, каких бы то ни было прав и будущего.

«Тем временем феодальная система приходила в упадок. Сначала во Франции, а затем в Англии и Испании установилась сильная централизованная монархическая власть, понуждавшая знать служить национальными интересам государства. Монархи стремились ограничить и поставить под контроль власть прелатов, многие из которых были одновременно феодальными правителями обширных областей. По примеру Франции, распустившей орден тамплиеров, Испания решила подчинить королевской власти такие военно-монашеские ордена, как Калатрава и св. Иакова Компостельского, и с этой целью король Фердинанд был провозглашен их магистром. В областях, не достигших такого единства, росли чувство национальной неудовлетворенности и мечты об объединении и независимости. Латынь, которая ранее была связующим звеном для большей части Западной Европы, постепенно становилась достоянием церковных и научных кругов, а национальные языки рассматривались как равноценные ей»¹.

Все вышеупомянутое приводило к усилению недовольства крепостных крестьян и городского плебса. «Крестьяне ненавидели духовенство за религиозные гонения, за его грабительство и за весь его образ жизни, стоявший в вопиющем противоречии с его фарисейскими проповедями»². Политическая раздробленность государств, раздираемых нескончаемыми усобицами князей, ра-

¹ Гонсалес. Указ. соч., т. 2, с. 15.

² Бородулин. История медицины. Указ. соч., с. 159.

стущие налоги, взимаемые князьями и духовенством, приводили к росту недовольства и бюргеров. Росло недовольство и в дворянской среде: усобицы между крупными землевладельцами-феодалами приводили к разорению среднего и мелкого дворянства.

Возрастало во всех слоях населения и недовольство церковью, которая, с одной стороны, являлась крупнейшим земельным феодалом, как указывалось выше, а с другой — объявляла каждого без исключения человека «неспособным спасти свою душу», и тем самым подчиняла себе все слои населения, и светскую жизнь человека, и светские учреждения, и все сферы жизни государства в целом.

При этом политическое влияние церкви на жизнь государства и ее финансовая база были огромны, а раздробленность стран

Допрос, совершаемый инквизиторами-доминиканцами

средневековой Европы и слабая централизованная власть только способствовали этому. Упомянутые претензии церкви вызывали ропот и возмущение и в среде крупнейших феодалов, в том числе, и королей.

Все это привело к тому, что Реформационное движение не только охватило, но и объединило все слои населения европейских стран, и нашло выход в образовании протестантских христианских церквей, призывавших к скромности, честности, экономной жизни, всеобщему широкому образованию граждан всех слоев населения, к укреплению национальных государств, свободных от церковного гнета, граждане которых были признаны равноправными и свободными перед Богом и обществом.

Протестантизм получил распространение в странах Западной, Центральной и Северной Европы в виде лютеранства, кальвинизма, цвинглианства и англиканства, а позднее — адвентизма, баптизма, которые и по сей день остаются самыми распространенными религиозными конфессиями США, Канады, Швеции, Германии, Великобритании, Норвегии, Дании, Швейцарии и Австралии.

«Однако же не эти неурядицы побуждали к тому важному и спасительному перевороту, который мы привыкли разуместь под названием Реформации, а неурядица в области религии и круг деятельности ее служителей. К ним-то и направился, наконец, весь поток общего недовольства»¹.

• Причины Реформации. Религиозный аспект

Великая Реформация самым коренным образом перестроила все основы жизни общества, и тем достижениям и свободам, которые мы имеем сегодня, мы обязаны именно ей. Ее необыкновенный успех вполне сопоставим с победным шествием раннего христианства в дни Римской империи, когда маленькая группа гонимых апостолов сокрушила мощь языческого мира, так и проповедь скромных реформаторов сокрушила необъятную мощь средневековой церкви.

Этому необыкновенному своему успеху Реформация, помимо отмеченных выше социально-экономических причин, в первую очередь, была обязана следующим основным факторам.

Во-первых, страшные злоупотребления средневековой церкви.

«Уже давно церковь, несмотря на свое возрастающее могущество, шла по пути, который неизбежно должен был привести к

---

¹ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т.3, с. 10.

катастрофе. Уже давно внутреннее состояние ее — невежество духовенства, его мирские привычки, жадность и безнравственность вызывала громкие жалобы во всех странах католического мира. Основная причина этого упадка, бесспорно, заключалась в светской политике папства. Поставив целью всей своей деятельности одни земные интересы, одну заботу об увеличении церковной территории, папы, естественно, должны были вмешаться в политику, оставив в стороне свое духовное назначение и заботясь главным образом о деньгах, без которых ничего нельзя было достигнуть в политическом отношении.

Они стали эксплуатировать христианское учение, искажая догматы и делая почти из каждого из них доходную для себя статью. Таким путем выработалась сложная и коварная финансовая система, опутавшая всю Западную Европу. Продажа должностей повлекла за собой испорченность высшей иерархии. Обязанные своим назначением не своим личным достоинствам, а большей или меньшей суммой, внесенной в папскую канцелярию, высшие духовные лица большею частью мало заботились о духовных нуждах паствы и преследовали свои личные мирские цели. С высшего духовенства деморализация скоро перешла на низшее, и, в особенности, на монашество... Большая часть духовных лиц не имела никакого образовательного ценза, а если что и изучала, то лишь бесплодную схоластическую философию. О Библии большинство имело более чем смутное представление. Легко понять, какое влияние могло оказывать подобное духовенство на народ. Невежество, суеверие, формальное отношение к религии даже намеренно поддерживалось духовенством, так как давали ему возможность эксплуатировать массу»¹.

Даже католические современные историки четко признают, что «к концу XV века стало ясно, что церковь нуждается в глубоких реформах и что многие к ним стремятся. Было хорошо известно об упадке и коррупции папства... Но коррупция не ограничивалась только Римом. Соборному движению, стремившемуся положить конец великому расколу и реформировать нравственные устои всей церкви, удалось достичь первой из этих целей, но не второй. Произошло так отчасти потому, что епископы, заседавшие на соборах, сами принадлежали к числу тех, кому существующая коррупция была выгодна. Иными словами, тогда как реформаторы метали громы и молнии против... практики продажи и покупки церковных должностей, многие члены собо-

---

¹ Порозовская Б.Д. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. — М.: Республика, 1995. — С. 60—61.

ров сами были повинны в такого рода злоупотреблениях и намеревались поступать так и впредь.

Нравственное разложение оказывало влияние и на простых священников и монахов. Хотя безбрачие духовенства было законом церкви, многие открыто не соблюдали его — епископы и местные священники даже хвалились своими незаконнорожденными детьми. Прежняя монашеская дисциплина все больше ослабевала, а обители и монастыри превращались в центры веселой жизни. Монархи и высшая знать нередко обеспечивали своим незаконнорожденным отпрыскам будущее, назначая их аббатами и аббатисами, не считаясь с тем, есть ли у них монашеское призвание. Авторитет монастырей как источников получения знаний падал, а к образовательному цензу местных священников вообще не предъявлялось практически никаких требований.

В таких условиях даже тем многим священникам и монахам, которые искренне стремились оставаться верными своему призванию, делать это было крайне трудно. Как можно вести аскетический образ жизни и предаваться созерцанию в монастыре, превратившемся в место развлечений и светских приемов? Как может священник бороться со злоупотреблениями в приходе, если ему самому пришлось купить свою должность? И могут ли прихожане с доверием относиться к таинству покаяния, если оно совершается священником, который сам, по-видимому, не осознает всего ужаса греха? Религиозное сознание Европы раздвоилось — произошел разрыв между верой в церковь, которая была духовным наставником многих поколений, и пониманием ее теперешней несостоятельности в этой роли»¹.

«Можно было бы изложить всю историю распада церкви как социальной организации в виде пословиц и поговорок. «В Риме все продажно: быки и овцы (т. е. высшее и низшее духовенство)». «В Риме можно делать все, что угодно, только благочестие немного приносит пользы». Последствием всего этого является то, что «три вещи привозишь обыкновенно из Рима: нечистую совесть, испорченный желудок и пустой кошелек». Не клевета ли все это на католическую церковь? В подтверждение того, что оформленный в виде пословиц приговор народа-судьи был в самом деле справедливым, приведем один только факт — отпущение грехов. А индульгенция лучше всего характеризуется пресловутыми пре-йскурантами, издававшимися папами уже с XII столетия: в них

¹ Гонсалес Х. История христианства. В 2 т. — Спб.: Библия для всех, 2006. — Т. 2, с. 13—14.

детально обозначалось, за сколько гульденов можно откупиться от совершенного злодеяния или купить право на совершение задуманного преступления так, чтобы не отвечать ни перед небесным, ни перед земным правосудием; крупные мошенники интересовались, разумеется, только последним.

Беря деньги у всех и каждого, кто только их имел, церковь обирала и своих собственных слуг где и как только могла, не говоря уже о том, что они были обязаны делить со своим начальством все, что награблено из кармана народа. На первом плане стояла здесь «молочная десятина», как называли взимавшуюся церковью подать за сохождение с женщиной, существовали, впрочем, и другие названия. Изнасиловать женщину или девушку, возвращавшуюся из церкви, стоило дороже, чем изнасиловать ее на пути в церковь, потому что, возвращаясь из церкви, она была безгрешна и дьявол уже не имел на нее права.

Лицом к лицу с такими порядками немудрено, что народ облек свой общий взгляд на Рим в следующие сжатые слова: «В Риме даже Святому Духу обрезали крылья», «Если существует ад, то Рим построен на нем».

Эти общие суждения опирались, разумеется, не только на ненасытную жажду денег, отличавшую Римскую церковь, а, само собой понятно, и на обусловленные ею пороки, на пороки, которым богатство расчищало почву, доставляя клиру средства для их развития. Такими общераспространенными пороками были лень, глупость, грубость, хитрость, жажда наслаждений, разврат»¹.

Однако, вместо того, чтобы бороться с этими пороками, Средневековая государственная церковь пыталась их оправдать с богословской точки зрения! «На церковном соборе в Париже было постановлено следить за тем, чтобы «монахи и каноники не предавались содомии», чтобы «все подозрительные двери к спальням и другим опасным местам тщательно заделывались епископами», чтобы «монахини не спали на одной кровати» и т. д. Так как причина, вызвавшая подобные пороки, продолжала существовать, то все эти меры были действительны только в отдельных случаях. Вот почему делали все больше уступок, а делать эти последние было тем легче, что в celibате речь шла не о принципиальном воздержании, а лишь, как было указано, об устранении той формы половых отношений, которая могла сократить источники доходов и сферу господства папы.

---

¹ Фукс. Указ. соч., с. 128—129.

On Abblas von Rom

kann man wol selig werden durch
anzeigung der göttlichen hailigen geschriff

Der dise figur eret unt einem pater noster derhet
zum dusent iaz ablas vnt von in vnt d pebsten der
gab jeglichervil ihäler vnd von d bischoffen von sun-
ziche tag vnd de ablash at bestetigt bapst clemens

Johannes Tehellus / Vircensis • Anno 1517

Индульгенция 1517 года

Erklärung	Abblafßgeld
Jesusbild steht gegen Vielgötterey (es gibt nur einen Gott)	10 Gulden
Kopf links oben im Bild steht für:	
Totschlag	7 Gulden
Mord	9 Gulden
Eltern- und Geschwistermord	11 Gulden
Wesen links oben im Bild steht für Ehebruch, Vielweiberei	5 Gulden
Tuch mit Sternen rechts oben im Bild steht für Kirchenraub	12 Gulden
Papst links unten mit Bibel steht gegen falsche Lehre	5 Gulden
Das Spielfeld in der Mitte steht für Falschspiel	4 Gulden
Der Weinkelch steht für Alkoholmißbrauch	5 Gulden
Der Engel steht symbolisch für einen Abblafßkäufer, er ist vom Jegerfeuer befreit!	
Dieser Abblafß ist von Papst Clemens für nur 50 Tage bestmmt, für 100 Tage verdoppeln sich die Preise!	

Разъяснение	Цены на отпущение
Изображение Иисуса напротив многобожия (есть только один Бог)	10 гульденов
Голова слева наверху на картинке означает:	
Убийство (без намерения)	7 гульденов
Убийство (с намерением)	9 гульденов
Убийство родителей и братьев или сестер	11 гульденов
Существо слева наверху — это за прелюбодеяние, многоженство	5 гульденов
Скатерть со звездами справа наверху на картинке — это за ограбление церкви	12 гульденов
Папа слева в низу с Библией — это за лжеучение	5 гульденов
Площадь посередине — это за обман в игре	4 гульденов
Чаша вина — это за алкоголизм	5 гульденов
Ангел символизирует покупателя отпущения грехов, он освобожден от огня чистилища!	
Это отпущение грехов авторизировано папой Климентом только на 50 дней, на 100 дней ее можно продлить за двойную плату!	

Примечание: Индульгенция 1517 года, с указанием цен за отпущение того или иного греха

В то время заработная плата была приблизительно: для служанки 2 гульдена, для саути 4 гульдена, для мелкоторговца 40 гульденов, для профессора 100 гульденов. В качестве оплаты можно предложить 1 свинью за 1 гульден, 1 корову за 3 гульдена.

Отрицая за клиром право на брак, ему разрешали иметь наложниц. Влиятельный французский церковный учитель Жерсон следующим образом оправдывал невоздержание монахов: «Нарушает ли священник обет целомудрия, удовлетворяя свою половую потребность? Нет! Обет целомудрия касается только отречения от брака. Священник, совершающий даже самые безнравственные поступки, не нарушает, стало быть, своего обета, если совершает эти поступки как неженатый». Жерсон только слегка ограничивал эту свободу священников: «Старайтесь делать это тайком, не в праздничные дни и не в священных местах и с незамужними женщинами».

Аргументы Жерсона стали, так сказать, догматическими взглядами. Чего же еще? Так как приходилось спасать кошелек, которому угрожала опасность, то как было не рискнуть высокой ставкой. В конце-концов изобрели еще причину, как будто бы оправдывавшую право на наложницу в интересах самих же верующих. В другом месте тот же Жерсон говорит: «Для прихожан является, конечно, большим соблазном, если священник имеет наложницу, но было бы для них еще большим соблазном, если бы он оскорбил целомудрие одной из своих прихожанок».

Во всяком случае, таким образом, был найден путь, удовлетворявший обе стороны, и вопрос о celibате был решен в духе и — что важнее — в интересах церкви. Священник получал возможность иметь содержанку, епископская, равно как и папская, касса открыла источник постоянных доходов, а опасность, которой священнический брак грозил папству, была устранена. Теперь, напротив, преступниками уже становились те священники, которые имели дерзость лишить своей целомудренной жизнью епископа столь горячо им ожидаемой «подати на наложницу». Сикст IV (1471 — 1484) сумел, однако, выйти из этого положения тем, что упростил процедуру, требуя означенной подати от всех священников без исключения, хотя бы у них и не было наложницы. Этот прием был не только выгоден, но имел и то преимущество, что ни один виновный не мог ускользнуть»¹.

Церковь стала главнейшим тормозом развития науки.

«Главным оплотом римской церкви были монахи и монастыри. При помощи этих институтов она прежде всего господствовала над христианским миром. Если верить просвещенным историкам, то монахи завоевали это господство молитвой и переписыванием Евангелия. Нелепее этого «просвещенного» взгляда

---

¹ Фукс. Указ. соч., с. 131—132.

ничего не может быть. Монахи достигли власти прямо противоположным путем»¹.

«Непосредственного знакомства с природой путем наблюдения и опыта не существовало. Кругозор мышления был чрезвычайно узок, а способов исследования явлений не было. Религиозный фанатизм Средних веков придавал всякое стремление к изучению природы; все книги, пособия, созданные в эпоху Александрийской школы, были уничтожены. Учение считалось чумой. Предполагали, что стоит только отказаться от попыток познать природу, как все будет обстоять хорошо. Изучение неба, строения человека, познание окружающей природы были недоступны, так как каких-либо пособий и книг не было. Трудно представить себе, до какой степени был поработчен ум человека; не было ни одной оригинальной мысли, никто не смел высказать чего-либо нового, кроме повторения того, что написано древними. Большим злом этой эпохи были нетерпимость и религиозный фанатизм»².

При этом, «в реформировании нуждалась не только нравственная сторона жизни церкви. Наиболее трезвомыслящие христиане приходили к убеждению, что искажено само учение церкви»³. И эти доктринальные искажения приводили к вопиющим злоупотреблениям.

Так, огромное недовольство в канун Реформации стала вызывать неслыханная доселе по своему объему и распространению продажа индульгенций — отпустительных грамот (отпущений грехов за деньги), которые осуществляла средневековая папская церковь. «Учение Западной Церкви, на котором основывалась задача и продажа этих «отпустительных» грамот, было довольно искусно и ловко измышлено: паписты опирались на то, что Христос и святые совершили гораздо больше добрых дел, нежели потребно было для спасения или для достижения блаженства; из этого-то избытка будто бы образовалось сокровище излишнего, преизобильного блага — и тем благом располагает Церковь на пользу верующих. Из этого пресловутого «Сокровища Церкви» папа и извлек то право избавления грешников от тягчайших видов покаяния, которые даже и после его сердечных сокрушений, и после устного сознания, и после отпущения его грехов священ-

¹ Фукс. Указ. соч., с. 112.

² Быков К. О жизни и трудах В. Гарвея // В кн. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 174.

³ Там же, т. 2, с. 14.

ником, все же налагались на кающегося; если верующий по мере сил способствовал добру и великому церковному делу, то наложенное на него тягчайшее покаяние могло быть изменено в более легкое, или даже вовсе отменено. Что подобное воззрение неизбежно должно было породить впоследствии ряд грубейших злоупотреблений—это не подлежало ни малейшему сомнению»¹.

«Давно прошли те времена, когда для получения полной индульгенции требовался трудный и опасный поход в св. Землю, или, по крайней мере, путешествие в Рим... теперь, благочестие было лишь второстепенным украшением звонкой монеты. Через широко открытые двери деньги лились в святой храм, и дом Божий стал домом торгашей. Всякий безбожник мог за деньги приобрести уверенность, что спас от муки своих близких! Всякий мог, не чувствуя ни малейшего раскаяния, купить себе индульгенции. И представим себе это еще раз, какое несказанное счастье давала такая бумага за шнуром и печатью! Неоцененный талисман, утешение для запуганной совести, мирное успокоение для ленивых и слабых, щит для дерзких, которые, опираясь на папскую грамоту, утверждали, что любой священник по их выбору, выслушав их исповедь, обязан разрешить их от всех грехов, как бы ни были они тяжелы, и при смерти освободить их от греха и его последствий так, чтобы душа могла без страха и страдания войти непосредственно „в небесную радость“»².

«В инструкциях к низшему духовенству архиепископы объясняли, что собственно дает индульгенция: во-первых, полное прощение всех грехов, возвращение божественной благодати, освобождение от чистилищного огня; во-вторых, освободительную грамоту, которая давала владельцу избирать себе, по желанию, духовника, который мог прощать преступление и наказание и мог переводить какие-либо принятые обеты на другие добрые дела. Третья, предоставляемая индульгенцией привилегия, состоит в участии во всех благах церкви, в молитвах, паломничествах и других добрых делах всех членов церкви. В-четвертых, ею приобретает для душ умерших и находящихся в чистилище полное отпущение их грехов»³.

Вследствие огромного спроса, спровоцированного государственной церковью, в начале XVI века «тиражировались индульгенции с помощью печатной техники: первой известной типо-

¹ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т.3, с. 17.

² История Нового времени. Указ. соч., т. 1, с. 262.

³ Робертсон Д., Герцог И. История христианской церкви. В 2 т. — СПб.: И-е И. Л. Тузова, 1891. — Т. 2. С. 546—547.

На допросе монахов-инквизиторов, в первую очередь, унижали жертву

графской продукцией, вышедшей из книгопечатной мастерской Гутенберга, были как раз индульгенции»¹.

Благодаря индульгенциям, Средневековая церковь держала в духовном повиновении миллионы людей, но и зарабатывала на их суеверии, базировавшемся на разработанном ею языческом учении о бессмертии души. «Продажа индульгенций была просто финансовым предприятием — так на него и смотрело высшее духовенство. Курфюрст Альбрехт Бранденбургский занял даже 30000 гульденов у одного из аугсбургских торговых домов, чтобы взять на откуп из 50% валового дохода распространение индульгенций в Германии»².

«Дошедшие до нас, конечно, не в полном числе, квитанции папы для нынешней Германской империи за 1515—1520 годы показывают сумму в 28000 дукатов. В итоге мы не ошибемся, если скажем, что эксплуатация религиозного чувства раскаяния благочестивых христиан Германии принесла около 60000 дукатов. На

¹ Гергей. Указ. соч., с. 226.

² Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т.3, с. 18.

нынешние деньги это составит 600000 марок»¹. И эта сумма на 1910 год. Сегодня же она будет составлять, примерно, десятки миллионов евро!

Другой статьей дохода и одновременно финансовой наживы служил для Средневековой церкви созданный ею институт святых. Так, «в течение целых столетий церковь заставляла своих членов благоговеть перед разными святыми. Многие из этих святых совсем не жили или вели самое обыкновенное существование, все следы которого исчезли с их смертью: тем не менее память их праздновалась пышными церемониями, о них создавались легенды, изобиловавшие чудесами и чудовищными небылицами»².

«В долгий тысяча двухсотлетний период времени, протекавший с воцарения Константина до Реформации Лютера, поклонение святым и мощам искажило чистую и цельную простоту христианской религии, и некоторые признаки испорченности можно заметить даже в первых поколениях, усвоивших и лелеявших это вредное нововведение. Духовенство знало по опыту, что мощи святых были более ценны, чем золото и драгоценные камни, поэтому оно старалось размножать эти церковные сокровища.

Без всякого уважения к правде или правдоподобию оно стало придумывать имена для скелетов и подвиги для имен. Славу апостолов и святых людей... оно омрачило религиозными вымыслами. К непобедимому сонму настоящих и первобытных мучеников оно присовокупило мириады мнимых героев... Но распространение суеверий было бы менее быстро и менее успешно, если бы духовенство не прибегало для укрепления веры в народе к помощи видений и чудес, удостоверявших подлинность и чудотворную силу самых подозрительных мощей»³.

Крупнейший немецкий философ Г. Гегель отмечает: «Месса и другие обряды избавляют от необходимости думать в то время, когда они совершаются, но глазам представляется внушительное, чувственное зрелище, так что, присутствуя при нем, можно даже совершенно невнимательно болтать и все-таки выполнить то, что требуется»⁴.

«У церкви были все основания, чтобы не только не возражать против распространения самых грубых форм фетишизма, наобо-

¹ История Нового времени. Указ. соч., т. 1, с. 259—260.

² История Нового времени // Под общ. ред. И. Пфлуг-Гартунга. — СПб.: Самообразование, 1910. — Т. 1, с. 242.

³ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997. Т. 3, с. 318—319.

⁴ Гегель Г. Христианство и Реформация // В кн. Лютер М. Указ. соч., с. 322].

рот, она была заинтересована в этом. Здесь открывались перед ней неиссякаемые возможности обогащения. Для каждого монастыря и церковного прихода обладание той или иной реликвией являлось условием процветания, обеспечивающим духовным наставникам возможность богатой жизни. Неудивительно, что между разными монастырями и церквями часто шла борьба за ту или иную реликвию, за мощи святых, за чудотворные иконы и т.д. Известны случаи, когда монахи одного монастыря похищали эти святыни в другом монастыре или соборе или вступали из-за них в вооруженную борьбу»¹.

Так, к примеру, «Ингельгер Анжуйский был вынужден, испытывая все мирные средства, требовать от оксерцев выдачи останков св. Мартина вооруженною силою. В 1117 году каноник церкви Боминьи в Бретани выкрал мощи св. Петра из своей собственной церкви и передал их в С.-Мевенское аббатство, которое вернуло их только после вмешательства в это дело Генриха Второго»².

Современник Великой Реформации, крупнейший ученый того времени, хотя и не примкнувший к Реформации, Эразм Роттердамский пишет следующее о состоянии церкви того времени.

«Папы, кардиналы и епископы не только соперничают с государями в пышности, но иногда и превосходят их. Вряд ли кто помышляет о том, что белоснежное льняное одеяние означает беспорочную жизнь.

Кому приходит в голову, что двурога митра с узлом, стягивающим обе верхушки, знаменует совершеннейшее знание Ветхого и Нового завета? Кто помнит, что руки, обтянутые перчатками, суть символ чистого и непричастного ко всему земному совершенства таинств, что посох изображает бдительную заботу о пастве, а епископский крест — победу над всеми страстями человеческими? И вот я спрашиваю: тот, кто поразмыслит над подразумеваемым значением всех этих предметов, не будет ли вынужден вести жизнь, исполненную забот и печалей? Но почти все избрали благую часть и пасут только самих себя, возлагая заботу об овцах либо на Самого Христа, либо на странствующих монахов и на своих викариев. И не вспомнит никто, что самое слово «епископ» означает труд, заботу и прилежание: лишь об уловлении денег воистину пекутся они и здесь, как подобает епископам, смотрят в оба»³.

¹ Крывелев. Указ. соч., т.1, с. 243—244.

² Ли Г.-Ч. История инквизиции в средние века. В 2 т. — СПб., 1911. — Т.1, с. 244.

³ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. — М.: Художественная литература, 1960. — Глава LVII, с. 87.

«А верховные первосвященники, которые заступают место Самого Христа? Если бы они попробовали подражать Его жизни, а именно, бедности, трудам, учительству, крестной смерти, презрению к жизни, если бы задумались над значением своих титулов — «папы», иначе говоря, отца и «святейшества», — чья участь в целом свете оказалась бы печальнее? Кто стал бы добиваться этого места любой ценою или, однажды добившись, решился бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческого насилия? Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если б на него хоть раз вступила Мудрость?

Пусть не Мудрость даже, а хотя бы крупица той соли, о которой говорил Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений? Их место заняли бы бдения, посты, слезы, проповеди, молитвенные собрания, ученые занятия, покаянные вздохи и тысяча других столь же горестных тягот. Не следует также забывать об участи, которая постигла бы бесчисленных чиновников, копиистов, нотариусов, адвокатов, промоторов, секретарей, погонщиков мулов, конюших, банкиров, сводников... В общем, вся эта огромная толпа, которая отягощает, — или нет, прошу прощения, — которая украшает римский престол, была бы обречена па голод. Но еще бесчеловечнее, еще ужаснее, еще нестерпимее было бы пожелание, чтобы верховные князья церкви, эти истинные светочи мира, снова взялись за суму и посох»¹.

«Охотнее всего святейшие во Христе отцы и Христовы наместники поражают этими молниями тех, кто, наущаемый дьяволом, пытается умалить или расхитить достояние св. Петра. Хотя, по свидетельству Евангелия, Петр сказал: «Вот мы оставили все и последовали за тобою», однако его достоянием именуются поля, города, селения, налоги, пошлины, права владения. Ревнуя о Христе, папы огнем и мечом отстаивают «наследие Петрово», щедро проливают христианскую кровь и притом свято веруют, что они по завету апостольскому охраняют невесту Христову — церковь, доблестно сокрушая ее врагов.

Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о Нем, которые связывают Его своими гнусными законами, искажают Его учение своими за уши притянутыми толкованиями и убивают Его своей гнусной жизнью. Поскольку

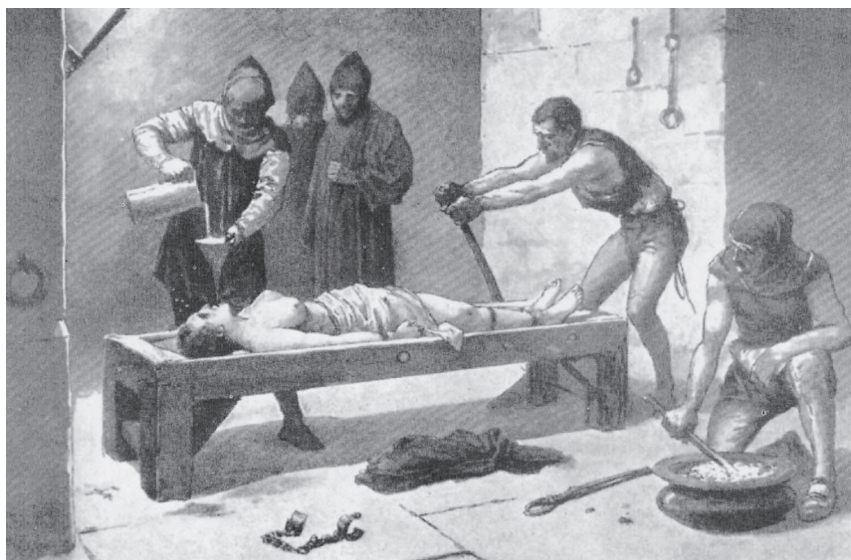
---

¹ Эразм Роттердамский. Указ. соч., глава LIX, с. 88—89.

Сожжение инакомыслящих. Средневековая гравюра

Пытка водой

христианская церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью возвеличилась, они по сей день продолжают действовать мечом, словно нет больше Христа, Который Сам защищает своих верных. И хотя война есть дело до того жестокое, что подобает скорее хищным зверям, нежели людям, до того безумное, что поэты считают ее порождением фурий, до того злобное, что разлагает нравы с быстротою моровой язвы, до того несправедливое, что лучше всего предоставить заботу о ней отъявленным разбойникам, до того нечестивое, что ничего общего не имеет с Христом, — однако паны, забывая обо всем на свете, то и дело затевают войны»¹.

«Что касается обязанностей, то они благоразумно перелагают это бремя на чужие плечи или передают из рук в руки, словно мячик. Подобно тому, как светские государи посылают для управления областями наместников, а наместники, в свою очередь, поручают это дело своим помощникам, так и духовенство, по смирению своему, предоставляет труды благочестия простому народу.

Но и простой люд спешит свалить эти труды на так называемых «церковнослужителей», как будто сам он ничего общего не имеет с церковью и обряд крещения вовсе над ним не совершался. Священники, именуемые светскими, — словно посвятили себя миру, а не Христу, — возлагают груз пастырских обязанностей на регулярное духовенство.

Регулярное духовенство прибегает к содействию монахов; монахи, живущие по легкому уставу, призывают монахов устава строгого; последние обращаются к нищенствующим орденам, а нищенствующая братия уповает на картезианцев, среди которых единственно и скрывается благочестие, но так хорошо скрывается, что его почти никогда и не увидишь. Равным образом, верховные первосвященники, столь усердные в собирании денежной жатвы, препоручают эти тяжкие, сверхпостольские труды епископам, епископы — приходским священникам, приходские священники — викариям, викарии — нищенствующим монахам. Последние же в свою очередь обращаются к услугам тех, кто умеет стричь овец.

«Монахи навлекли на себя такую единодушную ненависть, что даже случайная встреча с монахом почитается за худую примету, а между тем, сами вполне собою довольны. Во-первых, они уверены, что высшее благочестие состоит в строжайшем воздер-

---

¹ Эразм Роттердамский. Указ. соч., глава LIX, с. 89—90.

жании от всех наук и лучше всего — вовсе не знать грамоты. Засим, читая в церквах ослиными голосами непонятные им псалмы, они пребывают в убеждении, что доставляют великую усладу святым. Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и поднимают страшный шум у дверей, требуя милостыню; назойливо толпятся они в гостиницах, заполняют повозки и корабли — к немалому ущербу для прочих нищих. Своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственному мнению, уподобляются в глазах наших апостолам. Приятно видеть, как все у них делается по уставу, с пунктуальностью чуть ли не математической, и боже упаси нарушить этот порядок. Предусмотрено раз навсегда, сколько узлов должно быть у монаха на башмаке, какого цвета пояс, какими признаками должна отличаться его одежда, из какой ткани подobaет ее шить, какой ширины должен быть пояс, какого покроя и размера капюшон, сколько вершков в поперечнике должна иметь тонзура и сколько часов отведено монаху на сон. Кому не ясно, сколь несправедливо такое внешнее равенство при естественном неравенстве умов и телесного сложения! И, однако, из-за этого вздора они не только мнят себя безмерно выше людей светских, но презирают и друг друга; дав обет апостольской любви, они раздражаются трагическими типами, завидев рясу чуть темнее обыкновенного или опоясанную не так, как следует. Между ними и таких увидишь строгих богомоллов, которые сверху обязательно носят грубое сукно, а исподнее шьют из полотна, другие же напротив, сверху бывают полотняными, а внутри шерстяными. Некоторые боятся притронуться к деньгам, словно к яду, но нисколько не опасаются ни вина, ни прикосновения к женщинам»¹.

«Какой комедиант или площадной крикун сравнится с ними, когда они разглагольствуют с кафедры, смехотворно подражая приемам и манере древних риторов?

Вместо этого Реформация предложила людям чистое учение Евангелия без человеческих преданий и злоупотреблений, и церковную структуру, основанную на принципах апостольской церкви.

Во-вторых, постоянный гнет, осуществляемый церковной инквизицией, система постоянной слежки, довела терпение людей до предела.

Средневековая государственная церковь, дабы сохранить свою власть над массами, которая обеспечивалась созданными ею же

---

¹ Эразм Роттердамский. Указ. соч., глава LIV, с. 78.

Пытка железным телом, часто применялась монахами-инквизиторами

лжеучениями — о бессмертии души, праве священников отпущать грехи, возможности купить прощение за деньги и тд. обрушивала страшные гонения на всех, кто просто говорил о Библии или читал, ибо написанное в этой Книге стало бы напрямую вскрывать её чисто языческие догматы, лишь прикрытые христианским названием и символикой, и одновременно с этим обличать жизнь ее прелатов, утопающих в роскоши и разврате.

По сути, сам институт инквизиции, самый страшный карательный аппарат, созданный когда-либо людьми, был направлен, в первую очередь, на борьбу с теми, кто хотел отстаивать библейское учение, и даже с теми, кто хотел просто искать его.

Ведущий средневековый богослов “Фома Аквинский создал целую теорию... по которой... следовал вывод: с одной стороны, ересь — неистребимая мерзость, а с другой — церковь должна „питаться еретиками“ во имя спасения всех верующих”¹!

Зверские пытки, применяемые монахами-доминиканцами при допросах, обставлялись еще и ханжескими приемами и объяснениями.

Так, «пытка, которая могла применяться только один раз, продолжалась до тех пор, пока обвиняемый не сознавался. Если обвиняемое лицо от слабости теряло сознание при пытке, то говори-

¹ Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 100.

ли, что дьявол усыпил это лицо; если оно страдало конвульсиями, то говорили, что дьявол смеется из него; если оно стойко держалось, то говорили, что дьявол дает ему силу. Эти преследования распространились, как эпидемическая болезнь, в Италии, Франции, Испании и Германии»¹.

История нам сохранила массу страшных примеров того, как государственная церковь истребляла всех, кто был не согласен с ее учением.

«Зверства, устроенные в Лангедоке этими защитниками истины, не поддаются описанию. Вот, что сделали они, захватив Бецирс. “Началась ужасная бойня, мужчины, женщины, дети, духовенство и священство убивались под зловеющий звон колоколов, исполняющих мелодию зауспокойной песни до тех пор, пока не был закончен труд истребления. Толпы испуганных женщин и детей бежали в помещение церкви в тщетной надежде найти спасение в святом месте.

Убийцы настигали их и там, ни одна душа не осталась в живых. Через несколько часов из многочисленного населения города не уцелело ни одной единственной души. Груды тел громоздились на улицах и площадях, загромождая движение”². Вскоре был взят город Лафур, в котором также “началось всеобщее истребление. Мужчины, женщины и дети буквально были изрублены на куски. Лишь небольшая часть гарнизона и некоторые выдающиеся личности избежали истребления мечом этими осатаневшими убийцами, чтобы быть подвергнутыми более изощренным пыткам.

Четыреста жителей города под ликование солдат были сожжены на огромном костре. На фоне этой кровавой сцены стояли монахи и легаты и пели: „Приди, дух святой!”³” Какое страшное и циничное богохульство, ставшее символом будущего ордена доминиканцев — монахов инквизиторов. Но в чём же был грех этих несчастных людей, которых пытали и сжигали монахи и рыцари. “Ничего плохого о них невозможно было сказать. Их единственный грех состоял в том, что они во всех делах веры и богослужения основывались на Священном Писании и только единственно на нём.

Они отвергали всю систему религий, основывающихся я на преданиях, как это практиковалось в римской церкви. В жизни и учении они являлись истинными свидетелями Христа и просто-

¹ Гегель. Указ. соч., с. 326.

² Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 650.

³ Там же. С. 660.

ты Евангелия, но были противниками богатства, власти и идолопоклонства господствующей церкви¹”.

Папские подручные “истребили в ходе 20-летней кровопролитной войны в Лангедоке свыше **миллиона (!) мирных жителей**”².

И вот, наконец, когда вся Южная Франция лежала в крови, папа решает закрепить победу и одновременно предупредить дальнейшее распространение ересей, созвав церковный собор в Тулузе (1229 год).

Согласно решениям данного собора, еретиком объявлялся всякий, кто не принимал власть римского престола. За выдачу еретика церковь обещала платить доносчику по 4 серебряных марки. Дом еретика должен был быть сожжен, а сам он уничтожен.

Однако, самое вопиющее в решениях собора было ни в этом. Оно состояло в том, что отныне “запрещалось светским лицам чтение Священного Писания на народном языке”³.

Запрещалось не только чтение Библии на национальном (французском, итальянском) языке, но и на латинском, и даже просто иметь в доме Библию. Чтение и обладание Библии “становилось прерогативой исключительно духовенства. Этот запрет церковь не замедлила распространить на верующих и других стран”⁴. Вместо этого Реформация провозгласила принципы свободы совести и равенства людей пред Богом.

В-третьих, непомерные политические претензии духовенства вызвали недовольство значительнейшей части князей и герцогов.

Это состояние слабости государей ясно показывает, что папы достигли того, что сделались всемирными монархами и что они повелевали царями неограниченным образом, с уверенностью в их повиновении, с каким бы отвращением эти цари ни подчинялись, потому что всякое сопротивление возбудило бы мщение Рима и заставило бы скипетр выпасть из их рук. Папы приобрели эту громадную власть постепенно, заручаясь благоприятным мнением народов при помощи горячего усердия, которое они прилагали к делу сохранения чистоты догмата и к искоренению ересей. Доведя государей до положения, так сказать, своих вассалов, они дерзнули запретить им допускать в своих государствах еретиков и приказать им выгнать их без возврата”⁵. «Такова была римская церковь, теократическая папская церковь той эпохи, когда солнце средневековья стояло в зените.

¹ Миллер. Указ. соч. Т. 1. С. 641.

² Григулевич. Указ. соч. С. 94.

³ Льоренте. Указ. соч. Т. 1. С. 89.

⁴ Григулевич. Указ. соч., с. 94.

⁵ Льоренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. — М.: Ладомир, АСТ, 1999. — Т. 1, с. 66—67.

Реформация же взяла курс на отделение церкви от государства, утверждение крепких национальных государств.

В-четвертых, система средневековой церкви пресекала всяческое стремление к знаниям, и тем более, возможность получения его.

Папство всегда резко выступало против просвещения и всеми силами пыталось остановить книгопечатание. Так, в частности папа Климент VII писал германскому императору Карлу V в 1527 г. следующее: «Мы требуем, чтобы народы вечно оставались покорными власти священников и царей. Необходимы костры. Надо убивать и жечь. Прежде всего над» истребить ученых. Надо положить конец книгопечатанию»¹.

Система средневековых университетов, подавляющая часть которых была под полным контролем папства и базировалась на разработанном им же схоластическом учении, к началу эпохи Реформации полностью выродилась.

Представители схоластики, будучи богословами, собрали и систематизировали все известные до них как научные, так и богословские исследования, объединив их в единую систему с единственной целью: оставить это неизменным на все последующие времена². Целью схоластов было, с одной стороны, примирить догматы церкви и разум, а с другой — систематизировать церковные догматы в единую систему.

Таким образом, сама возможность появления чего-то нового исключалась в принципе. Учитывая же господство Западной средневековой церкви, эта «защита» науки от дальнейшего развития осуществлялась с помощью меча и костра. Все положения схоласты призывали брать на веру, попытки же дать им научные обоснования приравнивались к неверию и ереси. Они подчинили разум церковному авторитету, которому была подчинена ими и сама Библия. При этом одними из своих авторитетов они избрали Аристотеля и Галена, научные труды которых отныне стали последней точкой во всех отраслях знаний. Тот же, кто не соглашался с теми или иными взглядами Аристотеля или Галена, объявлялся еретиком и подвергался сожжению.

При этом даже доказательства положений Аристотеля или Галена схоласты проводили умозрительным, а не экспериментальным путем, что привело, в конце концов, к вырождению схоластики вообще и превращению ее в интеллектуальную софистику.

¹ История папства и инквизиция. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 54.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008 — 2010. — Т.5, с. 361.

Церковь открыто объявляла любые научные или технические новшества грехом!¹ Более того изобретать что-либо новое считалось безнравственным!²

«Ревностные служители церкви усердно стали уничтожать все следы мысли и науки древних греков и римлян, у которых уже много было накоплено в области наук и искусств, разрушали памятники их искусства, жгли библиотеки.

«Неведение — мать благочестия» — сделалось правилом... во имя такого благочестия уничтожалось все, что могло внести светлый луч в темное сознание полуязыческих народов, варварских народов, усвоивших себе только внешнюю, обрядовую сторону христианской веры»³.

«Отцы и учителя церкви стали мало-по-малу считать божественной истиной свои собственные мнения, а все, что было не согласно с ними, — греховным и еретическим. Благодаря этому, нередко они осуждали и самое простое, естественное стремление человеческого духа исследовать окружающий нас видимый мир»⁴.

Один из таких учителей церкви, выступая против теории о шарообразности земли, писал следующее. «Возможное ли дело, чтобы люди были так безумны и верили, что хлеба и деревья висят по другую сторону неба вниз и что люди держат ноги выше головы»⁵.

2.2. Достижения Реформации

Рассматривая данную тему, необходимо еще раз подчеркнуть, что основная причина зарождения Реформации была духовная: люди, наконец-то, узнали долго скрываемую истину, что Бог есть Спаситель, а не только Судья, стремящийся наказать и покарать, что можно иметь общение со Христом и получать Его любовь и благодать и помимо церковной организации. Власть же церкви зиждилась на том, что в ее руках находится единственный путь спасения людей.

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

³ Величина. Указ. соч., с. 13—14.

⁴ Величина. Указ. соч., с. 13.

⁵ Величина. Указ. соч., с. 13.

В рамках одной главы мы, безусловно, не можем представить все те достижения, которые принесла Реформация всему миру, но это и не является нашей задачей, ибо ее рассмотрению посвящены десятки капитальных трудов. Поэтому мы ограничимся лишь рассмотрением базовых завоеваний, которые дала Реформация, четко продемонстрировав, что вера — это не просто отвлеченное понятие, но что она коренным образом меняет и жизнь всего общества во всех его сферах, и жизнь отдельно взятого человека.

Профессор Ф. Шафф в связи с этим отмечает следующее. «О духе и цели евангельского протестантизма лучше всего говорил апостол Павел в своем Послании к Галатам: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». Христианская свобода — такое бесценное благословение, что никакие злоупотребления не могут оправдать возвращение в состояние духовного деспотизма и рабства. Но только те, кто наслаждался ею, могут правильно ее оценить. Реформация сначала была чисто религиозным движением. Она показывает нам поразительный пример всепроникающей силы религии в истории.

Она началась с вопроса: «Что должен сделать человек, чтобы спастись? Как грешник может быть оправдан перед Богом и успокоить свою тревожную совесть?» Реформаторы, прежде всего, заботились о спасении души, о славе Христа и о победе Его Евангелия. Они гораздо больше думали о грядущем мире, чем о теперешнем. Все политические, национальные и литературные интересы они подчиняли религии.

Однако реформаторы не были монахами. Они были живыми людьми, которые жили в «живое» время. Они были не пессимистами, а оптимистами, людьми действия, а не только мыслителями, искренними, сильными, полными надежды, свободными от эгоистичных мотивов и целей, исполненными веры и Святого Духа, соравными всем своим предшественникам со времен апостолов.

Из центра, находившегося в религиозной жизни, они оказали влияние на все стороны человеческой жизни и деятельности и дали мощный импульс развитию политической и гражданской свободы, богословия, философии, науки и литературы.

Реформация устранила препятствия, которые средневековая церковь поставила между Христом и верующим. Реформация открыла путь к непосредственному союзу со Христом, как единственным Посредником между Богом и человеком, и сделала Его Евангелие доступным для каждого человека, устранив необ-

ходимость заручаться позволением священников. Реформация была возвращением к неискаженному человеческими преданиями Слову Божию, и по этой самой причине — великим достижением.

Это было возрождение изначального христианства, и в то же время — его более глубокое понимание и применение, чем когда-либо прежде.

У Реформации есть три фундаментальных принципа: превосходство Писания над преданием, превосходство веры над делами и превосходство христианского народа над священством. Первый принцип может быть назван объективным, второй — субъективным, третий — общественным или церковным. Все они сводятся к одному принципу — церковной свободы или свободы во Христе.

Окончательная задача евангельского протестантизма — привести каждого человека к живому союзу со Христом, как единственным и вседостаточным Господом и Спасителем от греха и смерти»¹.

● Реформация и образование.

Великая Реформация сокрушила несколько основных препон, стоящих на пути просвещения и прогресса.

Во-первых, схоластическую систему образования средневековой церкви. Систему, которая зиждилась на языческих и суеверных принципах, которая выступала против получения каких-либо знаний.

Во-вторых, Реформация, отвергла принцип противопоставления науки и веры, который отстаивала средневековая церковь. Реформация, основываясь на Библии, показала, что наука не противоречит вере, напротив, новые научные открытия раскрывают мудрость устройства Вселенной и величие ее Создателя.

В-третьих, Реформация, провозгласив равенство всех людей перед Богом, вне зависимости от их социального, расового, гендерного или национального положения, открыла равные возможности всем для получения образования.

В-четвертых, Реформация сокрушила средневековые суеверия и показала полную антинаучность астрологии, хиромантии и др. проявлений оккультизма. Она провела четкую грань между наукой и псевдонаукой.

---

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 7, с. 17—18.

В-пятых, Реформация провозгласила, что каждый человек должен знать и читать Библию, а для этого требуется получение образования.

Благодаря всему этому, уже в ближайшие годы после начала Реформации открываются новые университеты, а обучение в прежних претерпевает полное изменение и переход со схоластической системы на подлинно научную. Плодом этого явилось поступление в университеты талантливых детей бедноты, о чем раньше нельзя было и подумать, и совершение великих научных открытий. Практически каждая современная наука получает свое подлинно научное рождение именно в эти годы.

Прямым следствием Реформации становится и массовое открытие школ, а точнее, основание обязательной системы образования. У истоков ее создания стоят выдающиеся педагоги-реформаторы, базировавшие свои труды исключительно на принципах Библии.

Одним из самых выдающихся из них был Ян Амос Коменский (1592—1670), которого с полным правом называют отцом современной педагогики.

Последний в своих трудах писал: «Все люди, которые только родились, — произошли на свет с одной и той же главной целью: быть людьми, т. е. разумными существами, владыками тварей, ярким подобием своего Творца.

Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя науку, добродетель и религию, могли с пользой пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей»¹.

«Что бы ни изучало христианское юношество после Священного Писания (науки, искусство, языки и пр.), — все должно изучаться в подчинении Писанию, а именно, чтобы юношество могло заметить и точно увидеть, что все есть чистая суэта, если оно не относится к Богу и будущей жизни»².

«Итак, следует как можно более заботиться о том, чтобы в искусство внедрять настоящим образом нравственность и истинное благочестие было поставлено надлежащим образом в школах»³.

Об этом он писал в то время, когда понятие нравственности сошло, практически, на нет, религиозность сводилась к выполне-

¹ Коменский Ян Амос. Избранные педагогические сочинения. — М.: Учпедгиз. 1939. — Т. 1, с. 112.

² Коменский. Указ. соч., т. 1, с. 240.

³ Коменский. Указ. соч., т. 1, с. 229.

нию определенных обрядов, а вера в Бога была заменена темными суевериями.

Этому Коменский и другие протестантские реформаторы-педагоги придавали первостепенное значение, ставя его в основу всей системы образования и подчеркивая, что подлинно образованным, грамотным членом общества, приносящим ему действительную пользу, может быть только глубоко верующий человек, с высокими моральными принципами. Одновременно с этим, «протестантизм также оказал влияние на земные и духовные интересы человека. Утверждение, что оправдание получается только верой, знаменовало возрождение религиозного индивидуализма, который был утрачен в Средние века»¹.

● Реформация и медицина.

Исследуя влияние Реформации на развитие медицинской науки, забегаю несколько вперед, мы можем выделить несколько основных положений, которые затем будут нами рассмотрены детально.

Реформация привела, как мы указывали выше, к крушению средневековой системы образования, зиждившейся на схоластике, суевериях и противопоставлении науки и религии, что дало принципиально новое направление в медицине и отказу от лечения заговорами, «зубами дракона», «настойкой лунного света» и т. д.

Реформация способствовала учреждению университетов с подлинно научной программой обучения и внедрению широкой системы школьного образования, что существенным образом повысило общий уровень грамотности населения и возможности подготовки квалифицированных медицинских кадров.

Реформация привела к созданию экспериментальной медицины, бурному развитию анатомии и физиологии, которые преследовались в Средневековье инквизицией, заложив тем самым фундаментальную базу для исследования патологических состояний.

Реформация способствовала подлинно научному рассмотрению понятия болезни, отказавшись от темных средневековых понятий в ее развитии — роли звезд, сглаза, проклятий и пр. и выработке на основании этого принципов патогенетической терапии тех или иных заболеваний.

Реформация заложила принципы психосоматической медицины, говорящей о неразрывности психо-эмоциональных особенностей человека, его характера, социального окружения с течением того или иного заболевания.

---

¹ Кернс. Указ. соч., с. 298.

Именно в странах, принявших учение Реформации, были основаны первые подлинно научные медицинские факультеты университетов, основаны первые государственные больницы.

И по сей день страны, принявшие Реформацию, обладают лучшими в мире высшими учебными медицинскими учреждениями и клиниками, а государство в значительнейшей степени, если не полностью, участвует в страховании граждан.

● Реформация и семья.

Основой любого общества является семья, названная метко «ячейкой общества». Именно от устоев, принятых в семьях, в конечном счете, зависит состояние и особенности всего общества, а значит, и государства. К сожалению, средневековая церковь, проповедуя внешнюю форму святости и целомудрия, практически разваливала, как это ни парадоксально звучит, сам институт семьи.

«Реформация изменила моральный идеал, возвысила семейную и общественную жизнь. Средневековый идеал благочестия — это бегство от греховного мира, а современный идеал — его преобразование. Образцовый святой средневековой церкви — это монах, далекий от удовольствий и обязанностей общества.... Образцовый святой евангельской церкви — это свободный христианин и полезный гражданин общества, который демонстрирует свое благочестие, исполняя общественные и семейные обязанности.

Первый старается победить мир, убегая от его искушений, но, в конечном итоге, не может убежать от плоти, мира и дьявола в собственном сердце. Второй побеждает мир, преображая его. Первый воздерживается от брачного пира, а второй посещает его и превращает воду в вино. Первый избегает женщины как искушения, а второй относится к ней с расположением сердца и отражает в своем браке святой союз Христа с Его Церковью. Первый стремится достичь целомудрия через воздержание, а второй проявляет его в своей семье. Первый отказывается от всякого земного имущества, а второй пользуется им на благо ближним. Первый ждет счастья небесного, а второй уже счастлив на земле, делая счастливыми других. Ежедневные обязанности и испытания семейной и общественной жизни — это более достойная школа моральной дисциплины, нежели монашеское безбрачие и нищета. Добродетели и милосердие женщины служат необходимым дополнением к добродетелям мужчины и формируют его характер. Исключения есть, но они только подтверждают правило»¹.

¹ Шафф. Указ. соч., т. 7, с. 290.

Согласно учению средневековой государственной церкви «Брак и частная собственность также относятся к «греху» и должны быть либо совершенно упразднены (посредством безбрачия и коллективного хозяйствования монастырской жизни), либо полностью предоставлены «божественной», т. е. церковной, общине. «Природа создала право общественной собственности, — говорил Амвросий, учитель Августина, — а захват создал из него право частной собственности». Папа Григорий Великий (590—604) довершил еще не имеющее места у Августина уравнивание Царства Божия и Церкви, а около середины IX в. псевдоисидоровские декреталии уже открыто требовали устранения частной собственности во имя коллективного владения, провозглашая коммунистический идеал «совершенных», т. е. отрекшихся от «грешного» мира людей, основой общественной и государственной жизни. Августин рассматривал труд как средство умерщвления греховной плоти, необходимое для внутреннего спасения. Поэтому он говорил о бесцельности тех, кто трудиться ради обеспечения своих детей. Спустя несколько веков церковь объявила «греховным» уже самое право наследства, утверждая, что завещание своего имущества детям, а не церкви, действует вопреки «воли Божией»... В 1374 году папа Григорий XI предал официально осуждению германское наследственное право, как «противоречащее Божественной заповеди»¹.

Лютер и другие реформаторы уделяли огромное влияние моральному состоянию общества, из которого и складываются семьи.

Учение Реформации принесло мир, покой и радость в семьи, разрушив средневековые суеверные страхи. «Многие христиане... находили в учении [Реформации] теологическую опору, помогавшую им превозмочь царящий повсюду страх. Совершив подлинный культурный переворот, а именно, устранив коллективный страх,

Реформация привлекла к себе множество адептов. Последователь учения Реформации знал: он оправдан самой своей верой, именно его вера обеспечивает ему статус Божьего избранника и спасение»².

Таким образом, были созданы все базовые условия для успешного развития общества и проведения ключевых реформ.

¹ Фокин. Указ. соч., с. X.

² Констан Ж-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 132.

• Реформация и гражданские свободы

Соответственно библейскому учению, Реформация коренным образом меняет одну из основ средневековой церкви, которая делила всех людей на святой образованный клир и греховный, невежественный в духовных вопросах, мир, который должен быть полностью подотчетен клиру. «Общественный или церковный принцип протестантизма — это всеобщее священство верующих, в отличие от особого священства, которое считается посредником между Христом и мирянами.

Средневековая церковь — это элитарная иерархия. Мирянам она оставляет позицию пассивного послушания. Епископы — это наставляющая и правящая церковь. Они одни составляют собор или синод и обладают исключительной законодательной и административной властью. Миряне не имеют права голоса в духовных вопросах. Они не могут даже читать Библию без разрешения священника, который владеет ключами от небес и ада.

В Новом Завете каждый верующий назван святым, священником и царем. Все христиане, — говорил Лютер, — воистину духовны, и между ними нет разницы, кроме занимаемых должностей. Апостол Павел говорит, что мы — это одно тело, хотя каждый член выполняет свою работу, служа другим. Это потому, что у нас одно крещение, одно Евангелие, одна вера, и все мы — в равной мере христиане; ибо только крещение, Евангелие и вера делают людей духовными, христианами. И еще: «Вера делает людей священниками, вера объединяет их со Христом и наделяет их Святым Духом, через Которого они исполняются святой благодати и небесной силы. Это внутреннее помазание, это елей, который лучше любого елея, когда-либо исходившего из сосуда епископа, наделяет их не только именем, но и природой, чистотой, властью священников; в этом помазании — все, что приняли верующие во Христа».

Этот принцип делает мирян активными сотрудниками в руководстве и управлении церковью. Они получают право голоса при избрании пастыря. Каждый член общины становится полезен для общего дела в зависимости от своего особого дара. Этот принцип — источник религиозной и гражданской свободы, которые процветают в большинстве протестантских стран. Религиозная свобода порождает свободу гражданскую. Всеобщее священство христиан законным образом провозглашает их всеобщую царственность, независимо от того, живут они в монархии или в республике.

Благой эффект этого принципа проявился в распространении знаний о Библии среди мирян, в народных гимнах и в пении общины, в появлении старейшин-мирян, в благочестивом устремлении городских властей к нравственному усовершенствованию общества и к всеобщему образованию»¹.

«Реформация была великим актом освобождения от духовной тирании и восстановлении священных прав совести в вопросах веры. Смелое выступление Лютера на Вормском рейхстаге перед лицом папы и императора, — одно из величайших событий в истории свободы, и его красноречивое свидетельство будет звучать в веках. Чтобы сокрушить власть папы, который называл себя и считался зримым наместником Бога на земле и владел ключами от царства небесного, требовалось больше моральной смелости, чем для того, чтобы выдержать тысячу битв, и скромный монах сделал это силой своей веры.

Если в последнее время развивалась гражданская и религиозная свобода, то этим мы в значительной степени обязаны вдохновляющему и героическому поступку Лютера»²

«Величайшая задача того времени заключалась в освобождении людей от нравственного и умственного гнета католической церкви, мешавшего улучшению жизни во всех ее проявлениях. От этого гнета нужно было освободиться прежде всего ради дальнейшего движения жизни, и этому великому делу освобождения совести и мысли служила Реформация и в значительной степени осуществила его»³.

«Быть свободным, познавать Бога становится отныне высшим назначением человека. Такого назначения Восток не знал. Не знала его также и христианская Церковь до Лютера, отрицающая за человеком всякое право на проявление самостоятельности, на всякую жизнерадостность в этом мире...

Таким образом, рассматривая Реформацию как проявление полуторатысячелетней борьбы Востока и Запада в лоне христианской Церкви, можно сказать, что восточной неопределенной всеобщности или, как выражается Гегель, «лишенному мысли восточному созерцанию» учение Мартина Лютера противопоставило европейскую определенность рассудка в форме свободы единичного самосознания.

¹ Шафф. Указ. соч., т. 7, с. 23.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 7, с. 39.

³ Порозовская. Указ. соч., с. 165.

На Востоке высшая цель человека — это состояние, нирвана, в которую следует перейти, утратив самого себя. Для Лютера высшая цель и основа бытия человека заключаются в его деятельности, в познании Бога как Откровения, совершающегося в самом человеческом духе. Каждый человек, согласно учению Лютера, достоин такого познания, каждый человек имеет в себе Божественное начало»¹.

«Провозглашение духовного равенства людей вело к выдвижению требования об их политическом равенстве. Таким образом, Реформация содействовала демократии не только в Церкви, но и в государстве»².

И сегодня наиболее демократические страны — это протестантские страны: Германия, США, Канада, Великобритания, Швейцария, Швеция, Финляндия, Дания, Австралия. В них человек наиболее защищен.

● Реформация и экономическое процветание.

Великая Реформация нанесла смертельный удар по феодальной системе средневековой Европы, которая деятельно оберегалась средневековой церковью и которая своим авторитетом освящала феодальные порядки.

Средневековая церковь была заинтересована в феодальных отношениях потому, что, **во-первых**, она сама выступала крупнейшим феодалом, владея несметным количеством земель, замков, крепостей, сотнями тысяч крепостных крестьян.

«Величайшим собственником того времени являлась Церковь, выступающая в роли средневекового государства. Изъяв церковное имущество, Лютер ввел в оборот огромные массы капитала, а открыв ворота монастырей, создал тем самым предпосылки для подъема и развития хозяйственной промышленности»³.

Во-вторых, феодальная система поддерживала раздробленность каждого из европейских государств, а это было очень выгодно церкви, так как сильная власть могла выступить ей конкурентом. В состоянии же феодальной раздробленности было намного легче манипулировать на несогласиях герцогов, королей и баронов.

¹ Фокин И. Мартин Лютер и немецкая реформация // В кн. Мартин Лютер. 95 тезисов. — СПб.: Роза мира, 2002. — С. VII-VIII.

² Кернс. Указ. соч., с. 298—299.

³ Фокин. Указ. соч., с. XV.

Продажа индульгенций. Средневековая гравюра

Но эта же самая феодальная раздробленность поддерживала постоянные войны между странами, препятствовала развитию экономики, усложняла торговлю.

И вот Реформация, сокрушив необъятную власть средневековой церкви, с одной стороны, открывала, как мы уже говорили, широко двери для просвещения, а, следовательно, для научных открытий, а с другой — нанесла смертельный удар феодальной раздробленности, открыв тем самым двери для построения полноправных, единых, крепких, с Конституциями, базирующихся на принципах Библии, национальных государств с твердой развивающейся экономикой.

В-третьих, Реформация сокрушила небиблейское представление средневековой церкви о том, что праведный человек — это человек бедный. И сама бедность чуть не является эквивалентом праведности. Значительная часть святых вообще рисуются нищими людьми. Зарабатывать и откладывать средства считалось греховным делом, хотя, сама церковь, проповедуя эту аскезу, жила на весьма широкую ногу. Поэтому дома в эпоху Средневековья были в подавляющем большинстве грязные, как и вся структура средневекового города.

Наука была приравнена средневековой государственной церковью к ереси, а образованность была объявлена привилегией лишь высших классов общества и священства. Понятно, что при таких базовых, составляющих ни о каком развитии экономики не могло даже в принципе идти речи.

«Реформация также стимулировала капитализм... Стремление к экономии, к развитию промышленности, к отдалению от дорогостоящих мирских развлечений привело к накоплению сбережений, которые можно было использовать как капитал для новых экономических предприятий»¹.

«Лютер впервые выводит взгляд на всякий человеческий труд как на служение ближнему, заповеданное Евангелием, благодаря которому «весь мир исполняется Богослужением». Это значение труда выступило в великой заповеди Реформации «Работа, а не милостыня»...

Упразднив нищету как добродетель монастырской аскезы, Лютер тем самым выступил основателем государственной социальной политики. Вместе с новым пониманием человеческого труда он выразил также новое понимание проблемы бедности и нищеты. Согласно средневековым воззрениям, давать милостыню считалось христианским долгом, заповеданным Библией, благодаря которому дающий искупает свои грехи. Милостыня считалась «святым ремеслом», и Средневековые вообще не задумывались о том, как устранить саму нищету и бедность. Пользуясь набожной доверчивостью, столь многочисленные представители «святого ремесла» совершенно естественно выпадали из народнохозяйственной жизни, и, таким образом, попрошайничество делало невозможным какое-либо рациональное попечение о бедняках.

Разделив людей на способных и неспособных к трудовой деятельности, Лютер призвал заботиться лишь о нетрудоспособных и нуждающихся в помощи; всем же трудоспособным, но не имеющим ремесла, он распорядился предоставить какую-нибудь работу. Выдвинув первую программу социального попечительства, Лютер заложил основание, по духу полностью соответствующее современной социальной политике Германии, Швеции и других передовых стран.

Отстаивая государственное попечительство о бедных, Лютер, таким образом, превратил бедность и нищету из церковной — в социальную проблему.

Случайным и произвольным подачкам он противопоставил право на труд, индифферентному отношению к нищете — ответственность общества за нуждающихся.

Таким образом, в социальной политике Лютера, основанной на системе накопления трудового народного капитала, можно

---

¹ Кернс. Указ. соч., с. 299.

также видеть и начало немецкого социализма, противостоящего обиранию трудового народа, отрешенного от участия в прибыли с производимого им капитала»¹.

В-четвертых, Реформация нанесла мощнейший удар по системе ростовщичества, который всячески поощрялся правящей средневековой церковью.

«В 1519 г. Лютер издал «малую» и «большую» проповедь «О ростовщичестве», которое «в наше время мощно вырвалось во всем мире» и зашло уже так далеко, «что мы уже почти не обращаем внимания на святое Евангелие». В 1524 г. последовало сочинение «О торговле и ростовщичестве», в котором Лютер предостерегает не путать честную торговлю с нечистоплотным, ищущим нужду ростовщичеством, своими займами и кредитами закабаляющим целые народы. Честный купец, говорит Лютер, должен получать за свой товар столько, во что обошлись ему его собственные расходы, его старания, труды и опасности. «Кто же станет бесплатно служить и работать?» Здесь Лютер вообще развивает взгляд на принцип заработка трудящегося человека, выступающий, согласно его рассуждению, основой вычисления его расходов. Повышение интенсивности труда, утверждает Лютер, должно вести и к повышению заработка. «Большая, требующая много усилий работа и время, затраченное на нее, должны быть и хорошо оплачены».

Никакой «уравниловки» и «потолка» заработка, приговаривающих трудящихся работодателями к бесцельному поддержанию своего существования. Человеческий труд надлежит оплачивать в соответствии с его участием в увеличении и развитии производимого им капитала.

Наконец, в 1540 г., уже в 57-летнем возрасте, Лютер опять возвращается к этой болезненной для каждого государства теме, в своем обращении «К священникам проповедовать против ростовщичества».

Он требует от них «учить народ смотреть на ростовщиков и займодавцев как на воплощенного дьявола; турки, татары и язычники — это сущие ангелы по сравнению с ростовщиками». «Была когда-то Германия, — восклицает он, — но отвратительная жадность и лихоимство погубили ее». В этой связи Лютер обрушивает весь гнев своего христианского и немецкого убеждения на евреев, которые, занимаясь ростовщичеством, наживаются на беде своих ближних. «Евреи живут у нас в доме, — говорит он с возмущением в сочинении 1543 г. «О евреях и их лжи», — под нашим

¹ Фокин. Указ. соч., с. XIII—XIV.

прикрытием и защитой, пользуются нашими землей и улицами, рынками и площадями. При этом князья и правительство спят с открытым ртом, позволяя евреям брать из своего открытого кошелька, грабить и воровать, что им вздумается, т. е. позволяют высасывать соки и сдирать кожу с самих себя и со своих подданных, делаясь попрошайками своих собственных денег... Евреи, таким образом, стали господами на нашей собственной земле... Если вор украдет 10 гульденов, его повесят, если он ограбит на улице, его лишат головы. Но еврей, ворующий 10 тонн золота и грабящий своим ростовщичеством, ценится у нас дороже самого Бога». «Все, что имеют евреи, они украли у нас своим ростовщичеством».

Лютер предлагает средство избавиться от еврейского ростовщичества. «Надо дать молодым и сильным евреям и еврейкам в руки молотило, топор, мотыгу, прялку, веретено, и пусть они начнут добывать свой хлеб»¹. Здесь стоит особо отметить, что собственно хорошо и видно из текста, что Лютер никогда не был антисемитом, выступая только против занятий ростовщичеством.

Лютер пишет следующее. «Несомненно, величайшее несчастье немецкой нации заключается в ростовщичестве. Если бы его не было, то многим пришлось бы оставить непроданными свои шелка, бархат, золотые украшения и всякого рода роскошь. Оно существует немногим больше ста лет и уже повергло всех князей, монастыри, города, дворянство и наследных владетелей в бедность, горе и погибель; если оно просуществует еще сто лет, то в Германии не останется, должно быть, ни одного гроша и, наверно, нам придется пожрать друг друга. Дьявол выдумал его, а папа упрочил и разнес несчастье по всему миру. Поэтому я молю и взываю: пусть подумает каждый о погибели своих детей, своего наследия и себя самого, о погибели, которая не стоит у дверей, но уже вошла в дом, и пусть император, князья, владетели и города содействуют тому, чтобы лихоимство было осуждено и запрещено отныне, не обращая внимания, что против этого будет папа и все его право или бесправие и что все лены или церковные учреждения основаны на этом. Лучше учредить в каком-нибудь городе один лен на справедливом наследственном владении или процентных капиталах, чем сто ленов на заемных ссудах. Да, один ростовщический лен хуже и обременительней, чем двадцать, основанных на наследственном владении! Ростовщичество поистине образ и знамение, что мир продан дьяволу за тяжкие грехи,

¹ Фокин. Указ. соч., с. XVI—XVII.

ибо одновременно земные и Духовные блага наши осквернены преступлением; и, однако, мы еще ничего не замечаем»¹.

Удар по системе ростовщичества способствовал активизации и развитию экономики, а также существенному улучшению уровня жизни.

И история действительно четко показывает, что наиболее стабильными странами, как в политическом, так и экономическом отношении являются страны, принявшие протестантизм. Они лишены революций, социальных потрясений, ибо основаны на принципах демократии и обеспечения благосостояния своим гражданам, а именно отсутствие этих принципов и ведет к социальным потрясениям. Особенно ярко это видно на сравнении стран Северной Америки (США, Канада), принявших протестантизм и имеющих на его основе свои Конституции, и стран Латинской Америки, не принявших протестантизм.

Заключение

1. Великая Реформация, основанная на принципах Евангелия, привела к падению феодального строя, ликвидации феодальной раздробленности, института инквизиции, средневековой системы образования, зиждущейся на принципах схоластики, отделению церкви от государства и лишению ее политической власти, крушению средневековых медицинских представлений, основанных на суевериях и оккультизме.

2. Великая Реформация способствовала развитию и прогрессу экономических отношений, построению сильных национальных государств, коренной перестройки системы образования и ее построение на подлинно научных основах, возможности получения образования, в том числе, медицинского, вне зависимости от социального положения, ликвидации дискриминации по расовому, национальному и гендерному признакам, уничтожению института рабства, обретению гражданских свобод, бурному развитию науки и техники, повышению морального уровня общества, укреплению института семьи.

3. Великая Реформация показала прямую связь между принятием Евангельского учения, внедрением его в повседневную жизнь и социально-экономическим, культурным и моральным процветанием общества, что способствовало в дальнейшем и созданию эффективной системы здравоохранения.

---

¹ Лютер Мартин. Указ. соч., К христианскому дворянству немецкой нации, 27, с. 83.

Глава 3

КОНТРЕФОРМАЦИЯ ИЛИ НАЗАД В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Движение Великой Реформации потрясло все устои и институты средневековой Европы, открыв перед ней двери в Новое время. Однако, не все были заинтересованы в этом и в первую очередь, самый богатый феодал Средневековья — государственная церковь, которая, с одной стороны, с крушением феодальных отношений теряла свою материальную базу в виде несметного числа земель, городов, замков и полузависимых крестьян, а с другой — вследствие разоблачения в ходе Реформации ее лжеучений и злоупотреблений, теряла свою духовную власть над народами, которая, впрочем, обеспечивала ей и финансовое процветание и политическое могущество.

Для спасения сложившейся ситуации папство прибегло к старому и надежному средству — созданию новых религиозных орденов.

Примечательно, «что всякий значительный поворот в жизни католической Церкви знаменуется учреждением какого-либо монашеского ордена; таковы ордена бенедиктинцев, рыцарей монашеских орденов, ордена нищенствующих и пр.

Но эти старые ордена изменили папству среди последней бури. Великая распря была начата августинцем, и масса его братий покинула «двор овчий». И при отпадении городов или областей в движении участвовали тоже францисканцы, доминиканцы»¹.

И потому папство начинает создавать новые ордена, которые в отличие от вышеперечисленных не были дискредитированы в глазах людей своей историей и деяниями.

Орден тиетинцев. Первым таким орденом, созданным кардиналом Гаэтано ди Тиене в 1524 году становится орден тиетинцев. Этот орден предписывал священникам жить под тройным обетом: бедности, целомудрия и послушания, разрешая при этом служить людям так же, как это делали приходские священники. Общественное служение и проповеди этих священников должны были возродить авторитет папства. Орден состоял из представителей аристократических семейств Италии. Противники протестантизма поняли, что без проповеди своего учения они потеряют всех сторонников, и потому целью этого ордена была проповедь папских догматов среди народа.

¹ Иерер. Указ. соч., т.3. с. 118.

Орден капуцинов. Практически одновременно с тиетинцами в 1525 году Маттео де Баскио основывает орден капуцинов, являющийся реформированным крылом ордена францисканцев и получивший свое название по заостренному капюшону (с итал. *sarrucino* — капюшон), который носили его представители. В отличие от францисканцев, которые к тому времени уже реально практически не соблюдали обеты целомудрия и нестяжательства, капуцины вели простой (по крайней мере, внешне) образ жизни, чем пытались показать нестяжательный характер церкви, авторитет которой в те дни, как мы рассматривали выше, был существенно подорван страшными хищениями и мздоимствами¹.

Орден урсулинок. Для популяризации государственной церкви среди женщин Анжелой Меричи в 1535 году создается орден урсулинок, целью которого становится забота о больных и обучение девушек.

Однако, все эти три ордена, хотя и были новы по своему созданию, но базировались на принципах прошлых веков, и потому никакой существенной роли в поддержании авторитета папского престола сыграть не могли. К тому же, народ, которому реформаторы дали в руки Священное Писание на национальных языках теперь мог легко увидеть все несоответствия папских догматов с Библией и потому их проповедь была обречена на провал. Аскетичный образ жизни на протяжении многих веков вели многие ордена, но народ хорошо знал, что за личиной показной бедности ими были накоплены несметные богатства, а за внешней аскезой таился страшный разврат, равно, как и обители женских монастырей, порой, более напоминали дома терпимости.

Словом, к 1540 году, то есть спустя всего 23 года от начала Реформации, «у наместника Иисуса Христа отняли Англию, Швейцарию, Палатинат, Франконию. Гессен, Бранденбург, Данию и Швецию с Норвегией, но этого было мало; идеи преобразований католицизма стали проникать в Пьемонт, Савойю, в долины Альпийских гор, на берега Рейна, во Францию и даже в Польшу... Наварра подготавливалась к отпадению от Рима.. в самой Италии дела были тоже плохи... Положение папы становилось крайне печальным, он терял под ногами почву и не знал, за что ухватиться для спасения своего престола: все средства, считавшиеся прежде неотразимыми, были перепробованы и оказались бессильными»².

¹ Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992. — С. 287.

² Быков А.А. Лойола. Его жизнь и общественная деятельность. — М.: Республика, 1995. — С. 352—353.

И тогда на помощь папству приходит некто Игнатий Лойола со своей идеей создания принципиально нового ордена.

● **Возникновение ордена иезуитов.** Лойола родился в 1491 году в обедневшей дворянской семье, происходящей из буйного народа басков¹.

С детства мальчик мечтал о славе, и став юношей, он славился своим буйным нравом и почетом у женщин. Его жизнь была полна драк, игр и любовных похаживаний². Став военным, он принимает участие в многочисленных войнах, которые в те времена вела Испания и в одной из битв он получает страшную травму левой ноги от камня, упавшего со стены. Вернувшись домой он долгое время лечит ногу, переносит тяжелейшую операцию, потом лечение с помощью вытягивания ноги каким-то железным аппаратом, но ничего не приносит результата, пораженная нога осталась короче здоровой, а сам Лойола хромоногим на всю жизнь. Вынужденно проводя время, будучи прикованным к постели, он много читает, и особенно его затрагивает история жизни Доминика — основателя ордена доминиканцев и Франциска Ассизского — основателя ордена францисканцев. Они становятся его кумирами и объектами для подражаний³.

Понимая, что военная карьера ему уже не светит, но не желая расставаться с мыслью о славе, Лойола решает искать ее на духовном поприще⁴. По обычаям того времени, он тайно в 1522 году покидает отцовский замок и отправляется в монастырь, чтобы там начать новую жизнь. По прибытии туда им овладевает настоящий религиозный фанатизм, который приводит к тому, что постов и бдений в монастыре ему оказывается мало, и, найдя для себя почти неприступно расположенную пещеру, он начинает в ней отшельническую жизнь, пока, наконец, «Лопес достиг постепенно такого состояния, когда он сделался существом не от мира сего или, лучше сказать, самым высокопробным фанатиком, для которого понятия о времени, пространстве и логике не существовали»⁵. Здесь же в пещере среди своих видений и истязаний почти он пишет свою знаменитую книгу «Духовные упражнения», которые станут настольной книгой для каждого иезуита. Сам Лопес о своей книге сказал не много ни мало, а именно, что «при такой книге даже Евангелие становится излишним»⁶.

¹ Бемер. Указ. соч., с. 121.

² Кернс. Указ. соч., с. 291.

³ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т. 3, с. 119.

⁴ Быков. Указ. соч., с. 337.

⁵ Быков. Указ. соч., с. 339.

⁶ Быков. Указ. соч., с. 340.

Иезуитский коллегийум в Орше

В 1523 году он совершает паломническое путешествие сначала в Рим, где трепетно прикладывает к туфле римского папы, а затем отправляется в паломничество в Иерусалим. В 1525 году, потерпев неудачу в проповеди мусульманам, он возвращается в Венецию и здесь при новой попытке проповеди уже христианам, забывшим элементарные христианские понятия, он вновь терпит поражение, вследствие своей, как он сам скажет позднее, неучености. Эти неудачи не только не обескураживают его, но приводят к мысли о необходимости самообразования, а главное, создания духовного братства, целью которого будет воинствующая проповедь во славу Божию. Прибыв в Барселону, он, уже будучи 33 лет, поступает в школу, прося при этом учителя насколько его не отличать от обучающихся там детей и наказывать столько, сколько это будет необходимым. Он становится самым прилежным учеником, с великой жадностью и настойчивостью постигая все науки. Параллельно с этим он проповедует с целью вербовать себе последователей и ведет аскетический образ жизни, все это привлекает к нему многих и многих, и вскоре весть о необычном проповеднике разносится по городу. По окончании школы он покидает Барселону и направляется в недавно основанный университет в Алькала де Энерас. Поступив туда, он в кратчайшие сроки зарекомендовывает себя одним из лучших учеников и проповедников — аскетов. Однако, его фанатичные проповеди наделали в городе много шума, вследствие чего он отправляется в университет в Саламанку, но и там по этой же причине против фанатично-

го проповедника выступает руководство университета и он отправляется для продолжения учебы в Париж. Там вновь вследствие своих фанатично-аскетических проповедей он привлекает к себе внимание и создает в 1534 году первый тайный союз, оформленной целью которого вскоре становится борьба с ересями и пороками¹.

В это время по уверениям самого Лойолы ему является Сам Бог, Христос, дева Мария, которые, якобы, благословляют это его начинание и обещают свое покровительство. Потом эти необычные видения из иного мира становятся все чаще и чаще.

«Так, Троицу он созерцает в форме трехструнного клавикорда; тайну создания мира в форме чего-то неопределенного и легкого, испускающего блестящие лучи; таинственное сошествие Христа во время евхаристии в виде световых лучей, спускающихся на дары в тот момент, когда их поднимает молящийся священник; человеческую природу Христа и деву Марию — в форме тел ослепительной белизны; сатану в виде чего-то змеевидно сверкающего, подобно „тысячам таинственно мерцающих глаз“. Позднее эти видения частью повторяются. Так, особенно часто до конца своей жизни он созерцал Христа в образе „чего-то большого, круглого, блестящего, как золото или в виде „солнца“; он нередко видел также Троицу в форме „огненного шара“, Святого Духа в форме ослепительного пламени, Бога-Отца и деву Марию. Реже он слышал голоса. Напротив, он очень часто имел озарения, то есть состояния особенного возбуждения чувства и особенного просветления разума... Сам Игнатий зовет их „уроками катехизиса, данными самим Богом“. Он беседовал со Святым Духом, как будто бы он видел Его собственными глазами. Он возносил все свои решения на одобрение Бога, Троицы, Мадонны, и в момент их появления он плакал от радости. В эти моменты он испытывал предвкушение небесного блаженства. Перед ним раскрывалось небо. Божество склонялось к нему в ощутимой, видимой форме»².

Игнатий Лойола

¹ Быков. Указ. соч., с. 357.

² Бемер. Указ. соч., с. 117—118.

На одном из собраний своего братства Лойола заявил: «Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир, поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира». Боевую дружину, направленную против проповеди Евангелия.

Одним из принципиальных отличий ордена иезуитов от подавляющего большинства монашеских орденов было то, что его члены были призваны искать Бога не в монастырской келье, ища в ней уединения для молитвы и покаяния, а защищать, как считали иезуиты, Бога в лице папства¹.

«Общество Иисуса восхваляет и возвеличивает себя с такой чрезмерностью, что в сравнении с нею официальная риторика времен упадка римской империи покажется нам скромной болтовней. Оно ведет свое происхождение прямо от Иисуса и Марии; оно сравнивает свое развитие с развитием Иисуса; оно изображает себя, как орудие, созданное самим божественным провидением. Общество утверждает, что в его истории исполняются все пророчества Ветхого Завета, и что Бог засвидетельствовал его превосходство чудесами и знаменами»².

Известное высказывание «цель оправдывает средства» принадлежит одному из ведущих богословов ордена иезуитов Эскобару³, и в этом высказывании поистине воплощена сама сущность этой создаваемой организации.

Итак, булла об учреждении ордена Иезуитов (носившего в первые годы своего основания имя «Общество Иисуса», а во время уже Тридентского собора взявшего имя — Орден Иезуитов) была подписана папой в 1540 году, в котором видели главный противовес Великой Реформации, направленный на борьбу с ней⁴.

• Тридентский собор и иезуиты

К середине XVI века Священная Римская империя Германской нации оказалась религиозно расколота изнутри между папистами и протестантами. Император Карл Пятый прекрасно понимал, что это может оказаться роковым для самого существования его империи, и потому необходимо водворить религиозное согласие. И потому он требует от папы созвать церковный собор,

¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555—1648). — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — С. 153.

² Бемер. Указ. соч., с. 351.

³ Великович Л.Н. Черная гвардия Ватикана. — М.: Мысль, 1985. — С. 19.

⁴ Гринингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004.

на котором рассмотреть и решить злободневные вопросы, стоящие перед церковью. При этом император настаивал на рассмотрении вопроса церковной реформы, которая должна была очистить папство от всех злоупотреблений, которые уже невозможно было ни покрывать, ни защищать. Это, по мнению императора, должно было не только укрепить церковь изнутри, но и склонить на согласие в вопросах примирения и протестантов.

Однако, папа, понимая, что любая такая реформа приведет, в первую очередь, к ограничению его власти, не желал ее рассматривать, желая лишь при помощи решений собора осудить учение протестантов, а их самих истребить.

Основная задача и цели нового ордена открылись во время проведения Тридентского собора (1545—1563), созданного папой, чтобы определить методы борьбы с протестантизмом и дальнейшую тактику церкви вообще. С историей созыва этого собора начинается особый период истории Европы, вошедший в историю под именем **Контрреформации**.

Причем «под контрреформацией надо понимать не течение «католической реформы», к которому ее часто пытаются свести конфессионально настроенные исследователи, а организованную и нашедшую свое воплощение в деятельности Тридентского собора римской инквизиции, ордена иезуитов католическую реакцию, имеющую целью восстановление непоколебимой мощи и духовной монополии католической церкви»¹. Уже с самого начала, папа постарался обеспечить себе победу при любом голосовании. Ибо, «голосование проводилось по голосам, а не по нациям, как было на соборе в Констанце. Количество итальянцев всегда равнялось примерно семи четвертым присутствующих. Таким образом, папству и итальянской иерархии было обеспечено большинство»².

«Но, когда начались прения о догматах, немедленно выяснилось, что ряд очень выдающихся членов собрания сочувствует протестантам в вопросах о Священном Писании, о первородном грехе, об оправдании верой. Необходимо было решительно выступить против этих опасных тенденций. Сделать это пытались многие, но никто не выполнил этой задачи с таким искусством и успехом, как иезуит Ленец»³.

При этом, «было еще много католиков, которые верили в возможность примирения с протестантами. На соборе эту точку

¹ Горфункель А.Х. Гуманизм-Реформация-Контрреформация // В кн. Культура Возрождения и Реформация. — Л.: Наука, 1981. — С. 8.

² Кернс. Указ. соч., с. 293.

³ Бемер. Указ. соч., с. 196.

зрения поддерживали две державы: Франция и Германия. Император Фердинанд I требовал от собора весьма серьезных уступок: разрешения брака для священников, причастия под обоими видами, литургии на немецком языке, употребления народного языка в богослужении, реформы монастырей и, прежде всего, реформы папства. В феврале 1563 года положение казалось настолько безвыходным, что один несколько пессимистически настроенный кардинал заявил, что власть папы неизбежно будет уничтожена¹. Кроме этого император требовал преобразования самого римского двора, и, особенно, коллегии кардиналов, о которых император говорил, что, так как они сами негодны, то не могут и избирать хорошего папы².

Французская делегация, соглашаясь с этим, требовала и предоставления чаши для мирян (то есть причастия мирян и хлебом и вином, ибо в Средневековье папство причащало мирян только хлебом, а хлебом и вином только священников), так же совершения таинств на народном языке, отмене целибата, а некоторые высказывались даже за устранение икон из церквей³.

Удовлетворение всех этих требований привело бы к крушению идеологии средневековой церкви, а главное, к крушению папского влияния.

Но тут в дело вступили иезуиты. Так, «если папские легаты, председательствовавшие на соборе, все время должны были щадить оппозицию, он мог открыто и безбоязненно защищать требования своего верховного командира, не поступаясь из них ни одной буквой. И он делал это. Он развивал с непоколебимой логикой в речах и записках догмат о папской непогрешимости, о безусловной супрематии папы над всеми епископами, о превосходстве папы над светскими властями. Несомненно, он не убедил оппозиции, но он помешал возведению ее взглядов в догматы и установил с никем не превзойденною точностью ту церковно-политическую программу, которую его орден, несмотря на временный перерыв, твердо проводил вплоть до провозглашения папской непогрешимости. Его участие не сводилось, впрочем, лишь к предсказыванию будущего и не ограничивалось областью догматических вопросов. Постановления собора, касающиеся церковной реформы, также носят на себе печать его влияния и влияния его товарищей. Именно, он предложил воспитывать всех священников в семинариях, где ни малейшее дуновение еретиче-

¹ Бемер. Указ. соч., с. 196.

² Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 845.

³ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 845.

ских мнений не могло бы помешать их подготовки»¹. Так же иезуитами применялся и подкуп оппозиционных делегатов собора² и всевозможные интриги³.

Благодаря этому собор, направляемый иезуитами и их сторонниками, преобразовал средневековое богословие в авторитарную догму, распространявшуюся на всех верующих. Собор указал, что невозможно никакое примирение с протестантизмом»⁴.

В отношении догматики собор оставил в неприкосновенности все средневековые религиозные законы, не желая их даже в некоторых отношениях приблизить к законам Библии.

1. «Писание не может рассматриваться как единственный источник откровения; Предание является жизненным его приложением, которое протестанты безответственно отвергают. “Все спасительные истины и правила поведения... содержатся и в письменных книгах и устных преданиях”.

2. Тридентский собор постановил, что протестантские списки канонических Книг являются ущербными и опубликовал полный список Книг, которые он признавал авторитетными»⁵.

Тридентский собор четко закрепил, что «церковь не только с самого начала определила, какие книги св. Писания относятся к канону, но она имеет право определять канон по собственному усмотрению. Это случилось в Триденте, где постановлено было определение, что Ветхозаветные книги причисляются к каноническим книгам»⁶.

Это причисление неканонических книг в состав Библии было сделано не случайно, ибо в самой Библии папство не могло найти обоснование тем учениям, которые были привнесены им в христианство из язычества, в частности, учение о бессмертии души, святости дня солнца, вместо субботы, поклонение иконам, праве священников отпускать грехи, возможности покупать спасение за деньги.

«Перевод Писания Вульгата был признан надежным и авторитетным. Собор объявил, что «старая латинская Вульгата, которой пользовались в течение многих веков, утверждена Церковью, и ее следует отстаивать как подлинную во время общественных

¹ Бемер. Указ. соч., с. 196.

² Бемер. Указ. соч., с. 196.

³ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 851.

⁴ Кернс. Указ. соч., с. 293—294.

⁵ цит. по Макрат А. Богословская мысль Реформации. — Одесса: Богомыслие, 1994. — С. 192—193.

⁶ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 849.

лекций, диспутов, проповедей и речей. Никто ни при каких обстоятельствах не может посметь отрицать ее». При этом переводы Библии на национальные языки, которые к тому времени, благодаря стараниям реформаторов, были осуществлены, не признавались¹.

Авторитет Церкви в толковании Писания следует защищать от того, что Тридентский собор назвал «буйным индивидуализмом протестантских толкователей», поэтому: «Для противодействия безрассудным настроениям настоящий Собор объявляет, что никто, полагаясь на свое собственное суждение в вопросах веры и нравственности и искажая Священное Писание в соответствии со своими собственными идеями, не может толковать Писание вопреки значению, которое Святая Матерь Церковь, придавала и придает ему». Только Церкви принадлежит право истинно судить о Писании и толковать его»².

В постановлениях собора четко оговорено, что «правильное толкование Писания невозможно без руководящего участия епископов и папы, пасторские функции которых завещаны Евангелием. Роберто Беллармин, один из отцов католического обновления, сформулировал мысль о том, что Библия сама по себе полна противоречий и, чтобы разобраться в ней, требуется комментарий церкви, в то время как руководство церковью посредством указаний и наставлений принадлежит папе»³.

3. Ни одному римо — католику не позволяется публикация каких-либо работ, связанных с толкованием Писания, если они вначале не будут проверены его пастырями и не одобрены к печати. «Не является законным для кого бы то ни было печатать или отдавать в печать любые книги, рассматривающие священные доктринальные вопросы, без имени автора, или в будущем продавать их, или даже владеть ими, если они не были предварительно исследованы и утверждены... Утверждение таких книг должно даваться в письменном виде и указание на это должно помещаться в начале книги»⁴.

4. Собор оставил в неприкосновенности и все положения о таинствах, совершаемых церковью.

¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555—1648). — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — С. 156.

² цит. по Макрат А. Богословская мысль Реформации. — Одесса: Богомыслие, 1994. — С. 193.

³ Прокопьев. Указ. соч., с. 156.

⁴ цит. по Макрат А. Богословская мысль Реформации. — Одесса: Богомыслие, 1994. — С. 192—193.

Иезуитский коллегиум в Полоцке

Коллегиум иезуитов в Минске

Собор настойчиво защищал как доктрину, так и терминологию пресуществления. «При освящении хлеба и вина происходит превращение самого существа хлеба в существо Тела Христова и самого существа вина в существо Крови Христовой. Святая Католическая Церковь правильно называет это превращение пресуществлением»¹.

5. Собор особо выделил «роль священника как сакральной фигуры в противовес общинному, лишенному святости профилю пастора у протестантов»².

Кстати, вскоре после завершения работы Тридентского собора, для укрепления и авторитета священника Григорий XIII издает Новый порядок мессы, призванный особо подчеркнуть искупительное значение и посредническую роль клира³.

6. Собор особо подчеркнул руководящую функцию папы в сфере управления церковью⁴.

7. Собор провозгласил, что «милость Бога невозможно заслужить самому человеку, но его добрые дела могут склонять Всевышнего к милости, т. е. к совместной кооперации...

Таким образом, учение о спасении, являющееся действительно жизненно важным осталось таким же, каким было в эпоху Средневековья, не соответствуя прямому и ясному учению Евангелия об оправдании только верой.

8. Собор, вопреки мнению многих делегатов, оставил без изменения и понятие о непорочном зачатии девы Марии, что фактически обоготворяло ее. «Таким образом, это чудовищное порождение средневекового суеверия осталось дозволенным мнением в церкви, пока оно в наше время не утверждено было в качестве догмата, отвержение которого влечет за собой потерю вечного блаженства»⁵.

Таковы были основные принятые положения Тридентского собора.

В результате Тридентского собора, с помощью иезуитов папская церковь «крепко сплотившись в своем единстве, не только принялась за восстановление своего внутреннего порядка и искоренение массы старых злоупотреблений, но и смогла, полная сознанием своих сил, прекрасно вооруженная, горя желанием борьбы, вступить в бой с рассеянными батальонами протестантизма.

¹ цит. по Маграт. Указ. соч., с. 228—229.

² Прокопьев. Указ. соч., с. 157.

³ Прокопьев. Указ. соч., с. 158.

⁴ Прокопьев. Указ. соч., с. 157.

⁵ Робертсон. Указ. соч., т. 1, с. 850.

Таким образом, Тридентский собор, благодаря деятельности иезуитов, завершился полной победой папства. Вопреки попыткам некоторым современным исследователям представить Тридентский собор чуть ли ни как аналогию протестантской Реформации, только в папстве, лишено всяческого основания. Целью папства и иезуитов было не реформировать учение и структуру церкви, а напротив, закрепить средневековые небиблейские догмы, на которых и зиждилась их власть над народами; сплотить церковь изнутри под папским скипетром для уничтожения протестантизма. Данный собор четко поставил перед собой задачу «искоренить не только протестантизм XVI столетия, но и протестантские тенденции в учении, которые уже давно таились в церкви»¹.

Деятельностью иезуитов были возмущены сами многие иерархи церкви. В письме к Иннокентию X в 1649 году епископ Палафокс пишет, что ему очень подозрительна боязнь гласности, которой отличаются иезуиты: «иезуиты прячутся во мраке, который непроницаем не только для мирян, но и для большинства членов их. Епископ Палафокс также писал папе Иннокентию X о иезуитах следующее: «Их могущество в церкви столь страшно, они пользуются столь необыкновенным влиянием и со всех сторон встречают такую безграничную покорность, а богатства их так велики, что они возносятся выше всех сановников, ставят себя выше всех законов, всех соборов и церковных уставов»².

Со временем иезуиты достигают такого могущества, что сами римские папы, преданными слугами которых себя называли последователи Лойолы, должны были считаться с этими своими «слугами».

Так, к примеру, когда папа Павел V (1605—1621) решил осудить учение иезуитов о благодати, то генерал ордена иезуитов Клавдий Аквавива (1543—1615) сделал ему следующее заявление: «Если Ваше Святейшество решитесь нанести ордену такое оскорбление, то я не поручусь ни за что: весьма вероятно, что 10 000 иезуитов возьмутся за перо, и против вашей буллы появится множество сочинений, которые бросят сильную тень на Папский Престол»³.

Папство очень нуждалось в иезуитах, и потому согласие было найдено.

¹ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 848.

² Губер. Указ. соч., с. 136.

³ Губер. Указ. соч., с. 137.

При этом для поддержания деятельности иезуитов Римская церковь имела два орудия пропаганды инквизицию, уже печально прославившуюся в прошлых веках своей изуверской жестокостью (кстати, упраздненную только в 1854 г) и изданный в 1559 году папой Павлом IV так называемый «Индекс запрещенных книг» (упраздненный только в 1966 г). Последний представлял собой перечень книг, запрещенных не только для издания, распространения, но и для чтения или просто хранения. «В индексе папы Павла IV, между прочим, запрещены: все Библии, т. е. издания Нового Завета, на народном языке — немецком, французском, итальянском, английском, фландрском и т. д.; их не должно печатать, читать и иметь без письменного разрешения римской инквизиции»¹.

«Главное определение в 4 правиле гласило: «так как чтение Библии на народном языке мирянами вообще более приносит вреда, чем пользы, то оно может быть допускаемо только с письменного дозволения местного священника или духовника»¹. При этом кардинал Гозий прямо провозглашал, что «для мирян позволять чтение Библии значит то же, что давать святыню псам, и жемчуг бросать перед свиньями»².

Итак, иезуиты возглавляют движение Контрреформации, прибегая к широкой помощи инквизиции и «Индекса запрещенных книг», финалом которого станет возвращение многих европейских стран снова в эпоху мрачного и темного Средневековья.

• Принципы устройства и организации ордена иезуитов.

Для вступления в борьбу с протестантами иезуитский орден был прекрасно подготовлен. Так, «иезуитский орден требует всецелой, безусловной ему принадлежности. Вступая в него, человек начинает с общей исповеди, в которой заявляет не только о своих недостатках и прегрешениях, но и о добрых качествах. Он отрешается от всяких своих связей: узы родства только телесны и не значат ничего перед теми высшими союзом, в который он вступает; и однажды вступив, он не может ни получать, ни писать письма, которые не прочитывались бы старшими. Генерал указывает каждому то место, на котором он может наилучше действовать, смотря по своей личности.

«Это устройство боевой армии, дрессировка солдат, выучка офицеров; свободы нет ни в каком смысле, но нет и насилия в грубом смысле; все направлено к своей цели, потому что все служить

¹ Гризингер. Указ. соч., с. 348.

² Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 853.

одной великой задаче, и там, где не свободен никто, каждый обязан повиноваться. Далее самый высший глава, генерал, всемогущ, но и он не свободен, у него свой надзиратель и увещатель, свой цензор и заповедник. Всюду дисциплина, послушание, единство. Такой организм необходимо чувствует потребность борьбы, натиска, завоеваны, и действительно, лишь то напряжете, которое сообщается человеку стремлением к борьбе, и к состязанию за победу,— одно это напряжение могло заглушать в каждом из членов союза чувство неудовлетворенности такой жизнью, в которой не было ничего человечески-истинного, и даже христиански-истинного. Благодаря этому военному повиновению Церкви и ордену, члены его совершили много дел, в своем роде великих, поистине сверхъестественных, и, однако же, человечество никак не обязано им благодарностью»¹.

Орден иезуитов состоял из четырех классов (уровней): новичков, схоластиков, коадьюторов и профессов. При этом переход из одного класса в другой, даже при самых благоприятных обстоятельствах и способностях человека занимал по многу лет, в течение которых человека постепенно превращали в послушное оружие ордена². Залогом построения этой жесткой организации ордена иезуитов лежали постоянные духовные упражнения, которые были в деталях расписаны Игнатием Лойолой и которые должен был выполнять каждый член ордена. Эти предписания были им изложены в его книги «Духовные упражнения». Изложенные там упражнения были разделены на четыре недели, а недели на дни. В свою очередь каждый день человек должен был выполнять по пяти упражнений, кроме так называемого испытания совести, которое должно было проводиться три раза в день: утром, в полдень и вечером перед ужином. В среднем на каждое упражнение отводился один час³.

Что же конкретно представляли собой эти упражнения. Вот, что пишет сам Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях «для правильного суждения», которое мы должны иметь, находясь в воинствующей Церкви, послужат нижеследующие правила.

Первое: Отрешившись от всякого собственного суждения, надо иметь душу, готовую и скорую на послушание во всем истинной невесте Христа Господа нашего, то есть Святой нашей Матери, иерархической Церкви.

¹ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т.3, с. 121.

² Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 836-837.

³ Великович. Указ. соч., с. 32.

Второе: Восхвалять исповедь перед иереем и причащение Святых Тайн, совершаемые ежегодно, а еще лучше каждый месяц или каждый день, соблюдая требуемые и подобающие условия. Третье: Восхвалять частое присутствие на Божественной литургии, а также пение гимнов, псалмов и продолжительных молитв в храме или вне его; также время, положенное для всякого богослужения и молитвы и всех канонических часов.

Четвертое: Весьма восхвалять монашество, девство и воздержание; также и брак, но менее, нежели предыдущие.

Пятое: Восхвалять монашеские обеты — послушания, нестяжания, целомудрия и другие добровольные обеты совершенства. И надо заметить, что, поскольку обеты относятся ко всему тому, что приближает [нас] к евангельскому совершенству, нельзя давать обеты того, что от него удаляет: например, [обет] стать купцом или вступить в брак и так далее.

Шестое: Восхвалять мощи святых — почитать их и молиться святым, [которым они принадлежат]; одобрять стояния (stationes), паломничества, индульгенции, юбилеи, крестовые походы и возжигание свечей в церкви.

Седьмое: Восхвалять церковные постановления, касающиеся постов и воздержания, например сорокадневный пост, посты «четырех времен года», в кануны праздников, в пятницы и субботы; как и покаяние [епитимия] не только внутреннее, но и внешнее.

Восьмое: Хвалить рвение к созданию и украшению храмов, а также почитание икон ради тех, кого они изображают.

Девятое: Наконец, восхвалять все повеления Церкви, быстро направляя ум к обретению суждения в их защиту и никоим образом не для борьбы с ними.

Десятое: Мы должны быть готовы одобрить и восхвалить как распоряжения и повеления наших предстоятелей, так и их поведение. Ибо хотя поведение некоторых из них малопохвально, однако нападки на них в публичной проповеди или в речи перед простолюдинами порождают скорее ропот и соблазн, нежели пользу; таким образом возбуждается народ против своих предстоятелей — светских или духовных. Насколько достойны осуждения обращенные к народу худые речи об отсутствующих начальствующих лицах, настолько может быть полезным сообщением об их поступках лицам, могущим применить средства для исправления.

Одиннадцатое: Восхвалять положительное и схоластическое богословие. Ибо учителям положительного богословия, например, святому Иерониму, святому Августину, святому Григорию

и другим, свойственно пробуждать в сердцах чувство любви к Богу, Господу нашему, и желание во всем служить Ему. Схоластикам же, как, например, святому Фоме, святому Бонавентуре и Петру Ломбардскому и другим, скорее, свойственно определять и объявлять вещи, необходимые для вечного спасения, в соответствии с нашим временем и для лучшего опровержения и выявления всех заблуждений и всех обманов. Схоластические учителя, принадлежа к позднейшим временам, не только плодотворно пользуются верным разумением Священного Писания и данными святых учителей положительного богословия, но и сами, будучи освещаемы и научаемы благодатью Божией, черпают помощь в Соборах, канонах и постановлениях святой Матери нашей Церкви.

Двенадцатое: Надо бояться делать сравнения между нами, еще живущими, и святыми, уже отшедшими, ибо от этого могут произойти большие заблуждения, например, когда говорят, этот больше знает, чем святой Августин, другой — выше или более свят, чем святой Франциск; или добротой и святостью Павел и так далее.

Тринадцатое: Чтобы во всем следовать истине, необходимо всегда быть расположенным верить, что то, что я вижу белым, черное, если иерархическая Церковь так определит; веря, что один Дух Христа, Господа нашего, Жениха, и Церкви, Его Невесты, Который нас наставит и направит ко спасению душ наших. Ибо тем же Духом Святым, Господом нашим, которым даны десять заповедей, управляется и направляется наша Матерь Церковь.

Четырнадцатое: Хотя верно то, что никто не может спастись, не будучи предопределен, и без веры и благодати, однако нужно быть очень осторожным в словах и прениях, относительно всего этого.

Пятнадцатое: Мы не должны о предопределении говорить много и как бы по привычке; но если некоторым образом, между прочим, об этом пойдет речь, то должно говорить так, чтобы народ не впал в какое-либо заблуждение, как это бывает, когда говорится: если уже предопределено, что я должен спастись или погибнуть, через мои добрые или злые дела, то это уже не может измениться; и отсюда, охлаждаясь, пренебрегают делами, приводящими души их ко спасению и к совершенству.

Шестнадцатое: По той же причине нужно следить за тем, чтобы не говорили много о вере, возбужденно и без разбора и объяснения, подавая народу повод к небрежности и лени в исполнении добрых дел, будь то до получения веры, утвержденной любовью, будь то после.

Семнадцатое: Также мы не должны слишком пространно говорить и настойчиво подчеркивать действие благодати, чтобы не породить пагубного убеждения в уничтожении свободы воли. О вере и благодати можно беседовать, насколько это возможно, с Божией помощью, ради вящего прославления Его Божественного Величия, но не так, и не такими приемами, особенно в наше столь опасное время, когда дела и свободная воля терпят ущерб либо ни во что не считаются.

Восемнадцатое: Выше всего надо ценить усердное служение Господу, Богу нашему, по [побуждениям] чистой любви; однако мы должны весьма хвалить чувство страха перед Его Божественным Величием; так как не только страх сыновний есть дело благочестивое и святое, но и рабский страх, когда человек не достигает лучшего и более полезного, может сильно помочь избавиться от смертного греха, и после того, как [человек] удалится от него, [он] сможет легко дойти до сыновнего страха, который всецело благоприятен и благоугоден Господу, Богу нашему, будучи неразлучно соединен с Божественной Любовью»¹.

Эти правила, как видим, отнимают у человека свободу воли, мышления, полностью подчиняя ее воле руководителей церкви, именно не Библейским Евангельским Законам и истинам, а руководителям церкви.

● **Моральные предписания иезуитов.** Между тем в самих иезуитских школах, коллегиях и новициатах творились возмутительные грехи². «Чем больше иезуиты восхваляли себя, тем поразительнее было то, что многие факты, еще в первые века их существования, доказывали, что святость их была мнимой, не чем иным, как ханжеством»³.

Так, к примеру, «при изгнании иезуитов из Праги, в начале тридцатилетней войны, в коллегии их нашли целую любовную переписку с монахинями соседнего монастыря»⁴. О них хорошо знали, как руководители ордена, так и само руководство церкви, но особо их не пресекали, ибо моральное разложение юношества было также им на руку. Ибо, с одной стороны, человеком без принципов всегда легко управлять, а с другой — на такого человека накапливается через это компромат, которым всегда при необходимости можно будет его шантажировать.

¹ Лойола Игнатий. Духовные упражнения. Духовный дневник. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — Параграфы 353-370.

² Гризингер. Указ. соч, с. 247.

³ Гризингер. Указ. соч, с. 240.

⁴ Гризингер. Указ. соч, с. 245.

Мораль и личная жизнь. Чтобы составить себе представление о тех моральных принципах, которым учили иезуиты, приведем несколько примеров из произведений их ведущих теологов. «Шотландский иезуит, отец Д. Гордон («Общее нравственное богословие», т. 2, Кн. 5) пишет: «Публичная женщина вправе требовать платы, но не слишком высокой. Это относится и к девицам, которые тайно занимаются проституцией. Но замужняя женщина не вправе получать плату, потому что доход с ее проституции не входит в условия брачного контракта». Знаменитый же Эскобар говорит, напротив того: «Плата, получаемая замужней женщиной за нарушение супружеской верности, составляет ее законное благоприобретение; но она обязана позволять мужу также пользоваться этим доходом»¹. «Кто заводит связь — говорит отец Франц-Ксаверий Фегели в своем сочинении «Практические вопросы об обязанностях духовника», Аутсбург, 1750 г. — с молодой девицей с добровольного ее согласия, тот не совершает этим греха, потому что она властна распоряжаться собой и любить, кого хочет»².

«В отношении разных обманов и плутней иезуиты показывали в своих поучениях удивительную предусмотрительность и входили в самые тонкие подробности. Так, отец Толет в своем сочинении «О семи смертных грехах» говорит следующее: «Если продавец не может распродавать вино по настоящей цене, потому что оно оказалось слишком дорогим для его покупателей, то он может обмеривать или примешивать воду, но, конечно, так, чтобы покупатели думали, что мера полна и вино чистое».

О подкупах рассуждает отец Таберна в своем очерке практического богословия (1736 год): «Спрашивают, обязан ли судья возвращать взятку, поднесенную ему одной из сторон за решение дела в ее пользу. Отвечаю: он обязан возвратить взятку, если дело, за которое она дана, правое; но если дело, за которое ему дали деньги или ценную вещь, несправедливо, то он вправе удержать взятку, потому что заслужил ее». Бенедикт Штатлер говорит о другого рода подкупе так: «Если, по себялюбию или пристрастию высшего начальства, личные заслуги и достоинства человека не могут открыть ему пути к общественным должностям, то ему не только позволительно, но будет даже вменено в заслугу, если он, побуждаемый к желанию занять какую-либо должность любовью к Богу или ближним, постарается подарком расположить к себе тех, от кого зависит получение места»³.

¹ Гризингер. Указ. соч., с. 353.

² Гризингер. Указ. соч., с. 351—352.

³ Гризингер. Указ. соч., с. 355.

«Но обманы иезуитов этим не ограничивались, а простирались гораздо далее. Они брали деньги, где могли, причем обнаруживали такую ловкость, что можно было подумать, что они учились ремеслу воров, фальшивомонетчиков и грабителей. Некоторые примеры могут показать, до чего доходили их бессовестность и, в то же время, ловкость. Например, в Бордо граждане на собранные деньги сделали серебряный гроб для хранения реликвий на главном алтаре соборной церкви. Но суперитор иезуитов Руссов подменил его ночью на совершенно такой же оловянный, который только обложили тоненькими серебряными пластинками, и таким образом доставил ордену несколько сот фунтов серебра. В иезуитской коллегии в Ангулеме отцы Ключгак и Жарсан занимались несколько лет чеканкой фальшивой монеты в одном уединенном погребе, собравшись их пускали потом фальшивую монету в оборот»¹.

Иезуиты создали свое собственное толкование Божьего Десятизаконного Закона и методов его обхождения в практической жизни. Так, к примеру, «Божья заповедь говорит «Не лжесвидетельствуй». Если же муж спросит прелюбодейку, не нарушила ли она брака, она смело может сказать: «не нарушила, потому что брак продолжает еще существовать». Если на исповеди ей было дано отпущение, она может даже поклясться в том, что на ней нет греха, думая при этом об отпущении, которое освободило ее от греха. Если муж все еще продолжает питать подозрения, она может успокоить его, заявив: «я не совершила прелюбодеяния, думая при этом: «прелюбодеяния, в котором я должна была бы тебе сознаться».

Божья заповедь говорит далее: «не прелюбодействуй». Однако, сдать дом проституткам можно, если при заключении арендного договора не будет прямо указано, что дом сдается для устройства в нем притона. Точно так же не составляет большого греха, если слуга помогает своему господину обесчестить девушку, если за отказ ему грозит дурное обращение и т. д. Можно также устроить аборт у забеременевшей девушки, если ее проступок может опозорить ее или даже лицо духовного звания. Если почему-либо не воспользуются этим позволением, то во избежание большего позора можно подбросить внебрачного ребенка. Нужно лишь предварительно крестить его и принять меры, чтобы он не замерз.

Не нужно слишком строго относиться и к обещаниям жениться, при помощи которых соблазнитель так часто овладевает девушками. Если соблазнитель благородного происхождения, а соблазненная—низкого, то первый свободен от всякой ответственности; в этом случае девушка должна была с самого начала ска-

¹ Гринингер. Указ. соч., с. 286.

зять себе, что данные ей обещания не имеют никакой цены. После этого уже не покажется удивительным, что прелюбодейка может вполне законно сохранять для себя деньги, приобретенные ею незаконно в качестве платы за прелюбодеяние.

Наконец, заповедь Божия гласит: «не укради». Простое воровство само по себе, конечно, большой грех. Но, если слуга делает больше, чем он обязан, или если у него есть какое-нибудь другое основание считать свое жалование слишком недостаточным, он может тайно „вознаградить» себя, не совершая греха»¹.

Недаром ученые, изучавшие учение ордена иезуитов, говорили: иезуиты кладут подушки под локти грешников².

Мораль и политика. Еще одним направлением деятельности иезуитов являлось проведение тайной внешней политики, имевшей целью распространение папского влияния, как в христианских странах, так и нехристианских. И, наконец, он широко использовался для нейтрализации политических противников государственной церкви³. Интриги, шпионаж, устранение неудобных противников составляли неотъемлемую часть деятельности иезуитов. «Лицемерие и безнравственность иезуитов вошли в поговорку, которая отражала не только их практическую деятельность, но и теоретическое обоснование ее, содержащееся в официальных документах ордена, в различных наставлениях, инструкциях и богословских трактатах»⁴.

Так, к примеру, чтобы продолжать контролировать императора Рудольфа Второго, «иезуиты, со своей стороны, не только не упрекали руководимого ими государя за его развратный образ жизни, но способствовали его любовным похождениям, которые часто сопровождались самым грубым насилием и простирались от придворного кружка до самых низких слоев общества; они нередко умышленно сводили с ним разных женщин, от влияния которых ожидали себе новых выгод»⁵.

Ведущие иезуитские богословы прямо писали: «Право пап низлагать еретических и непокорных государей составляет догмат веры; монарх, низложенный папой, — уже не король и не законный государь. Если и по низложению он не хочет покориться папе, то обращается в тирана, и первый встречный имеет право убить его. Вообще, всякий имеет право убить тирана, если того

¹ Бемер. Указ. соч., с. 378—380.

² Бемер. Указ. соч., с. 58.

³ Гризингер. Указ. соч., с. 365—472.

⁴ Крывелев И.А. История религий. В 2 т. — М.: Мысль, 1975. — Т.1, с. 304—305.

⁵ Гризингер. Указ. соч., с. 190.

требует общественное благосостояние»¹. Иезуитами были организованы многочисленные убийства ведущих политиков того времени, не желавших признавать власти папы, среди них были и правители государств, в частности, правитель Нидерландов Вильгельм Оранский и король Франции Генрих IV². Причем убийце Вильгельма Оранского были посмертно отслужены иезуитами благодарственные служения³. Иезуитами несколько раз осуществлялись попытки убить королеву Англии Елизавету Первую и короля Англии Иакова Первого⁴.

«Где ни появятся иезуиты, там прекращается мир и объявляется война на жизнь и смерть»⁵.

«Иезуиты были и ростовщиками, и крупными землевладельцами. Большие прибыли «Общество Иисуса» получило от эксплуатации рабов, работорговли. Иезуиты не гнушались доходами от игорных и публичных домов»⁶.

Недаром крупнейший французский философ Дени Дидро писал: «Со времени учреждения ордена иезуитов не проходило года без того, чтобы иезуиты не прославили себя каким-нибудь громким злодеянием»⁷.

«Иезуиты приписали одной добродетели, повиновению, чрезмерное и совершенно непропорциональное значение, которое грозит в их воспитательной системе повредить развитию других добродетелей и даже самой совести...Иезуиты систематически уменьшали ценность и строгость повеления нравственных законов, чтобы сделать из осуждаемых моралью поступков, если и не добродетели, то действия дозволенные или безразличные»⁸.

«В защиту своих нравственных богословов иезуиты ссылаются на пример Иисуса, Который, по их мнению, уже пользовался тайной оговоркой, и, прежде всего, на укоры Иисуса фарисеям, которые „возлагают на людей тяжкое и невыносимое бремя и этим закрывают для них царство небесное».

Но стоит лишь сравнить их толкование заповедей с толкованием заповедей в Нагорной проповеди, и мы должны будем признать, что иезуиты следуют не за Иисусом, а за фарисеями, к которым относятся приведенные выше слова Иисуса. Если непосеще-

¹ Гризингер. Указ. соч., с. 368.

² Гризингер. Указ. соч., с. 458; Великович. Указ. соч., с. 25.

³ Там же, с. 402.

⁴ Гризингер. Указ. соч., с. 376-389.

⁵ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 857.

⁶ Великович. Указ. соч., с. 40.

⁷ Дидро Д. Избранные атеистические произведения. — М., 1956. — С. 96.

⁸ Бемер Г. Иезуиты. — М.: И-е М. и С. Сабашниковых, 1914. — С. 50-51.

ние мессы без уважительной причины они объявляют смертным грехом и в то же время разрешают, чтобы дети позволяли своим родителям-еретикам умирать с голоду или посылали их на костер; если в неповиновении священнику они видят смертный грех, а благородному развратнику разрешаюся покидать на произвол судьбы жертву своей похоти; если, согласно их учению, неплатеж церковной десятины является смертным грехом, но вместе с тем дозволяется принести ложную клятву, удачно употребив двусмысленное выражение, то все это напоминает не Евангелие, а Талмуд. Действительно, между иезуитами и раввинами-талмудистами существует большое родство, и не только в отдельных учениях и высокой оценке авторитета ученых богословов, что приводит на практике к замене взвешивания голосов простым их подсчетом, но и во всей манере понимания нравственного закона и трактования отдельных нравственных проблем. Для тех и других нравственный закон является не прирожденной нашему духу нормой, а суммой внешних заповедей, которые не могут быть даже строго отделены ни в теории, ни на практике от ритуальных и правовых предписаний. Учитель морали, по мнению и тех и других, выполняет свою задачу, показывая, как может человек внешним образом исполнять эти заповеди.

Ни тех, ни других нисколько не заботит, действительно ли проникся человек этими заповедями, верен ли он не только их букве, но и духу. Следовательно, и те, и другие смотрят на нравственный закон совершенно так же, как юристы смотрят на государственные законы. И те и другие заботятся не о том, чтобы установить нравственность известного поступка, его внутреннее соответствие с законом, а лишь о том, чтобы установить его легальность, его внешнее соответствие с буквой закона; стремясь применить эту систему ко всей области нравственной жизни, они входят в рассмотрение всевозможных частных случаев, так что, в конце концов, и этика иезуитов, и этика раввинов начинает казаться необозримым собранием отдельных вопросов, которые, подобно „казусам“ юристов, допускают самые различные решения¹.

● **Тайные наставления иезуитов.** Чтобы не быть голословными, мы хотим привести инструкции, которые давал орден иезуитов своим членам в отношении того, как надо исповедовать людей. Несмотря на их довольно большой объем, мы их помещаем полностью, чтобы было у читателя максимально полное представление, что называется, из первых рук, как относились и как использовали исповедь сами священники. Причем, также особо

---

¹ Бемер. Указ. соч., с. 383—384.

подчеркнем, это было официальное положение об исповеди, даваемое духовенству, а не просто злоупотребления какого-либо исповедующего духовного лица. Итак, что же было написано об исповеди в «Тайных наставлениях иезуитов».

Предписания проповедникам и духовникам знатных особ

1) Духовники государей и знатных особ, прежде всего, должны посылать в них то убеждение, что цель нашего общества есть единственно забота о прославлении имени Божьего и о соблюдении чистоты совести, так чтобы монархи, зная это, с готовностью покорялись нам, не подозревая в нас иных целей.

2) Таким образом, можно будет почаще внушать им, что раздача наград и должностей относится к вопросу совести и что, поступая в этих делах согласно своим наклонностям и страстям, они оскорбляют Бога; при этом духовник должен повторять, что он это говорит лишь по своей обязанности, нисколько не желая вмешиваться в государственные дела. Когда государь будет совершенно убежденным в этом, постепенно объяснять ему, какие должны быть качества лиц, назначаемых исполнять высшие общественные должности, указывая при этом на лиц, преданных нашему обществу. На государей, в этом случае, можно действовать не только непосредственно через наших, но и через их любимцев.

3) Поэтому нашим духовникам и проповедникам должны быть известны лица, которые способны к той или другой должности и могут доставить выгоду нашему обществу; их-то и нужно при случае рекомендовать государям.

4) Духовники и проповедники должны быть снисходительными к заблуждениям государей, не должны оскорблять их самолюбия ни в проповедях, ни в частных разговорах, устранять от них всякое беспокойство и, главным образом, пробуждать в них веру, надежду и правосудие в делах государства.

5) Почти никогда не должны они принимать небольших подарков для своего личного употребления, но должны выставлять на вид общественные нужды провинции или коллегии; у себя дома они должны довольствоваться просто убранной комнатой; одежда их не должна быть слишком щеголеватой, и они немедленно должны идти помогать и приносить утешение самым низшим служителям во дворце, чтобы не думали, будто они готовы служить только вельможам.

6) После смерти придворных чиновников они должны позаботиться о том, чтобы немедленно заместить их какими-либо доброжелателями общества; они не должны навлекать на себя подозрений, что хотят вырвать верховную власть из рук правителя. Особенно ради этого, как было уже сказано, они не должны действовать непосредственно, но через верных и могущественных друзей, которые могли бы бороться с ненавистью, если бы таковая представилась.

О способе приобретения расположения богатых вдов

1) Для сего избираются отцы преклонных лет, темперамента живого и обладающие приятностью в разговоре. Они должны посещать этих вдов и, при первом проявлении с их стороны расположения к обществу, должны представлять им действия и достоинства общества. Коль скоро они это принимают и начинают посещать наши церкви, их снабжают духовником, который должен ими руководить в видах удержания их во вдовстве, относясь с похвалой к выгодам и счастью этого положения, обещая и даже ручаясь, что это зачтется им в вечную заслугу и послужит верным средством для избежания мучений чистилища.

2) Этот духовник должен повести дело так, чтобы они занялись украшением своей домовой часовни или молельни, в которой бы они могли предаваться размышлениям и другим духовным упражнениям, дабы через это удалить их от разговоров и посещения лиц, могущих привлечь их на свою сторону; несмотря на то, что у некоторых из них может быть свой капеллан, наши не должны допускать его к совершению службы в этой домовой часовне, особенно не позволять обращения к ним с поучениями; надо стараться, чтобы капеллан не имел на них влияния.

3) Следует с осторожностью и незаметным образом изменить все касающееся управления домом, соображаясь при этом с теми условиями, в которых дела находятся, с людьми, их привязанностями и благочестием.

4) Главным образом, следует удалять служителей (однако, мало-помалу), которые не имеют отношений с обществом; в случае замены их другими, следует рекомендовать людей, зависящих или желающих быть в зависимости от наших; ибо, таким образом, мы будем извещены обо всем, что будет происходить в семействе.

5) Цель духовника должна состоять в том, чтобы вдова во всем, без исключения, спрашивала и следовала его совету; он же, при случае, должен доказывать ей, что это послушание есть единственное основание ее духовного преуспеяния.

6) Следует советовать ей чаще приобщаться святых таинств, особенно же таинства покаяния, причем она с большой свободой может открывать свои наискровеннейшие мысли и все искушения. Она должна чаще исповедоваться, ходить слушать своего духовника, который должен ее к этому приглашать, обещая ей молиться за нее; ежедневно она должна испытывать свою совесть и читать молитвы.

7) Если бы она стала вторично исповедоваться у другого духовника, то последнему уже не придется узнать многое относительно ее наклонностей.

8) Надо представить ей все выгоды вдовствующего состояния и невыгоды брачных уз, особенно вторично заключенных, упомянуть, каким опасностям она, в этом случае, может подвергнуться.

9) По временам можно, впрочем, искусно предлагать ей такие партии, к которым она, очевидно, питает отвращение; если же известно, что ей кто-нибудь нравится, то выискивать в этом человеке дурные наклонности и описывать ей их с самой невыгодной стороны, дабы она возымела отвращение к нему и твердо решилась бы отказаться от вторичного супружества.

10) Когда она получит совершенное отвращение ко вторичному браку и твердо решится пребывать в состоянии вдовства, надо призывать ее к духовной жизни, но отнюдь не к монашеской, которую следует описать в невыгодном свете и представить, каким иногда невыгодным slučajностям она подвергает подвизающихся на этом поприще, привести пример Паолы и Евстохия и других. Вынудив у нее обет хранить целомудрие — по крайней мере — в продолжение трех лет — духовник должен последовательно довести ее до того, чтобы она, по собственному желанию, навсегда отказалась от вторичного брака. Ввиду этого он должен стараться, чтобы она как можно реже посещала мужское общество и даже общество своих близких друзей и родственников под предлогом, что она должна всецело посвятить себя делам благочестия, предаться всем существом служению Богу. Если невозможно совершенно устранить свидания ее с другими духовными лицами, то стараться, чтобы духовенство, посещающее ее, состояло из лиц, находящихся в нашей зависимости и приверженных нашему обществу.

11) Достигнув всего этого, следует мало-помалу направлять ее к делам милосердия, особенно к раздаче бедным своего имущества; при этом следить, чтобы дела милосердия творились под руководством духовника, который, пользуясь своим влиянием, должен заботиться, главным образом, о выгодах общества, и убеждать ее, что подача милостыни людям недостойным часто бывает источником многих грехов.

Как поступать со вдовами и как располагать их имуществом

1) Непрестанно наставлять их на путь спасения и на дела милосердия, чтобы ни одна неделя не проходила без пожертвований, от излишка их имущества, во имя Христа-Спасителя, его Пресвятой Матери или во имя того святого, которого они выбрали своим покровителем; пусть они щедро подают милостыню нищим, делают постоянно пожертвования в пользу украшения церкви, пока их совершенно не лишат всей добычи греха.

2) Кроме их расположения, следует снискивать и их щедрость и для этого почаще с ними беседовать о достоинствах нашего общества, о необыкновенном милосердии нашего провинциала или генерала нашего ордена.

3) Если они дали обет целомудрия, надо требовать, чтобы они его возобновляли два раза в год, как это предписывается в наших уставах. В дни возобновления устраивать благочестивые празднества.

4) Следует почаще посещать их, занимать их приятной беседой, сообразуясь с наклонностями каждой, увеселять остроумными и оживленными рассказами.

5) На исповеди не осуждать слишком строго их проступки, дабы не ввергнуть их в отчаяние, исключая, впрочем, те случаи, когда есть надежда строгостью снова приобрести их расположение, которым успел овладеть, помимо нас, кто-нибудь другой. В этих случаях действовать следует с большой осмотрительностью и осторожностью, сообразуясь с непостоянством женской натуры.

6) Стараться, чтобы они не посещали церкви, не принадлежащие нам, особенно монастыри; ввиду этого объяснить им, что наше общество соединяет в себе все духовные преимущества, дарованные порознь другим орденам.

7) Если вдова носит траур, советовать ей носить наряд, который шел бы ей и соединял бы в себе духовный вид со светским, дабы она знала, что человек, руководящий ею, не исключительно предан одному духовному. Наконец, ввиду удержания ее благосклонности к нам и постоянства ее щедрот умеренно, без скандала, разрешать ей удовлетворение ее известных потребностей.

8) Помещать ко вдовам девушек богатых и знатных родителей, которые мало-помалу подчинялись бы нашему влиянию и привыкали бы к образу нашей жизни; поэтому на семейном духовнике лежит обязанность избирать в воспитанницы особу, преданную нашему обществу и подчиняющуюся его правилам и церковным постановлениям; в случае если девушка не захочет подчиняться нам, немедленно препровождать ее к родителям или опекунам, поместившим ее сюда, под предлогом ее капризного и необузданного характера.

9) О телесном здоровье и об увеселениях вдов следует заботиться наравне с их душевным спасением. В случае нездоровья, запрещать им поститься и носить власяницу, умерщвлять плоть, не позволять ходить в церковь и тайно и осторожно поучать их на дому. Предоставлять им свободный вход в сад нашей коллегии и в саму коллегию. Позволять проводить свободное время с теми из нас, кто им больше нравится.

10) Для того, чтобы вдова предоставила все свои доходы в пользу общества, необходимо представлять ей превосходство положения человека, с покорностью и радостью посветившего себя Богу, отрекшегося от мира, родных и всех земных привязанностей; описать, какая награда ее ожидает, если она, подобно нам, отречется от всего. При этом, приведя пример многих вдовиц, за недолгое время стяжавших себе, таким образом, блаженство, пробудить в ней надежду, что она, исполнив до конца подвиг самоотречения, может быть также сопричтена к лику святых, так как наш орден, благодаря своему влиянию на папу, может легко получить на это разрешение.

11) Поселять в них твердое убеждение, что если они желают наслаждаться спокойствием совести, то должны без ропота, неудовольствия и сопротивления во всем следовать наставлениям своего духовника как в делах мирских, так и духовных, ибо духовник поставлен для того, чтобы передавать им волю Божию.

12) Все дела милосердия вдовы должны творить по совету своего духовника, дабы щедрость их не была обращена на лица, нам чуждые и не принадлежащие к нашему обществу.

13) Духовники строго должны наблюдать, чтобы вдовы, их духовные дочери, не посещали бы ни под каким предлогом других монахов и не входили бы с ними в короткие отношения. Во избежание этого, следует постоянно восхвалять достоинства нашего ордена, пользующегося всеми преимуществами перед другими, полезного для церкви, имеющего большой вес перед папским престолом и перед государями; сообщать им, что общество наше исключает из своей среды вредных и неспособных членов, что в нем нет ни пены, ни отстоя, как часто бывает между другими монашескими, большинство которых состоит из людей просвещенных, глупых и нерадивых в деле спасения, преданных мамоне и проч.

14) Духовники должны заставлять вдов вносить денежные вклады и пожертвования в пользу коллегий и монастырских домов, особенно в пользу римских монастырей, радеть об украшении храмов, принимать на свою обязанность поставку вина, воска и, вообще, всего необходимого для совершения литургии.

15) Если вдова при жизни не передала вполне свое имущество обществу, надо воспользоваться временем ее болезни, когда жизнь ее будет находиться в опасности, и представить ей, в какой крайности находятся многие из наших коллегий, и кротко, но настойчиво требовать, чтобы она ради вечного спасения души отказала нам свое имущество.

16) Точно так же следует поступать и в отношении государей и прочих наших благодетелей; нужно убеждать их, что они своей щедростью к нам кладут краеугольный камень своего будущего блаженства и что великая награда ждет их на небесах. Если какой недоброжелатель скажет, что сам Иисус Христос не имел места, где бы Он мог преклонить Свою голову, и что наше общество должно следовать Его примеру, надо положительно доказать ему и постараться убедить всех, что настоящая церковь находится совершенно в иных условиях против древних церквей, что в настоящее время она обязана, с помощью своих силы и могущества, бороться со своими неприятелями и что она есть не что иное, как тот маленький камушек, который, по словам пророка, обратился в великую гору.

17) Для поддержания во вдовах дел милосердия надо постоянно напоминать им, что высший христианский подвиг состоит в доброволь-

ном отречении от всех земных благ и в отдаче своего имущества Иисусу Христу и Его братству.

18) В следующей главе мы увидим, как поступать со вдовами, которые, воспитывая своих детей для света, не могут доставить нам особенных выгод.

Что нужно делать для того, чтобы дети вдов отказались от света и приняли обет монашества

1) Необходимо, чтобы матери обращались со своими детьми строго, и наши, в этом случае, должны действовать на матерей ловко и осторожно. Внушать им, чтобы они огорчали детей выговорами, дочерям отказывали бы во всех светских удовольствиях, почаще выражали бы свое желание видеть их в монашеском звании и, в случае согласия дочери принять обет монашества, обещали бы ей большое приданое; рассказывали бы, какие неприятности перенесли они в своей семейной жизни, и выражали бы сожаление, что сами не сохранили девства; одним словом, вели бы дело так, чтобы дочерям надоели однообразие и пустота их настоящей жизни и чтобы они решились принять обет монашества.

2) С сыновьями наши люди должны быть в дружеских отношениях, особенно с теми, которые могут быть годными для нашего общества; нужно приводить их в коллегии, показывать им все, что им может понравиться и может возбудить у них желание вступить в общество — например, наши сады, виноградники, мызы и деревенские дома, куда наши люди ездят проводить время своего отдохновения. Рассказывать им о своих путешествиях по разным странам, об отношениях, которые мы ведем с государями, и вообще говорить обо всем, что может быть привлекательно юношеству. Обращать их внимание на порядок и чистоту наших комнат и столовых, вести при них занимательные разговоры, содержание которых, впрочем, должно быть религиозным; намекать, что наш орден имеет все преимущества перед другими, беседовать с ними о предметах благочестивых и, вместе с тем, интересных для них.

3) Направлять их к духовным и благочестивым размышлениям, искусно внушать им убеждение, что общество наше, в сравнении с другими, находится в самых счастливых и удобных условиях жизни. В проповедях и в частных разговорах упоминать о тяжком грехе тех, кто противится божественному призванию, давать им читать умственные упражнения, дабы заставить их окончательно решиться в выборе себе образа жизни.

4) Обязанность воспитателя молодых людей должна быть возложена на людей, приверженных и преданных нашему обществу, радеющих о наших интересах и побуждающих своих питомцев к тому, что выгодно для нас. В случае упорства со стороны юношей, следует прибегнуть к строгости, лишая их того, что им приятно, без чего жизнь им может

опротиветь; матери также обязаны говорить им о трудностях семейной жизни. Если старания наши будут безуспешными, и юноша не захочет добровольно вступить в наше общество, отсылать его, как бы на воспитание, в отдаленные коллегии и оказывать ему, с нашей стороны, всевозможное послабление и снисхождение, чтобы расположить в свою пользу»¹.

• **Мистика иезуитов.** Одновременно с этим мистика занимала одно из центральных мест в философии иезуитов. Так, Лойола разрабатывает целую систему правил по духовному возрастанию, в которых в частности, говорилось следующее. «Пятое упражнение есть размышление об аде и включает в себе, после подготовительной молитвы и двух вступлений, пять пунктов и одну беседу. Обычная подготовительная молитва. Первое вступление: Представление места. Здесь следует представить себе длину, ширину и глубину ада. Второе вступление: Просьба о том, чего желаю; в данном случае я должен просить о внутреннем постижении наказаний, какие терпят погибшие, дабы по крайней мере боязнь наказания удержала меня от греха, если уже, по причине моих преступлений, я забыл о любви Господа Бога.

Первый пункт: Представить мысленно огромные языки пламени, и души [осужденных], как бы заключенные в раскаленные тела.

Второй пункт: Услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его.

Третий пункт: Почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили.

Четвертый пункт: Внутренне ощутить горькое — слезы, скорбь и угрызение совести.

Пятый пункт: Представить, что мы сами осязаем этот огонь, как он прикасается»².

Вот на такой военизированной организации, базирующейся на мистике и попирающей элементарные принципы ни то что духовности, а элементарной морали, и была доверена государственной церковью система образования.

Итак, Контрреформация, возглавляемая иезуитским орденом, привела к массированному наступлению на те свободы и достижения, которые принесла Реформация, развязав, наконец, Тридцатилетнюю войну, без понимания значения которой мы не сможем понять и саму эпоху Реформации и Возрождения и особенности формирования и развития медицины в этот период.

¹ Тайные наставления иезуитов. В кн.: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. — Рязань: Александрия, 2010. — С. 288—289, 290—296.

² Лойола Игнатий. Духовные упражнения. Духовный дневник. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. Параграфы 66—70.

Глава 4

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Великая Реформация, начатая в 1517 году Мартином Лютером, привела к более чем столетнему противостоянию папистов и протестантов в Европе, когда государственная церковь Средневековой Европы, находившаяся в союзе с имперским правительством Германии, не желала предоставлять своим подданным свободы религиозного вероисповедания, просто права читать Библию, понимая, что это будет способствовать распространению просвещения, а вместе с ним потере веры народа в суеверия и лжеучения, на которых и зиждилась власть средневековой церкви. Одним из центров наибольшего религиозного противостояния протестантов и папистов была Чехия. После эпохи гуситских войн «в чешских землях протестантизм сохранил свое господствующее положение почти в полной неприкосновенности»¹.

Ситуация в корне меняется, когда на чешский трон вступает представитель императорской династии Габсбургов, отличавшихся ярким фанатизмом и приверженностью папству, Фердинанд I (1527—1564). Своей жестокой фанатичной политикой «окаатоличивания» и «онемечивания» чешских земель он вызывает восстание в Чехии в 1547 году. Последнее им было кроваво подавлено, а его солдаты вели себя в Праге, как во вражеском захваченном городе, а не столице своего же государства, нещадно грабя, убивая и насилуя мирное население. Он лишает Прагу и другие чешские города всех привилегий, что приводит вскоре к резкому экономическому спаду развития чешских земель. Имущество восставших было конфисковано, организаторы восстания казнены. Он лишает чешские земли внутреннего самоуправления, превращая их фактически в провинцию империи Габсбургов.

Политику насильственной католизации и «онемечивания» чешских земель продолжил внук Фердинанда I, взойшедший на трон под именем Рудольфа II (1576—1612). Воспитанный в Испании, он принес оттуда слепое повиновение церкви и иезуитам, верным исполнителем воли которых он и становится² «По вступлении его на престол, отец Лоренц Магий и другие иезуиты совершенно во всем руководили этим слабым и ограниченным государем во все время его царствования, а он осыпал их милостями... Иезуиты со своей стороны, не только не упрекали руководимого ими государя за его развратный образ жизни, но

¹ Бемер. Указ. соч., с. 245.

² Janáček J. Rudolf II. A jeho doba. — Praha: Edice omega, 2014. — С. 209.

Густав Адольф Второй,
король Швеции

даже способствовали его любовным похождениям как мы упоминали выше¹.

Понимая, что центром протестантских веяний, несмотря на все усилия Фердинанда Первого, продолжает оставаться Прага, Рудольф по наущению иезуитов переносит туда в 1583 году столицу империи. Вместе с ним в Чехию пребывает множество иезуитов, которые здесь уже начали свою деятельность в 1556 году. Император приказывает изгнать протестантское духовенство из своих владений².

Рудольф снимает протестантов не только с крупных, но и мелких постов³.

В 1602 году он запрещает деятельность Чешских братьев. Однако, император превращает Прагу не только в оплот Контрреформации, но и в центр оккультизма тогдашней Европы. При нем в Прагу прибывают астрологи, алхимики, спириты со всего мира⁴. Пражский Град превращается в город алхимиков, в одной из его башен — башне Мигулка устраивается алхимическая лаборатория, а Злата улочка становится их местом жительства. В королевских покоях царят иезуиты и оккультисты.

Сам император проводит спиритические сеансы и участвует в алхимических опытах. Он тратит громадные суммы денег на приобретение книг по магии и оккультизму⁵.

Его родной брат Матвей пишет ему в письме в 1605 году: «Вы дошли до того, что оставили Бога и не хотите об этом даже слышать, не то что говорить... Кроме того, присоединяешься к колдунам, алхимикам, каббале». Занимаясь оккультными науками, император, дотоле отличавшийся живым умом, начинает впадать в странную болезнь. При этом он сам признавался, что периодами

¹ Грзингер. Указ. соч., с. 190.

² Грзингер. Указ. соч., с. 201.

³ Janáček J. Rudolf II. A jeho doba. — Praha: Edice omega, 2014. — С. 208.

⁴ Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 146.

⁵ Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 145.

ему кажется, что он одержим злой силой. Странные и зловещие вещи начинают происходить в его собственной семье.

Несмотря на свой религиозный фанатизм, император страдал сифилисом и жил в незаконной связи с дочерью антиквара Катериной Страда, от которой имел шестерых детей. Его старший сын Юлий Цезарь (1584—1609) стал проявлять в ранней юности просто патологическую склонность к насилию, причем сопровождавшуюся и физическими истязаниями насилуемых им женщин. Его скандальное поведение не могло обуздать ничто и император, наконец, был вынужден его отправить в Град Чешского Крумлова под надзор.

Здесь принц сходитесь с дочерью местного цирюльника Маркетой Пихлеровой, которую он подвергал регулярно истязаниям. Заканчивается эта их связь тем, что он расчленяет на части дочь цирюльника. После этого принц окончательно обезумел, ведя животный образ жизни и не моясь вообще.

Сам Рудольф все чаще и чаще начинает страдать депрессией, от которой его не могли избавить ни оккультисты, ни иезуиты. Он теряет работоспособность, а его жестокая фанатичная политика вызывает повсеместные восстания в его владениях. Наконец, в 1611 году он отстраняется от власти и вскоре умирает в состоянии психического расстройства¹, продемонстрировав своей жизнью то, к чему ведет увлечение оккультизмом и руководство иезуитов.

Политику Рудольфа продолжил его племянник Фердинанд II (1617—1637). Новый император любил повторять слова: «Лучше пустыня, нежели страна, населенная еретиками». В целом преданный и контролируемый иезуитами, император дает им самые широкие полномочия для своей деятельности и проповеди. Так, «иезуит Андрей Нейбауер проповедовал в Праге в церкви с кафедры, что «богемская грамота — все равно, что вынужденное необходимостью позволение держать в больших городах публичные дома», а другие члены «Общества Иисуса» громко говорили о необходимости гнать, лишать имущества и казнить протестантов»².

Фердинанд прямо предлагает своим протестантским подданным в Чехии либо принять католичество, либо покинуть страну. Подавляющая часть протестантов избирает второе. Его земли начинают пустеть. Он был под полным контролем иезуитов. При-

¹ История Нового времени. Век религиозных войн (1500—1650) // Под ред. проф. И. Пфлуг-Гартунга. — СПб.: Просвещение, 1910. — С. 474.

² Гризингенр. Указ. соч., с. 212.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

- Земли с преобладанием протестантов
- Испанские Габсбурги
- Австрийские Габсбурги

0 500 км

- ① 1620-1623: Поражение чехов и курфюрста Пфальцского
- ② 1625-1629: Поход датского короля Кристиана IV
- ③ 1630-1632: Поход шведского короля Густава II Адольфа
- ④ 1635: Выступление Франции против Испании и императора
1642: Оккупация Руссильона
1643: Битва при Рокруа
- ⑤ 1645-1648: Французская и шведская кампании в Германии

Европа во времена Тридцатилетней войны

чем двое иезуитов постоянно находились в его приемной, имея право в любое время входить к нему без доклада, контролируя и тех, кто входит.

Ситуация в империи все более и более приобретала взрывоопасный характер, назревала война. Папство и иезуиты не могли смириться с существованием протестантских государств в Европе и продолжающейся проповеди Евангелия, которая грозила отпадением новых земель из-под папско-иезуитского контроля.

«Поэтому иезуиты всегда старались разрушить доброе согласие, существовавшее между католиками и протестантами, и уничтожить господствующую веротерпимость. Им нужно было пробудить давно заснувшую религиозную ненависть и снова вызвать дух фанатизма. Возбудив религиозную войну, можно было рассчитывать на победу, потому что на стороне католической партии стояли обе могущественные линии Габсбургского дома: сильная Бавария и множество католических духовных государей — тогда как протестанты были гораздо слабее»¹.

«Иезуиты старались также подорвать значение религиозного мира и в своих полемических сочинениях глумились над Реформацией»².

Понимая эту угрозу, протестантские правители образуют в 1608 году Евангелический союз, в ответ на что сторонники папства уже открыто основывают в 1609 году Католическую лигу. И если первый союз носил оборонный характер, то второй носил ярко выраженный наступательный характер. Словом, оставалось найти только повод к разворачиванию боевых действий против протестантов.

● Тридцатилетняя война

Тридцатилетняя война (1618—1648) относится к числу важнейших военных конфликтов за всю историю Европы и по своей значимости может быть поставлена с полным правом наравне с мировыми войнами двадцатого столетия. Именно Тридцатилетняя война определила границы современных европейских государств и сформировала во многом и саму современную Европу. В силу того, что в основе войны лежали религиозные причины, в бывшем Советском Союзе она практически не изучалась, а порой и просто замалчивалась.

В ходе Тридцатилетней войны друг другу противостояли две коалиции. Католическая в составе: католических княжеств Герма-

¹ Гризингенр. Указ. соч., с. 191.

² Робертсон. Указ. соч., т. 2. — С. 861.

Фельдмаршал Иоганн Тилли

нии, Австрии, Испании, Речи Посполитой, Португалии. Протестантская в составе: Швеции, Дании, Франции, протестантских княжеств Германии. Чехии, Трансильвании. Венеции, Савойи. Так же определенную помощь протестантам оказывали Англия, Шотландия и Россия.

В самом ходе Тридцатилетней войны выделяют четыре периода (фазы): богемский (чешский), датский, шведский и франко-шведский.

— Богемская (чешская) фаза войны (1618—1623)

Насильственная католизация страны, проходящая параллельно с ее онемечиванием приводила к росту недовольства чешского населения. Наконец, доведенные до отчаяния чехи устраивают восстание в 1618 году, свергнув правительство во время заседания городского совета в Новоместской ратуше, которое знаменует начало Тридцатилетней войны (1618—1648), величайшей религиозной войны за всю историю Европы, в которой протестанты хотели получить право на свободу вероисповедания. В 1620 году чехи избирают своим королем протестанта Фридриха Пятого Пфальцкого, который и возглавляет антигабсбургское восстание. Однако, это избрание не признается императором Фердинандом Вторым Габсбургом, который собирает войска Католической лиги и которые под предводительством фельдмаршала Иоганна Тилли идут на Чехию.

В сражении на Белой горе 8 ноября 1620 года войска католической лиги разбивают чехов, и, захватив Прагу, по настоянию иезуитов, приступают к массовым репрессиям и избиению мирного населения¹.

В 1621 году на Староместской площади были казнены участники антигабсбургского восстания², которые хотели отстоять право чехов на самоопределение, а главное — право исповедовать

¹ История Нового времени. Век религиозных войн (1500—1650) // Под ред. проф. И. Пфлуг-Гартунга. — Спб.: Просвещение, 1910. — С. 497; Шафф. Указ. соч., т.6, с. 256.

² Искусство и история Праги. — Firenze: Casa Editrice Bonechi, 2013. — С. 94.

Здание Новоместской ратуши, с события в которой началась
Тридцатилетняя война. Прага, Чехия. Фото автора

Евангельское учение вместо человеческих преданий и постановлений государственной церкви.

Под влиянием иезуитов¹ император начинает страшные гонения на протестантов в Чехии (или Богемии, как ее именовали немцы).

«Император подписал давно заготовленный смертный приговор, и 21 июня 1621 г. трагедия началась казнью двадцати семи знатнейших предводителей богемского восстания. Во время казни Фердинанд II лежал, распростертый, перед образом Богородицы в Мариенцелле, куда отправился на богомолье. С тех пор началась самая ужасная, жестокая, кровавая система гонений, руководителем которой был, по собственному признанию иезуитов, знаменитый сочлен их, Ламормайн.

Все протестанты были лишены не только гражданских, но и вообще всех человеческих прав. Комиссия, назначенная императором Фердинандом II и бывшая ничем иным, как инквизиционным судилищем, упражнялась в течение нескольких лет в вешании, колесовании, клеймении, резании ушей и носов. Кроаты, кирасиры и ландскнехты загоняли народ в церкви собаками, бичами и палашами; грабили всю страну — как города, так и деревни; нападали по ночам на безоружных, резали, терзали их и насиловали женщин.

Главных виновников казнили или сажали в тесные клетки, где нельзя было ни сидеть, ни лежать, и до тех пор преследовали их семейства, жен и детей, пока они не соглашались отказаться от ереси. Иезуиты принимали во всем этом самое деятельное участие... О том, что они совершали, дает понятие их же собрат, иезуит Балеин, историк Богемии и очевидец всех этих ужасов; он говорит: «Право, удивительно, что после всего совершившегося в этой стране, в ней еще остались жители; но все, кто уцелел в этом разоренном крае, были обращены в католичество, и ересь была радикально истреблена». Между прочим, известен факт, что иезуиты со своими учениками напали ночью на одну деревню близ Праги, жители которой упорствовали в ереси, и совершенно ограбили ее.

Иезуиты были всемогущими; император тайно вступил в орден, но скрывал это очень слабо и открыто называл себя сыном «Общества Иисуса». Люди самые бесчестные, преступные и развратные получили высшие гражданские и придворные должности. Богемия находилась под особым иезуитским владычеством.

---

¹ История Нового времени. Век религиозных войн (1500—1650) // Под ред. проф. И. Пфлуг-Гартунга. — Спб.: Просвещение, 1910. — С. 498.

Даже знаменитый Пражский университет был соединен с тамошней иезуитской коллегией и, таким образом, отдан был под власть «Общества Иисуса». Ректор этой коллегии был назначен в то же время ректором университета, попечителем всех учебных заведений в Праге, цензором всех книг, печатавшихся и продававшихся в королевстве Богемском, и, наконец, инквизитором»¹.

— Датская фаза Тридцатилетней войны (1625—1629)

Вследствие наступления имперских войск создалась реальная угроза того, что войска Католической лиги уничтожат свободу и покорят протестантские государства Северной Германии и выйдут тем самым к границам Дании. Понимая эту угрозу, датский король Христиан Четвертый, страна которого также приняла протестантизм, приходит на помощь германским правителям. Однако, благодаря своим талантливым полководцам Валленштейну и Тилли, император Фердинанд Второй разбивает датские войска и в 1629 году публикует эдикт о Реституции, согласно которому все земли, занятые протестантами, после 1552 года должны быть возвращены и что протестанты должны быть изгнаны из всех районов, где правят католические государи.

— Шведская фаза Тридцатилетней войны (1630—1635)

Этому несомненному успеху папских сил, которые были готовы на новые ущемления прав протестантов, воспрепятствовал король Швеции Густав Адольф, бывший не только мудрым правителем, но и прекрасным полководцем. Сам протестант по вероисповеданию, он приходит на помощь своим единоверцам в самый критический для них момент. Именно тревога за судьбу евангелического вероисповедания сыграла существеннейшую роль в его вступлении в войну². Победы шведской армии под Брейтенфельдом (17 сентября 1631 г.), при Райке в ноябре 1631 г. и, наконец, в 1632 г. при Лютцене наносят страшные поражения имперской

Христиан Четвертый,
король Дании

¹ Гринингер Т. Иезуиты. Полная история ордена. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004. — С. 215—216.

² Прокопьев. Указ. соч., с. 384.

армии. Северная Германия полностью переходит под контроль протестантов¹.

— Франко-шведская фаза Тридцатилетней войны (1635—1648)

На последнем этапе войны в боевые действия вступает Франция. Причем, будучи католической страной, Франция выступает на стороне протестантов. И это было хорошо продуманным расчетом со стороны тогдашнего реального правителя Франции, знаменитого кардинала Ришелье. Последний считал себя, в первую очередь, не папским кардиналом, а французом и первым министром королевства, и потому всегда проводил политику в интересах Франции, а не папского престола. И потому, прекрасно понимая, что победа католических Германии и Испании приведет к крайне опасному для Франции соседству, он выступает на стороне протестантских государств. К тому же Ришелье хорошо понимал и то, что Католическая лига возвращает свои страны и народы в мрачное и невежественное Средневековье, в то время, как протестантские идеи способствуют развитию экономики и культуры. И потому Ришелье, хотя и сломил политически независимый оплот французских гугенотов — крепость Ла-Рошель, проводит в самой Франции крайне веротерпимую политику, за что получает от сторонников папства кличку «кардинал гугенотов».

Итак, благодаря вмешательству Франции Католическая лига теряет последний шанс на возможность, пусть уже и не обрете-

Кардинал Ришелье

¹ Прокопьев. Указ. соч., с. 386, 388.

ния победы, а хотя бы сохранения баланса. И потому в 1648 году заключается Вестфальский мирный договор между Францией и Швецией, с одной стороны, и императором Фердинандом Третьим — с другой.

Согласно этому договору:

во-первых, Голландия и Швейцария признавались независимыми протестантскими государствами;

во-вторых, лютеранство и кальвинизм стали признанными религиями, и в католических странах и протестанты получили право занимать государственные должности;

в-третьих, Священная Римская империя Германской нации, со своего возникновения в 800 году игравшая доминирующую роль в Европе, превратилась вследствие обретения независимости большинством германских государств, просто в географическое понятие, став, по сути, Австрийской империей;

в-четвертых, протестантские Швеция и Пруссия получили большие земельные приращения, которые их вывели в разряд ведущих европейских держав;

в-пятых, Франция получила Эльзас, Зундгау, Дукаполис, Брайзах, став ведущей страной Европы, чем, впрочем, не сумел воспользоваться крайне амбициозный, но недалековидный Людовик XIV, несмотря на внешний лоск, приведший с помощью иезуитов свою страну к катастрофе, что будет рассмотрено нами чуть ниже;

в-шестых, Чехия, Испания, Италия, Австрия остались под контролем папства, что не замедлило сказаться на развитии и судьбе этих стран.

Известия о мире было с радостью воспринято народами Европы и только иезуиты были теми, кто с негодованием встретил это событие, возмущаясь тем, как можно было даровать религиозную свободу. Кстати, именно иезуиты расстраивали несколько раз все попытки заключения мира еще в 1632, 1635 и 1638 гг.²

• Последствия Вестфальского мира и плоды деятельности иезуитов

Исследуя последующие события, последовавшие после окончания Тридцатилетней войны, мы отчетливо видим крайне разную судьбу тех стран, которые приняли и отстаивали протестантизм (Швеция, Дания, Англия, Голландия, Швейцария, Северная Германия) и теми, кто остался в сфере контроля папства и иезуитов (Италия, Испания, Чехия, Польша).

---

¹ Гризингер. Указ. соч., с. 221.

Альбрехт Валленштейн

Все это самым кардинальным образом сказалось и на особенностях развития, как науки в целом, так и медицины, в частности.

— Плоды деятельности иезуитов во Франции

Страшные религиозные войны, в ходе которых папство стремилось истребить протестантов, сотрясали Французское королевство с 1562 г. по 1598 г., унеся жизни сотен тысяч людей и приведя к заказным убийствам, организованных папистами двух французских королей Генриха III в 1589 г. и Генриха IV в 1610 г. Апогеем этих войн стала знаменитая Варфоломеевская ночь, в ходе которой только в одном Париже паписты зверски вырезали более 30 тысяч протестантов. И только после опубликования Генрихом Четвертым в 1598 г. Нантского эдикта, гарантировавшего протестантам право на свободное вероисповедание, была приостановлена эта губительнейшая для Франции междоусобная война. Однако, его внук, король Франции Людовик XIV (1643—1715), названный придворными подхалимами Великий, «не только выбирал среди членов иезуитского ордена духовников для себя и для всей своей семьи, но в 1670 году он дал своему духовнику-иезуиту право предлагать кандидатов на все высшие церковные должности в королевстве. Кроме того, он встал со всей силой своего авторитета на сторону отцов в серьезных спорах, которые навсегда подорвали популярность ордена во Франции, и которые позднее должны были явиться одной из причин его крушения. Наконец, во внутренних делах он следовал строго католической политике: он решил с корнем вырвать французский протестантизм, к религиозным привилегиям которого относился с уважением даже сам Ришелье.

Со смерти Генриха IV (к убийству которого были напрямую причастны иезуиты — прим. А.О.) иезуиты не переставали требовать исключительных законов для протестантов, не упустили ни одного случая, не пренебрегли ни одним средством, чтобы нанести удар правам „так называемой реформированной церкви».

Даже в то суровое время нельзя было не возмущаться тем, как иезуиты силой врываются в протестантские города, непрерывно преследовали протестантов своими миссиями и религиозными

Дворец Валленштейна в Праге (ныне сенат Чешской Республики).
Фото автора

диспутами, старались оторвать протестантских детей от их родителей, открыто обвиняли протестантов в оскорблении величества только потому, что они исповедовали другую веру, чем король. Еще более, чем этой беспощадной партизанской войной они вредили протестантам своими школами и тем влиянием, которое они имели среди духовенства и при дворе. Бесплатность иезуитских школ заставила не одного отца-протестанта доверить им обучение своих детей, и последние обычно скоро изменяли отцовской вере.

Влияние, которым пользовались отцы при дворе, побудило многих сеньоров — протестантов перейти в католицизм. Духовенство, вскормленное доктринами иезуитов, все более и более проникалось фанатической ненавистью к свободе совести и все настоятельнее требовало от короля отмены Нантского эдикта (который гарантировал равные права католикам и протестантам — прим. А.О.). Людовик долгое время мечтал о мирном воссоединении обеих церквей. Но в 1681 году он открыто выступил на путь насилия и 17 октября 1685 года исполнил, наконец, желание фанатиков. С этого времени в глазах Людовика и в глазах государ-

ства, во Франции существовали только старые и новые католики. Французский протестантизм официально перестал существовать, но вместе с тем, как заметил маршал Вобан, Франция потеряла 400,000 жителей и 60 миллионов франков; флоты ее врагов обогатились 9000 отборных матросов, а их армия — 12000 прекрасных солдат»¹.

Зверское истребление протестантских семей войсками Людовика XIV не поддается описанию. Вырезались, насильничались целые деревни, без разбора пола и возраста. Это истребление и изгнание протестантов, как наиболее трудолюбивой части населения страны, руководимое и спровоцированное иезуитами, привело к кризису экономическому, а спустя немного времени и политическому, финалом которого стала Французская революция 1789 года.

— Плоды деятельности иезуитов в Чехии

По итогам Тридцатилетней войны земли Чехии, а точнее то, что от них осталось, остались во владении Габсбургов, чьей политикой, как мы рассматривали выше, руководили иезуиты. В результате страшных гонений сопротивление чешского дворянства было полностью сломлено, а мечта о независимом чешском королевстве более не возникала².

Иезуиты презирали чешский язык и культуру. Так «Иезуит Андрей Нейбауер проповедовал в Праге в церкви с кафедры, что «богемская грамота — все равно, что вынужденное необходимостью позволение держать в больших городах публичные дома», а другие члены «Общества Иисуса» громко говорили о необходимости гнать, лишать имущества и казнить протестантов»³.

В период Тридцатилетней войны «правительства Богемии, Венгрии, Моравии, Силезии и Австрии установили законы, воспрепятствовавшие иезуитам доступ в эти страны, и в то же время писали против них, обличая и разглашая все их происки. Так, между прочим, в одном манифесте мятежных правительств говорилось: «Мы нашли, что зачинщики всех этих бедствий — иезуиты, которые стараются всюду утвердить власть римского престола и подчинить себе все королевства и страны. Для этой цели они прибегают к самым непозволительным средствам: возбуждают власти против подданных и подданных — против властей; сеют раздоры

¹ Бемер. Указ. соч., с. 220—222.

² История Нового времени. Век религиозных войн (1500—1650) // Под ред. проф. И. Пфлауг-Гартунга. — Спб.: Просвещение, 1910. — С. 498—499.

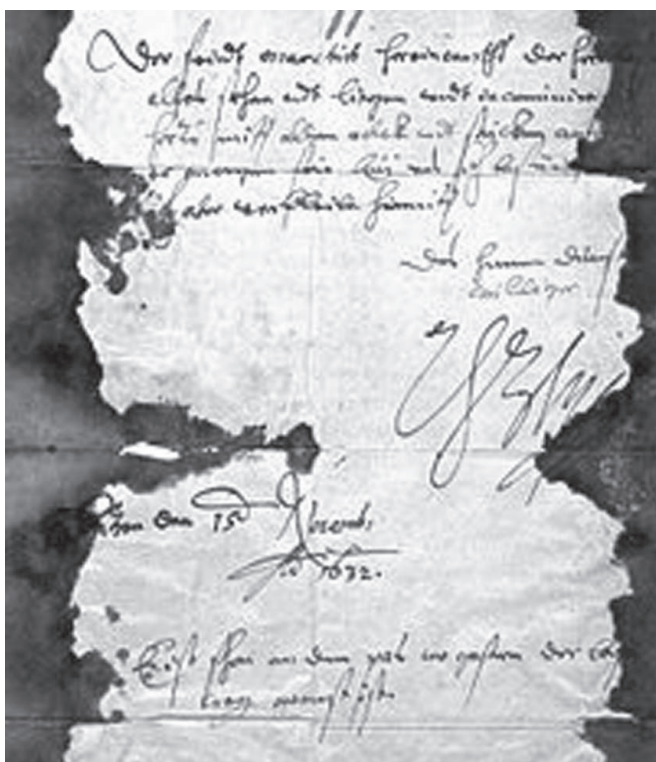
³ Гринингер Т. Иезуиты. Полная история ордена. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004. — С. 212.

и возмущение; присваивают себе всюду политическое господство и проповедуют, что в отношении людей, не принадлежащих к римской церкви, никто не обязан соблюдать верность и честность»¹.

Политику Фердинанда Второго продолжает его сын Фердинанд III. В Чехии все меньше и меньше оставалось чехов и всего чешского. Прага из города великого Яна Гуса и центра распространения Евангелия стала все более и более превращаться в город иезуитов и алхимиков.

«Древний, славный Пражский университет превратился в иезуитское учреждение, цензура книг стала привилегией иезуитского ректора в Праге; контрреформация была проведена весьма энергично под руководством иезуитов. Около 30.000 семей, из них 155 из сословия господ и рыцарей, было изгнано из Богемии для

Приказ Валленштейна о немедленном возврате войск к Лютцену

¹ Гринингер Т. Иезуиты. Полная история ордена. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004. — С. 213.

вающей славы Божией. Более 80.000 крестьянских усадьбе и более 8000 домов в королевских городах были очищены за период с 1620-го до 1628-го года от еретиков и других находившихся в них неудобных жителей. Богемия стала пустыней. Но чем более нищел и таял численно этот несчастный народ, тем больше становились богатства, численность и могущество иезуитов, благодаря милостям императора и созданной им новой знати, быстро обогатившейся путем самых позорных хитростей и обманов. Те 20 коллегий и 11 семинарий, которыми они владели в 1679 году в Богемии и Моравии, в достаточной степени доказывают, что высшее образование и подготовка к священническому званию находились всецело в их руках. То обстоятельство, что они в это же время имели в своем распоряжении не менее семи коллегий на северной границе, следовательно, по соседству с лютеранской Саксонией, свидетельствует об их старании защитить Богемию от еретического яда.

Но они не только защищали Богемию от ереси, они отняли у нее ее национального святого, Яна Гуса, и взамен его наградили ее новым святым — Яном Непомуком; они не только пустили в ход все средства, чтобы добиться канонизации этого Яна, который был, самое большее, несчастной жертвой, а никак не святым, но и переделали массу статуй Гуса в статуи Непомука. Ян Непомук, священник в Праге, брошенный, по приказанию императора Венцеслава в Мольдау (Влтаву) 16 мая 1383-го года, вследствие расположения к нему пражского архиепископа, с которым тогда боролся император, действительно, был канонизован в 1729 году папой Бенедиктом XIII, благодаря настояниям иезуитов, которые создали целую легенду о нем и превратили его в мученика за тайну исповеди»¹.

В результате всего этого Чехия потеряла свою государственность, право использовать свой язык, развивать свою культуру и лишилась одной трети своего самого талантливого населения, включая практически всю интеллигенцию.

— Плоды деятельности иезуитов в Австрии

«Падение Богемии дало сигнал к лишению прав или изгнанию множества еще не обращенных австрийских протестантов. В Австрии так же, как и в Богемии, подавление протестантов было в то же время триумфом иезуитов; 2 университета, 15 коллегий, 11 семинарий, которыми владели иезуиты в 1679 году в Верхней Австрии, Тироле и Внутренней Австрии, доказывают, что и в этих странах воспитание будущих священников и чиновников, а также

¹ Бемер. Указ. соч., с. 246—247.

и все руководство высшей духовной культурой, превратились в монополию ордена.

В это время архиепископ Пацмани, сам бывший членом общества Иисуса, открыл для него обширное поле деятельности в Венгрии и принялся с большим искусством за обращение мадьярского дворянства. Результатом его усилий был значительный рост католической партии и развитие иезуитских школ. Однако, и в Венгрии, начиная с 1670 года, наиболее убедительными миссионерами

Ян Амос Коменский

явились солдаты императора. Их действительная пропаганда, в конце концов, обеспечила преобладание католицизму; и это преобладание немедленно выразилось в Венгрии, как и в других местах, в большом числе иезуитских поселений. В 1679 году в весьма мало населенных землях короны св. Стефана орден владел 20 резиденциями, 5 семинариями, 10 коллегиями и 1 академией.

Таким образом, во всех зависевших от немецких Габсбургов землях орден достиг около 1675 года своей цели. Протестантизм был уничтожен или, по крайней мере, лишен всех прав. Рим снова стал повелителем душ. Орден со своими 6 академиями, 55 коллегиями, 28 семинариями, 5 бесплатными пансионами утвердил на глазах у всех свое господство над всем высшим образованием и, следовательно, над всею интеллектуальною жизнью.

Но этот триумф иезуитов и католицизма имел еще другой результат: Австрия чрезвычайно обеднела; изгнание тысяч немецких и чешских семей привело к огромным потерям богатств, людей и интеллектуальных сил»¹.

— Плоды деятельности иезуитов в Польше

В первой половине XVI века в Польше убедительную победу одержала Реформация. Дело в том, что к 1560 году подавляющая часть, как польского дворянства, так и горожан приняла учение Реформации. Это не замедлило сказаться на существенном повышении экономики благосостояния Польши, в состав которой тогда входила Литва, а также земли Западной Украины и Беларуси².

¹ Бемер. Указ. соч., с. 248.

² Огієнко І.І. Українська церква. — К.: Україна, 1993. — С. 107.

Для борьбы с этим папство посылает в Польшу иезуитов, которые начинают с того, что основывают свои школы и коллегии в Вильнюсе (1570 г.), Ярославле (1571 г.), затем в Орше, Люблине, Несвиже, Луцке, Виннице, Фастове, Остроге, Новгород-Северском.

Через систему образования они перестраивают сознание молодежи, делая ее послушной своей воле. Взошедший на престол Польши Сигизмунд Третий (1587—1632), воспитанный иезуитами, был ради них и интересов папства «готов пожертвовать прямыми интересами государства... главная цель его деятельности, к которой были направлены все его помыслы и внимание, — дать торжество католичеству, уничтожить религиозные разности среди своих подданных и ввести в государстве единство веры. Иезуиты, которыми были навеяны королю эти мысли, очень деятельно ему помогали»¹. «Сигизмунд поддерживал католическую реакцию всеми средствами, которые давало ему его положение... иезуиты оказывали громадное влияние своей деятельностью с амвона, исповедью и школами»². В результате этой политики в течение считанных десятилетий Реформация терпит поражение, и как отмечает один из ведущих историков и просветителей Украины, автор перевода Библии на украинский язык, профессор И.И. Огиенко, украинская интеллигенция того времени приняла католичество «тим самим зрикнися й своєї української нації»³.

«Можно сказать, что всюду, где протестантизм терпел поражение, победителем был учитель — иезуит; что он обеспечил старой церкви господство во многих странах, которые уже успели совершенно или наполовину перейти к лютеранству. Господствующие и образованные классы, воля которых решала веру народов, были вновь завоеваны католицизмом только потому, что орден получил своего рода монополию преподавания в романских странах»⁴. Однако, эта победа иезуитов в Польше становится роковой для самой Польши. Ибо деятельность иезуитов приводит к формированию невыгодной для Польши внешней политики, развалу ее экономики и попаданию вначале под контроль Австрии, Пруссии и России, а затем и вовсе раздел ее между этими тремя странами. Историки четко говорят о том, что ответственность за гибель Польши лежит на иезуитах⁵.

¹ Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. — Минск: Лучи Софии, 2002. — С. 127.

² Грабеньский В История польского народа. — Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Купалы, 2014. — С. 258.

³ Огієнко Вказ. тв., с. 107.

⁴ Бемер. Указ. соч., с. 167.

⁵ Бемер. Указ. соч., с. 259.

«Успехи «Общества Иисуса» оказались крайне вредными для польского народа, потому что, утвердившись в стране, иезуиты пожелали уничтожить религиозную свободу, которой до появления их пользовались протестанты и жители Литвы православного вероисповедания; это возбудило в государстве беспокойство, имевшее для него очень вредные последствия...в конце XVI века многие умные и просвещенные поляки очень хорошо понимали, откуда происходит беспокойство и к чему оно может привести. Так, например, в это время польскому сейму было представлено сочинение, где, между прочим, говорилось следующее: «Иезуиты и не думают убеждать иноверцев, а предпочитают преследовать, путать их и поддерживать постоянную религиозную ненависть. Умнейшие и самые ловкие члены их ордена служат не воспитанию молодежи, а при дворе влияют на королевские выборы, на распоряжения королей, пользуются их значением для удовлетворения своего властолюбия. Они возбуждали беспокойство в Лифляндии, в Риге, Литве, на Волыни, а в Кракове овладели церквями протестантского и православного духовенства, изгоняли прихожан силой, не щадя ни больных, ни стариков, тем несколько церквей во время беспорядков сторело; коллегии, семинарии и резиденции их подобны дворцам и укрепленным цитаделям, и обращают все свои силы против тех, кто известен как честные патриоты»¹.

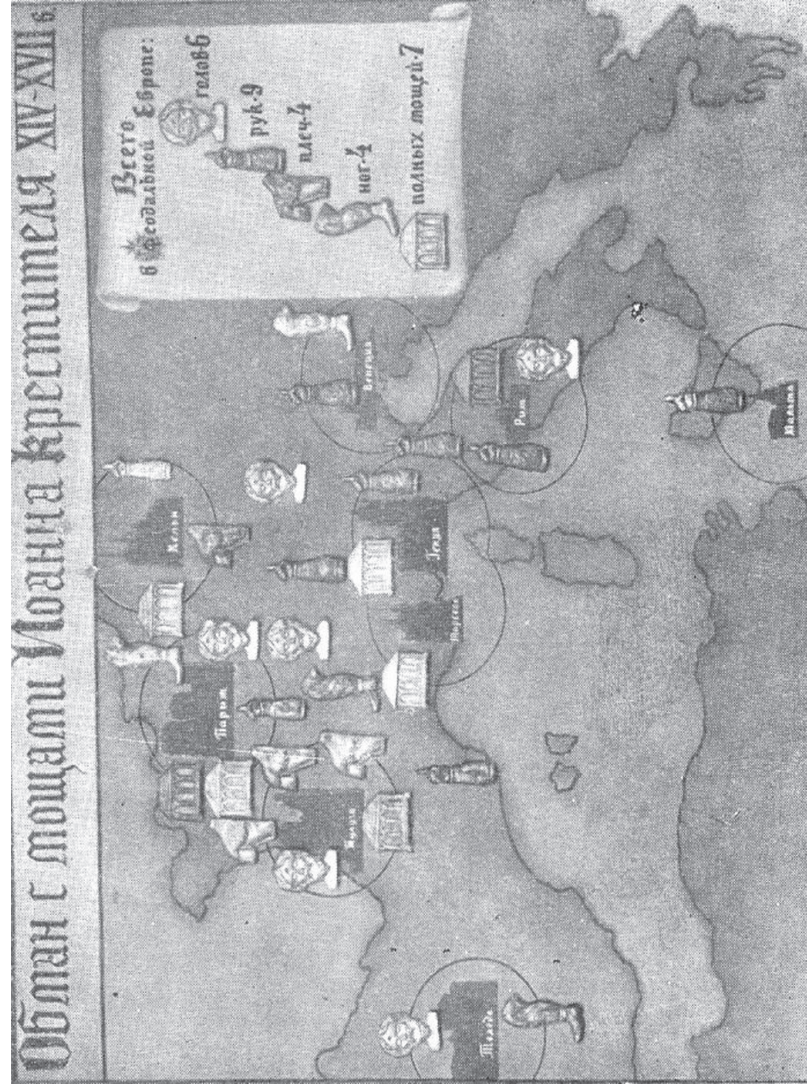
Таким образом, страны, отвергнувшие учение Реформации и подпавшие под контроль иезуитов, в самом скором времени пожали плоды своего выбора в виде кризиса в экономике, внутренних смут, отставания в развитии науки, и медицины, в частности.

---

¹ Гризингер. Указ. соч., с. 232.

Распространение реликвий, связанных с Иоанном Крестителем в Европе в эпоху Возрождения

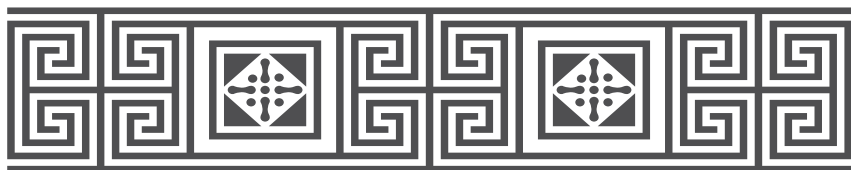

Часть вторая

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Вступление

История медицины эпохи Реформации заложила основы практически всей современной медицинской науки. Именно в этот период подлинно научное становление получают анатомия, физиология, эмбриология, эпидемиология, хирургия и т.д. Безусловно, исследования в этих областях проводились с античных времён, однако, носили не систематический характер, развивались без какой бы то ни было преемственности, а полученные достижения не только не закреплялись, но, как правило, забывались уже при следующих поколениях.

Фактически история Древней и Средневековой медицины на протяжении тысячелетий топталась на одном месте, а примеры единичных выдающихся учёных того времени, как Гиппократ и Гален, высятся подобно айсбергам в океане темноты и невежества состояния медицины того времени, которое мы подробно рассматривали в нашей предыдущей монографии «История Древней и Средневековой медицины».

Такой застой был неслучаен, будучи обусловлен, в первую очередь, теми религиозными воззрениями, которые господствовали в эпоху Древнего мира и Средневековья, воззрениями, которые своими суевериями, фанатизмом и оккультизмом ставили табу на практически любые попытки развития медицинской науки и практики.

«До времени Возрождения, когда по ряду причин начинает ослабевать гнетущее влияние церкви, медицинская наука не знает оригинальных работ, открытий»¹.

И только медицина Древнего Израиля, основанная на библейских принципах, была исключением. И именно потому, что в эпоху Реформации произошёл возврат к тем же самым библейским истинам и положениям о ценности человеческой жизни, любви к ближнему, познании созданного Богом мира, становится возможным развитие медицины. И потому, исследуя жизненный и научный путь учёных эпохи Реформации, мы видим тесную взаи-

¹ Верхратский. Вказ.тв., с. 64.

мосвязь между глубиной веры этих людей, их жизнью и их научными достижениями.

Да, это были люди со своими слабостями и недостатками. «Крупные деятели эпохи Возрождения, в том числе, врачи, не только являлись участниками борьбы, протекавшей вне их, в современном им обществе. Борьба эта происходила с не меньшей остротой и в них самих. Неся в себе груз пережитков Средневековья, с огромным трудом преодолевая их и не преодолев их до конца, ученые-мыслители эпохи Возрождения дорого платили за прозрение будущего. Они полны противоречий, самых крайних и, казалось бы, непримиримых. Именно это и характерно для людей той переломной эпохи, когда новое уже зародилось, властно заявляя о себе, а старое еще удерживалось и не хотело уходить»¹.

«Время восстания против схоластики исполнено драматического интереса. Читая биографии, развертывая писания энергичных людей, рвавших цепи, которые опутывали науку, вы увидите разом двойную борьбу, в которую они были вовлечены. Одно совершается в их душе — борьба психическая, трудная, волнующая их непрерывно, придающая многим из них эксцентрический, почти судорожный вид. Другая борьба — наружная, оканчивающаяся на костре, в темнице...»².

В это время «кабинетные ученые являлись исключением»³.

Ученые того времени были искренними в своём желании служить Богу, видеть Его творческую гениальность в устройстве человеческого организма и в желании помочь своим ближним.

Еще советские ученые вынужденно должны были отметить, что «наука эпохи Возрождения тесно связана с теологией»⁴. Для подавляющего большинства того времени мир был создан Творцом сразу во всей своей красоте и полноте⁵.

Совершенные благодаря этому выдающиеся открытия, с полным правом дают основания говорить о них, как об истинных основателях той или иной медицинской науки. В каждой из глав мы будем давать обзор тех наработок и открытий, которые существовали до них в той или иной медицинской науке. Чтобы оценить по достоинству сделанное ими, мы также подробно будем

¹ Заблудовский П.Е. Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // В кн. Фракасторо Д. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 166.

² Герцен А.И. Избранные философские произведения. — М.: Госполитиздат, 1948. — Т. I, с. 225.

³ Заблудовский. Указ. соч., с. 89.

⁴ Бородулин. Указ. соч., с. 157.

⁵ Бородулин. Указ. соч., с. 157.

рассматривать жизненный путь и духовные искания этих учёных. Анализируя историю медицины того времени, мы отчётливо видим, как движение Реформации закладывает основы для развития подлинной медицинской науки, в то время, как движение Возрождения, несмотря на первоначальные лозунги и успехи, станет, в конце-концов, колыбелью для парамедицины, проокультурной медицины, которая в виде гомеопатии, гипнотизма, хилерства, экстрасенсорики, спиритизма доживет до нашего времени, в которое попытается вновь, как и в эпоху Возрождения, облечься в околonaучные одеяния, которые лишь прикрывают колдовство и знахарство.

Примечательно, что страны, принявшие Реформацию, построят прекрасные системы здравоохранения, славящиеся и по сей день (Германия, Великобритания, США, Норвегия, Швейцария, Швеция, Дания, Финляндия), а страны, отвергнувшие Реформацию и ставшие под знамя Контрреформации (Испания, Италия, Польша, Чехия, Румыния) на долгие столетия отстанут от них. И потому история ярко свидетельствует, что принятие учения Реформации, т.е. Евангельского учения, является базовым для всего дальнейшего как построения, так и функционирования системы здравоохранения во всех её сферах.

Глава 1

ФРЭНСИС БЭКОН ИЛИ ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

Одним из ведущих завоеваний Реформации стала, как мы уже отмечали выше, возможность для рождения и развития подлинной медицинской науки, не связанной какими-либо религиозными суевериями и предрассудками. В ее основе должно было лежать, в первую очередь, опытное познание устройства человеческого организма, без которого было немыслимо дальнейшее развитие медицины. Но, если с этим соглашались все прогрессивные ученые того времени, то вопрос о том, что считать критерием истинности знания, то есть, какими руководствоваться критериями в исследовании и интерпретации, у них расходился¹.

В связи с этим, два ведущих философа того времени предлагают два различных метода для решения вопроса об истинности получаемого познания: Фрэнсис Бэкон предлагает эмпирический (или индуктивный) метод, Рене Декарт — рациональный. Рассмо-

---

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 159.

трим жизненный путь этих ученых и те методы, которые они предлагали. Причем их актуальность не потеряла своего значения и для современного развития медицины.

• **Биографический очерк.** Выдающийся английский философ Фрэнсис Бэкон родился 22 января 1561 года в Лондоне в семье одного из высших сановников английского королевства, хранителя Большой печати Англии сэра Николаса Бэкона, человека большого ума и высокой порядочности. Матерью Фрэнсиса была Анна Кук, принадлежащая к одному из знатнейших родов Англии и бывшая одной из образованнейших женщин своего времени. Анна была глубоко верующим человеком, последовательницей пуритан — одного из направлений протестантизма. Анна лично переписывалась со многими ведущими тогда протестантскими богословами. Благодаря прекрасному знанию латыни и древнегреческого, она сама переводила многие богословские трактаты и проповеди.

Фрэнсис родился в то время, когда Англия, благодаря принятию протестантизма и отказу подчиняться в религиозных вопросах римскому папе, делала огромные шаги в своем экономическом развитии. Юного Бэкона посылают учиться в Кембридж. Затем, желая сына подготовить к государственной службе, отец посылает Фрэнсиса в Париж в составе английской миссии. Однако, внезапная смерть отца нарушает эти планы и в 1579 году Фрэнсис поступает в юридическую корпорацию Грейс-Инн, где изучает юриспруденцию и философию. Благодаря своим талантам, он уже в 1586 году становится главой корпорации. Вскоре он избирается в палату общин и в 1597 году выходит его первое произведение — сборник кратких эссе, содержащих его размышления по вопросам морали и политики. С воцарением короля Иакова Первого (1603—1625) начинается его бурная политическая карьера, вершиной которой становится назначение его в 1618 году канцлером! Однако, его назначение совпало с рядом крайне неблагоприятных факторов, обусловленных бездарным правлением Иакова Первого, который все отдал на откуп своему фавориту расточительному и недалекому герцогу Бекингеми (1592—1628). Последний фактически заправляет всеми делами королевства и Бэкону ничего не остается, как выполнять его распоряжения. Бэкон, будучи мудрым человеком, не был сильным политиком. Финалом всего этого становится крайнее недовольство правлением Иакова Первого, причем в первую очередь среди пэров королевства, которые привлекают Бэкона к суду. В его ходе Бэкон признает ряд обвинений, которые выдвигаются против него. Он честно и открыто говорит следующее.

«Что же касается подкупов и даров, в которых меня обвиняют, то, когда откроется книга моего сердца, я надеюсь, там не найдут мутного фонтана испорченного сердца, растленного обычаем брать вознаграждения, чтобы обмануть правосудие; тем не менее я могу быть нравственно неустойчивым и разделять злоупотребления времени. И поэтому я решил, что, когда мне придется держать ответ, я не буду обманывать относительно моей невинности, как я уже писал лордам, заниматься крючкотворством и пустословием, но скажу им тем языком, которым говорит мне мое сердце, оправдывая себя, смягчая свою вину и чистосердечно признавая ее»¹.

Фрэнсис Бэкон

После своей отставки Бэкон все свое время посвящает научным исследованиям и наблюдениям. Много пишет. Он умирает 9 апреля 1626 года в своем поместье в Грейс-Инн.

• Эмпирический (индуктивный) метод Ф. Бэкона

Проводя свои исследования и наблюдения, и, видя всю несостоятельность схоластической философии, превратившейся, наконец, практически в полную демагогию, Бэкон приходит к заключению, что лучшим объяснением природных явлений, лучшим научным методом, позволяющим отличить истину от вымысла, должен служить эксперимент, в ходе которого явления природы объяснили бы сами себя. Бэкон пишет об эксперименте, что его «мы готовим в качестве светоча, который надо возжечь и внести в природу»². Бэкон считает, что «научное знание истекает из опыта, не просто из непосредственных чувственных данных, а именно из целенаправленно организованного опыта, эксперимента»³.

Для Бэкона гипотезы в деле научных исследований стоят далеко на втором плане перед ясным и простым экспериментом.

Этот метод Бэкона был очень актуален для его времени, которое, как мы отметили выше, только выходило из пут схоластической выродившейся философии, затормозившей с благословения правящей в Средние века государственной церкви, развитие науки на многие столетия. Но вместе с тем этот метод имел и существенный недостаток, «ибо опыт, которому не предшествует какая-то теоретическая идея и следствия из нее, просто не суще-

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т 1, с. 14.

² Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1, с. 33.

³ Там же, с. 32.

ствуем в естествознании»¹. В этом будет и одно из главных его расхождений с философией Рене Декарта, который как раз отводил ведущее место гипотезам, ставя эксперимент на второй план, о чем мы будем говорить подробнее в следующей главе.

Итак, свой эмпирический метод Бэкон основывает главным образом на физике, отдавая ей предпочтение по сравнению с другими науками². Он был одним из основателей ятрофизики, как одного из ведущих учений эпохи Возрождения и Реформации. Одновременно с этим он отводит и химии одну из ведущих ролей в понимании и разрешении вопросов медицины³.

В отношении медицинской науки его метод сыграл весьма прогрессивную роль. Согласно ему Бэкон призывал изучать анатомию физиологию путем проведения опытов над животными, а также внимательного изучения данных вскрытий, которые следует проводить самым тщательным образом, фиксируя все детали, как для непосредственного анализа сразу, так и для последующих поколений, которые могли бы их учесть. Необходимо тщательно вести истории болезни пациентов, которые также необходимо сделать максимально доступными для ознакомления последующими врачами. Рассматривая вопросы фармакотерапии, Бэкон призывает врачей назначать только те лекарственные препараты, которые прошли испытания и доказали свою эффективность. «Нужно методически испытывать все медикаменты. Искать специфических лечебных средств и стремиться к причинной терапии»⁴.

Этот принцип, разработанный Бэконом, лежит в основе современного понятия доказательной медицины, создания протоколов диагностики и лечения тех или иных заболеваний.

Одновременно с этим этот метод имеет и существенный недостаток, так как не дает врачу возможности размышлять, строить предположения, а без этого тоже невозможно дальнейшее развитие науки. Точно так же, и стандарты диагностики и лечения при своих положительных моментах, имеют и существенный недостаток, ибо невозможно отдельно взятого конкретного пациента подогнать под единый стандарт. И будет неграмотно, если врача превратить просто в полуавтомат, назначающий по стандарту препараты, без учета и анализа особенностей самого пациента, наличия у него сопутствующей патологии и т.д.

Итак, рассмотрим конкретно основные положения учения Бэкона по вопросам медицины.

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, с. 43.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 313.

³ Там же, с. 314.

⁴ Там же, с. 314.

● **Ф. Бэкон о медицине**

В своих трудах Бэкон четко формулирует задачи и проблемы, стоящие перед медициной, причем они нисколько не потеряли актуальности в наше время.

— **Медицина и Иисус Христос.**

«Медицина — одно из самых благородных искусств, — по словам поэтов, «происходит из знатнейшего рода»...Но неизмеримо большее достоинство придают медицине дела Спасителя, Который был врачом души и тела, сделав душу подлинным предметом своего небесного учения, а тело предметом своих чудес. Ведь нигде не написано, что Он совершил хоть одно чудо, относящееся к почестям или деньгам (за исключением единственного, с помощью которого Он заплатил подать кесарю), но все чудеса Его сводились либо к сохранению и поддержанию, либо к лечению человеческого тела»¹.

— **Особенности врачебной специальности.** Бэкон говорит и об особой ответственности врачебной специальности.

«Дело в том, что почти все остальные искусства и науки мы можем оценить, исходя из их собственного достоинства и присущих им функций, а не по их успехам и результатам. Адвоката оценивают по самой его способности вести процесс и выступать в суде, а не по результатам того или иного процесса; точно так же и кормчего мы оцениваем по его умению управлять рулем, а не по успеху какого-то путешествия. Что же касается врача, да, пожалуй, еще и политического деятеля, то едва ли существуют какие-то особые действия или навыки, с помощью которых они могли бы с полной очевидностью продемонстрировать свое дарование и искусство; и главным образом сам исход дела приносит им или почет, или позор, и приговор этот часто оказывается совершенно несправедливым. Ведь когда больной умирает или выздоравливает, когда государство находится в цветущем состоянии или приходит в упадок, разве хоть кто-нибудь знает, является ли это результатом случайности или сознательной деятельности врача или политика. Поэтому очень часто случается так, что слава достается обманщику, а опытный и искусный человек подвергается осуждению. Более того, человеческая слабость и легковерие столь велики, что частенько люди ученому врачу предпочитают шарлатана и знахаря»².

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 259.

² Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 260—261.

— Бэкон говорит о том, что медицина его времени еще не вышла за пределы средневековой узости.

«Итак, медицина, как видим, до сих пор продолжает находиться в таком состоянии, что она скорее хвастается своими успехами, чем действительно разрабатывается, а если даже и разрабатывается, то не развивается и не приумножается, ибо все усилия, потраченные на нее, скорее выглядят как движения по замкнутому кругу, чем как действительное продвижение вперед. Я нахожу, что авторы медицинских сочинений очень много повторяют одно и то же и очень мало прибавляют нового»¹.

— Три задачи медицины. Бэкон глубоко выделяет три задачи, предназначения, стоящие перед медицинской наукой.

«Мы разделим медицину на три части, которыми обозначим три ее предназначения. Первая обязанность медицины — сохранение здоровья, вторая — лечение болезней, третья — продление жизни. Впрочем, эту последнюю врачи, как мне кажется, не признают важной частью своего искусства, довольно неразумно объединяя ее с двумя остальными. Они считают, что если им удастся предупредить наступление болезней или излечивать их, когда они возникают, то это уже само по себе влечет продление жизни. Хотя это не вызывает ни малейшего сомнения, однако здесь врачи оказываются весьма недалекими, не замечая, что и то и другое относится только к болезням и имеет в виду только такое продление человеческой жизни, которому препятствуют болезни, сокращая ее. Но никто из врачей не исследовал должным образом, как продлить самую нить жизни и на какое-то время отдалить смерть, незаметно подкрадывающуюся к человеку, как результат естественного распада и старческой атрофии организма. И пусть никого не смущает и не волнует, что мы рассматриваем как задачу и предмет науки прежде всего то, что подвластно судьбе и божественному провидению. Конечно, вне всякого сомнения, от провидения в равной мере зависит любая смерть, и насильственная, и являющаяся результатом либо болезни, либо старости, однако это вовсе не исключает мер предосторожности и лечения. Искусство и труд человека не повелевают природой и судьбой, а прислуживают им. Но об этом мы скажем несколько позже; здесь же мы хотели только предупредить, чтобы никто ошибочно не смешивал эту третью, лежащую на медицине обязанность с двумя предыдущими, что до сих пор делалось почти всегда»².

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 263—264.

² Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 264.

— **Лечебная физкультура.** Бэкон один из первых стал говорить о пользе лечебной физкультуры.

«Никто из врачей как следует не систематизировал и не описал те виды упражнений, которые особенно полезны для сохранения здоровья, хотя едва ли существует такая болезнь, которую нельзя было бы предупредить соответствующим видом упражнений. Например, при болезни почек полезна игра в кегли, при заболевании легких — стрельба из лука, для желудка полезны прогулки и верховая езда и т. д. Но так как мы рассматриваем эту часть о сохранении здоровья лишь в целом, то в нашу задачу сейчас не входит разбирать менее значительные недостатки»¹.

— **Истории болезни и медицинские справочники.** Бэкон призывает врачей писать истории болезни и подготовить книги по редким и неизлечимым заболеваниям.

«Прежде всего, укажем на то, что давно уже забыт введенный Гиппократом в высшей степени полезный обычай тщательно и аккуратнейшим образом записывать все, что происходит с больным, сообщая о природе болезни, о примененном лечении, об ее исходе. И поскольку мы уже обладаем столь удачным и замечательным примером этого в лице человека, считающегося отцом данной науки, то нам нет никакой необходимости искать какой-нибудь иной пример, заимствованный из других областей знания, например, из весьма разумной практики юристов, у которых издавна существует обычай записывать все более или менее интересные случаи и новые решения для того, чтобы быть лучше подготовленными на будущее. Поэтому я считаю, что необходимо непрерывно вести описание всех болезней и после тщательного и серьезного отбора объединить их в одном собрании. Это собрание, по моему мнению, не должно быть настолько обширным, чтобы включать в себя все совершенно заурядные и обыденные случаи (ибо это не имело бы конца и не принесло бы никакой пользы), но, с другой стороны, оно и не должно быть столь сжатым, чтобы включать в себя только редчайшие и поразительные случаи (что и делают некоторые авторы). Ведь многое, оказывающееся необычным в способе и обстоятельствах своего осуществления, вовсе не является таковым в самой сущности. Но тот, кто посвятит себя тщательным наблюдениям, даже, казалось бы, в самых обычных вещах сможет обнаружить многое достойное внимания»².

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 265.

² Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 265—266.

— **Сравнительная анатомия.** Бэкон верно указывает на необходимость изучения сравнительной анатомии.

«Сравнительная же анатомия требует дальнейшего развития. Действительно, люди научились хорошо исследовать отдельные части тела, их состав, форму, расположение, но они значительно меньше внимания уделяют наблюдениям над различием форм и признаков этих частей у разных людей. Я считаю, что такого рода упущение происходит лишь по той простой причине, что в первом случае может быть вполне достаточно одного или двух вскрытий, а во втором (когда речь идет о сравнении и исследовании отдельных случаев) необходимо внимательное и всестороннее изучение многих трупов. К тому же в первом случае ученые имеют возможность покрасоваться на лекциях перед толпой слушателей, а во втором результат может быть достигнут лишь после долгих и кропотливых исследований. А между тем не вызывает никакого сомнения, что форма и строение внутренних частей организма почти не уступают в разнообразии очертаниям и формам внешних органов: что формы сердца, печени или желудка у людей столь же разнообразны, как и формы лба, носа или ушей. А между тем, в самих этих различиях внутренних органов довольно часто и заключены постоянные причины многих болезней. Врачи, не обращая на это внимания, иной раз обвиняют в этом совершенно безвредные мокроты, тогда как действительным виновником заболевания является само строение какого-либо органа. Если при лечении таких болезней применять возбуждающие средства, то это не даст хороших результатов, ибо в данном случае возбуждение вредно. Напротив, следует исправить положение органа и с помощью режима питания и обычных средств лечения найти возможность успокоить боль и облегчить течение болезни. Подобным же образом к области сравнительной анатомии относится и тщательное изучение как всякого рода жидкостей, так и следов, и отпечатков болезней, наблюдаемых в процессе многочисленных вскрытий. Ведь обычно при вскрытиях почти не обращают внимания на мокроты, видя в них лишь вызывающие отвращение нечистоты, тогда как в высшей степени необходимо отметить, какие существуют виды различных мокрот, встречающихся в человеческом теле, и сколько их (не слишком полагаясь здесь на уже существующее деление), в каких областях и полостях тела они преимущественно образуются и скапливаются, в чем их польза и их вред и т. п. Точно так же сравнительная анатомия, опираясь на собранные воедино многочисленные опыты множества врачей, должна очень заботливо и внимательно исследовать и тщательно сопоставлять между собой обнаруженные при раз-

личных вскрытиях следы и отпечатки болезней, причиненные этими болезнями повреждения и полное поражение внутренних органов, как-то: нарывы, сокращения, растяжения, конвульсии, вывихи, смещения, завалы, переполнения, опухоли, а также все противоестественные явления, встречающиеся в человеческом теле, например, камни, мясистые наросты, шишки, черви и т. д. А ведь до сих пор все это разнообразие явлений либо рассматривается в анатомических исследованиях от случая к случаю, либо вообще обходится молчанием»¹.

— **Фармакотерапия. Бэкон тонко поднимает и вопросы фармакотерапии, указывая на необходимость поиска специфических лекарственных препаратов,** направленных на лечение конкретного заболевания; на необходимость составления врачом четкого плана лечения пациентов; необходимости купирования, в первую очередь, боли. Кстати, последнее является одним из четких требований при поступлении пациента в больницу в Западной Европе, которое говорит о том, что при поступлении в больницу пациенту необходимо купировать боль. В больнице пациент не должен страдать от боли. В то время, как некоторые врачи у нас призывали не купировать болевой синдром, чтобы яснее стала клиническая картина заболевания..

«Переходя к исследованиям самих болезней, мы видим, что врачи считают очень многие болезни неизлечимыми, причем одни считаются неизлечимыми с самого начала заболевания, другие — после какого-то определенного периода...Поэтому я абсолютно не сомневаюсь в необходимости создать какую-то книгу о лечении болезней, считающихся неизлечимыми, для того, чтобы она побудила и призвала выдающихся и благородных врачей отдать свои силы этому труду, насколько это допускает природа, поскольку уже само утверждение, что эти болезни являются неизлечимыми, как бы санкционирует и безразличие, и халатность, спасая невежество от позора.

И я хотел бы пойти здесь немного дальше: я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение...

---

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 266—267.

Дело в том, что современные врачи, хотя и совсем неплохо могут указать общее направление лечения, однако конкретные средства, специально предназначенные для лечения отдельных болезней, они или недостаточно хорошо знают, или не слишком продуманно применяют. Своими безапелляционными суждениями они разрушили и уничтожили достижения старой и проверенной на опыте медицины, по произволу прибавляя, отнимая или меняя что-то в методах лечения, подобно аптекарям, заменяя одно средство другим; они так высокомерно повелевали медициной, что медицина сама перестала повелевать болезнями. Ведь за исключением териака, митридатия и, может быть, диаскордия, алькермеса и немногих других средств, они не придают серьезного значения почти ни одному определенному лекарству и не применяют их строго. Ведь те лекарства, которые продают в аптеках, скорее оказывают действие на общее состояние организма, чем предназначены, собственно, для лечения того или иного заболевания, поскольку они по существу не имеют в виду специально ни одной болезни, а лишь способствуют общему очищению, раскрытию закупорок, укреплению пищеварения. Результатом этого оказывается прежде всего то, что знахари и ворожеи успешнее лечат болезни, чем ученые врачи, потому что они точно и scrupulously соблюдают рецепты изготовления и составления испытанных средств...

Врачам следовало бы хорошо знать, что правомерно, например, назначать для лечения какой-нибудь серьезной болезни, может быть, три или четыре лекарства, которые, если их принимать в соответствующем порядке, через определенные промежутки времени, должны помочь больному, но если принимать только некоторые из них и изменить порядок приема или не соблюдать необходимых промежутков между приемами, могут оказаться даже вредными»¹.

— **Косметика.** В этом разделе Бэкон поднимает очень важную, пожалуй, для всех поколений женщин, тему косметических средств, с одной стороны не призывая отказаться от них вовсе, а с другой показывая, как вредно злоупотребление ими и для физического и для духовного здоровья человека.

«Перейдем теперь к косметике. Она отчасти имеет гражданское значение, отчасти же составляет достояние людей изнеженных. Ведь физическая опрятность, достоинство и приличие всего облика, как совершенно правильно считается, исходят от нрав-

---

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 267—268, 270, 272.

ственной скромности и уважения прежде всего к Богу, созданиями Которого мы все являемся, затем — к обществу, в котором мы живем, и, наконец, к самим себе, которых мы должны уважать не меньше, а даже больше, чем других. Но непристойные способы украшения, применяющие краски, грим, румяна, вполне достойны тех неприятностей, которые им всегда сопутствуют, ибо они все же настолько изобретательны, чтобы обмануть окружающих, но зато достаточно неудобны в повседневной жизни и даже весьма опасны и вредны для здоровья. Меня удивляет, что этой отвратительной привычке краситься так долго удавалось избегать осуждения со стороны и церковных, и гражданских законов о нравственности, хотя в других случаях они были весьма суровы к роскошной одежде и вычурным прическам. Правда, мы читаем о том, что Иезавель красилась, но ничего подобного не говорится ни о Эсфири, ни о Юдифи»¹.

— **Сладострастие, как один из ведущих факторов потери здоровья.** Бэкон четко указывает, что сладострастие разрушает не только физическое и душевное здоровье отдельно взятого человека, но и все общество в целом.

«Кремы, духи, изысканные деликатесы и особенно все, что может возбуждать сладострастие, требуют для себя скорее строгого цензора, чем ученого исследователя. Поистине прекрасно заметил кто-то, что в период рождения и роста государств процветает воинское искусство, в эпоху их наивысшего развития — свободные искусства, когда же они начинают клониться к упадку и гибели, расцветают искусства, служащие сладострастию. И я боюсь, что наша эпоха, когда начинают проявляться признаки упадка, может стать эпохой расцвета такого рода искусств»².

• Бэкон о перспективах развития медицины

Будучи прекрасным аналитиком, Бэкон в своем труде «Новая Атлантида» наметил основные необходимые направления для будущего развития медицинской науки. Причем многое из того, о чем говорил Бэкон, свое осуществление получило только в XX столетии.

В этом произведении Бэкон рассказывает о необыкновенном острове, жители которого достигли выдающихся результатов в развитии медицины, которые они представили путешественни-

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 277.

² Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 279.

кам — соотечественникам и современникам Бэкона. И, хотя, безусловно, произведение носит фантастический характер, предвидения Бэкона о развитии медицины будущего весьма примечательны.

«Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обрабатываемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков, и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты»¹.

Важным является также и то, что Бэкон показывает, что жители этого острова глубоко верующие люди, что и служит фундаментом для его процветания.

— **Медицина и вера.** Бэкон красиво показывает взаимосвязь веры и медицины, с одной стороны указывая, что обращение за

---

¹ Бэкон. Указ. соч., т.2, Новая Атлантида, с. 516.

помощью к врачу и сама деятельность врачей не является богопротивным делом, на что указывали средневековые отцы церкви и богословы, утверждая, что одной из ведущих причин болезни является Божье наказание, и, следовательно, надо обращаться за исцелением не к врачам, а к священникам, являющимися посредниками между Богом и людьми. а с другой — Бэкон четко указывает, что вся жизнь человека в руках только Господа. Это очень является актуальным и в наше время, когда, порой, противопоставляются применение лекарственных средств и обращение к Богу в молитве, и когда, порой, некоторые утверждают, что если во время молитвы или после совершения елеопомазания мы принимаем лекарственные препараты, то этим самым выражаем недоверие к Богу.

«Третьим разделом медицины мы назвали учение о продлении жизни. Эта наука, которая еще нова и по существу только должна быть создана, представляется нам самой важной частью медицины. Если удастся создать подобную науку, то медицина уже не будет иметь дело только с тяготами лечения, а сами врачи заслужат благодарность и уважение не только потому, что они необходимы, но прежде всего за тот самый, пожалуй, драгоценный для смертных земной дар, который они по воле Божьей смогут нести людям и распределять среди них. Ведь хотя для христианина, стремящегося к земле обетованной, мир подобен пустыне, однако следует считать даром божественной милости, если у идущих через эту пустыню меньше изнашивается их одежда и сандалии, т. е. наше тело, являющееся как бы одеянием души. Считая эту науку одной из важнейших и требующих своего развития, мы, по нашему обыкновению, сделаем здесь несколько предупреждений и дадим ряд указаний и наставлений»¹.

• Ф. Бэкон и парамедицина

— **Бэкон и алхимия.** Как мы рассматривали выше, алхимия занимала одно из центральных мест в Средневековой медицине и в эпоху Возрождения, благодаря работам ряда врачей, и, в первую очередь, Парацельса, вновь попыталась отстоять свое право быть одной из ключевых составляющих медицинской науки. Однако, Реформация, низвергнув непререкаемый авторитет средневековой папской церкви и ее догматов, открыла и дала многим ученым право на подлинно научные исследования, которые обнажали всю несостоятельность алхимии. Одновременно с этим, неко-

---

¹ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и преумножении наук, книга 4, глава 2, с. 273.

торые ученые нашего времени пытаются усмотреть в алхимии чуть ли не предшественницу химии, говоря о тех важных открытиях, которые, якобы, были ею сделаны. И потому высказывания об алхимии Бэкона представляют собой большой интерес, ибо он как раз жил в то время, когда парамедицина в лице Парацельса и других боролась с еще только фактически зарождающейся подлинной медицинской наукой, на пути которой стояла алхимия и с другой стороны, его наблюдения актуальны и для современных реабилитологов алхимии. Поэтому поводу Бэкон пишет:

«Кое-что принесла деятельность алхимиков, но как бы случайно и мимоходом или из некоторого видоизменения опытов (как обычно делают механики), а не благодаря какому-либо искусству или теории. Ибо та теория, которую они измыслили, больше вносит путаницы в опыты, чем способствует им. Также и те, кто погрузился в так называемую естественную магию, открыли немного, да и она легковесна, и близка к плутовству. Как религия предписывает, чтобы вера обнаруживалась в делах, так то же самое наилучшим образом применимо и к философии: судить о ней нужно по плодам и считать суетной ту, которая бесплодна, особенно если вместо плодов винограда и оливы она приносит шипы и чертополох споров и препирательств»¹.

Бэкон тонко указывает, что за внешне красивыми идеями алхимии и других оккультных наук ничего подлинно научного не скрывается².

О своем современнике — враче, маге и алхимике Парацельсе, которым тогда весьма многие восхищались, Бэкон прямо пишет: «И пусть никто не подражает сумасбродству Парацельса»³.

«Мы не собираемся разделять с Парацельсом и алхимиками их сумасбродные идеи относительно того, что в человеческом теле можно обнаружить соответствия отдельным видам, существующим во Вселенной (звездам, минералам и т. п.), ибо эти басни представляют собой несерьезное и примитивное истолкование»⁴.

Бэкон четко развенчивает философию Парацельса и в целом, и в ее частностях. Так он пишет, как можно верить тому, что «Парацельс рассказывает, что трава, называемая «росою солнца», в

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 2, Новый Органон, LXXIII, с. 39.

² Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и приумножении наук, с. 115—116.

³ Там же, Новый Органон, XLVIII, с. 196.

⁴ Бэкон. Указ. соч., т. 1, О достоинстве и приумножении наук, книга 4, глава 2, с. 259.

полдень полна росы при палящем солнце, когда все другие травы сухи»¹. «Если же кто-либо направит внимание на рассмотрение того, что более любопытно, чем здраво, и глубже рассмотрит работы алхимиков и магов, то он, пожалуй, усомнится, чего эти работы более достойны, смеха или слез»².

— **Бэкон и астрология.** В своих трудах Фрэнсис Бэкон выступает четко и против астрологии, господствовавшей в средневековом обществе в целом и в медицинских воззрениях, в частности, когда не проводили операции, не принимали роды в тот или иной день, не узнав предварительно благоприятен ли он с точки зрения астрологии для их проведения; и мы можем только себе представить, сколько умерло людей вследствие этой веры в астрологию. Когда в Средние века в программах обучения в университетах на медицинских факультетах было преподавание астрологии и от врача требовали умения составлять гороскоп. Вот против всего этого и выступает Бэкон в своих трудах. Он четко пишет по этому поводу:

«Астрология же полна всяческих суеверий, так что едва ли в ней можно обнаружить хоть что-нибудь здоровое...мы без всяких колебаний отвергаем как пустую выдумку учение о гороскопах — самое большое наслаждение всей астрологии... далее мы считаем, что знаменитые фатальные предопределения, будто бы час рождения или зачатия определяет судьбу плода, час начала предприятия — удачу этого предприятия, час исследования — его успех, словом, учения о предопределении рождения, выбора и исследования, и тому подобные пустяки лишены серьезных и прочных оснований»³.

• Ф. Бэкон о суевериях в религии

Фрэнсис Бэкон жил в то время, когда суеверия, несмотря на огромные успехи Реформации, продолжали играть заметную роль в жизни европейского общества.

«Лучше вообще не иметь никакого мнения о Боге, чем иметь такое, которое Его недостойно. Ибо первое есть неверие, второе же — оскорбление, и, разумеется, суеверие есть оскорбление Божества. Очень хорошо по этому поводу выразился Плутарх. «Конечно, — сказал он, — я скорее предпочел бы, чтобы многие люди заявили, что такого человека, как Плутарх, вообще не было, чем чтобы они говорили, что жил такой Плутарх, который пожирал

¹ Бэкон Ф. Новый Органон, XLIX, с. 213.

² Там же, Новый Органон, LXXX, с. 49.

³ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1, Великое восстановление наук, книга Вторая, глава IV, с. 223, 224, 225.

своих детей, как только они появлялись на свет», т. е. как писали поэты о Сатурне. И чем сильнее оскорбление для Бога, тем больше опасность суеверия для людей. Безбожие не отнимает у человека разума, философии, естественных чувств, законов, репутации; все они могут быть путями достижения внешней моральной добродетели, хотя и не религии; но суеверие все это уничтожает, воздвигая в душах людей абсолютную монархию... Мастером суеверий является простой народ, и во всех суевериях мудрые люди следуют за глупцами, а аргументы подгоняются под практику извращенным образом.

Некоторые из прелатов на Тридентском соборе (церковный собор, наметивший пути борьбы с Реформацией — прим. А.О.), где учение схоластиков имело большое влияние, не без основания говорили, что схоластики подобны астрономам, которые выдумали эксцентрики и эпициклы и тому подобные механизмы небесной сферы, чтобы спасти явления, хотя они знали, что таких вещей не существует; так и схоластики изобрели целый ряд хитроумных и запутанных аксиом и теорем, чтобы спасти практику церкви.

Причинами суеверия являются: приятные и чувствительные обряды и церемонии; чрезмерная внешняя фарисейская святость; чрезмерное обожание традиций, которые только лишь обременяют церковь; уловки прелатов, на которые они идут ради собственного честолюбия и выгоды; излишняя благосклонность к добрым намерениям, которая открывает ворота тщеславным замыслам и новшествам; приписывание божеству человеческих целей, которое не может создать ничего, кроме смеси фантастических представлений, и, наконец, времена варварства, в особенности, если они соединяются с бедствиями и несчастьями. Ничем не прикрытое суеверие уродливо; ведь, чем больше обезьяна похожа на человека, тем больше это увеличивает ее уродство; так и сходство суеверия с религией делает его более уродливым. И подобно тому, как здоровое мясо портится и превращается в мелких червяков, так и хорошие формы и установления разлагаются на ряд мелочных обрядов, которые надо соблюдать»¹.

Причем эти его замечания о роли религиозных суеверий весьма актуальны и в наше время, с одной стороны, столь прогрессивное в научно-техническом отношении, а с другой — погрязшее в религиозных суевериях не меньше, чем средневековое.

Профессор С.Б. Сорочан по этому поводу в своей работе по истории средневековой культуры Европы пишет следующее:

---

¹ Бэкон. Указ. соч., т.2, Опыты или наставления нравственные и политические, XVII, с. 388—389.

«Парадокс же состоит в том, что ужасы, которые упорно приписывают «мрачному Средневековью», стали чуть ли не будничным делом именно в новые времена. Так, повальное увлечение сатанизмом, сатанинским культом, черными мессами и магией, без чего, казалось бы, не мыслятся Средние века, началось на самом деле лишь с середины XVII в., когда даже поставка младенцев для «черных месс» превратилась в Париже в доходный промысел. Да и вообще Новому времени совершенно совсем нечем кичиться по части преодоления суеверий перед Средневековьем. Наша действительность с ее бесспорными научно-техническими и культурными достижениями отнюдь не уступает, а в кое-каких дикостях даже превосходит самые темные стороны «не культурного Средневековья». Даже в самой развитой стране мира — США — по сообщениям печати, около 10 миллионов американцев хотя бы раз в жизни приняли участие в мистических церемониях, колдовских обрядах, черных мессах и даже «оргиях кровопийц». Страшная, потрясающая воображение цифра, причем она растет год от года. Газеты не лгут: есть жертвы, есть трупы, есть мрачные колдовские церемонии. Колдовские шоу, радения, празднества, а также многомиллионный оккультный бизнес остаются одной из составных частей современной действительности»¹.

Развенчивая суеверную религию, господствовавшую в Европе в течение тысячи лет (и которая, как мы только что отметили, и по сей день господствует в своих суевериях), Бэкон одновременно с этим говорит об истинной религии, открытой на страницах Библии и ее роли в развитии науки.

• Бэкон о роли Библии

Глубиной своих исследований и полученных результатов Бэкон, как и все искренние последователи и сторонники Реформации, был обязан изучению Библии, которая занимает одно из центральных мест в его творчестве. И даже там, где она не упоминается, дух евангельского учения проходит практически через все идеи Бэкона. Безусловно, Бэкон был человеком своего времени и к тому же, как каждый человек, имел ошибки и грехи, которые, как мы уже упоминали, он умел признавать открыто.

Бэкон пишет: «Прежде всего, науки еще сильнее и эффективнее побуждают нас превозносить и прославлять божественное величие. Ведь псалмы и все остальное Священное Писание неизменно призывают нас к созерцанию и прославлению великолепных и удивительных творений Божьих, но, если мы сосредото-

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века. — Харьков: Майдан, 2017. — С. 15.

чимся только на их внешнем облике, каким он является нашим чувствам, мы совершим такую же несправедливость по отношению к Божественному величию, как если бы мы стали судить о богатстве знаменитого ювелира по тому, что выставлено на показ у входа. С другой стороны, философия дает замечательное лекарство и противоядие против неверия и заблуждения. Ведь Спаситель наш говорит: «Вы заблуждаетесь, не зная Писания и могущества Бога». И для того, чтобы мы не впали в заблуждение, Он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля Божья, а затем — книгу природы, раскрывающую Его могущество. Из этих двух книг вторая является, как бы, ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая дальше нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о Божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне Его творений»¹.

Читая работы Бэкона, можно только удивляться, как идеологи коммунизма могли называть его родоначальником английского материализма².

В своих трудах Фрэнсис Бэкон на основании Библии делает очень тонкое и четкое деление Церковной истории.

«Церковная история делится на историю церкви (сохраняющую свое родовое название), историю пророчеств и историю возмездия или Провидения. Первая из них излагает эпоху воинствующей церкви и изменение положения церкви в различные периоды ее развития: бросают ли ее волны, подобно ковчегу во время потопа, странствует ли она, подобно ковчегу в пустыне, или покоится, подобно ковчегу в храме, т. е. говорит о положении церкви в периоды преследования, распространения и мира.

Вторая часть, т. е. история пророчеств, состоит из двух взаимосвязанных частей: описания самих пророчеств и их исполнения. В связи с этим композиция такого рода сочинения должна предусматривать сопоставление отдельных пророчеств Писания с теми событиями, которые подтверждают их истинность, и такое параллельное изложение должно быть проведено по всем векам, что послужит укреплению веры и в то же время поможет создать своего рода науку истолкования тех пророчеств, которые до сих пор еще не исполнились. Однако здесь необходимо иметь в виду ту широту, которая вообще органически присуща Божественным

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1, Великое восстановление наук, книга Первая, глава IV, с. 128.

² Бородулин. Указ. соч., с. 160.

предсказаниям, ибо они могут исполняться либо в течение некоторого времени, либо в какой-то один определенный момент, поскольку они отражают природу своего Творца, «для Которого один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»; и, хотя полное и окончательное свершение пророчеств падает обыкновенно на какую-то определенную эпоху или даже на какой-то определенный момент, здесь существуют известные градации и постепенное приближение к свершению пророчеств, происходящее в течение ряда эпох истории. Создание такого произведения я считаю необходимым. Но это требует величайшей мудрости, ясности взгляда и уважения к предмету, иначе вообще лучше не браться за эту тему.

Третья часть, а именно, история возмездия, уже была предметом сочинений некоторых благочестивых людей... Задача же этой науки сводится к познанию той божественной гармонии, которая время от времени осуществляется между явной и тайной волей Бога. Ведь хотя замыслы и пути Господни столь сокровенны, что они совершенно недоступны плотской природе человека, хотя они очень часто скрыты даже от глаз тех, кто всеми силами настойчиво стремится разгадать их, однако иногда Божественная мудрость в целях укрепления верующих и посрамления тех, кто живет в этом мире, забыв о Боге, все же дает возможность обнаружить себя и является перед людьми как бы начертанной большими буквами для того, чтобы, по словам пророка, «любой мог даже второпях прочесть это», а это значит, что люди, живущие только чувственными удовольствиями и радостями и в торопливой погоне за ними забывающие Божественные заветы, а также никогда не задумывающиеся над ними, несмотря на всю суету своей порочной жизни, оказываются вынужденными признать их истинность. Такое впечатление производит хотя бы и поздно, хотя бы и неожиданно наступившее возмездие, или спасение, пришедшее вдруг в тот момент, когда уже исчезла всякая надежда на него, или Божественный промысел, обнаруживший себя наконец в сложных сплетениях и удивительных лабиринтах событий и т. п. Все это имеет большое значение не только для утешения верующих, но также и для того, чтобы пробудить сознание и совесть в дурных людях»¹.

Именно этот кругозор, который дало ему изучение Библии, изучение ее законов посева и жатвы, позволил Бэкону так глубоко обозначить не только проблемы современной науки, но и наме-

---

¹ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1, Великое восстановление наук, книга Первая, глава IV, с. 181—182.

тить основные задачи, стоящие перед ней. Причем во всех этих задачах, как мы видели, стоят принципы любви и уважения к человеческой личности, без которых не возможно, несмотря на любые достижения и открытия, успешное развитие медицинской науки ни тогда, ни сегодня.

Глава 2

РЕНЕ ДЕКАРТ ИЛИ РАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

Рене Декарт родился 31 марта 1596 года во Франции в городке Лоз, в провинции Турень в дворянской семье судьи и советника парламента Жоакима Декарта. В возрасте всего одного года у Рене умерла его мать Жанна Брошар. Вследствие постоянной занятости отца и частым его отсутствием дома, воспитанием малыша занималась его бабушка по матери. Уже с детства Рене проявлял большой интерес к познанию нового, за что его отец назвал его маленьким философом.

В возрасте 10 лет мальчик был отправлен отцом на учебу в иезуитскую коллегию Ла Флеш, в которой он учится в течение девяти лет. Выше мы уже рассматривали, что иезуитские коллегии в то время были весьма популярны и еще не была раскрыта их истинная сущность и последующее влияние на формирование и становление человека. С другой стороны, в тогдашней Франции лучшего места для получения образования не было. Во время учебы юного Декарта весьма привлекает математика, которая станет со временем неотъемлемой частью его жизни. Обладая несомненными дарованиями, Декарт чувствовал уже тогда многие пробелы, которые дает иезуитское образование. Для исправления этих недочетов и желая расширить свои знания, Декарт в 1615—1616 гг. изучает медицину и право в университете Пуатье. Однако и здесь господствовали отжившие схоластические принципы преподавания, взрощенные средневековой государственной церковью, всеми силами боровшейся с просвещением и признавая его только в иезуитском стиле. Поэтому в 1618 году Декарт решает посетить Нидерланды, где совсем недавно восторжествовало учение Реформации, которое, однако, уже незамедлило дать свои прекрасные всходы в деле развития системы образования. Даже в работах ученых советского времени четко признавалась положительная роль протестантского вероисповедания на экономическое и научно-культурное развитие страны.

«Нидерланды «незадолго перед тем завоевавшие политическую независимость от феодально-абсолютистской Испании (хотя военные действия еще продолжались), на несколько десятилетий — пока Англия не совершила свою буржуазную революцию — стали экономически самой передовой страной мира. В этой, в сущности, исторически первой буржуазной республике процветала внутренняя и международная торговля, развивалось мануфактурное производство, городское население превышало сельское. Наряду с интенсивностью экономической жизни Нидерланды отличались самой и многосторонней в тогдашней Европе духовной жизнью. Здесь воцарилась наибольшая в тех условиях религиозная терпимость (при господстве протестантско-кальвинистского вероисповедания), атмосфера которой благоприятствовала и развитию научных знаний. Здесь, в частности, издавались произведения, внесенные в католических странах в папский «Индекс запрещенных книг» (например, труды Коперника и Галилея). Совершенно закономерно, что в Нидерландах находило убежище множество невольных и вольных изгнанников из других стран Европы»¹.

Вскоре по прибытии в Нидерланды Декарт поступает в военное училище в Бредо, но не с целью стать профессиональным военным, а с целью, как он напишет позднее, продолжать изучать «великую книгу мира». В том же году он знакомится с выдающимся голландским врачом Исааком Бекманом, дружба с которым продлится многие годы. В 1619—1621 гг. Декарт много путешествует по Германии, Австрии, Венгрии и Чехии, а в 1623—1624 гг. по Италии и Швейцарии. В 1622 году он возвращается на родину, искренне любя Францию и желая служить ей, но в 1628 году он вынужденно покидает ее из-за невозможности проведения подлинно научных исследований, ибо оставаясь, с одной стороны, под духовным контролем папства французские университеты базировались на отсталых схоластических принципах, а с другой — занятия наукой воспринимались инквизицией, как преступление против церкви со всеми вытекающими отсюда последствиями. К тому же вкусивший все прелести, как гражданской, так и научной свободы в протестантских Нидерландах, Декарт уже не мог жить в условиях господства средневековой темноты и жестокости. Последней каплей, послужившей к отъезду Декарта из Франции, послужило то, что иезуитам стали известны его научные изыскания, совершенные в Нидерландах, и они обви-

¹ Соколов В.В. Философия духа и материи Рене Декарта // В кн. Декарт Р. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 1, с. 8.

нили его в ереси. Понимая, чем это ему грозит, он в 1628 году переезжает в Нидерланды, Здесь он продолжает свое образование и в 1629 году он проходит обучение в университете во Франекере (Нидерланды), как студент-философ, а в 1630 году в знаменитом Лейденском университете (Нидерланды), как студент-математик. Нидерланды становятся его второй родиной, где он проживет более 20 лет и где будут опубликованы все главные труды его жизни. Здесь он, как и практически все выдающиеся ученые, испытает на себе ненависть своих амбициозных коллег, завидовавших его славе, а также атаки иезуитов, которые не могли его захватить в протестантской стране, но своими работами, а точнее, пасквилями, пытались его всячески дискредитировать¹.

Сам Декарт относился с уважением к своим недругам, но его глубоко возмущала их явная ложь, которой они стремились очернить его и приписать ему то, чего он не писал, и не говорил. В одной из своих работ, посвященных опровержению этих надуманных обвинений, он о них и их авторе пишет следующее. «Ныне же многократный опыт вынуждает меня признать, что он был одержим не столько любовью к истине, сколько стремлением к новизне. И поскольку все, чему он обучился от других, он считает старым и обветшалым и ничто не представляется ему достаточно новым, кроме мыслей, вымученных из собственной головы,— а при этом он столь несчастлив в своих находках... Среди этих моих свирепых противников я не встречал до сих пор никого, кто не приписывал бы мне взгляды, как небо от земли, далекие от моих собственных, и притом до того нелепые и абсурдные, что это не вызывает у меня опасения, как бы они не убедили кого-то из благоразумных людей, будто мнения эти принадлежат мне... Пусть перечитает, исследует, даже вывернет наизнанку все мои сочинения — он нигде не найдет в них ни тени подобного, скорее лишь прямо противоположное. Я предельно далек от таких чудовищных измышлений, и это известно всем, кто читал мои книги или был как-то иначе со мною знаком, либо, по крайней мере, не считает меня полным тупицей. Право, я весьма удивлен: какая же может быть цель всех этих клеветников? Ведь если они стремятся убедить людей, будто я писал то, чему полностью противоречат мои сочинения, они должны были бы прежде постараться утаить от читателей все то, что я до сих пор издал, а заодно и изгладить мои сочинения из памяти тех, кто их успел прочесть; пока же они этого не сделают, они больше вредят самим себе, нежели мне. Я также диву даюсь, что они ополчились с такой резкой настойчи-

---

¹ Соколов. Указ. соч., с. 12.

востью именно против меня, никогда их не оскорбившего и не причинившего им никакого вреда, между тем, как они ничего не предпринимают против множества лиц, опровергающих их учение в солидных томах и высмеивающих их как простаков и слепых гладиаторов-андабатов. Но я не желаю здесь добавлять ничего, что изменило бы их решение нападать на меня в своих книжках: я с удовольствием вижу, что они придают мне большое значение; но, между тем, я взываю к их благоразумию»¹.

Рене Декарт

Однако, благосклонность к нему прародителя Нидерландов Вильгельма Оранского существенно помогла Рене Декарту. Также кардинал Ришелье, вопреки желаниям иезуитов, дал разрешение на издание трудов Декарта во Франции.

В личной жизни Декарт не познал счастья. Он не имел семьи, а рожденная им от незаконной связи со служанкой дочь умерла в пятилетнем возрасте, что стало настоящей трагедией для Декарта. Он видел в этом Божье неодобрение совершенному им греху прелюбодеяния и каялся в нем. В 1649 году он по приглашению шведской королевы Христины прибывает в Стокгольм². Шведская королева с его помощью хотела основать в Стокгольме Академию наук, однако, простудившись, Декарт умирает 11 февраля 1650 года.

• Декарт и его отношение к Богу и Библии

Научное наследие Декарта огромно, затрагивает математику, механику, геометрию, философию и т.д. Однако, их обзор и анализ выходят за рамки темы, рассматриваемой в настоящей монографии и поэтому мы сфокусируем наше внимание на той роли, которую сыграли работы Декарта на развитие медицинской науки.

Однако, для лучшего понимания его медицинских воззрений необходимо подчеркнуть, что Декарт был глубоко верующим человеком³ и одной из главных своих задач ставил доказать бытие Бога и поднять авторитет Священного Писания — Библии.

При этом он четко показывает, что вера в Бога и авторитет Библии нисколько не мешает, а наоборот, способствует научным ис-

¹ Декарт. Указ. соч., Замечание на некую программу, изданную в Бельгии в конце 1647 года, т. 1, с. 477, 480.

² Гонсалес. Указ. соч., т. 2, с. 167.

³ Гонсалес. Указ. соч., т.2. с. 167.

следованиям, и в тоже время предохраняет от слепого фанатизма и невежества, которые господствовали в Средние века. Так в своей работе, в которой он отвечает на нападки своих недоброжелателей, он пишет следующее.

«Я лишь скажу, что здесь следует различать три рода вопросов: первый род касается вещей, веру в которые вселяет одна лишь религия,— таковы таинство причащения, святая Троица и т. п.; второй род — вопросы, хотя и принадлежащие к области религии, однако могущие подвергаться суду естественного разума: к их числу относится бытие Бога и отличие человеческой души от тела, что обычно подвергают рассмотрению ортодоксальные теологи; и, наконец, третий род вопросов — те, что не имеют никакого касательства к вере, но подлежат ведению одного только человеческого рассудка: таковы проблемы квадратуры круга, химического способа получения золота и т. д.

И подобно тому, как злоупотребляют речениями Священного Писания те, кто, превратно толкуя эти последние, хочет извлечь из них решение сих проблем, точно так же умаляют его авторитет и те, кто берется разрешить первую группу вопросов с помощью аргументов, заимствованных из области чистой философии; однако все теологи стремятся показать, что вопросы эти не враждебны естественному свету разума, и они поощряют философов к тому, чтобы те в меру человеческих сил решали их с помощью рассуждений.

Но я никогда не встречал человека, который бы утверждал, будто природа вещей допускает, чтобы какая-то вещь проявляла себя иначе, нежели учит Священное Писание,— разве только человек этот стремится косвенно показать, что он этому Писанию не доверяет»¹.

Декарт четко показывает и аргументирует существование Бога, как Творца.

— «Правильное заключение о существовании Бога вытекает из того, что в нашем понятии Бога содержится необходимость Его существования;

— Предрассудки мешают всем без исключения ясно усмотреть эту необходимость существования Бога;

— Мы сотворены не самими собой, а Богом, и потому Он существует;

— Для доказательства существования Бога довольно одной только продолжительности нашей жизни.

---

¹ Декарт. Указ. соч., Замечание на некую программу, изданную в Бельгии в конце 1647 года, т. 1, с. 468—469.

Ничто не может затемнить очевидности этого доказательства, если только мы примем во внимание природу времени, или продолжительность жизни вещей: ведь природа эта такова, что ее части не находятся между собой в отношении взаимной зависимости и никогда не существуют одновременно; притом же из того, что мы сейчас существуем, вовсе не следует, что мы будем существовать в следующий момент, если только какая-то причина, а именно та, что первоначально нас создала, не воспроизведет нас как бы заново, или, иначе говоря, если она нас не сохранит. Ведь мы хорошо понимаем, что в нас самих не заключена никакая сила, коя бы нас сохраняла; Тот же, Кто обладает силой сохранять нас — существа, отличные от Него, тем более способен сохранять Самого Себя или, вернее, Он не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было Его сохранял, а значит, Он — Бог.

— Из нашего способа познания Бога одновременно вытекает познание всех Его атрибутов, познаваемых с помощью естественной силы ума.

Такой способ познания Бога — через Его идею — дает нам большие преимущества: ведь мы одновременно постигаем, и кто Он, насколько это допускает слабость нашей природы. А именно, обращаясь к врожденной нам идее Бога, мы видим, что Он вечен, всеведущ, всемогущ, что Он источник всяческой истины и справедливости, Творец всех вещей, наконец, что в Нем заключено все то, в чем мы ясно можем заметить некое бесконечное совершенство, не ограниченное никаким несовершенством.

Переходя от познания Бога к познанию Его творений, мы должны помнить, что мы конечны, Он же — бесконечен.

— Недопустимо вменять в вину Богу наши заблуждения¹.

Таким образом, Декарт был глубоко верующим человеком и понятия веры, морали, ответственности перед Богом занимали одно из краеугольных основ его воззрений.

● **Рациональный метод Декарта**

Будучи ученым-энциклопедистом, Рене Декарт проводил многочисленные анатомические, физиологические и эмбриологические исследования, которые во многом легли в основу его трудов «Описание человеческого тела. Об образовании животного», последняя редакция которого была им осуществлена в 1648 году, и «Страсти души».

В своих философских работах, которые тогда являлись фундаментом исследований во всех областях науки, Декарт стал осново-

¹ Декарт. Указ. соч., Первоначала философии, ч. 1, 14, 16, 20, 21, 22, 24, 36, т. 1, с. 319, 320, 322—323, 328.

положником рационального метода изучения природы. Согласно ему, любые опыты, как путь изучения природы, которые ставил во главу угла Бэкон, имеют существеннейший недостаток, так как их оценка основана на чувствах, и потому вместо них он ставит на первый план разум, только который и может нас привести к достоверному и ясному знанию. [Бородулин. Указ. соч., с. 160]. При этом, в отличие от мистиков, он имел в виду получение знаний не в результате какого бы то ни было мистического откровения потусторонней силы, а именно получение их в результате аналитического мышления. Согласно Декарту, разум может не только критически оценить данные опыта, но и вывести из них скрытые в природе законы, которые формулируются математическим языком.

Поэтому Декарт особое внимание отводит, в первую очередь, построению гипотез, против которых выступал Бэкон. «Я мыслю — значит существую», — любил говорить Декарт¹. Декарт выступал одинаково против и эмпиризма Бэкона и мистицизма Пирацельса.

При этом никаких следов материализма, как то искусственно пытались представить в советское время, у Декарта не было. Напротив, он выступал против слепой веры и фанатизма эпохи Средневековья и говорил о необходимости исследования природы, ее законов, в которых явлена Творческая сила Бога.

● Медицинские воззрения Декарта

В своем труде «Описание человеческого тела. Об образовании животного» им были выдвинуты несколько важных для дальнейшего развития медицины положений. В своем Предисловии к этому труду Декарт подчеркивает, с одной стороны, важность изучения медицины, а с другой — указывает на единство души и тела, и в то же время подчеркивает и их разные функции.

«Нет более плодотворного занятия, как познание самого себя. От такого познания можно ожидать пользы не только в области морали, как это могло бы показаться сначала, но и в особенности в медицине. Медицина, я думаю, могла бы дать очень много обоснованных указаний как для лечения болезней и их предупреждения, так и для замедления процесса старения, если бы мы в достаточной мере занимались изучением природы нашего тела и если бы функции, связанные исключительно с телом и строением его органов, не относились нами к душе.

Так как мы с детских лет по опыту знаем, что многие движения нашего тела связаны с волей, являющейся одной из способ-

---

¹ Гонсалес. Указ. соч., т. 2, с. 167.

ностей души, мы склонны думать, что душа есть начало всего. Это во многом зависело от незнакомства с механикой и анатомией, так как, рассматривая человеческое тело только с внешней стороны, мы совершенно не обращали внимания на то, что в нем имеется значительное количество органов, или пружин, для того, чтобы оно могло самостоятельно двигаться так, как мы это наблюдаем. Это заблуждение подкреплялось еще и тем доводом, что мертвое тело имеет те же органы, что и живое, но не способно ни к какому движению только потому, что в нем отсутствует душа.

Если мы поставим целью более ясно познать свою природу, то увидим, что наша душа, поскольку она является субстанцией, отличной от тела, известна нам только благодаря тому, что она мыслит, т. е. понимает, желает, воображает, вспоминает, чувствует, так как эти функции души являются различными видами мышления. Поэтому прочие функции человека, не содержащиеся в себе никакого мышления, такие, как движение сердца и артерий, пищеварение и т. п., относимые некоторыми к душе, являются исключительно телесными движениями. У нас очень мало данных, чтобы приписывать эти функции душе, а не телу, так как гораздо естественнее допустить, что тело приводит в движение не душа, а какое-то другое тело.

Мы можем также наблюдать, что при повреждении каких-нибудь частей нашего тела, например, нерва, части эти уже не повинуются, как обычно, нашей воле и даже иногда производят судорожное движение вопреки ей. Это показывает, что душа не может вызвать никакого движения в теле, если телесные органы, необходимые для этого движения, не расположены его произвести. Наоборот, если органы тела расположены к какому-нибудь движению, то для того, чтобы оно было произведено, нет надобности в душе. Следовательно, все движения, которые, согласно нашим наблюдениям, не зависят от мышления, должны быть отнесены не к душе, а только к расположению органов. Даже так называемые *произвольные* движения, определяемые душой, связаны, главным образом, с расположением органов, без которого их нельзя было бы произвести, несмотря на все наши старания»¹.

В этих своих трудах «Описание человеческого тела. Об образовании животного» и «Страсти души» им было выдвинуто несколько важных положений.

Во-первых, он отказался от аристотелевских понятий животной и растительной души, сдерживающих понимание функцио-

---

¹ Декарт Р. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Описание человеческого тела. Об образовании животного. Т.1, с. 423—424.

нирования организма¹. Вместо них он на основании изучения организма человека, его поведения и данных Священного Писания выводит несколько важных тезисов, рассмотренных им в его работе «Страсти души». К ним относятся следующие:

— для познания страстей души нужно различать ее функции и функции тела¹;

— тепло и движение частей тела возникают в теле, мысли же в душе²;

— ошибочно полагать, что душа дает телу движение и тепло³;

— нет души настолько слабой, чтобы при хорошем руководстве она не могла приобрести полной власти над своим телом⁴;

— местопребывание страстей не в сердце, а в мозге. «Мнение тех, кто полагает, будто душа берет свои страсти в сердце, не заслуживает внимания, ибо оно основано только на том, что вследствие страстей в сердце чувствуется некоторое волнение. Легко заметить, что это волнение чувствуется как бы в сердце лишь благодаря небольшому нерву, который идет к нему от мозга, подобно тому, как боль в ноге чувствуется благодаря нервам ноги, а звезды воспринимаются находящимися на небе лишь благодаря их свету и зрительным нервам»⁵.

В этом своем труде «Страсти души» он поднимает очень многие важные этические ценности, особенности черт характера, которые оказывают влияние не только на душевное, но и телесное здоровье человека. Поэтому эта работа Декарта может рассматриваться, как один из трудов, в котором поднимаются вопросы, напрямую связанные с современным понятием психосоматической медицины.

Во-вторых, он открыл механизм ответных реакций организма на раздражение. Он открыл тот механизм, который мы называем безусловным рефлексом. Он первым описал рефлекторную дугу. Согласно ему, передача нервного возбуждения происходит «подобно тому, как, дергая веревку за один конец, мы заставляем звонить колокол на другом ее конце»⁶. Академик И.П. Павлов писал, что декартовское понятие безусловного рефлекса стало пер-

¹ Соколов. Указ. соч., с. 50.

² Декарт. Указ. соч., Страсти души, ч. 1, 2, т.1, с. 482.

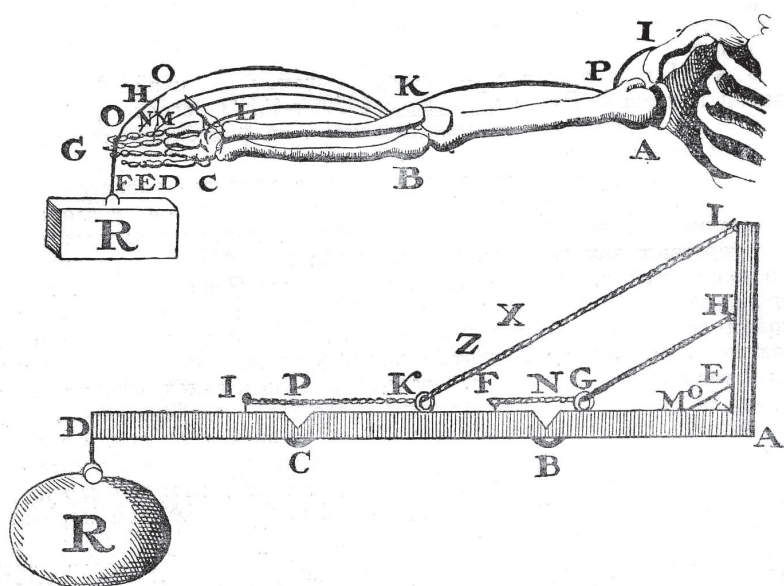
³ Декарт. Указ. соч., Страсти души, ч. 1, 4, т.1, с. 483.

⁴ Декарт. Указ. соч., Страсти души, ч. 1, 5, т.1, с. 483.

⁵ Декарт. Указ. соч., Страсти души, ч. 1, 50, т.1, с. 505.

⁶ Декарт. Указ. соч., Страсти души, ч. 1, 33, т.1, с. 496.

⁷ Декарт Р. Описание человеческого тела. — М.: Госполитиздат, 1950. — С. 547—582.

Уподобление руки рычагу. Рисунок из книги Борелли «О движении», 1680 г.

вым шагом на пути к современной физиологии высшей нервной деятельности¹.

В-третьих, он выступает, как основоположник ятромеханической теории работы человеческого организма.

Декарт считал, что работа человеческого организма подобна работе машины, автомата². Сердце — это насос, легкие — клапаны, руки и мышцы — шарниры. При этом человек отличается от животного тем, что человек имеет душу, которая управляет организмом через шишковидную железу³. При этом центром этого механизма Декарт считает сердце.

«Чтобы дать сначала общее представление обо всем механизме, который я буду описывать, я прежде всего скажу о том, что как бы главной пружиной и основанием всех его движений является теплота, имеющаяся в сердце, что вены — это трубки, проводящие кровь из всех частей тела к сердцу, чтобы поддерживать его теплоту»⁴. «Знать настоящую причину работы сердца чрезвычай-

¹ Павлов И.П. Полное собрание сочинений. — М.-Л., 1951. — Т. 4, с. 22.

² Мейер-Штейнер, Зудгоф. Указ. соч., с. 319—320.

³ Верхратский, Вказ. тв., с. 76.

⁴ Декарт. Указ. соч., т. 1, с. 424—425.

но важно, так как без этого ничего нельзя установить в теории медицины... все функции животного зависят именно от сердца¹.

Одновременно с этим он четко проводит грань между устройством машины и устройством человека, и также выступает категорически против, выражаясь современным языком, создания искусственного интеллекта, человека.

«Сколько разных *автоматов* и самодвижущихся инструментов может произвести человеческое искусство, пользуясь совсем немногими деталями сравнительно с великим множеством костей, мышц, нервов, артерий, вен и всех других частей, имеющихся в теле каждого животного; они будут рассматривать это тело как машину, которая, будучи сделана руками Божиими, несравненно лучше устроена и способна к более удивительным движениям, нежели машины, изобретенные людьми. В особенности я старался показать здесь, что если бы существовали такие машины, которые имели бы органы и внешний вид обезьяны или какого-нибудь другого неразумного животного, то у нас не было бы никакого средства узнать, что они не той же природы, как и эти животные.

Но если бы сделать машины, которые имели бы сходство с нашим телом и подражали бы нашим действиям, насколько это мыслимо, то у нас все же было бы два верных средства узнать, что это не настоящие люди.

Во-первых, такая машина никогда не могла бы пользоваться словами или другими знаками, сочетая их так, как это делаем мы, чтобы сообщать другим свои мысли. Можно, конечно, представить себе, что машина сделана так, что произносит слова, и некоторые из них — даже в связи с телесным воздействием, вызывающим то или иное изменение в ее органах, как, например, если тронуть ее в каком-нибудь месте, и она спросит, что от нее хотят, тронуть в другом — закричит, что ей больно, и т. п. Но никак нельзя себе представить, что она расположит слова различным образом, чтобы ответить на сказанное в ее присутствии, на что, однако, способны даже самые тупые люди.

Во-вторых, хотя такая машина многое могла бы сделать так же хорошо и, возможно, лучше, чем мы, в другом она непременно оказалась бы несостоятельной, и обнаружилось бы, что она действует не сознательно, а лишь благодаря расположению своих органов. Ибо в то время как разум — универсальное орудие, могущее служить при самых разных обстоятельствах, органы машины нуждаются в особом расположении для каждого отдельного дей-

---

¹ Декарт. Указ. соч., т. 1, с. 435.

ствия. Отсюда немислимо, чтобы в машине было столько различных расположений, чтобы она могла действовать во всех случаях жизни так, как нас заставляет действовать наш разум»¹.

В-четвертых, он показывает, что органы питает артериальная, а не венозная кровь.

Декарт одним из первых, если не первый, утверждал о том, что органы питает артериальная, а не венозная кровь. «Зная, что кровь постоянно расширяется в сердце, с силой выталкивается оттуда по артериям во все части тела и снова возвращается по венам к сердцу, легко можно понять, что она питает органы тела скорее тогда, когда она находится в артериях, нежели тогда, когда она находится в венах»².

В-пятых, он указывает, что питательные элементы содержатся в крови.

Декарт одним из первых указал на то, что кровь содержит питательные вещества, необходимые для функционирования организма человека. «Чтобы узнать, в частности, каким образом всякая пища попадает именно в ту часть тела, для питания которой она предназначена, необходимо принять во внимание, что кровь есть не что иное, как соединение маленьких частиц пищи, принятой человеком. Нельзя сомневаться в том, что кровь состоит из частиц, весьма различающихся по своему виду, плотности и величине»³.

Декарт одним из первых признал важность открытия английским врачом Уильямом Гарвеем большого круга кровообращения (подробнее об этом см. главу «Уильям Гарвей — основоположник физиологии», данной монографии), что сыграло немалую роль в утверждении этого открытия в науке. «Круговое движение крови впервые было установлено английским врачом *Гарвеем*. Нет слов, чтобы выразить ему похвалу за столь полезное открытие... Все это показывает, что обычный путь крови заключается в движении по артериям и рукам и другим конечностям тела и в обратном движении по венам к сердцу. Это так ясно доказано Гарвеем, что сомневаться в этом может лишь тот, кто до такой степени скован своими предрассудками и так привык спорить по всякому поводу, что не способен отличать истинных и достоверных оснований от ложных и вероятных»⁴.

Безусловно, медицинские воззрения Декарта содержали ряд ошибочных предположений и утверждений. Но, во-первых, ме-

¹ Декарт. Указ. соч., Рассуждение о методе, т. 1, с. 282—283.

² Декарт. Указ. соч., т. 1, с. 436.

³ Декарт. Указ. соч., т. 1, с. 438.

⁴ Декарт. Указ. соч., т. 1, с. 432, 433.

дицинская наука только начинала тогда свое становление, а во-вторых, ошибки в научных теориях были и будут всегда.

Поэтому, анализируя медицинские работы и представления Декарта, можно смело сказать, что они оказали, безусловно, позитивное влияние на развитие медицинской науки и практики, создав необходимый, в том числе, и философский фундамент для дальнейших важных открытий в области медицины.

Глава 3

КНИГОПЕЧАТАНИЕ И ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

Существеннейшей вехой в развитии медицины эпохи Возрождения стало изобретение Иоганном Гутенбергом книгопечатания. Иоганн Гутенберг родился около 1400 года в патрицианской семье города Майнца, хотя некоторые ученые полагают, что он родился в Страсбурге, куда его семья бежала из Майнца. Несмотря на знатное происхождение, семья Гутенберга была весьма не богатой. Вначале Иоганн учился в монастырской школе, а затем постигал премудрости ремесленного мастерства, пока не стал известным ювелиром, имевшим звание мастера. Особую известность ему снискали умение шлифовки полудрагоценных камней и изготовление зеркал. Около 1444 года им была разработана идея создания печатного станка. Для этого он вырезал металлические подвижные буквы, выпуклые буквы, вырезанные в обратном виде, из которых набирал строки и с помощью прессы производил их оттиск на бумагу. С помощью майнцкого дельца Иоанна Фукса, давшего под проценты необходимые средства, он запускает свое изобретение. Создается первая типография в мире. И хотя потом Фуксу, пользовавшемуся безденежьем Гутенберга, удастся заполучить типографию в свою полную собственность, печатное дело было начато и стало распространяться с огромной быстротой по всей Европе. Сам Гутенберг так же продолжал дело книгопечатания вплоть до своей смерти в 1468 году. Первые печатные книги приведены в табл. 1.

Как видим, первой отпечатанной книгой была Библия. Причем, ее печатание имело не только обще просветительское значение, но и самое прямое отношение к развитию медицинской науки, как таковой. Ибо, во-первых, в Библии содержались весьма ценные сведения и советы эпидемиолого-гигиенического плана; во-вторых, в ней выдвигались высокие моральные стандарты, в которых так нуждалось тогдашнее общество и без которых построение здорового общества невозможно; в-третьих, Библия провоз-

глашала равенство людей пред Богом и, следовательно, их равное право на получение, как образования, так и медицинской помощи; в-четвертых, Библия наносила сокрушительный удар по всем диким средневековым суевериям, лелеемым государственной церковью, которые веками, как мы рассматривали выше, сдерживали любое развитие науки; в-пятых, Библия высоко поднимала ценность человеческой жизни, понятие уважения к человеку, что является необходимой базой для развития организации медицинской помощи в принципе.

Таблица 1

Первые печатные книги

Название книги	Место издания	Книгопечатник, издатель	Год издания
42-строчная Библия	Майнц	Иоганн Гутенберг	1455
Майнцская Псалтирь	Майнц	Иоганн Фуст и Петер Шёффер	1457
36-строчная Библия	Бамберг	Иоганн Гутенберг	1459—1461
«Католикон» Иоганна Бальба	Майнц	Иоганн Гутенберг	1460
«Драгоценный камень» Ульриха Бонера	Бамберг	Альбрехт Пфистер	1461
«Оратор» Цицерона	Субьяко	Паннарц и Свейнхейм	1465 (также было издание в 1468/1469)
«Божественные наставления» Лактанция	Субьяко	Арнольд Паннарц и Конрад Свейнхейм	1465
Библия Ментелина	Страсбург	Иоганн Ментелин	1466
«Размышления о жизни Христа» Псевдо-Бонавентуры	Аугсбург	Гюнтер Цайнер	1468
«О граде Божьем» Августина Блаженного	Субьяко	Паннарц и Свейнхейм	1467 (также были издания в 1468 и 1470)
«Письма к друзьям» Цицерона	Венеция	Иоганн фон Шпейер (Джованни да Спир)	1469

Название книги	Место издания	Книгопечатник, издатель	Год издания
«Естественная история» Плиния	Венеция	Иоганн фон Шпейер	1469—1470
«О граде Божьем» Августина Блаженного	Венеция	Начата Иоганном фон Шпейером. После смерти типографа книгу заканчивал его брат Венделин фон Шпейер	1469—1470
«Письмовник» Га-спарена де Бергамо	Париж	Михаэль Фрибургер, Ульрих Геринг и Мартин Кранц (Michael Friburger, Ulrich Gering и Martin Krantz)	1470
«Приготовление к Евангелию» Евсевия Кесарийского	Венеция	Николя Жансон	1470
«О знаменитых женщинах» Боккаччо	Ульм	Иоганн Цайнер	1473
«Собрание повествований о Трое» Рауля Лефевра	Брюгге	Уильям Кекстон	1473 (или начало 1474)
Календарь Региомонтана	Венеция	Эрхард Ратдольт вместе с Петером Лоесляйном и Бернхардом Малером (Erhard Ratdolt; Peter Loeslein, Bernhart Maler)	1476
«Естественная история» Плиния	Венеция	Николя Жансон	(1472) 1476
«Изречения и высказывания философов»	Вестминстер	Уильям Кекстон	1477
«Начала» Евклида	Венеция	Эрхард Ратдольт	1482
«Сад Здравия» Иоганна Воннеке фон Кауба	Майнц	Петер Шёффер	1485

Название книги	Место издания	Книгопечатник, издатель	Год издания
«Саксонская хроника» Конрада Боте	Майнц	Петер Шёффер	1492
«О несчастьях знаменитых людей» Боккаччо	Лондон	Ричард Пинсон	1494
«Об Этне» Пьетро Бембо	Венеция	Альд Мануций (Дом Альда)	1495
Часослов	Париж	Филипп Пигуше	1498

Одновременно с этим, вследствие огромного спроса, спровоцированного государственной церковью в начале XVI века, «тиражировались индульгенции с помощью печатной техники: первой известной типографской продукцией, вышедшей из книгопечатной мастерской Гутенберга, были как раз индульгенции»¹.

Так практически одновременно были изданы и Библия, провозглашающая принципы Божьего прощения даром, необходимости изменения характера, и индульгенции, грубейшим образом попирающие этот один из основополагающих принципов христианства и провозглашающие получение прощения любого греха за деньги.

Практически одновременно с книгами по религиозной тематике стали печататься книги, имеющие отношение к медицине (см. табл. 2).

Таблица 2

Первые медицинские печатные книги

Автор	Название книги	Место издания	Год издания
	Ежемесячный календарь кровопусканий	Майнц	1456 г.
Месье	Antidotarium	Венеция	1471 г.
Пьетро из Абано	Conciliator	Венеция	1471 г.
Николя	Antidotarium	Венеция	1471 г.
Маттео Феррари да Гради	Практика	Павия	1471 г.

¹ Гергей. Указ. соч., с. 226.

Автор	Название книги	Место издания	Год издания
Пьетро с Евганейских островов	Conciliator	Мантуя	1472 г.
Таддео Альдеротти	Regimen sanitatis	Болонья	1472 г.
Паоло Бажелларди	Libellus de egri- tudinibus infan- tium	Аугсбург	1472 г.
Рази	Детские болезни	Аугсбург	1473 г.
Бартоломеус Метлингер	Regiment der jungen Kinder	Аугсбург	1473 г.
Серапион	О простых лекарственных средствах	Милан	1473 г.
Ибн-Сина	Канон врачебной науки	Милан	1473 г.
Симон Генуэзец	Clavis sanationis		1474 г.
Кастелло и Джентиле	Трактаты о лечении водой		1474 г.
Яков из Форли	Комментарий к Гиппократу		1474 г.
Матеус Сильватикус	Пандекты		1474 г.
Гвайнери			1473—1474 гг.
Манфреди	Regimen sana- tionis		1474 г.
Арнольд из Виллановы	Учение о распознавании ядов		1475 г.
Пьетро из Абано	Комментарий к «Проблемам псевдо Аристотеля»		1475 г.

Что же представляли собой эти первые, изданные типографским способом книги по медицине? Первой книгой, как отмечено в таблице, был Календарь кровопусканий. В нем на латинском языке были перечислены дни недели для кровопусканий и для применения слабительных средств. Выбор этих дней базировался на сугубо астрологических представлениях. «Поразительно, что влияние астрологии на медицину в древности было несравненно

меньше, чем в Средние и Новые века, когда, казалось бы, вера в божества-планеты уже давно умерла, и когда Юпитер и Сатурн были просто названиями планет.

Исходы болезни стали предсказывать на основании положения созвездий на небе, а не на основании состояния и симптомов самого больного. Лечение назначалось в зависимости от положения Луны и господствующих в данный момент созвездий. Кровопускания были запрещены при нарождающейся Луне и т.д.

В Германии, Дании, Голландии и других странах издавались астрологические календари, в которых точно были определены дни, благоприятные для кровопускания, приставления банок, послабления и пр. Существовала связь между Солнцем и сердцем, Луной и мозгом, Юпитером и печенью»¹.

«В конце XV века и в первой половине XVI века многократно переиздаются собрания астрологических текстов, например, «Великий Календарь и пастырский сборник, содержащий астрологические предсказания и многое другое». В этих изданиях содержатся сведения о влиянии светил и планет, определяющих судьбу каждого индивида, а также всех католиков. В таких изданиях можно было найти картинки, нарисованные явно с целью запугать население, например, изображение адских мук или древа пороков, рядом с которым, конечно же, помещалось древо добродетелей. Такие календари, сопровождавшиеся комментариями к Символу веры, выполняли также воспитательные функции... это было время, когда астрология и личная набожность переплелись так тесно, словно с помощью астрологии Господь хотел приоткрыть людям тайны небес, позволить проникнуть взором в потусторонний мир и познать его, равно как и свое будущее»².

В этой увлеченности астрологией не было ничего необычного, если учесть ту роль, которую играла вера в суеверия в Средневековой государственной церкви, насквозь пропитанной языческими воззрениями, и с другой стороны, влияние эпохи Возрождения, которая, с одной стороны, пыталась порвать с невежеством Средневековья, вращенном государственной церковью, а с другой — привела к новому возрождению язычества, на котором и была основана сама средневековая государственная церковь, в результате чего порочный круг веры в астрологию и другие суеверия замкнулся.

Примечательно, что эти изданные Календари кровопусканий пользовались огромной популярностью, причем, как среди вра-

¹ Барашнев. Указ. соч., С. 108.

² Констан Ж-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 130.

чей, так и обывателей, и после своего первого издания в Майнце в 1457 году были до 1501 года переизданы числом более двухсот, причем, не только на латинском, но и немецком языке.

Вторым после календарей видом первых изданных книг были работы ученых-схоластов. Однако, из ученых схоластов публиковали только тех, работы которых имели более-менее практический характер, а с другой стороны других работ по медицине просто еще и не было. У ученых-гуманистов практически не было медицинских работ, потому они и отсутствовали в числе издаваемых книг.

Примечательно, что если не считать «Естественной истории» Плиния Старшего, содержащей единичные сведения по медицине, то издания трудов выдающихся врачей античности началось с 1478 года, когда были изданы труды Цельса. После этого последовал почти пятидесятилетний перерыв (если не считать изданного на латинском языке сочинения Галена и компиляции по медицинской астрологии из работ Гиппократов, изданной, к тому же, под чужим именем) пока в 1526 году не было издано Полное собрание сочинений Гиппократов и Галена.

Таким образом, в течение первых десятилетий после изобретения книгопечатания «продолжается полное господство схоластики; также и почти до конца XVI столетия оно удерживается в новых изданиях, и только постепенно начинает сдавать позиции. Ренессанс, таким образом, далеко не покончил со схоластикой, и книгопечатание вовсе не явилось исключительным пионером прогресса. Оно старательно приспособлялось к требованиям покупателя и выпускало новые издания в зависимости от спроса, — недаром же оно, как коммерческое предприятие, прежде всего развилось в главных торговых центрах: Венеции, Аугсбурге, Нюрнберге, Кельне, Страсбурге, Базеле и Лейпциге»¹.

И все же «изобретение книгопечатания лишило духовенство монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование»².

И главное, что не сделал и не мог сделать языческий по своей сути Ренессанс, ограничивающийся лишь внешним изменением и прогрессом развития науки, осуществила Великая Реформация, поставившая во главу угла изменение характера человека, его системы ценностей, отношения к ближнему и Богу. С утверждением же Реформации книгопечатание становится одним из важнейших путей в донесении просвещения (Лютер, по сути, первым

¹ Мейнер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 265—266.

² Бородулин. Указ. соч., с. 150.

стал использовать печать, как средство донесения своего учения, и в результате его сочинения стали доходить до такого числа читателей, которого не знала рукописная книга¹), в том числе и медицинского, самым широким кругам населения, и одновременно одним из самых эффективных средств в построении и осуществлении работы системы высшего, в том числе, медицинского образования.

Глава 4

УНИВЕРСИТЕТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Эти величайшие движения того времени — Возрождение, Реформация и Контрреформация коренным образом повлияли на всю дальнейшую историю становления университетов и систему высшего образования в Европе, причем, это влияние называется в ряде ключевых вопросов и по сей день. История нам демонстрирует четкую разницу в развитии университетского образования тех стран, которые отвергли Великую Реформацию, вступив на путь Контрреформации, и которые приняли ее.

• Университеты стран, принявших учение Реформации

Исследуя историю университетов, мы четко видим, что, как и в других направлениях науки, в медицине пальма первенства переходит из рук итальянских университетов, в первую очередь, Падуанского, потерявших свои бывшие позиции вместе с вырождением самого Возрождения, и последующим господством в этих странах Контрреформации, к университетам стран, принявших учение Реформации — Нидерландам, Германии, Дании, Великобритании, Швейцарии, которые, благодаря принятию этого учения и ставшему господствовавшим в них протестантизму, получили полную свободу для проведения научных исследований.

Причем лидером среди них становятся Нидерландские университеты, и это было неслучайным, ибо «после завоевания Константинополя наступил упадок северной Италии и Венеции и Генуи. В XVII веке роль передового центра в Европе в экономике и культуре перешла от северной Италии к Нидерландам. Возросла роль Нидерландов, владевших вновь открытыми морскими путями и колониями в Атлантическом и Индийском океанах. Голлан-

¹ Гонсалес. Указ. соч., т. 2, с. 20.

дия стала не только экономическим, но и культурным центром Европы. Голландия была самой передовой, образцовой капиталистической страной XVII века. Она завоевала независимость в длительной борьбе против феодально-католической Испании. В Голландии произошла одна из первых буржуазных революций, приведшая к государственной власти буржуазию.

Нидерланды в XVII веке достигли значительного экономического развития. Это была единственная страна того времени, в которой численность городского населения значительно превышала численность сельского. Голландия этой эпохи была крупной морской и колониальной державой. Она обладала большим количеством судов, чем все остальные страны Европы, вместе взятые.

Нидерландская буржуазная революция, вызвавшая развитие промышленности и торговли, способствовала расцвету искусства и развитию иных наук. Нидерланды в XVII веке были средоточием умственных движений¹.

Действительно, эта эпоха по праву называется «золотым веком» Нидерландов, отстоявших в тяжелейшей борьбе с Испанией и папством право на свободу и принявших учение Реформации.

В стране открываются университеты и так называемые «прославленные школы», которые отличались только тем, что университеты были открыты на самой заре Нидерландской республики, а школы чуть позднее. «Образование в большинстве университетов и «прославленных школах» в «золотом веке» было поднято на большую высоту, что сделало Нидерланды маяком в море международной науки»².

Что же отличало университеты Нидерландов? Что позволило им сделать полный перелом всей системы образования, господствовавший столетия в университетах Средневековья? Рассмотрим это на примере Лейденского университета — ведущего университета Нидерландов того времени, который по праву именовали научным центром всей страны, привлекая ученых из разных стран³.

● Особенности Нидерландских университетов

— **Свобода от схоластического учения.** В средневековых университетах господствовала мертвая схоластика, пропитавшая все сферы его жизни. «Высшие же учебные заведения Нидерландов по сравнению со всеми другими в Европе имели преимущество но-

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 128—129.

² Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2001. — С. 145.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 129.

визны. Созданные на пустом месте, они были свободны от тягостного средневекового наследства. В них все дышало новой мыслью»¹.

— **Отсутствие церковной цензуры и преследований.** В средневековых университетах церковь контролировала все сферы деятельности университетов, направляя изучение всех наук в удобное для себя русло и уничтожая физически тех ученых, которые осмеливались выступать против ее суеверий и злоупотреблений. В нидерландских же университетах протестантская церковь «не довела над другими предметами»².

«Беспримечательная веротерпимость способствовала оживлению атмосферы факультетов. От студентов даже не требовали присяги в исповедании Реформатства»³.

«Здесь существовала наибольшая в тех условиях свобода вероисповедания и представлялись сравнительно большие для того времени возможности для научной деятельности... Отсутствие церковной цензуры давало возможность публиковать в Нидерландах такие сочинения, для которых была закрыта возможность печатания в других странах»⁴.

— **Самый широкий спектр преподавания различных наук.** В эпоху Средневековья университеты готовили по сути дела, только богословов, отчасти юристов и еще более отчасти, медиков, ибо назвать это научной подготовкой, как мы рассматривали выше, было нельзя. Лейденский же университет, «основанный Штатами Голландии, с самого начала своей деятельности пригласил, помимо теолога, присутствие которого должно было оправдать предназначение заведения, девять профессоров, представлявших различные гуманитарные и естественные науки. Это ядро значительно разрослось в течение века и стало образцом для подражания для многих нидерландских университетов... Науки, чем блистали нидерландские факультеты, представляли собой самые последние завоевания разума — греко-латинская филология, изучение восточных языков, анатомия, астрономия, ботаника и зарождающаяся химия, те отрасли современного гуманизма, которые основывались на лингвистике, истории и естественных науках»⁵.

— **Поддержка университетов со стороны государства.** В эпоху Средневековья университеты привлекали внимание церкви только с точки зрения господства над системой образова-

¹ Зюмтор. Указ. соч., с. 146.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 146.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 147.

⁴ Мультановский. Указ. соч., с. 128—129.

⁵ Зюмтор. Указ. соч., с. 146.

ния и недопущения проявления вольнодумства, равно, как и средневековые правители видели в университетах лишь источник подготовки себе чиновников. Никакой целенаправленной помощи на развитие университетов не осуществлялось. Темное и невежественное средневековое общество было вообще далеко от понятий образования, и тем более, университета. Нидерланды же, «как недавно народившееся государство, имели органическую потребность в создании собственной культуры в меру своей политической и экономической самобытности. Основные качества нидерландской интеллигенции составляли любовь к конкретике, тяга к знаниям и их практическому применению, реализм. Все свидетельства того времени подтверждают наличие у нидерландских бюргеров трогательной любви к науке, смешанной с жадным и отчасти наивным любопытством. Не страшили умы даже великие грядущие потрясения — Декарт отмечал, что с 1630 года все голландские ученые приняли идеи Коперника»¹. И это в то время, когда для стран, в которых победила Контрреформация, он оставался архиеретиком.

Предприимчивые и трудолюбивые нидерландцы понимали, что только развитие науки может дать импульс для последующего развития экономики, а, следовательно, для роста благосостояния.

«Цепи традиционной науки распались, появились оптика и метеорология, завоевала независимость математика. Медицина сблизилась с физикой, и часто докторскую степень присваивали сразу по обоим наукам... продолжала существовать общая тенденция рассматривать медицинские проблемы под научным углом»².

— **Научно-практическая деятельность университетов.** В эпоху Средневековья система образования в университетах носила чисто отвлеченный теоретический характер. И это было неслучайно, ибо, как мы рассматривали выше, понятия эксперимента, исследования, опыта средневековая наука под давлением государственной церкви не допускала вовсе. Это приводило к полному застою в развитии, как самой науки, так и экономики. Совершенно по иному стало обстоять дело в университетах стран, принявших учение Реформации.

«Ориентированная на практику нидерландская наука выходила за рамки университета. Вне факультетов, за пределами лекционного обучения, она выражала себя в технике. Телескоп, ми-

¹ Зюмтор. Указ. соч., с. 147.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 147.

микроскоп, термометр, барометр, часы с маятником, логарифмы, интеграл и дифференциал, изобретенные в «золотом веке», достойно представили Нидерланды в истории европейской цивилизации. К ним следовало бы добавить многие достижения в области анатомии, биологии, космографии и географии. Большая часть этих открытий явилась плодом как терпеливого наблюдения, трезвых умозаключений, систематического поиска, так и изобретательного воображения. Увеличительное стекло родилось в темной лавочке оптика. Изобретатель микроскопа Антоний Ван Левенгук из Делфта выставлял свой инструмент на ярмарках. Один лейденский врач случайно наткнулся на это открытие и запустил его в международный научный мир. Телескоп, изобретенный бродячим ученым богемного склада Корнелием Дреббелем, позволил Кристиану открыть в 1655 году пояс Сатурна, а позднее — газовые облака Ориона. Сам он был домоседом, просвещенным любителем, изобрел часы с маятником и создал первую теорию света. Медик Шваммердам использовал микроскоп для изучения мелких насекомых. Дальние путешествия коммерческого или дипломатического характера во многом способствовали такому развитию науки»¹.

— **Открытие ботанических садов.** В Средневековье при некоторых монастырях выращивались лекарственные растения и имелись специальные комнаты для высушивания и хранения растений².

Однако, понятие фитотерапии, используемое сегодня, весьма мало походило на средневековое лечение травами. Во-первых, в Средневековье лекарственные прописи состояли часто из десятков наименований различных трав и компонентов, что делало их влияние на организм человека просто непредсказуемым. Во-вторых, фармация была непосредственно связана с алхимией и астрологией³. Дело в том, что в Средние века уделялось внимание не столько самой траве, как таковой, а тому, в какой языческий праздник (поскольку пришедшие им на смену христианские названия нисколько не изменили ни сути, ни атрибуты праздника) она была собрана, в какое именно время дня и с какими именно заклинаниями. Над каждым из травяных сборов читалось особое заклинание⁴.

¹ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2001. — С. 145, 146—147, 148, 151.

² Сорокина. Атлас истории медицины. Средние века. Указ. соч., с. 84—85.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 69.

⁴ Гофф. Указ. соч., с. 319.

Лейденский университет

Особо святой при этом считалась вода, бьющая из родников на кладбищах, где были похоронены святые. «Ведь все, что соприкасалось с покойниками, наделялось в народном сознании целительной, шире — магической, силой. То же относилось к кладбищенской воде... собираемая ниже уровня погребения эта вода не могла быть здоровой, но качество

ее было не самым главным. В атмосфере ожидания чудес, буквально «разлитого» в средневековом обществе, весьма популярной была идея «теуэргической терапии» — достигаемой с помощью церковной магии, святых таинств как средств в борьбе с болезнями. Наиболее же часто для лечения употребляли именно святую воду, в том числе, из источников, находившихся под покровительством Богоматери. Ее пили, ею окропляли больных, даже устраивали купания, как правило, три раза в год — на Пасху, в Троицын день и в День Богоявления... Феноменологически это было связано с древней языческой традицией, народными верованиями, с культом источников, жертвоприношениями у источников, но Церковь прикрыла их покровом христианства, дала обрести чудотворными мотивами»¹.

«Недаром даже трава, растущая на кладбище, считалась более целебной, нежели обычная»².

При этом чудодейственными считались не только такие травы, но и пасхальные яйца, и блины, испеченные на масленицу.

Многим растениям приписывались волшебные свойства. Так корень мандрагоры, якобы, мог усилить и даже вызвать любовь у того, кто выпьет его к тому, кто его ему подаст. Так же этому корню приписывали излечения почти от всех болезней. Единственно, как учили средневековые врачи, его надо с осторожностью собирать, так как при извлечении из земли корень, якобы, издает звуки, убивающие всех, кто их слышит. Поэтому перед тем, как его извлекали из земли, уши затыкали воском, а чтобы нейтрализовать его звук, подзывали к себе собаку, заранее привязанную,

¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. В 3 т. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. — Т.2, ч. 2, с. 160—161, 165—166.

² Там же. — Т.2, ч. 2, с. 161.

свистом, в ответ на что она начинала лаять¹. В эпоху Возрождения в Италии делается первая попытка создания трудов по ботанике, включая описания лекарственных трав. Однако созданные таким образом труды венецианца Ермолао Барбаро (1454—1493), феррарцев Николо Леоничено (1428—1524) и Джованни Манарди (1463—1536) представляют собой простую компиляцию из трудов античных авторов, и только в работе Леоничено просматривается некоторая робкая попытка приведения данных и собственного наблюдения. Вообще в Средние века существовало четкое «предубеждение, что древними в ботанике, как и в других науках, были исчерпаны во всей полноте богатства растительного мира»².

И только после крушения всех этих средневековых взглядов, осуществленных в ходе Реформации, стало возможным подлинное развитие фармации и ботанических садов, как ее неотъемлемой части. И действительно, прекрасной базой для успешного развития медицины и фармации стало учреждение при университетах ботанических садов. «В 1587 году на пустыре за Лейденским университетом французом де Леклюзом (Клузием) был основан ботанический сад, призванный дать первое представление студентам медицинского факультета о простых формах. Это дело успешно развивалось, и впоследствии здесь образовался исследовательский центр, где в теплицах выращивали экзотические растения. В 1631 году свой ботанический сад появился в Франекере; этому примеру в дальнейшем последовали Утрехт, Хардервюк и Гронинген»³.

В этот же период издаются прекрасные труды по ботанике, содержащие ценные сведения о лекарственных растениях, причем здесь также большое участие играют Нидерланды⁴. Так в Антверпене в издательстве Плантина вышел сводный труд по ботанике, подготовленный тремя друзьями Рембертом Доденсеном (1517—1585), Шарлем де л'Эклюзом (1526—1609) и Матвеем де л'Обелем (1538—1616). В это же время выходят ценные труды по ботанике, включающие в себя вопросы лекарствоведения, принадлежащие немецким врачам Отто Брунфельсу (умер в 1534 г.), Иерониму Боку (1498—1566), Леонарду Фуксу (1501—1566), Валерио Кордусу (1515—1544), Конраду Геснеру (1516—1565).

— **Создание университетских библиотек.** В эпоху Средневековья при университетах существовали библиотеки. Но, во-

¹ Сорокина Т.Н. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Тип-я ун-та Дружбы народов, 1983. — С. 86—87.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 268.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 147.

⁴ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 268—269.

первых, они были крайне бедны по своим фондам; во-вторых, литература в них в подавляющем большинстве случаев представляла собой богословские и алхимические трактаты; в-третьих, любая книга перед тем, как поступить в библиотечный фонд, проходила строжайшую церковную цензуру, которая отсеивала практически все научные открытия того времени (вспомним, что, к примеру, и Галилей, и Коперник были объявлены церковью еретиками), а это значит, что, фактически, никакой подлинно научной литературы библиотеки средневековых университетов не содержали.

Совершенно по-иному составлялся подход к университетским библиотекам в протестантских странах, где каждый университет стремился создать богатую, подлинно научную библиотеку, и при этом сами власти всячески способствовали и помогали этому процессу. Так, «Лейденский университет располагал обширной библиотекой, богатой редкими рукописями. Фонды образовывали еще из старых монастырских книгохранилищ и периодически пополняли по дарственным и завещаниям. Неоднократно кураторы делали значительные закупки. Так, в 1629 году была приобретена партия восточных трудов стоимостью 4500 гульденов; в 1690 году за 33 тысячи гульденов приобрели домашнюю библиотеку Исаака Воссия»¹.

– Создание при университетах обсерваторий и музеев.

Прекрасной составной частью университетов становится основание при них обсерваторий и музеев, о чем не было и речи в эпоху Средневековья. Так, «в 1632 году в университетских корпусах Лейдена была построена астрономическая обсерватория. В Утрехте для этой цели использовали одну из городских башен. Анатомические кабинеты, полные скелетов, мумий и чучел животных, предоставляли наглядные пособия для обучения медиков. Существовали также кабинеты математики и физики, где можно было видеть инструменты, применявшиеся в те годы в данных науках. Пристроенная к лейденскому ботаническому саду галерея вмещала в себя музей антиквариата и раритетов»².

– Развитие экспериментальной и опытной медицины.

Анатомия. Медицинский факультет Лейденского университета стал ведущим во всей Европе, заложив основы для дальнейшего развития анатомии и хирургии. В нидерландских «медицинских кругах обнаружилась общая тенденция — одновременно с отходом от всякого рода теоретических спекуляций прогресс в

¹ Зюмтор. Указ. соч., с. 148.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 147—148.

развитии естественных наук открыл новые горизонты. На опытах основывалась методика. В частности, велись исследования в области анатомии человека. Когда Сваммердам получил от амстердамского муниципалитета разрешение на вскрытие трупов в больницах, улетучились давние предрассудки, бытовавшие в остальных странах Европы... Анатомия стала модной наукой: даже в городах, не имевших университетов, таких, как Дордрехт или Гаага, открывались общественные курсы. Хотя, в принципе, они предназначались для подготовки хирургов, там всегда было не протолкнуться из-за обилия любопытных. Университеты со своей стороны публично оглашали время занятий по вскрытию, открывая двери всем желающим, что иногда мешало учебе студентов, растворявшихся в толпе любителей. «Урок анатомии», который был написан Рембрандтом в 1632 году и представлял доктора Тульпа на одном из его уроков в Амстердаме, свидетельствует об этом увлечении.

В то время Амстердам стал центром анатомических исследований. Новая теория кровообращения разбила последние очаги сопротивления прошлого. Одновременно с анатомией совершенствовалась техника сохранения отмерших органов — упражнения во вскрытии создавали ценные коллекции, которые становились затем предметом специального изучения. Эта практика была распространена и на строение животных. Ученые приобретали у матросов морских чудовищ¹.

При медицинских факультетах нидерландских университетов создаются прекрасные анатомические театры. В отличие от других анатомических театров, нидерландские имели ряд принципиальных и важных особенностей. Так:

- вскрытия в нидерландских анатомических театрах проходили круглый год, а не только зимой, как в других театрах;
- в перерывах между вскрытиями в анатомическом театре проходили различные научные собрания, где обсуждались последние эксперименты и открытия, велись по ним диспуты;
- в анатомических нидерландских театрах были научные библиотеки, кабинеты естественной истории и коллекции, как тогда говорили, курьезов или редких анатомических экспонатов, «предоставляли наглядные пособия для обучения медиков»². Благодаря этому нидерландские анатомические театры становились подлинными центрами, как научными, так и учебными по раз-

¹ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2001. — С. 187—188.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 147.

витию анатомии, как науки, и одновременно с этим, теснейшему сотрудничеству анатомии и хирургии.

• **Развитие клинической медицины.** Университеты Нидерландов по праву считаются основателями клинической медицины, которая сделала свои первые робкие шаги благодаря падуанскому врачу Джованни Батиста Монтано (1489—1552), говорившего, что «источник медицинской науки — только у постели больного», «учить можно не иначе, как посещая больных». Но опыт Монтано и его немногочисленных последователей, в частности, учеников Боттони и Одди, не получил широкого признания и распространения и был фактически сразу же забыт. Практические врачи отставали от достижений отдельных ученых и передовых научных центров, врачебная практика сохраняла черты средневековой медицины. Обучение на медицинских факультетах в университетах Западной Европы по-прежнему оставалось схоластическим, книжным и сохраняло традиции средневекового галенизма¹.

И только с победой Реформации стало возможным развитие клинической медицины, и потому оно началось именно в университетах протестантских стран. «Клиническое обучение студентов получило дальнейшее развитие в Нидерландах, где в Лейденском университете была создана клиника, чем данный университет в XVII веке отличался от большинства современных университетов»².

Именно в Нидерландах получает свое дальнейшее развитие и хирургия, и именно там появляется впервые понятие муниципальных хирургов³, что говорит о большом внимании, которое уделялось ей властями Нидерландов, в то время, как в странах Контрреформации хирургия еще на долгие годы была приравнена к цирюльничеству.

— **Открытие больниц.** В эпоху Средневековья, как таковых, больниц, фактически, не существовало, имевшие же место госпитали и приюты для прокаженных, больных чумой, эпилептиков представляли собой дома призрения, где страдающим давали только определённый уход. При этом, ни о каком лечении, и тем более, дифференцированном, речь вообще не шла. «Официальная факультетская медицина сводилась к заучиванию текстов и словесным диспутам, в ней не было места клиническим наблюдениям и пониманию процессов, протекающих в организме. Тесно

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 136.

² Мультановский. Указ. соч., с. 136.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 190.

связанная с богословием в области «теории», а на практике ограничивавшаяся слабительными, клизмами и назначением кровопусканий, она была бессильна в оказании действенной помощи больным»¹.

И потому, только в эпоху Реформации начинают появляться больницы, в подлинном значении этого слова, где больные получали лечение.

Сами больницы получали специально назначенных туда врачей². Первая такая больница появилась в 1500 году в Страсбурге, затем в 1517 году в Лейпциге.

В Нидерландах «каждый более или менее крупный город содержал один или даже несколько госпиталей и лепрозорий. В Амстердаме помимо этого имелись лазарет для «зачумленных» и сумасшедший дом; в Лейдене был устроен приют для престарелых инвалидов»³. Больницы в скором времени становятся клиническими базами университетов, благодаря чему начинает бурно развиваться клиническая медицина и одновременно существенно повышаться уровень лечения самих пациентов.

— **Развитие аптечного дела.** Одновременно с развитием клинической медицины в эпоху Возрождения и Реформации произошло и тесно связанное с ние развитие аптечного дела. «В начале века аптекари принадлежали к гильдии бакалейщиков. Впоследствии они были слиты с медиками. От этого пострадали их коммерческие привилегии — москательщики, оставшиеся в гильдии бакалейщиков, торговали некоторыми лекарствами, которые, таким образом, выходили из-под фармацевтического контроля. С другой стороны, аптекарей ненавидели медики, видевшие в них своих коварных конкурентов. Не только потому, что те и другие носили одинаковую одежду (черные балахон и плащ, шляпу с заостренным верхом и отложной воротник), но и в силу того, что в своих конторах под набитым соломой чучелом крокодила, служившим традиционной вывеской, аптекари тайком давали медицинские консультации. Соответствующие теоретические познания они получали еще при подготовке к экзамену для

Герб Лейденского университета

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 134.

² Мейер-Шийенг-Зудгоф. Указ. соч., с. 271.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 189.

вступления в гильдию. Некоторые аптекари занимались научными исследованиями, как Якоб Ле Мор, преподававший в Лейденском университете химию и фармакологию. Впрочем, медики сумели настолько отравить ему существование, что он вынужден был сдать экзамены на степень доктора медицины, чтобы вернуть себе спокойную жизнь»¹.

В 1635 году по инициативе Тульпа в Амстердаме открывается первая в Европе отдельная школа для медиков и аптекарей².

Таким образом, университеты в протестантских странах, построенные на евангельских принципах любви и уважения к человеку, свободе его выбора, были свободны от схоластического учения, церковной цензуры и преследования инакомыслия; предоставляли своим слушателям широчайший спектр научных дисциплин; обладали прекрасными библиотеками, музеями, обсерваториями; развивали экспериментальную и клиническую медицину.

Совершенно по-иному и на принципиально других основах выглядела система университетов и высшего образования в странах, где победила Контрреформация.

• Университеты и система образования в странах, где победила Контрреформация.

Как мы рассматривали выше, Великая Реформация потрясла все устои средневековой государственной церкви, которая столетиями господствовала в Европе. Теперь же, оказавшись в принципиально новых условиях, папство понимало, что прежними методами костров и суеверий образовательный процесс сдержать уже нельзя, и потому оно принимает решение не пытаться уничтожить его открыто, что было уже не реально, а возглавить сам этот образовательный процесс, перестроив его затем на нужные себе стандарты и сделав с его помощью послушные себе народы. Эту важнейшую задачу должен был выполнить орден иезуитов, в ведение которого папство отдает из рук доминиканцев и францисканцев, которые раньше курировали университеты, но дискредитировали себя в глазах народов Европы своей жестокостью, темнотой и алчностью, систему образования.

«Установка на борьбу с Реформацией потребовала изменения традиционных правил, действовавших в религиозных орденах. Вместо монастырей были созданы так называемые резиденции. Иезуитам разрешалось скрывать свою принадлежность к ордену, в его интересах нарушать обязательства, налагаемые на них саном, клятвой и уставом. Иезуитам давалось право использовать

¹ Зюмтор. Указ. соч., с. 189.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 188.

любые средства, включая интриги, клевету, обман, подкуп, яд, кинжал, шпионаж»¹.

Одним из главнейших путей для борьбы с Реформацией была борьба с просвещением, ибо получив, благодаря Реформации и последовавшим за ней реформам, образование, даже простые люди начинали читать Библию и видеть все те искажения и злоупотребления, которые привнесло папство в христианское вероучение. Понимая, как мы уже отметили выше, что воспрепятствовать распространению просвещения, бывшего одним из краеугольных камней Реформации, прежними методами костров и отлучений уже невозможно средневековое папство избирает новую политику. И в этой политике одну из ведущих ролей также должен был сыграть орден иезуитов путем подчинения и контроля всей системы образования Европы папству и воспитание через это верных ему людей. И действительно, если просвещение остановить нельзя, то тогда нужно взять его в свои руки и направить в нужном для себя направлении. «Иезуиты решили установить свою монополию в области просвещения, с тем, чтобы воспрепятствовать проникновению в школы прогрессивных идей»².

«Как ни важны, как ни необходимы были для ордена обширные владения и получаемые с них богатые доходы, он, тем не менее, был прежде всего духовной силой и стремился прежде всего к господству над духовной жизнью народов...главнейшей причиной его успехов является то обстоятельство, что ему удалось захватить позиции, позволявшие в эту эпоху руководить общественным мнением: кафедру профессора, кафедру проповедника и исповедальню...Он был орденом преподавателей и ученых по преимуществу, самой большой школьной организацией, которая когда-либо существовала в мире, потому что две трети его учреждений были школами, и четыре пятых его членов были студентами или учителями»³.

И потому, иезуиты по всей Европе, где только могли, основывали свои университеты и школы, в которых наставляли юношество в верности догматам государственной церкви⁴.

Так, уже «в Италии, к концу 1554-го и к началу 1555-го года, насчитывается 15 иезуитских гимназий, в Сицилии, из которых одна с университетским курсом, в Португалии — 2, в Испании — 2, из них одна с университетским курсом, в Германии —

¹ Великович. Указ. соч., с. 17.

² Великович Л.Н. Черная гвардия Ватикана. — М.: Мысль. 1985. — С. 41.

³ Бемер. Указ. соч., с. 362—363.

⁴ Гризингер. Указ. соч, с. 66—67.

Вильнюсский университет,
основанный иезуитами.
Фото автора

1; всего, следовательно, 23 высших учебных заведения, приблизительно, с 2500 учениками. В ближайшие полтора года число учебных заведений возрастает до 36, число учеников до 5700; кроме того, имеется 12 коллегий иезуитских учеников при католических университетах, где отчасти уже читают лекции иезуитские профессора.

Таким образом, иезуит уже тогда не только законоучитель, проповедник, духовник и миссионер, но, в первую очередь, преподаватель средних и высших учебных заведений; орден иезуитов уже не является обществом, посвятившим себя, главным образом,

внутренней миссии; он, прежде всего — школьный орден; генерал иезуитов уже не просто руководитель общества священников для внутренней и внешней миссии, но вместе с тем и распространитель высшего образования во всей католической Европе. Благодаря этому, наступательный фронт ордена передвинулся весьма заметным образом»¹.

Сама структура образовательных учреждений ордена складывалась из трех последовательных ступеней: гимназии, коллегии и университета. «Итак, многочисленные школы ордена в Европе и в Новом Свете были, главным образом, средними и высшими школами. Но цели преподавания не были всюду одними и теми же. В коллегиях низшего разряда преподавали лишь классические языки, латинский и греческий. Они соответствовали, приблизительно, нашим гимназиям. В коллегиях среднего разряда к гимназии присоединялся философский факультет. В отличие от первых мы могли бы назвать их лицеями. В коллегиях высшего разряда присоединялся еще теологический факультет. Сам орден давал им название академии или университетов. Из того, что мы только что сказали, видно, что иезуитские университеты нельзя отождествлять с современными французскими или немецкими университетами. Во-первых, они всегда были соединены с гимназией; во-вторых, они имели только два факультета: философский и теологический»².

¹ Бемер. Указ. соч., с. 162.

² Бемер. Указ. соч., с. 363.

Примечательно, что «статуты запрещали иезуитам преподавание медицины; юриспруденция же интересовала их лишь с точки зрения канонического права»¹.

И это было неслучайным, наглядно демонстрируя то, что иезуитам было нужно дать учащимся образование ни само по себе, не нести просвещение в массы, что делали протестантские университеты, а дать то образование, которое будет им необходимо, дабы выполнять задания ордена, ведшего борьбу, как с протестантизмом, так и с просвещением.

Иезуиты не только основывали свои учебные заведения, но внедряясь в уже существующие, вскоре подчиняли их своему влиянию.

«Когда иезуитов допускали в уже существующие университеты, как это было в Вене, Ингольштадте, Праге, Фрейбурге в Брейсгау, они занимали кафедры философского и теологического факультетов, этого было вполне достаточно, чтобы подчинить их влиянию весь университет.

На территории одной только Германской империи они владели или руководили в начале XVIII века восемнадцатью академиями или университетами...

Но орден занимался не только образованием юношества; он занимался также и его воспитанием. Кроме коллегий, у него было большое число пансионеров для молодых дворян, довольно значительное число интернатов для бедных школьников и, прежде всего, начиная с XVII века, множество семинарий для священников. Во многих католических странах в его руках находилась почти полная монополия воспитания молодежи господствующих классов, в частности, монополия подготовки духовенства. Число учеников иезуитских школ было огромно. Если мы примем для каждой коллегии среднюю цифру в 300 учеников, то мы получим в 1640 году общее количество приблизительно в 150.000. Образцом для всех этих учреждений была, как мы уже сказали, римская коллегия, которая в 1580-х годах имела постоянно свыше 2.000 учеников»².

Примечательно, что потом эти университеты, покоренные иезуитами, в частности, Венский, будут выпускать из своих стен тех, кто станет основателями различных направлений мистической оккультной медицины, в частности, животного гипнотизма, гомеопатии и т.д., что будет нами подробно рассмотрено в третьей части данной монографии.

---

¹ Бемер. Указ. соч., с. 363.

² Бемер. Указ. соч., с. 364.

Для популяризации своих учебных заведений иезуиты сделали свое образование бесплатным, что притягивало к ним очень многих. Государственная церковь, которая являла в эпоху Средневековья образец колоссальной жадности для различных благотворительных дел, сейчас не скупилась на расходы, понимая, что только это может ей сохранить само существование, а также хорошо понимая и то, что сейчас вложенные средства потом вернутся с огромными процентами через пожертвования тех, кого она сейчас подчинит своей власти. «Иезуитский орден получил многие привилегии еще при Павле III. Так, он был освобожден от надзора и юрисдикции епископов, не платил десятины со своего имущества, епископы обязывались посвящать в духовное звание без дальнейшего разбора всех лиц, представляемых к тому орденom. Орден мог присуждать учащимся академические степени после произведенного им же экзамена; генерал имел право самовластно назначать лиц на учительские кафедры»¹.

Качество обучения в иезуитских школах было продумано до мелочей. Вся «система обучения у иезуитов, режим, существующий в резиденциях ордена иезуитов, служат одной цели — подготовить членов «Общества Иисуса» к предназначенной им деятельности на благо римо-католической церкви. Изучаемые ими предметы не столько должны были расширить кругозор, сколько воспитать любовь к своим начальникам, готовность воевать с теми, кто угрожает римо-католической церкви, ее престижу и влиянию в обществе. Иезуитская система обучения имеет определенную направленность — превратить членов «Общества Иисуса» в верных, преданных исполнителей воли генералов ордена и провинциалов»². Недаром известный французский философ Вольтер о годах своего пребывания в иезуитской коллегии писал: «Я не знал ни того, что Франциск Первый попал в плен при Павии, ни того, где находится Павия; я не знал той страны, в которой родился; не знал главных законов, ни интересов моей родины; я ничего не смыслил в математике, ничего — в здоровой философии; я знал только латынь и глупости»³.

«Вся система многолетнего обучения иезуита заключается в том, чтобы духовно выхолостить его, разрушить естественное развитие индивидуальности, сделать слепым орудием церкви. Более 15 лет его подвергают сложной идеологической обработке с целью превратить в верное и послушное орудие ордена»⁴.

¹ Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Из-е А.Ф. Маркса, 1904. — Т.3, с. 121.

² Великович. Указ. соч., с. 29.

³ цит. по Истории Французской литературы. — М. — Л., 1946. — Т.1, с. 640—641.

⁴ Великович. Указ. соч., с. 28.

Принципы иезуитской педагогики

Сама педагогика иезуитских школ имела ярко выраженные черты, к основным из которых относились следующие.

— **Воспитание в учениках честолюбия.** «В протестантских школах не старались возбуждать честолюбие школьников. Напротив, школы иезуитов шли в этом направлении гораздо дальше. В них каждый школьник имел специального конкурента; каждый класс распадался на два лагеря, которые соперничали между собой. Кроме того, раз в год происходили состязания между отдельными классами. Каждый месяц ученики писали сочинение на премию, и каждый месяц провозглашалось имя победителя. Ежегодно происходили экзамены и распределение учеников по успешности; и, как будто всего этого было еще недостаточно, честолюбие учеников постоянно возбуждалось публичными школьными церемониями, диспутами»¹.

— **Воспитание в учениках доносительства.** Иезуиты «придавали не меньшее значение религиозному воспитанию при помощи исповеди и особенно взаимному надзору учеников друг за другом в религиозных ассоциациях школьников... члены их должны были, взаимно наблюдать друг за другом и указывать на периодических собраниях на свои ошибки и проступки. Они являлись, таким образом, могущественным вспомогательным средством для поддержания дисциплины. Конечно, в среде этих союзов едва ли могла возникнуть тесная дружба. Но иезуиты и не стремились развивать подобных склонностей. Они предпочитали пользоваться учениками для шпионства. Случалось даже, что они давали мальчику обещание простить ему его проступок, если он поймает своего товарища на том проступке, который ставится ему в вину... Ученикам даже разрешается доносить о том, что они находят дурного в своих учителях»².

В протестантских школах, напротив, доносительство считалось пороком.

— **Воспитание любви к лоску и богатству.** «В иезуитских школах внешний лоск считался столь же необходимым, как и умственное развитие... В иезуитских интернатах и пансионах они жили, „как молодые дворяне или дети богатых горожан“»³.

Эта атмосфера утонченности и роскоши особенно сильно действовала на студентов из бедных семей, которые, будучи с

¹ Бемер. Указ. соч., с. 367.

² Бемер. Указ. соч., с. 367—368, 369.

³ Бемер. Указ. соч., с. 369, 370.

детства закомплексованы вследствие своей бедности, теперь попадали, как в другой мир, и были готовы на все, чтобы только в нем остаться.

В протестантских же школах акцент делался на моральное воспитание и формирование простоты.

— **Воспитание слепого подчинения.** Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола учил о трех степенях послушания: «просто выполнить приказ; волю начальника поставить на место своей воли и выполнить ее; высшая ступень послушания — отказаться от собственного разума, сделать суждение начальника своим и выполнить приказ»¹. Игнатий Лойола прямо писал: «Если церковь утверждает, что белое есть черное, надо в это верить: иезуит должен смотреть на старшего как на Самого Христа»².

Для осуществления этой цели Игнатием Лойолой была разработана уже упоминаемая нами система, так называемых, духовных упражнений.

В протестантских же школах, делалось ударение на то, что поклонения достоин только Господь и никто из людей не может контролировать волю и совесть другого.

— **Приучение к внешнему выполнению религиозных обрядов.** «Религиозное образование, игравшее столь большую роль в протестантских школах, сводилось здесь лишь к заучиванию наизусть и краткому объяснению катехизиса. Иезуиты полагали, что для вверенных их заботам детей методические религиозные упражнения, регулярная молитва, регулярная исповедь, регулярное посещение мессы и воскресных служб гораздо важнее, чем преподавание религии. Следовательно, по отношению к этому учебному предмету они стояли на чисто средневековой точке зрения»³.

Внешняя форма выполнения религиозных предписаний, без внутреннего содержания и измененной жизни, составляла одну из отличительных особенностей средневековой религиозности.

— **Отсутствие индивидуального подхода к учащимся.** «Протестантские школы сохраняли известную долю индивидуальной инициативы в применении общей учебной программы. В иезуитских школах стремились к возможно более полному единообразию»⁴.

¹ Великович. Указ. соч., с. 18.

² Loyola I. Obras completas. — Roma- Madrid, 1952. — P. 434.

³ Бемер. Указ. соч., с. 366.

⁴ Бемер. Указ. соч., с. 366—367.

И это было неслучайным, ибо целью иезуитского преподавания и воспитания, как мы рассматривали выше, было полное нивелирование индивидуальности личности, при котором человек должен был стать рабом ордена, неразумно выполняющим все его приказания.

— **Отсутствие занятий наукой.** «Само собой разумеется, что школьнику, ставшему студентом, не предлагали отдаваться самостоятельному исследованию и мышлению. Иезуитский университет всегда оставался только школой; он никогда не был научным учреждением»¹.

Твердо стоя на позициях борьбы с просвещением, иезуитские университеты не только не занимались, но и преследовали любые попытки занятия наукой, резонно понимая, что это будет способствовать формированию у студентов самостоятельного мышления. И потому иезуитские университеты являют в истории удивительный пример того, когда в университетах отсутствует научное направление деятельности.

Иезуиты преследовали подлинное развитие науки. Так, они были одними из главных обвинителей великого ученого Галилео Галилея².

«Правда, будущее принадлежало протестантской школе и протестантскому университету, потому что они обладали неоценимым преимуществом, которое с точки зрения иезуитов являлось, конечно, недостатком: у них не было никаких обязательных учебных руководств, никаких авторитетов в роде Фомы Аквинского. Они могли свободно развиваться, свободно ставить перед собою новые культурные идеалы, и, не встречая серьезных препятствий, усваивать себе новые методы преподавания, между тем как иезуитская школа неизбежно должна была в несколько поколений зачахнуть, окаменеть и устареть. Когда издают законы для регламентации преподавания во всех его деталях, его убивают. Иезуиты не заметили этого во время, так как они вообще не были способны понять этой истины. „Они не верили в свободу», в этом заключалось их несчастье и в области преподавания. Общество Иисуса не было бы в состоянии выполнить своей миссии ни в качестве школьного ордена, ни в качестве воинствующего ордена»³.

Изучая историю становления университетов, историю высшего образования в Европе, мы отчетливо видим прямую связь этих процессов с принятием или отвержением учения Реформации.

¹ Бемер. Указ. соч., с. 371.

² Великович. Указ. соч., с. 42—43.

³ Бемер. Указ. соч., с. 371.

Так те страны, которые принимают учение Реформации, в течение считанных десятилетий строят прекрасную систему высшего образования, остающуюся и по сей день лучшей в Европе, в то время как в тех странах, которые покоряются Контрреформации, мы видим процесс обратного развития науки и культуры, назад в мрачное Средневековье.

Примечательно, что в этих же странах, где побеждает Контрреформация, особо начинает процветать и парамедицина со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Таким образом, в истории развития университетов и становлении системы высшей школы в Европе мы можем четко наблюдать ведущую направляющую роль в этих процессах философии Реформации и Контрреформации, принятие одной из которых и предопределяло развитие или регресс того или иного университета.

Глава 5

АНДРЕЙ ВЕЗАЛИЙ И ИСТОРИЯ АНАТОМИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Андрей Везалий, которому современная анатомия обязана своим рождением, появился на свет 31 декабря 1514 года в Брюсселе в старинной врачебной семье, происходившей из местечка Везеля. Откуда и пошла фамилия — Везалий. Врачебная династия семьи Везалиев началась с прапрадеда Андрея — Петра, который был известным врачом и собирателем старинных медицинских трактатов, а также автором комментариев к Четвертой книге Авиценны «Канон врачебной науки». Прадед Андрея — Джон, был преподавателем университета Лувена, а также занимался частной врачебной практикой в Брюсселе. Дед Андрея — Эверард был известен не только, как врач, но и как автор комментариев к трудам арабских врачей. Наконец, отец Андрея — носивший также имя Андрей, был придворным аптекарем императора Карла Пятого. Родной брат будущего великого анатома Франциск также был врачом.

Таким образом, с детства Андрей рос в медицинской семье, где разговоры на медицинские темы с упоминанием названия различных заболеваний, частей человеческого тела, обсуждением работ врачей прошлого, стали неотъемлемой частью его формирующегося мировоззрения и личности. И потому неудивительно,

что уже в самые ранние годы занятие и изучение медицины захватило мальчика, а потом и юношу.

Свое медицинское образование Андрей вначале получает в Лувенском университете, затем в Педагогическом колледже, где было на весьма хорошем уровне поставлено изучение латинского, древнегреческого и древнееврейских языков, дававших возможность изучать труды врачей прошлого. В свободное от учебы время Андрей занимался препарированием животных.

А. Везалий

Для продолжения своего обучения он в 1531 году отправляется в Парижский университет. Именно там он становится учеником известного тогда профессора и крупного анатома, страстного поклонника Галена, Якова Сильвия, знакомство с которым потом сыграет роковую роль в его жизни.

Уже вскоре, несмотря на свой юный возраст, Везалий замечает ограниченность взглядов Сильвия, преподавание которого сводилось фактически к пересказыванию работ Галена. Анатомические демонстрации были крайне редки, проходили на очень низком уровне и проводились одновременно для медиков и для банщиков¹.

При этом сам Сильвий секций практически никогда не проводил, а те, что демонстрировал студентам на собачьих органах, часто содержали допущенные им многочисленные ошибки².

Такая практика была нормой для практически всех университетов Средневековья, базировавшихся на схоластических представлениях и догматах.

Поэтому неудовлетворенный качеством преподавания анатомии, Везалий решает самостоятельно восполнить этот недостаток, начав самостоятельно заниматься вскрытиями.

Спустя несколько лет он напишет об этих годах следующее. «Все мои занятия никогда бы не привели к успеху, если бы во время своей медицинской работы в Париже я не приложил к этому делу собственных рук, а удовлетворился бы поверхностным наблюдением, мимоходом показанных некоторыми цирюльниками мне и моим сотоварищам нескольких внутренностей на одном-

¹ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 288.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 288.

Доктор Яков Сильвий, учитель
А. Везалия и его главный
завистник-обвинитель

двух публичных вскрытиях»¹. Учитывая то, что вскрытия тогда были запрещены авторитетом церкви, а те немногие, что проводились в университетах, сводились обыкновенно к исследованию отдельно взятых органов, которые к тому же неумело препарировались и без консервации быстро разлагались, Везалий вместе с несколькими своими друзьями решает тайно заняться вскрытиями, используя для этого материал с кладбищ. Спустя время, Везалий в письме к своему другу Иоахиму Релантсу писал, что однажды в поисках ко-

стей на кладбище он чуть не оставил собственные кости, ибо его чуть не разорвали стаи голодных собак.

Кладбища в эпоху Средневековья, за исключением захоронения богатых лиц, находились в весьма удручающем состоянии, и многие тела закапывались крайне неглубоко и потому буквально груды костей, особенно после дождей, лежали между могилами.

В 1536 году Везалий вследствие начавшейся войны между Испанией и Францией, переезжает из Парижа в Лувен, где продолжает свои анатомические исследования и где впервые собирает полный скелет человека, при этом для его воссоздания им были похищены кости повешенных.

«По случаю внезапного начала войны я возвратился из Парижа в Лувен, где, гуляя со знаменитым врачом и математиком Геммой Фризиусом в поисках костей вдоль дорог, там, где валялись обычно тела казненных преступников (для пользы студентов!), я нашел высохший труп разбойника, о котором упоминает Гален. Я подозреваю, что тот, которого птицы освободили от мяса, был частично сожжен и поджарен на горячей соломе, а затем привязан к столбу.

Таким образом, кости были совершенно обнажены и держались только на связках: были сохранены только начала мускулов. Увидев, что тело было высохшим, но не обугленным, я воспользовался этой неожиданной удачей и с помощью Геммы влез на столб и снял верхнюю часть тела с бедренной кости. Лопатка и руки также оторвались, как и пальцы одной руки, а обеих колен-

¹ Терновский В.Н. Андрей Везалий. — М.: Наука, 1965. — С. 20.

ных чашечек и одной ноги не было вовсе. Затем, во время следующих путешествий, я осторожно перенес домой ногу и руки, оставив голову и туловище. Я надеялся, выйдя и города вечером, взять и грудную клетку, которая была прикреплена цепью. Мое желание обладать этими костям было так велико, что в полночь, один среди этих трупов я с трудом влез на столб, чтобы унести то, что я так хотел. Сняв кости, я отнес их на некоторое расстоянии спрятал до следующего дня, чтобы постепенно унести их домой через другие ворота города.

Однако потом, во-первых, я не мог разрезать связки из-за их необыкновенной жесткости, так что я попытался размягчить их в кипящей воде; наконец, я тайно выварил все кости для того, чтобы сделать их более пригодными для моей цели. Когда они были очищены, я составил скелет, который хранился в Лувене, в доме моего дорогого старого друга Гисбертуса Карбо, учившегося со мной, когда я был мальчиком, и позже отличного студента, изучавшего медицину и другие отрасли науки. С большим трудом я достал недостающие руку, ногу и коленные чашечки и приготовил этот скелет настолько быстро, что мог убедить каждого, что я привез его из Парижа. Подозрения в том, что я уворовал кости, были рассеяны, так как позже бургомистр был так дружески расположен к студентам и кандидатам медикам, что дарил им любой найденный труп. Он достиг немалых знаний в анатомии и был регулярным посетителем моих анатомических занятий»¹.

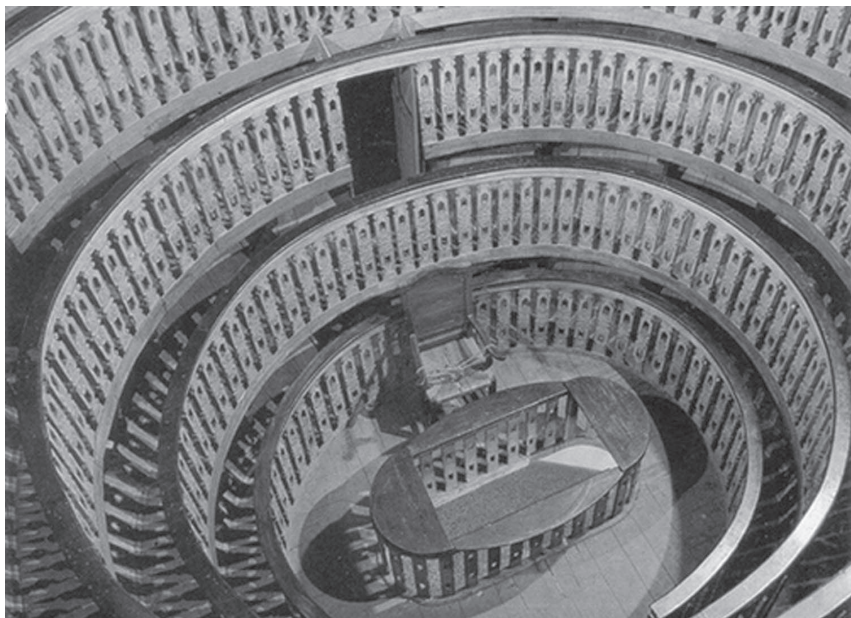

Гемма Фризий,
друг А. Везалия

Именно в Лувене Везалий впервые перед студентами демонстрировал вскрытие человеческого тела, о чем в своем Предисловии к работе «О строении человеческого тела» в 1534 году он написал следующее. «И так как там врачи в течение восемнадцати лет и во сне не видели вскрытий, чтобы помочь студентам этого университета и достигнуть большего успеха в этом деле, все еще темном, но величайшей важности для медицины, я делал вскрытия с большей тщательностью, чем в Париже, и читал лекции о всей структуре человеческого тела. В результате молодые профессора этого университета, кажется, серьезно хотят постигнуть зна-

¹ O'Malley C. D. Andreas Vesalius of Brussels. — Los-Angeles, 1964. — P. 74.

Аудитория Падуанского университета

ние органов человеческого тела, понимая, какие ценные философские данные вытекают из этого знания»¹.

В 1537 году Везалий становится бакалавром медицины за свою работу «Парафразы», которая представляла собой перевод девятой книги знаменитого арабского средневекового врача Рази, а в 1539 году выходит его работа «Послание о кровопускании», в которой он выдвигает новаторские на тот период взгляды на этот вопрос, чем вызывает неприятие некоторых видных анатомов, и в том числе, преподавателя Лувенского университета Иеремии Дривера (1504—1554), что вынуждает Везалия вскоре покинуть сам Лувен.

Из Лувена Везалий, возможно, в том числе, под влиянием старого друга их семьи Николая Флорена, переезжает в ведущий университет того времени — в Падуанский университет. Несмотря на то, что Падуя располагалась в Италии, в непосредственной близости от папского Рима, она входила в состав Венецианской республики. Последняя проводила максимально возможную на тот период политику от папства, а так же будучи государством, которое зиждиться на торговле, она, с одной стороны, крайне спокой-

¹ O'M alle. Ibid, p.69.

но относилась к различным религиозным запретам, а с другой — поощряла развитие науки, которая способствовала, в частности, продолжению морских экспедиций, для которых было нужно и медицинское обеспечение.

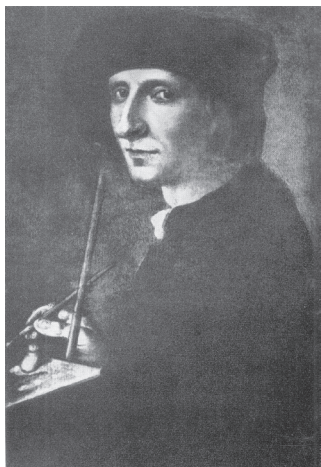
Хотя Падуанский университет был основан еще в 1222 году, но своего подлинного расцвета достиг только после того, как в 1440 году Падуя вошла в состав Венецианской республики. Именно в эти годы он становится одним из признанных центров изучения анатомии и клинической медицины. «Статут Падуанского университета был строг, и от всех преподавателей требовалось обещание, что они не будут пропускать занятия без согласования и разрешения ректора. Преподаватели не имели права отлучаться из Падуи более, чем на три дня, без ведома ректора. Лекция продолжалась один час по звонку. За пропущенную преподавателем лекцию вычиталась часть его гонорара. Каждый преподаватель, читающий лекции, должен был минимум два раза в год проводить на своем факультете публичные диспуты. Члены факультета избирались на четыре года, иногда с добавлением еще двух лет. И только после многолетней работы известный профессор мог быть избран пожизненно»¹. Но при такой строгости и оклад профессора Падуанского университета был весьма велик, составляя в год тысячу дукатов.

Падуанский университет с радостью принимает Везалия, с работами которого он был уже знаком, и потому уже 5 декабря 1537 года он присуждает ему степень доктора медицины с высшим отличием. После же демонстрации Везалием публичного вскрытия сенат Венецианской республики назначает его профессором хирургии с обязательством преподавать анатомию², что открывает перед молодым и талантливым ученым широчайшие перспективы для научных исследований, которые с полным правом сделали его основателем анатомии. Последней до Везалия занимались около 2000 лет, но именно он превращает отрывочные представления об анатомии тех или иных органов в комплексную науку о строении человеческого тела, что сегодня мы и называем анатомией.

Первым шагом на этом пути становится подготовка Везалием специальных шести анатомических таблиц. Первые три были вырезаны самим Везалием, что свидетельствует и по сей день о его богатом художественном даровании, а остальные три были резаны по дереву одним из лучших художников того времени, учени-

¹ Терновский. Указ. соч., с. 29—30.

² Терновский. Указ. соч., с. 31.

Автопортрет Яна Стефана ван Калькара. Флоренция, галерея Питти

ком знаменитого Тициана, земляком и другом Везалия, Яном Стефаном ван Калькаром¹. Эта работа была закончена в 1538 году и стала настоящим событием в тогдашнем медицинском мире.

По сути, это был первый в полном смысле этого слова атлас по анатомии человека.

Эти таблицы широко использовались Везалием и при чтении лекций в Падуанском университете. Кстати, он был прекрасным лектором, лекции которого вызывали огромный интерес у студентов, и которые сопровождались демонстрационными вскрытиями².

В эти же годы Везалий принимает самое деятельное участие в подготовке к печати сочинений Галена, которое осуществляло с 1539 г. знаменитое тогда Венецианское издательство Джунта. При его подготовке Везалий еще раз убедился в наличии у Галена многочисленных ошибок в области анатомии человека, что стало еще одним дополнительным стимулом к подготовке масштабного труда по анатомии, идея которого преследовала Везалия еще со студенческой скамьи³.

Слуховые косточки, по Евстахию

Чтобы оценить весь масштаб проделанной Везалием работы, необходимо бросить взгляд на анатомические представления, господствовавшие в его время.

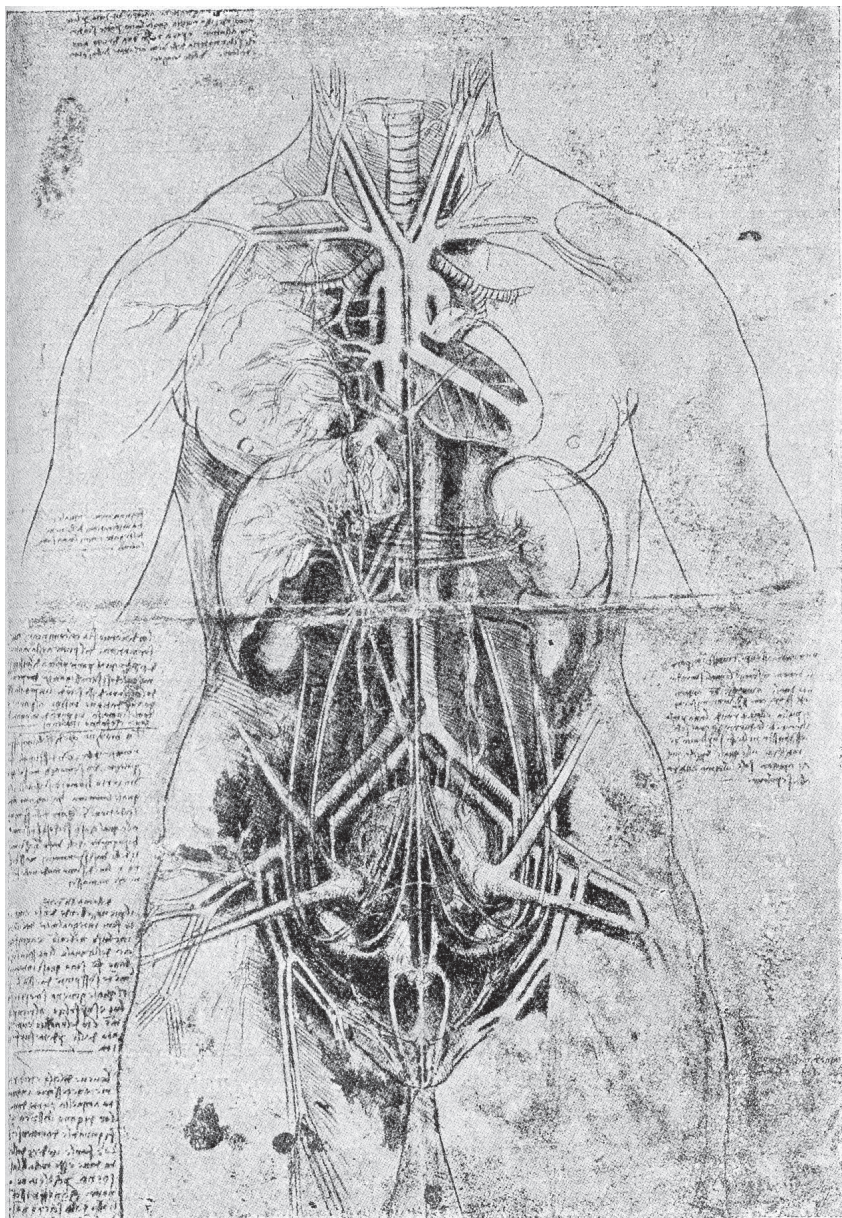
● Анатомические представления до Везалия

В эпоху Средневековья ни о каком развитии анатомии не могло идти и речи, ибо занятия ею приравнивались папской церковью к тягчайшей ереси. Государственная «церковь заточает в темницы и предаёт пыткам ученых. Эти расправы были одной стороной папской политики по отношению к

¹ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 164.

² Терновский. Указ. соч., с. 40.

³ Терновский. Указ. соч., с. 49.

Внутренние органы брюшной полости. Рисунок Леонардо да Винчи

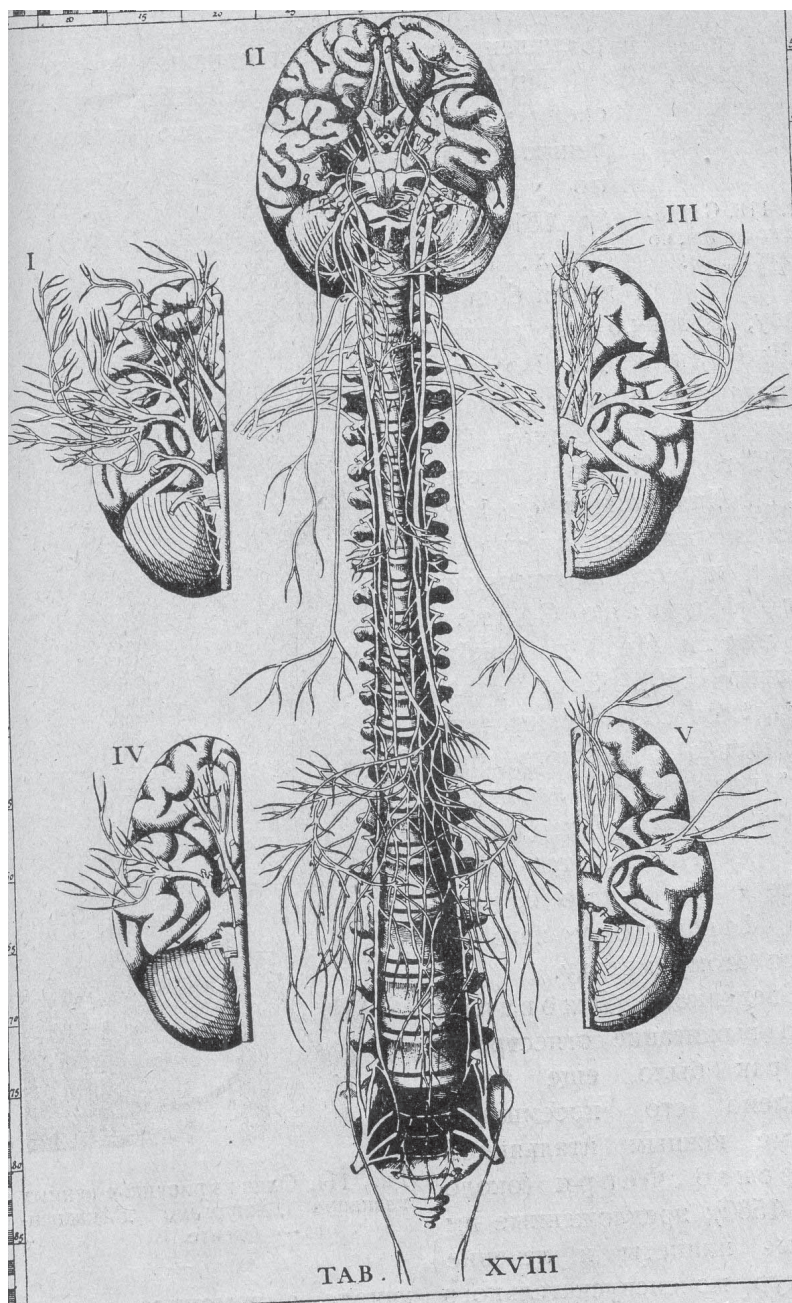
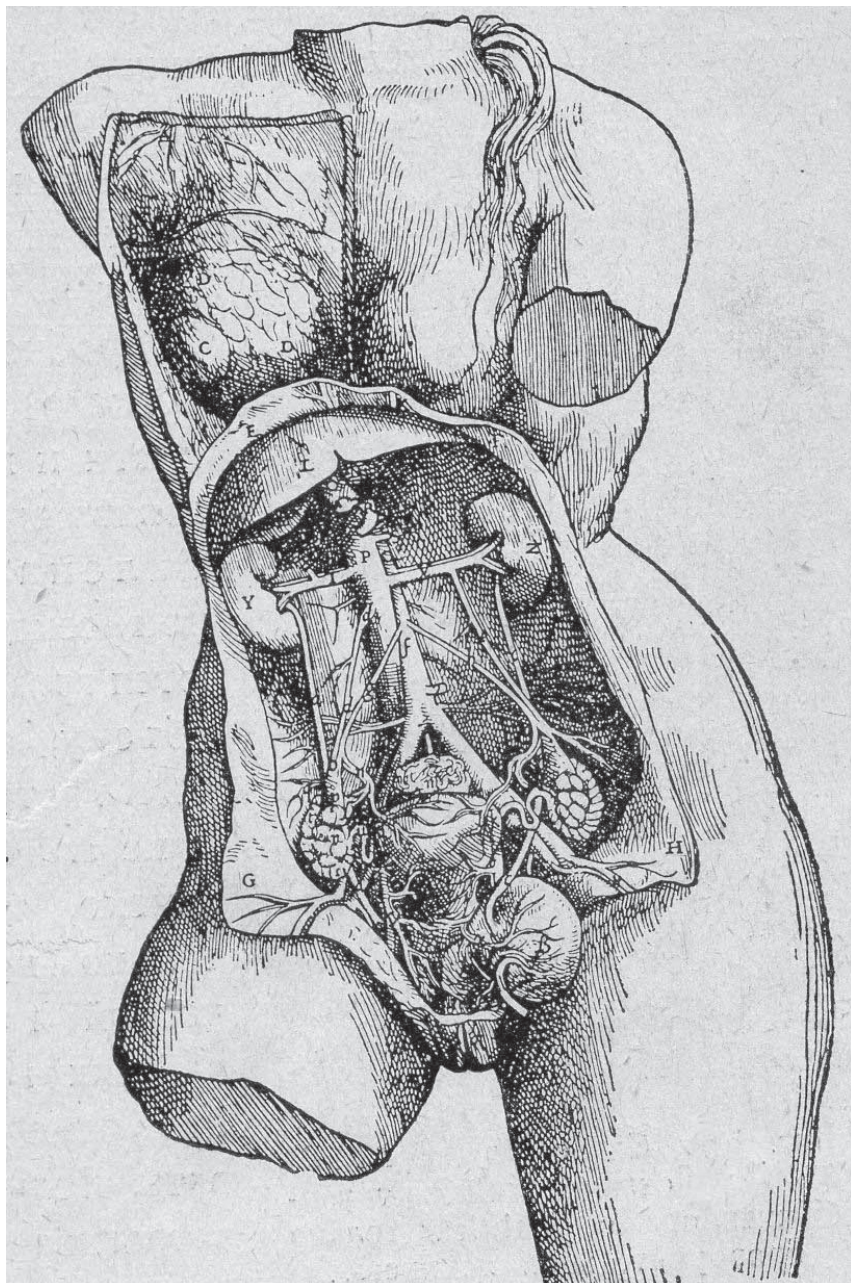

Таблица нервов по Евстахию

Органы брюшной полости женщины из Описания человеческого тела
А. Везалия. 1543 г

Урок анатомии доктора Тульпиуса. Картина Рембранта, 1631 г.
Гаагский музей

университетам. Другая сторона папской политики заключалась в возрождении богословия в университетах. Здесь-то и сыграли свою роль верные оруженосцы церкви — францисканцы и доминиканцы. Именно они и превратили прежнюю схоластику... в подлинно церковную схоластику, в классическую богословскую схоластику Средневековья»¹.

Папа подчиняет себе всю систему университетов с помощью доминиканцев и францисканцев².

Ректор должен был быть лицом духовного звания. Это было обусловлено тем, что в университетах обучались, как светские, так и духовные лица (монахи, священники и, порой, даже епископы), а так как все студенты подлежали ректорскому суду, то ректор должен был иметь духовный сан, ибо согласно средневековым законам, духовных лиц могли судить только духовные власти.

Основу схоластики составляли труды языческих авторов с комментариями к ним отцов церкви³.

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 146.

² Бородулин. Указ. соч., с. 144.

³ Бородулин. Указ. соч., с. 147.

Принципы схоластики

1. Все знания даны в трудах авторитетов и только их надо изучать и держаться;
2. Наука состоит в умении выводить все научные понятия посредством аргументов, черпаемых из трудов признанных авторитетов и посредством приемов формальной логики;
3. Полное и сознательное пренебрежение опытом¹.

Все эти принципы ставили табу на любые научные исследования в принципе. При этом в трудах ученых античности, которые использовали схоласты, сведений об анатомии было крайне мало и носили они противоречивый характер, ибо в античную эпоху вскрытия были также запрещены из-за господствовавших религиозных воззрений. Проводившиеся же вскрытия осуществлялись в основном на свиньях, анатомия которых имела, безусловно, существенное расхождение с анатомией человека. При этом попытки некоторых ученых Салернской школы (Константина, Николая, Рихарда), наименее зависимой от папского престола, проводить анатомические исследования, носили отрывочный характер и не имели влияния на другие регионы даже Италии, не говоря уже о Европе в целом, и потому практически ничего не дали для развития анатомии².

Габриэль Фаллоппиа

В 1238 году император Германии Фридрих Второй, пытавшийся бороться против папского засилья, дал разрешение Салернской школе вскрывать один труп в пять лет! Конечно же, это распоряжение не могло оказать особого влияния на развитие анатомии, тем более, что со смертью Фридриха Второго оно часто не исполнялось. Но даже эти скромные попытки привели к возможности проводить в Салерно некоторые операции³.

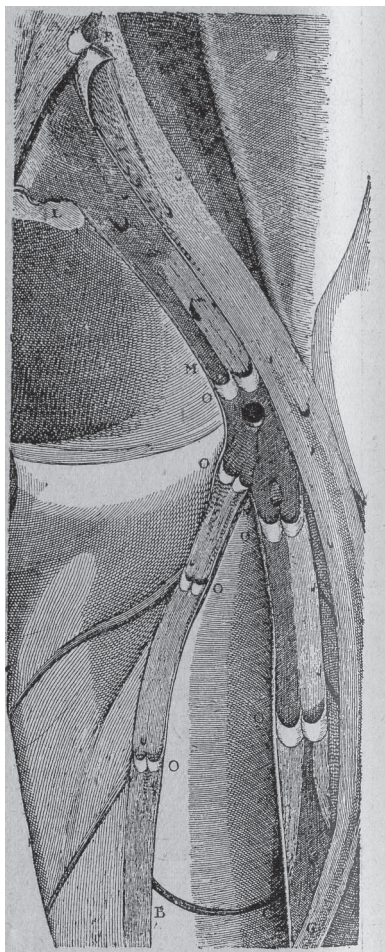
Однако, в 1300 году Бонифаций VIII своей буллой запретил вскрывать тела под страхом отлучения от церкви⁴, что наносит новый удар по самой возможности научных изысканий.

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 143.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 194—197.

³ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 198—199.

⁴ Бородулин. Указ. соч., с. 148.

Один из рисунков
венозных клапанов
Джироламо д'Аквапенденте

В 1316 году выходит в Болонье «Анатомия» Мондино де Люцци (умер в 1327 г.). Последний имел двух прозекторов (из них одна женщина) и применял инъекции для исследования сосудов. Однако, несмотря на громкое название, сама книга представляет собой компиляцию из Галена в арабской версии и изобилует огромным количеством ошибок.

Уже только под влиянием идей Возрождения в 1376 году разрешение на вскрытие трупов (казненных людей) получает медицинский факультет в Монпелье (Франция). В 1460 году вскрытия были разрешены в Праге, затем Тюбингене и Вене¹. При этом в среднем вскрывалось не более двух трупов в год².

Сохранившиеся до нашего времени анатомические рисунки эпохи Средневековья поражают своей примитивностью, крайней схематичностью, не говоря уже о массе ошибок. При этом сами эти рисунки представляли собой не зарисовки с трупа, а творчество весьма примитивных художников, рисовавших по устным рассказам анатомов, которые и сами были слабы в своем предмете³.

В этой связи необходимо упомянуть имя гениального ученого Леонардо да Винчи (1452—1519), который, занимаясь вопросами живописи и скульптуры, совместно с анатомом Торре в больницах Северной Италии произвел вскрытия около 30 трупов⁴. Плодом этих исследований явились

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 148.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 245.

³ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 248—250.

⁴ Мультановский. Указ. соч., с. 116.

многочисленные зарисовки, сделанные Леонардо да Винчи, которых только до нашего времени дошло более 200 листов. Эти зарисовки поражают необыкновенной скупостью и точностью. Однако, эти рисунки стали широкоизвестны лишь через 150 лет после смерти да Винчи и потому не оказали никакого влияния на развитие анатомии¹.

Таким образом, до XVI столетия анатомии, как науки, не существовало вовсе.

● **Отличительные черты работ Андрея Везалия**

Что же отличало работы Везалия от его предшественников? Почему именно с ним мы связываем появление анатомии, как науки?

Итак, главными трудами А. Везалия стали «О строении человеческого тела» и «Эпитома», изданных в Базеле, в июне 1543 года. Итак, что же отличало эти труды Андрея Везалия.

— **Первый написанный и изданный труд по анатомии человека.**

В этих трудах «Везалий поднял анатомию на высоту науки и ввел в область своих исследований не только части человеческого тела, но и строение всего человека он описал гораздо полнее, чем это сделали три последующие столетия в непрерывной работе, пользуясь его методикой и идя по проложенному им пути... чем глубже вникать в эти труды, тем более удивления вызывает систематическое изложение им анатомии, особенно в самых трудных областях, как, например, анатомии мозга»².

«Величайшей и все превышающей заслугой Везалия остается основание современной анатомии и анатомической методики»³.

«Везалий вошел в историю медицины, как основоположник точной нормальной анатомии человека»⁴.

Академик И. П. Павлов о роли труда Везалия написал следующее: «Труд Везалия — это первая анатомия человека в новейшей истории человечества, не повторяющая только указания и мнения древних авторитетов, а опирающаяся на работу свободного исследующего ума»⁵. И эти книги, ставшие основой анатомии, как науки, появились на свет в 1543 году, когда Везалию было всего 28 лет! И кажется, будто бы юношеская свежесть и непосредственность дышит с их страниц⁶.

¹ Верхратский. Вказ. тв., с. 77.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 292.

³ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 292.

⁴ Бородулин. Указ. соч., с. 163—164.

⁵ Андрей Везалий. О строении человеческого тела. Указ. соч., т. 1, с. 1023.

⁶ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 291.

В своем Предисловии к своему основному труду «О строении человеческого тела» Везалий пишет следующее. «Я сделал полное описание частей человеческого тела в 7 книгах — именно так, как я обыкновенно трактую анатомию в этом городе [т. е. в Падуе], в Болонье, в Пизе, в собрании ученых мужей. Я сделал это для того, чтобы те, кто присутствовал при вскрытиях, имели в своем распоряжении комментарии к показанному им [на секции], и поэтому им будет удобнее демонстрировать анатомию и другим...

В книге I я изложил свойства всех костей и хрящей, с которыми должно ознакомиться прежде всего, поскольку прочие части держатся на них и описываются по ним.

В книге II перечисляются связи, при помощи которых соединяются между собой кости и хрящи, а затем мускулы, производящие наши произвольные движения.

Книга III охватывает многочисленные вены, переносящие кровь, свойственную мускулам, костям и прочим частям и питающую их, а также и артерии, определяющие в организме степень присущего именно им тепла и жизненного духа.

Книга IV объясняет разветвление не только тех нервов, которые вносят в мускулы животный дух, но и всех остальных нервов.

Книга V сообщает об органах питания, доставляющих пищу и питье, и, кроме того, содержит описание органов, близких к последним, созданных Творцом всего, что служит для продления рода.

Книга VI посвящена питомнику жизненной способности — сердцу и обслуживающим его частям.

Книга VII излагает строение мозга и органов чувств, но в таком виде, чтобы не повторить того, что уже изложено в книге IV о расположении нервов, берущих свое начало от мозга»¹.

Это был первый и подробнейший свод всей анатомии человека!

В этом же Предисловии Везалий, прекрасно понимая, какой шум против него поднимется после выхода его труда, в котором он выступает против положений схоластической медицины, пишет следующее. «...мой опыт из-за моего возраста, еще не достигшего 28 лет, будет иметь мало авторитета. Не ускользает от меня и другое обстоятельство: что вследствие частого указания на неверность в сообщениях Галена, мой труд подвергнется нападкам со стороны тех, кто не брался за анатомию так ревностно, как это имело место в итальянских школах, и кто теперь уже в преклонном возрасте изнывает от зависти к правильным разоблачениям

---

¹ Везалий А. О строении человеческого тела, в семи книгах. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1, с. 19.

Domino suo et patrono, Andreas Vesalius Bruxellensis S. D.

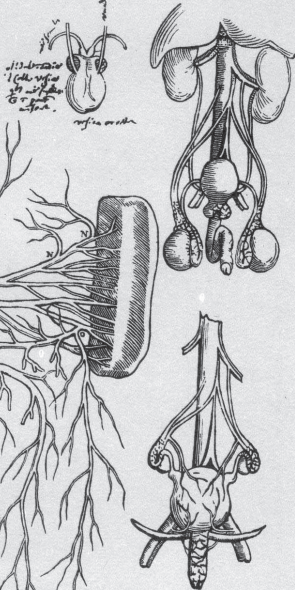
Domino suo et patrono, Andreas Vesalius Bruxellensis S. D.

♣ IECVR SANGVIFICATIONIS

OFFICINA, PERVENAM PORTAM, QVAE GRAECIS
 πικρὴ, Arabibus vero ~~amarā~~ variabascoer appellatur, ex ventriculo et intestinis chylum trans-
 sumit, ac in lienem melancholicum succum expurgat.

Tertia figura semen deferentium vasorum implantationem refert.

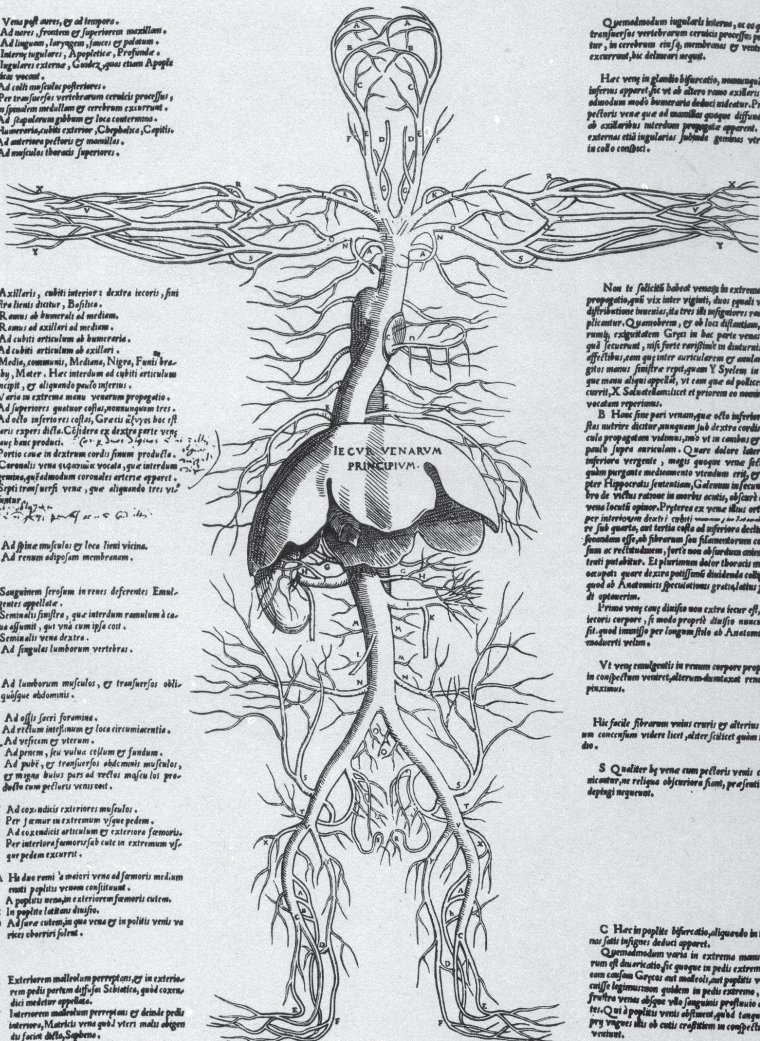

GALENVS VENAE BORTAE RAMOS PRAECIPVOS SEPTEM ENVMERAT.

VENÆ CAVÆ, IECORARIÆ, KOIΛHΣ, דְּרוֹשׁ HÆ NABVVS DESCRIPTIO, QVA SANGVIS OMNIIV PARTIVM NVTRIMENTVM PER VNIYERIVM CORPVS DIFFVSVM EST.

- A Vena pelli aures, ex alio tempore.
- B Ad naves, frontem ex superiorem medullam.
- C Ad linguam, laryngem, iugum et pulvum.
- D Interius iugularis, hypophyseos, Thyroideæ.
- E Iugularis externa, Caudæ, quæ etiam Apople-
tica vocant.
- F Ad ciliis musculis perforatæ.
- G Per transversos vertebrae cervicis præteritis,
in frontem medullam et cerebrum excurrent.
- K Ad squamosum pulvum et tinea cutem.
- L Humeralis, cubiti exterior, Cephalica, Capitis.
- M Ad arteriam pectoris et manillæ.
- N Ad musculis liberam superiorem.

- O Axillæri, cubiti interior, dextra iecori, fini
fita lenti dextra, Baphica.
- P Rami ab humerali ad medium.
- Q Rami ad axillæri ad medium.
- R Ad cubiti articulum ab humerali.
- S Ad cubiti articulum ab axillæri.
- T Media, communis, Mediana, Nigra, Fusti bra-
chy, Mætor. Hæc intermedium ad cubiti articulum
incigit, et aliquando paulo inferius.
- V Vena in extrema manu venarum propagatio.
- A Ad superiorem, quæ inter costas, nonnihil quæ teri.
- B Ad illa inferiorem costis, Interco-aleya hoc offi-
pari exori: dista. C. Hæc ex dextra parte vena
casu hanc producit.
- C Portio vena in dextram cordis finem producit.
- D Cerebri vena ex occipite vena, quæ intermedium
gemina, quæ admodum coronales arterie apparet.
- E Septi transversæ vena, quæ aliquando teri vena
finit.

- G Ad sine musculis ex tinea lenti vena.
- H Ad renem ad ipsam membranam.

- I Sanguinem ferream in vena deferente: Emul-
gentes appellat.
- K Seminalis, finis, quæ intermedium ramum ad ca-
sa efficit, qui vena cum ipsa coit.
- L Seminalis vena dextra.
- M Ad singulas lumborum vertebra.

- N Ad lumborum musculis, et transversos obli-
quosque abdominis.
- O Ad ossis færi foramina.
- P Ad rectum intestinum et loca circumiacentia.
- Q Ad rectum et vitæ.
- K Ad peritæon, seu vasa rectum et fœdum.
- L Ad pubem, et transversos abdominis musculis,
et migra dextri pars ad rectos musculis gra-
dibus compunctis venant.

- T Ad coxæ dexteri exterioris musculis.
- V Per iugum ad extremum vasa pedum.
- X Ad coxæ dexteri articulum et exteriora femoris.
- Y Per interius femoris, ab vena in extremum vasa
per pedem excurrent.

- A Hæc duo rami in matris vena ad femoris medium
nati poplite venam constituunt.
- B A poplite vena in exteriora femoris cætera.
- C In poplite latissimus diffusio.
- D Ad sara cutem, in qua vena ex poplite vena ve-
rius obvertitur solam.

- E Exteriorum medullarum perpropagatio, ex in exte-
riorem pedis portem diffusio Schættio, quæ cætera
di medietate oppedita.
- F Interiorum medullarum perpropagatio, ex deinde popli-
interiora, Medietate vena quæ vasa vasa dextri
du facit dista, Supponit.

Quædammodum iugularis interna, ut ex quæ per
transversos vertebrae cervicis pinguis propaga-
tur, in cerebrum eius, membrana et ventriculis
excurrent, hæc delinuntur negat.

Hæc vena in glandis splanchnicis, nonnihil paulo
inferius apparet, hæc vasa altera rami axillæri, quæ
admodum modo humerali dextri delinuntur. Pyritæos
pectoris vena quæ ad manillæ quæque diffunditur
ad axillæri intermedium propagat apparet. Adde
exteriora cili iugularis subula gemina vena quæ
in oculis conduct.

Nam te feliciter habet venam in extrema manu
propagatio, quæ vix inter viginti, duo equali venarum
diffusionem interius, hæc vasa diffunditur: rami in-
plicat. Quædammodum, ex hoc loci distantiam, vena-
rum, radiatæque Græci in hac parte vena non
quæ locum, nisi fortè transmittit in dextram lateri
afficit, nam quæ inter articulum et vena vena di-
gitum manillæ, finitè repugnat Y Spem in vena
quæ manu aliquam apparet, vi tam quæ ad pollicem ex-
current, X Subscapulari et priorem ex manibus dextri
venam reperimus.

B Hæc finitè venam quæ ossis inferiorem ca-
ssa matris dextra, nonnihil sub dextra cordis atri-
culo propagatio vena, quæ vix in vena et finitè
paulo supra articulum. Quæ dextra lateri ad
inferius vergit, magis quæque vena finitè,
nam pinguis medietate vena eius, ex prope
Flapulari fontem. Cætera in fœdum la-
bra de vena rami in morbis acutis, obcuri de hoc
venis locuti opinor. Pyritæos ex vena illa orti, finitè
per intermedium dextri, vena vena per fœdum la-
re, sub quarto, aut tertio costæ ad inferius declinat,
nonnihil effi, ab fœdum sua filamentum confusa-
tum ac refectum, fortè non ab fœdum cætera
trati pat dicitur. Et plerumque dextri fœdum modum
occupat quæ dextro possitè dividenda colligitur,
quod ad Anatomici speculationem gratulatur perper-
a opinionem.

Prima vena comp diffuso non extra iecur effi, sed
in iecori corpore, si modo propriè diffuso concupenda
fit, quod immixto, per longum fite ad Anatomici
modum vena.

Vi vena cum diffuso in vena corpore propagatio
in confectum vena, alterum dextum vena de-
pictum.

Hæc fite fite vena vena cæteri et alterius modum
non confectum vena, sed, ad fite quia in glan-
do.

S Quælibet venæ comp pectoris vena, communis
interius, reliqua obvertitur finitè, per fite tubulo
dextro negant.

C Hæc in poplite splanchnicis, aliquando in tres ve-
nas fite bifurcat, dextro appert.

Quædammodum vena in extrema manu vena-
rum effi dextro, quæ quæque in poplite vena, quæ
cum confuso Græci, aut medietate, per poplite vena, si
cuius inguinitum quidem in poplite vena, vi
fite vena obsequi vasa sanguinis profusa dextro
in. Quæ in poplite vena obsequi, quæ tempore pra-
per vena, hæc vasa cætera in confectum, finitè
venant.

ALIQUI VENÆ CAVÆ RAMOS INSIGNIORES CENTVM ET SEXAGINTA OCTO POSVERVNT.

Анатомические таблицы А. Везалия

ARTERIA MAGNA, AOPHTH, חנכיק, HAORTI EX SI- NISTRO CORDIS SIV ORIENS, ET VITALEM SPIRITVM TOTI CORPORI DEFERENS, NATV. KASMOVE SACOREM RAR CONTRACTIONEM ET DILATATIONEM TEMPORANS.

- A Plicae choaniformes interius arterie anterioribus ven-
triculo ex arterie ex venis constitutum.
B Plicae rotundae ad cervicem ligam. R. et atrioli
hujusque vasa spiritalia ad atrioli preperant.
C Plicae rotundae ad atrioli ex arterie.
D Ad tracheam, laryngem et pueri.
E Arteris amplius id est superius, Apoplectici,
Seduloque pueri hauriant.
F Ad tracheam videretur et atrioli praefixi
ad atriolum vasa exartere.

Distans coram, distans ab eo qui in sinistram
brachium fertur, sedulius videtur, sunt etiam
plicae, ab eo qui in dextram manum preperat, i
nucleus repetitur.

- G Ad pectus et ex manibus quoque et illi quoque
in rectis musculis sunt, communitatem.
H Ad brachia musculis et gibba supradicta.
I Ad superosiores musculis et manibus.
K Ad vasa vasa in brachio exartere.
L Ad colli arteriam vasa vasa.
M In inferius parte manus, ex arteria ad par-
tem exteriorem pollicis.
N Ad superius brachia vasa.
O Distans maxime, cum move vasa ad in-
feriorem corpore partem distans, i quo
ma in singulis costis preperat, dextris
ter.
P Vasa vasa in dextram cordis sinum ostendit.
Q Arteria vasa in sinistram sinum arteri
ex plicae distans.
R Vasa vasa ex dextro sinu sanguinem
per plicae vasa ad atriolum dextrum.
S Septi transversae arterie, sicut ligamentum.
T In sinu, sicut per vasa vasa, maxime.
V Ad inferius canones, sicut vasa.
X Ad ventriculorum sinum.
Y In sinistram per R. superius.
A Ad vasa, sicut plicae, sicut vasa, sicut mi-
nuta.

Arteris magis iniquis distans, distans coram vi
cassius videretur, distans vero nonnulli i corde
paulatim venas, quoniam hic distans, i

Coronales arterie in sua arte demonstrari profici
tubula inveniunt, latius enim post membrum alicui
ritum ex magna arteria in cor referri prohibentur.

Arteris quibus hunc sinum, ventriculorum, sinum
ex musculorum distans, nonnulli hunc
quoniam hic, sicut vasa vasa, sicut vasa, sicut vasa,
ex distans (sicut in hominibus vasa) vasa.
Verum, sicut preperat, ad hunc modum in
tracheam, sicut vasa, sicut vasa.

Seminales arterie vasa, postquam primi animal
viti, sicut per arteris magis corpore, etiam sicut
etiam vasa vasa, sicut vasa, sicut vasa, sicut vasa,
sinum, sicut vasa, sicut vasa, sicut vasa.

Hic arteriam ad modum tubi vasa distans
sicut distans, sicut vasa.

Hic in extrema pede in malleolo, sicut etiam in ex-
tremo manu et tenentur distans, sicut vasa, sicut vasa,
casibus. Verum quoniam hic, sicut vasa, sicut vasa,
per vasa, sicut vasa.

NOTATV DIGNAE ARTERIAE MAGNAE SOBOLES CENTVM ET QVADRAG'NTA SEPTEM APPARENT

Анатомические таблицы А. Везалия

40

*Paramina quae in horum triū chartarum delineatione confici possunt sunt in temporum ossibus
dentis meatu: post maxillarem processum unum, per quod, internus iugularis in cerebrum
ergit in facie circa oculorum sedem quatuor, primum ad frontem, secundum ad nari, tertium
maxillae superiorem, quatuor ad temporalem. mufculi: duo quoq; in maxillae inferiori. Et per
os. Linguae splanchni terribus nervorum exidit.*

το κέντρο δέντρο, *canini*, ονόμα *calvum* quatuor, *μύλων*, *molars*, *maxillares*, ονόμα *ibocnum* *canini*, ονόμα *ibocnum* *radicibus* (nos *duos* *suberunt*).

2

1

1

1

K

L. Redius, nioie nioie nioie thachthou, Focile mieu: brachy.

N Brachiale, nager, an refeg, Rafeta, Rafcha, ofibus disparibus octo et duplici ordine distinctis confiat, in superiori tribus, in inferiori quatuoribus final figuram intrinsecus causam, et extrinsecus eandem conformationem cum Cella non inconvecte nunciat.

○ *Mermolagmus*, palma, pecten, trian murek, Postbrachiale ofibus quatuor Galeno, non
audens. et alii casualitatem confirmationis est.

P Δάκτυλοι, *digiti*, ὅσων ἐσθὼν singuli ex terminis ὁρίσιν *conferuntur*, πρῶτοι *semper* ἰστένο
διὰ τὴν *subsecuti* *finem* *substante*.

Q. Μύδα, ἐμψυκτήρ, πατρίδα, rotula genu, περὶ τοῦ παγίου ἔργου ἔχου, scutum genu, Ἀρσέ-
 σκου: et rotundum brevis scuti infer.

R. Αργύριον, Ictus, Σαρκαρι, Balista et, Camilla, Chabab, Alfochizaliqui malicolum bodie
mali veriant.

S. Naiforme, aragonitis, naticularis, yms zerk.

Triangulus, ut refert, *Raphe pedis*, quatuor obliquis, conficitur, quorum maximum extrinsecus situm à cubi figura dicitur *rhomboidis, tessera* et, utriuslibet, *Exagonum, Grandiosum, Nerd.* Res-
tque tria nominibus carent, sed *κελευσιν* nominibus nominantur. Bis vidimus dextrum pedem

V. Planta platum, rubra, pecten ipse mofek, opibus quinque constructum est, cui succedunt pedes dupli, X. qui omnes ex termis interuolvis consistunt, magno tantu excepto, qui inter alios ex du-

Opiculum illud quod ad primum pediculi articulum apparet, unum ex sesamini osibus est :
 cy in illo duntaxat loco duo in vitro, & pede observamus : . . .

1. The first part of the document is a letter from the Secretary of the Board of Education to the President of the Board of Education, dated 10th March 1900. The letter is addressed to the President of the Board of Education, and is signed by the Secretary of the Board of Education. The letter is dated 10th March 1900, and is signed by the Secretary of the Board of Education.

HUMANI CORPORIS OSSA NONNVLII IN DVCENTA QVADRAGINTA OCTQ. ALIQVIVERO,
in istum numerum redigunt, ego exceptis hyoide quod integrum feret sex officia: per syncondrosim vna conformatur, & sesamini ducenta & quadraginta sex putamen

NATIO.

PIRELLA, A. J.

- L

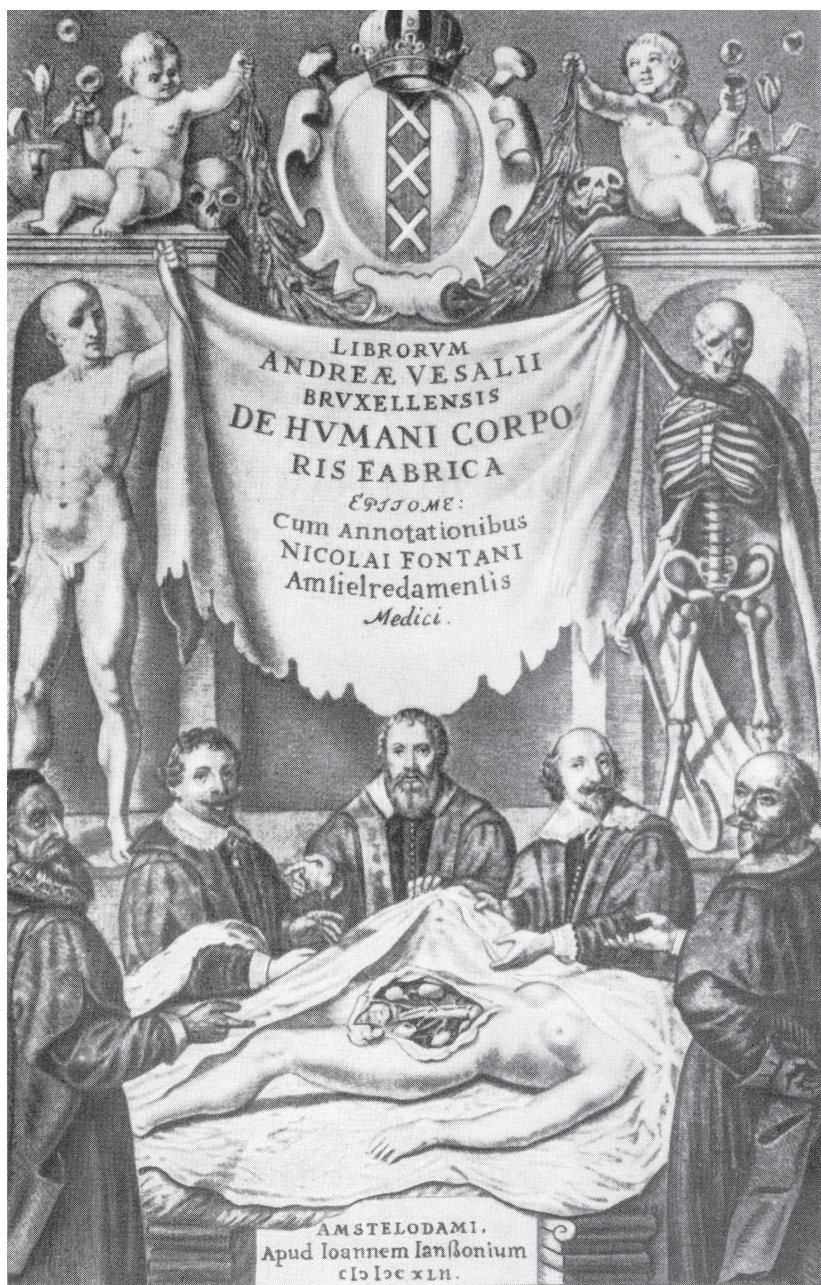
- Р

Adde quater denis bis centum senaque, habebis
Quam sis maduphet conditux offe, Jemel.

Титульный лист «Эпитомы» А. Везалия, Амстердам, 1642 г.

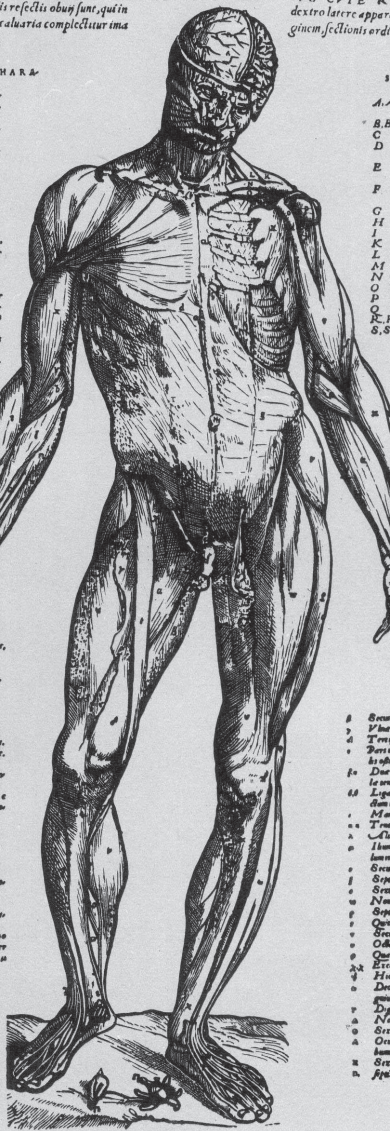

PRIMA FIGVRA EARVM QVAS OSTENDENDIS MVSCVLIS POTISSIMVM PAR-
 RVIMVS. IN CVIVS DEXTRO LATERE MVSCVLI MOX SVB CVTE RECONDITI. ANTERIORI IN
 dextro latere apparentibus proximè faciebant. Vt vero præter
 figuræ redderetur copiosior, eorum que calvaria complectitur ima
 charactærum index docet, deinceps.

DEXTRI LATERIS CHA-
 RACTERVM INDEX.

- A. Dorsus cervicis nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 B. B. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 C. C. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 D. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 E. E. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 F. F. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 G. G. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 H. H. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 I. I. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 K. K. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 L. L. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 M. M. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 N. N. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 O. O. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 P. P. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Q. Q. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 R. R. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 S. S. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 T. T. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 V. V. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 X. X. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Y. Y. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Z. Z. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.

SINISTRI LATERIS CHA-
 RACTERVM INDEX.

- A. A. Dorsus cervicis nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 B. B. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 C. C. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 D. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 E. E. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 F. F. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 G. G. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 H. H. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 I. I. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 K. K. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 L. L. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 M. M. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 N. N. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 O. O. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 P. P. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Q. Q. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 R. R. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 S. S. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 T. T. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 V. V. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 X. X. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Y. Y. Dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.
 Z. Z. Cervicis dorsus nuda et ad præputi, an mure
 frons collum superius pectus foveat inde
 ad alba, occurrat.

Анатомические таблицы А. Везалия

юноши: им станет совестно, что, хотя они и присваивают себе громкое имя в области науки, но до сих пор, вместе с прочими поклонниками Галена, были слепы и не замечали того, что мы сейчас предлагаем»¹. В 1555 году Везалий подготовил существенно дополненное и отредактированное второе издание этого своего главного труда «О строении человеческого организма». В этом издании он, кстати, блестяще одержал верх над своими главными врагами Леонардом Фуксом и Сильвием², о мелочной и завистливой клевете которых мы скажем ниже.

Примечательнейшим в этих работах Везалия было и то, что анатомия была в них представлена не статической, а динамической.

«Книга Везалия обильно снабжена художественно выполненными рисунками. Следует отметить особенность этих рисунков. Труп у Везалия не лежит: на рисунках скелет или мышечный препарат всегда изображен в определенной позе: в трудовом процессе, в движении, с напряженными мускулами, на фоне природы. Везалий показал не только строение тела, но и его функции»³.

Так, эти иллюстрации показывают не просто расположение, к примеру, мышц и связок, а особенности их работы при тех или иных положениях тела человека, что закладывало принципы физиологии и одновременно показывало на связь анатомии и физиологии, а так же закладывало принципы клинической анатомии, столь необходимой, особенно хирургам, травматологам, невропатологам.

Кстати, сегодня этот принцип преподавания именно динамической анатомии в большинстве случаев утрачен, вследствие чего происходит разрыв между анатомией и клиникой, а сама анатомия превращается, порой, в чисто теоретическую дисциплину, не имеющую никакого практического выхода, и студенты, и начинающие врачи именно так ее и воспринимают, что приносит потом и соответствующие плоды. Везалий же видел анатомию совершенно иной, именно, как базу всей клинической медицины.

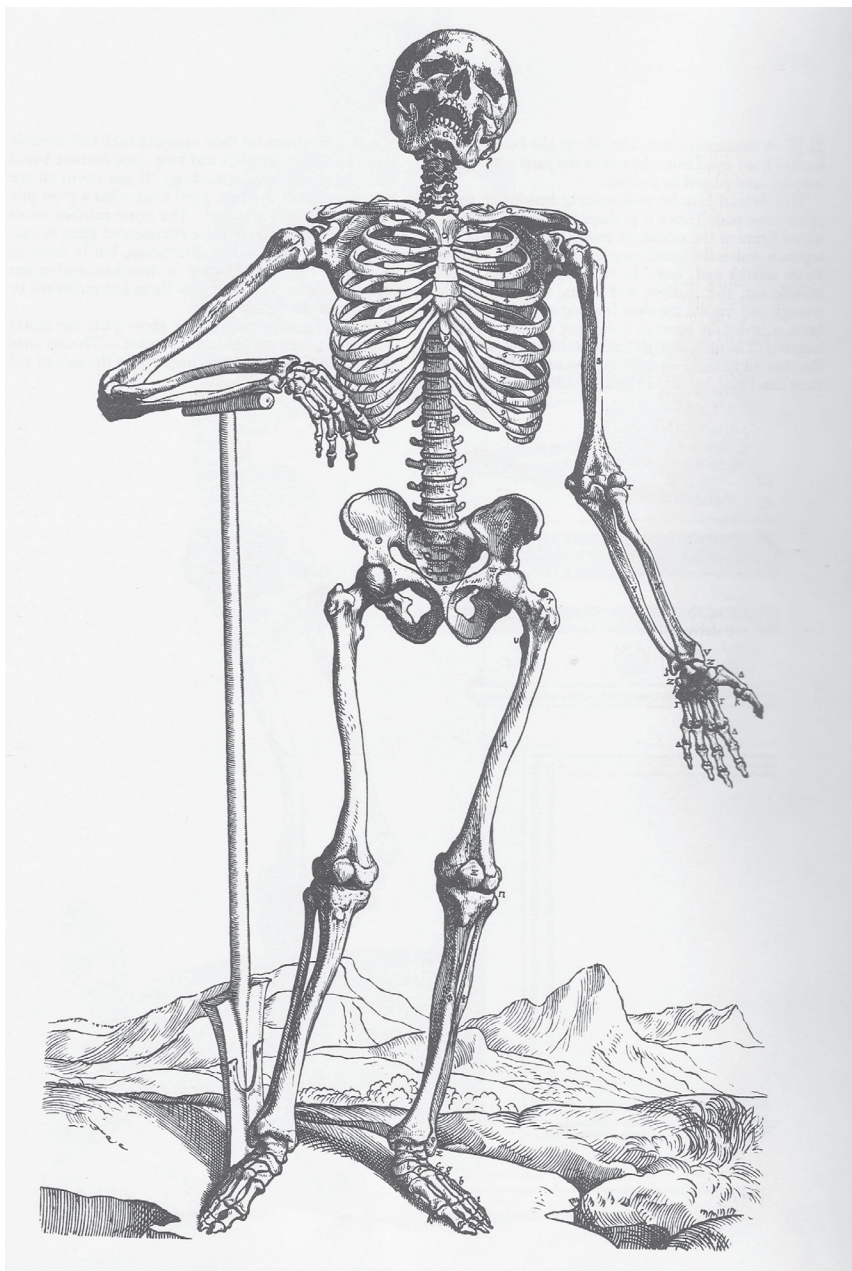
— Определение медицины и задачи врача

Согласно определению Везалия, «медицина в основном является добавлением недостающего и устранением излишнего». И в этом его определении подмечена сохраняющаяся и по сей день актуальная задача медицины. В своем труде «Эпитома», который

¹ Везалий А. О строении человеческого тела, в семи книгах. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1, с. 19.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 291.

³ Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медгиз, 1961. — С. 122.

Костная система человека. Атлас А. Везалия

является своеобразным кратким конспектом масштабного труда «О строении человеческого тела», Везалий отмечает, что основой медицины, ее пьедесталом является анатомия, ибо без знания органов невозможно успешное врачевание и правильное назначение лекарственных средств¹.

Одновременно с этим Везалий подчеркивает, что врач не должен слепо склоняться перед авторитетами, идя вслед их ошибок, а руководствоваться опытами и наблюдением². Именно эти принципы стали одними из базовых в главном труде Везалия «О строении человеческого тела».

— Подчеркивание достижений своих предшественников анатомов

В отличие от весьма многих своих современников (кстати, и от последующих поколений ученых), Везалий всегда подчеркивает достижения своих предшественников и ссылается на их труды. Он не желает приписывать себе их мысли и достижений.

В работах Везалия масса сносок на труды врачей древности: классиков древней медицины Гиппократ и Галена, александрийских врачей Герофила и Эразистрата, афинского врача Диокла, древнеримских врачей Цельса и Кассия, древнегреческого врача Клеарха, древнегреческого философа Феофраста. Весьма часто Везалий цитирует и арабских врачей Абу Али ибн-Сину и Рази. Упоминает Везалий и врачей Средневековой Европы — шотландца Михаила Скотта, итальянского врача Феофила КрEMONского, гуманиста Эразма Роттердамского. Он особо выделяет их вклад в изучении и развитии анатомии.

И даже там, где он не соглашается с ними, вследствие допущенных ими ошибок из-за запрета на изучение анатомии в древности, он весьма почтительно пишет о них.

«Из всех медиков, не было, наверное, ни одного, кто мог бы допустить, что в сочинениях Галена может быть или уже обнаружен

Габриэль Фаллопий.
со старинной гравюры

¹ Везалий А. Эпитоме. — М.: Медицина, 1974. — С. 22.

² Везалий. О строении человеческого тела. Указ. соч., т.1, с. 8.

хоть малейший промах в области анатомии, в то время как сам Гален довольно часто вносит поправки и неоднократно указывает на небрежность, допущенную им в его книгах, и даже в одних томах сообщает противоречащее тому, что находится в других. Но главное то, что теперь, с возрождением искусства вскрытия, нам стало известно при внимательном чтении книг Галена, что они содержат во многих местах немаловажные свидетельства о том, что сам он никогда не вскрывал тела недавно умершего человека. Вводимый в заблуждение своими опытами над обезьянами (правда, ему попадались человеческие трупы, но высохшие, и поэтому пригодные лишь для исследования костей), Гален часто вследствие этого несправедливо возражал древним медикам, которые практиковались в искусстве вскрытия человека. Но, кроме того, у Галена встречается весьма много ошибочных сведений и относительно обезьян, не говоря уже о том чрезвычайно удивительном обстоятельстве, что при многообразном и бесконечном различии органов человеческого тела и тела обезьяны Гален не заметил между ними почти никакой разницы — разве только в пальцах и в подколенном сгибе, что, без сомнения, не пропустил бы вместе с прочими различиями, если бы это не бросалось в глаза и без вскрытия человека. Но сейчас я вовсе не предполагаю обличать ложные положения Галена, этого, пожалуй, первого из знатоков анатомии. А главное, я совсем не хотел бы с самого начала выставить себя по отношению к нему непочтительным и мало охраняющим авторитет его, сделавшего столько добрых дел»¹.

— Даны конкретные инструкции по способу ведения вскрытия человеческого тела и описания внутренних органов

Работу Везалия, от подавляющего большинства работ ученых Средневековья, пускающихся в длинные и околонуточные рассуждения, отличает четкость построения и удобство использования его методик в повседневной врачебной практике. Так он весьма скрупулезно приводит инструкции по технике вскрытия². Он весьма тщательно описывает внутренние органы, мышцы и кости³. Им даны прекрасные описания сосудов, причем он показывает в этом разделе неверные представления о них врачей древности⁴.

¹ Везалий. Указ. соч., т.1, с. 15.

² Везалий А. О строении человеческого тела, в семи книгах. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1, с. 460.

³ Везалий. Указ. соч., т.1, с. 240; т.1, с. 155.

⁴ Везалий. Указ. соч., т.1, с. 52.

— Дано подробное описание инструментов, которые должны быть при проведении анатомических исследований

Одним из лучших художников того времени, уже упоминаемом нами, Яном Стефаном ван Калькаром (1499 — между 1546—1550), о котором подробнее мы скажем чуть ниже, был выполнен рисунок набора инструментов Андрея Везалия, которыми он пользовался при проведении анатомических исследований, и которые советует иметь каждому, кто будет заниматься анатомией.

«Итак, прежде всего, нужно обзавестись несколькими такими ножами, которыми пользуются цирюльники при бритье волос и которые на обыденном языке мы называем бритвами. Из них некоторые должны быть острыми, некоторые же притупленными, хотя у тебя должно быть всегда значительно больше, чем хочешь. Выбирать надо меньшие и более легкие, хотя ничто не мешает, чтоб было несколько более крупных. Их надо закупать побольше, они ломаются по малейшей причине, при разрезании оболочек или сухожилий и связок, так как делаются из очень хрупкого железа; они соскальзывают, особенно если применять к делу новые и неотточенные. У некоторых из них, особенно малого размера, бесполезно удалить тот железный бугорок, который мешает вытягивать лезвие за прямую линию ручки, и это особенно приходится предпринимать тогда, когда не оказывается бритв, снабженных косой ручкой, каковы те, которые в ходу у наших земляков и у французов. Ведь у итальянцев и почти так же у англичан в употреблении грубые бритвы с большими стоячими рукоятками или ручками; при косых сечениях их ручки часто мешают сгибать руку по желанию. К ним надо присоединить ножички, какими мы чиним перья; из них некоторые должны быть с округлым лезвием, другие с продолговатым и острым. Из них предпочтительнее целиком железные, потому что у других, когда мы пробуем разнять поперечные связки, ручка легко ломается, и самое железо в ручке держится слабее, именно от размягчения резины при мытье в горячей воде. Совершенно надо отвергнуть согнутые, похожие на серпы, так как при сечениях мы пользуемся одним острием, которое в этих гнутых ножичках, вогнутое внутрь, трудно подкладывать под связки, в особенности по всему внутреннему отделу пальцев. Кроме того, не без пользы применяются некоторые ножи из тех, которые мы подаем к столу; из них некоторые должны быть большого размера, но тупые и толстые, и лучше железные, чем стальные, или, по крайней мере, не слишком

Бенедикт Ария Монтан.
Со старинной гравюры

хрупкие. Если угодно, можешь прибавить сюда два сделанных из бука или гваякового дерева; из них один вырежи с тонким и продолговатым лезвием, другой же вели сделать с широким и округлым. Но их я применяю при вскрытии очень редко, так как всегда имеются под рукой тупые бритвы. Можно будет также устроить два крючка, похожие на те, какие мы нарисовали в начале главы. Я привык, однако, изготавливать их из тех вилок, которые в Италии ежедневно подают к столу и заимствуют их название от пирамиды. Если больше утончить напилком обе ножки этой вилки и затем загнуть их острия в виде полукруга несколько вкось, то приготовишь себе отличный крючок, острия коего, по желанию, можно наточить. Полезно будет обзавестись одним крючком более тупым, другим более острым; хотя, между тем, оставив крючки, часто полезнее пустить в дело для подъема некоторых тел ногти, если только тень левой руки не затемняет препаровки. Сверх того ты озаботишься нарезать себе длинных, коротких крючков и закажешь какому-нибудь золотых дел мастеру вытянуть несколько, как нитки, из мягчайшего и наиболее податливого свинца. Вместе с несколькими свинными щетинами они удивительно полезны для разных назначений, и особенно при изыскании свойств косых ходов и отверстий. Полезно будет также иметь под рукой гнутую трубочку [сифон], если, может быть, захочешь ее иногда ввести в детородный член и в мочевой пузырь, чтобы приобрести опыт в этом деле. И как к сифону мы приделали шишку [круглую головку], так полезно будет применить ее и к стилям и изогнуть некоторые также наподобие сифона. И, поистине, далеко не бесполезны будут несколько стилей, устроенных в виде полуканала, именно так, как готовятся сифоны, коим в полости производится операция и которым вырывается из мочевого пузыря камешек, или в той форме стилей, какими ткачи волосистого шелка режут рядами шелк на волокна. Эти стили полезны именно при вскрытиях; ими мы разделяем оболочку длинным сечением, остерегаясь задеть что-нибудь под ней или в ней содержащееся. Нужно располагать несколькими иглами, согнутыми в виде буквы С или округлыми в виде Є. Это получится, если согнешь обыкновенные иголки, когда они раскалены и делаются как бы растяжимыми. Полезно будет иметь большие и маленькие, чтобы пропускать и нитку и тонкую бечевку. Кроме этих гнутых иголок с тупым острием должны быть под рукой и такие, к каким мы прибегаем при зашивании ран или какими сшиваются рукавицы или вообще кожи, чтобы иной раз мы могли сшить кожу, если боишься, чтобы в твоё отсутствие что-нибудь не было повреждено любознательными зрителями. В эти иголки вдевается шелковая нить, какой сшиваются раны, или что-нибудь особенное, если ты, может быть, боишься, чтобы что-нибудь зашитое не было распорото и потревожено другими в твоё отсутствие. Впрочем, для сшивания сосудов ты будешь пользоваться обыкновенной ниткой, какой мы сшиваем

тетради для письма; наилучшие [нити] доставляются в Италию из Германии, а у других народов они слабее и толще, менее скрученные и гладкие. Ножницы удобны только для отрезания веревочек после перевязывания, что также делается любым ножом. А пила, какую мы иногда применяем к делу, полезна будет такая, какой мы отрезаем члены, пораженные гангреной или подобного же рода недугом; для этого назначения более удобны те, какие получаются от мастеров гребней, чем те, чрезмерно тонкие и потому менее ходкие, каких с большим сомнением придерживаются хирурги. Молоток, если иной раз в нем нуждаешься для того, чтобы вогнать большой нож, когда проламываешь черепу иных животных или разрезаешь им иную кость, годен будет почти всякий. Не без удобства будут применены тоже продолговатые камышовые дудки, какими и иной прислужник сможет надуть то или другое тело удобнее, чем мехом. А способы употребления щипцов, которыми мы загибаем медную проволоку при скреплении костей, и других, которыми отрезаем ее, как и шильев и медных проволок и затем некоторого прибора, коим скорее пронизываются кости, мы включили в предшествующую главу. Доски, какие весьма полезны при совершении вивисекций, изготовить тоже легко, и их мы опишем в конце книги VII, где изложим вивисекцию»¹.

Мы специально привели полное описание, чтобы показать ту методичность и скрупулезность, с которой Везалий подходил к своим исследованиям и что делает его труды ценными, как в научном, так и практическом отношении, особенно в те годы становления анатомии, как науки.

— Приводятся важные анатомо-физиологические параллели

Везалий был одним из первых, кто начал сопоставлять данные анатомии с особенностями физиологических проявлений. В трудах Везалия «строение органов рассматривается в связи с функцией органов»².

Так им, в частности, были сделаны важные заключения по поводу работы зрительных нервов.

«Итак, в Падуе был публично вскрыт труп казненного через повешение юноши, у которого за год перед тем правый глаз был выколот палачом; затем нам достался труп женщины, преданной той же казни, у которой тоже правый глаз в раннем возрасте подвергся гибели, в то время как другой был в полной сохранности. У женщины правый нерв на всем протяжении представлялся го-

¹ Везалий. Указ. соч., т.1, с. 483—486.

² Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 165.

Главный корпус Падуанского университета. Вид в XVI веке

раздо более тонким, нежели левый, не только вне полости черепа, но и у его начала и в правом месте схождения нервов. И, кроме того, что правый нерв был тонок, он оказался также тверже и краснее, как и у юноши, но у него правый не слишком еще уступал левому ни по толщине, ни по мягкости. К этому надо прибавить тот труп, у которого, как мы наблюдали, зрительные нервы не сходились в том соединении, о котором здесь идет речь, и даже не соприкасались; но правый нерв у него в том месте, где ему должно выходить из черепа, загибался несколько влево, а левый несколько вправо, как будто бы нервы сходятся не для соединения, но дабы удобно выйти из черепа через свое отверстие, в особенности, когда направляясь этим ходом, они входят не в середину заднего отдела глаза. А с каким старанием и заботливостью мы расспрашивали родственников того человека, у которого нервы расходились таким образом, представлялось ли его глазам все в удвоенном изображении, я уверен, что никто, конечно, из жаждущих познать дела Природы не сомневается; но ничего другого нельзя было узнать, кроме того, что он никогда не жаловался на зрение, всегда обладал прекрасным зрением, и о двойственности зрения родственники никогда ничего не слыхали. А что Кассий и

некоторые другие, исследовав причины, почему с ранением правого отдела мозга или с иным его повреждением левая часть нервов тела поражается и расслабляется при невредимости правой части, утверждают, что все нервы в своем возникновении идут крестообразно, то есть, что возникающие от правого отдела головного и спинного мозга нервы распределяются в левую область тела и, наоборот, нервы, исходящие из левого отдела, направляются в правую сторону, мною признается самыми надуманными бреду этими авторами загадок вымыслом, так как правые начала второй пары нервов, а затем третьей и четвертой отстоят от левых на ширину нескольких пальцев; также не говорю сейчас ничего о других нервах и равным образом умалчиваю о том, как часто я наблюдал, что зрительные нервы у свиней не сплошные, но так же, как нервы ног, состоят из многих соединившихся канатиков, чтобы речь не уклонилась в новый, более пространственный спор, особенно с теми специалистами анатомии, которые ложно сообщали потомству, что правый мозг совершенно отделен от левого»¹.

Везалий проводит экспериментальные исследования и по работе возвратного нерва. «Затем разглядываю также возвратные нервы, прикрепленные к сторонам дыхательного горла, которые иногда перевязываю, иногда перерезаю, притом сначала с одной стороны, дабы при рассечении здесь или при перерезке нерва ясно увидеть, как частично прерывается голос, а с повреждением обоих нервов пропадает совсем, и, если ослабить петли, то вновь возвращается»².

Исследует он и работу головного мозга. «Однако, что касается чувствительности и движения, то можно наблюдать, как с изъятием мозга то и другое пропадает»³.

Можно практически не сомневаться, что если бы не последующая вскоре трагическая судьба Везалия, то его прекрасные исследования в области анатомии были бы исследованиями и в области физиологии.

— Указание на ошибки в анатомических представлениях врачей прошлого

Признавая заслуги своих предшественников, Везалий прямо и открыто пишет о тех заблуждениях, которые существовали в представлении о строении человеческого организма, обусловленные, главным образом, тем, что до эпохи Возрождения и Рефор-

¹ Везалий. Указ. соч., т.2, с. 211.

² Везалий. Указ. соч., т. 2, с. 893.

³ Везалий. Указ. соч., т. 2, с. 892.

мации анатомии, как таковой, не существовало вовсе, а те отдельные вскрытия, которые были еще в античную эпоху, либо носили единичный характер, либо вообще производились на животных!

И потому, впервые начав проведение занятий анатомии человека, Везалий только у одного Галена обнаружил более 200 ошибок¹.

При этом Везалий отметил следующее. «Я поставил себе задачу показать строение человека на нем самом. Гален же производил вскрытия не людей, а животных, особенно обезьян. Это не его вина — он не имел другой возможности. Но виноваты те, кто теперь, имея перед глазами органы человека, упорствуют в воспроизведении ошибок. Разве уважение к памяти крупного деятеля должно выражаться в повторении его ошибок? Нельзя, подобно попугаям, повторять с кафедры содержание книг, не делая собственных наблюдений»².

Кстати, стоит подчеркнуть, «что в строгом смысле слова Гален никакой анатомии человека не учил»³. В его время, как мы отметили выше, она была, с одной стороны, фактически запрещена, а с другой, господствовавшие тогда религиозные воззрения признавали занятия ею бессмысленными вообще.

— Выступление против схоластической медицины и богословия, которые любое несогласие с авторитетами, признанными церковью, объявляла ересью

На страницах своего труда Везалий не побоялся бросить вызов всецелой тогда схоластической философии, находящейся под прямым покровительством папства. Так, он пишет, что «нет необходимости исследовать местонахождение души путем вскрытий или с помощью нашего разума»⁴.

Между тем, со времен того, как учение о бессмертии души вошло в христианство из языческих верований, поиски нахождения души в организме человека занимали одно из важнейших мест в схоластическом богословии. И вот, Везалий выступает против этих поисков, подчеркивая, что вопросы духовного устройства человека нам сможет раскрыть только Господь. «Ведь Тот, Кто Сам есть истинная мудрость, просветит нас, когда мы будем состоять уже не из этого рождаемого и обреченного на разложение тела, но из тела духовного, вполне схожего с Его собственным»⁵.

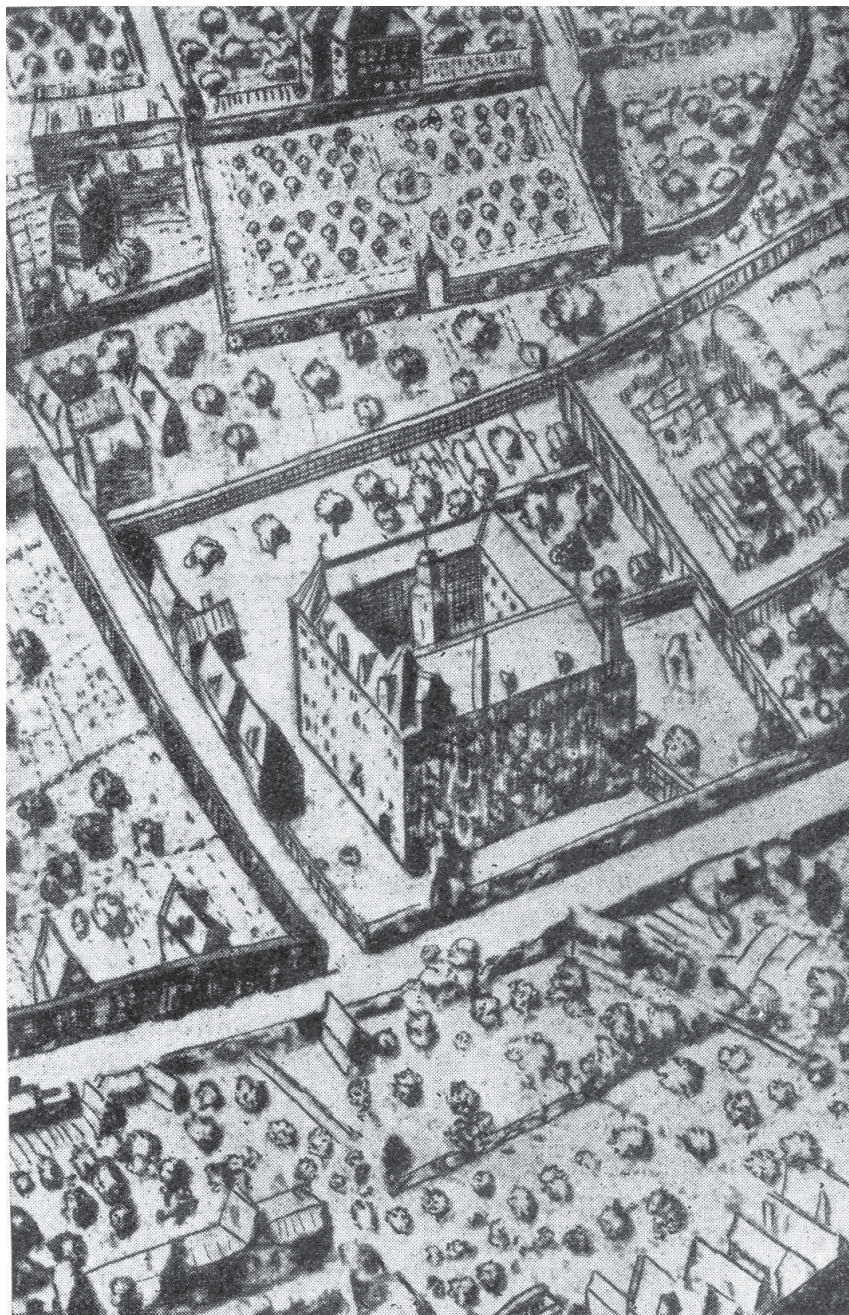
¹ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 165.

² цит. по Мультановский. Указ. соч., с. 122.

³ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 290.

⁴ Везалий. Указ. соч., т. 2, с. 815.

⁵ Везалий. Указ. соч., т. 2, с. 815.

Дом семьи Везалия в Брюсселе. С гравюры 1639 г.

Одновременно с этим, он ненавязчиво, вроде бы, на сугубо анатомических примерах, но ярко показывает в своих работах то, как его современники воспринимали монахов и вообще испорченность священнослужителей того времени.

«Теперь, если рассмотрим мускул каждой стороны... то не станешь настаивать вместе с некоторыми нечестивцами, что форму своей мантии францисканцы, яковиты и в особенности бенедиктинцы заимствовали у сатаны... но что она от формы тех мускулов, которые покрывают спину у лопатки»¹.

«Затем падуанские студенты доставили для публичного вскрытия, похитив из могилы, красивую наложницу одного монаха... они с удивительным усердием освободили труп от всей кожи, дабы она не была узнана монахом, который вместе с матерью наложницы подал жалобу на ее похищение городскому префекту»².

Везалий был глубоко верующим человеком и это не могло не найти своего места и в его трудах, в которых он восхищается удивительным устройством человеческого организма и, конечно же, Тем Кто его создал — Богом. Везалий четко говорит о том, что организм человека был создан сразу во всей полноте и целостности, а не появился в результате длительного развития. Кстати, именно это будет отмечаться советскими учеными, как слабая сторона его работы³, так как она противоречила навязываемому, искусственно сфабрикованному эволюционному учению.

Следование последнему приведет к тому, что рядом крупных советских анатомов будет утверждаться вопрос о продолжающейся эволюции человеческого организма и будущем изменении его органов и систем⁴. Так, к примеру, утверждалось, что у человека на руках со временем будет шесть пальцев, так как это, якобы, более удобно при выполнении различных видов трудовой деятельности. При этом, конечно же, подчеркивалось, что социальная среда оказывает на этот процесс одно из ведущих влияний.

Точно так же, в атеистическое время, в трудах Везалия считалось слабой стороной наличие в них вопросов теологии⁵, которые, однако, указывали на духовную составляющую человека, которая, кстати, влияя на образ жизни человека, оказывает влияние и на его анатомо-физиологические особенности.

¹ Везалий. Указ. соч., т. 1, с. 643.

² Везалий. Указ. соч., т. 2, с. 537.

³ Бородулин. Указ. соч., с. 165.

⁴ Бородулин. Указ. соч., с. 236—237.

⁵ Бородулин. Указ. соч., с. 165.

— Образность языка и яркие сравнения

В своей работе Везалий неоднократно прибегает к образным сравнениям, что еще более запечатлевает в умах его читателей предлагаемый им материал. Так, описывая сухожилие голени (которое получило название Ахиллесова сухожилия), он вспоминает один из сюжетов, связанных с Троянской войной: «Это как раз та самая полость, сквозь которую Ахилл пропустил, как пел Гомер, канат в ногу Гектора и, привязав его к колеснице, влачил вокруг стен Трои. Этому, как мы видим, подражают и мясники, когда поднимают заколотых быков или овец, пропуская под этим сухожилием поперечную палку»¹.

При вскрытии тела тучной женщины он отмечает следующее. «А будто, как ложно сообщали до сих пор все, в мясо мускулов или просто в мясо не вплетается никакого жира, свидетельствуют откормленные быки, каких солят впрок в Брабанте, и в волокнах мускулов коих по мясу прослаивается жир. Добавь еще, что мускулы тучных женщин, у которых напряжены бедра от жира, при вскрытии наблюдаются столь заполненными им, что не знаешь, мясо ли примешано к жиру или жир к мясу»².

Художественное оформление работ Везалия

Анализируя это выдающееся произведение в истории медицины, нельзя не сказать и о его великолепном оформлении и иллюстрациях, без которых он, как анатомический труд, потерял бы весьма многое.

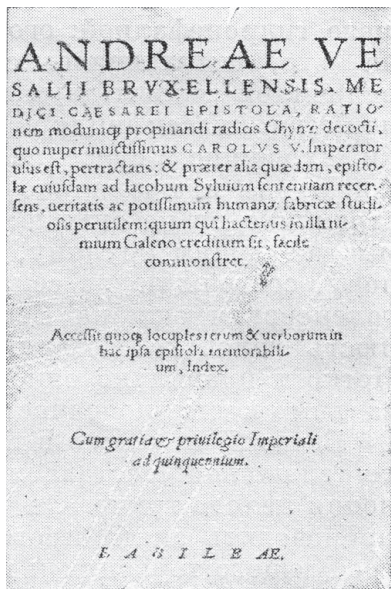
Этими иллюстрациями мы обязаны ученику Тициана Яну Стефану ван Калькару (1499 — между 1546—1550). Последний, родившись в Бельгии, с 1536 года жил в Венеции, куда приехал учиться в студию знаменитого Тициана. Как и большинство художников эпохи Возрождения, он тщательно изучал анатомию человеческого тела, чтобы максимально точно и красиво воспроизводить его на полотнах, ибо, как мы отмечали в первой части данной монографии, культ человеческого тела, воспевания его красоты, был одним из центральных в эпоху Возрождения. Именно благодаря этому, «его рисунки к трудам Везалия отличаются правильностью и красотой формы. Выполняя указания Везалия, Калькар изображал анатомические объекты необычайно динамично. Его скелеты представляют собой не набор костей, а выражают пластичными и драматичными позами состояния, харак-

¹ Везалий А. О строении человеческого тела, в семи книгах. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1, с. 984.

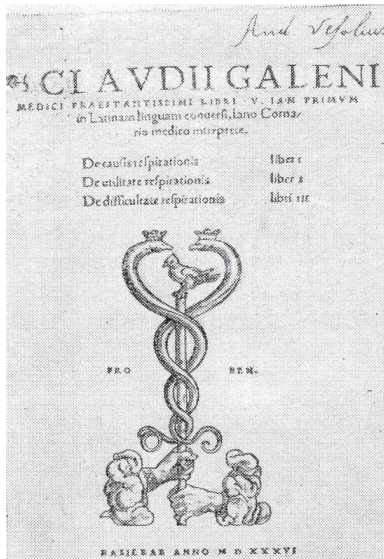
² Везалий А. О строении человеческого тела, в семи книгах. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1, с. 635.

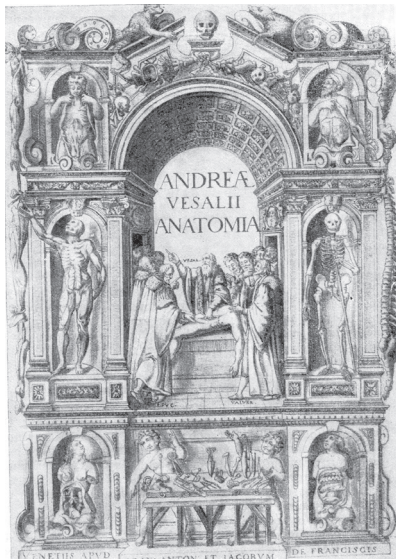
Титульный лист «Эпитомы»
А. Везалия. Амстердам, 1642 г.

Титульный лист «Послания
о китайском корне» А. Везалия.
Базель. 1546 г.

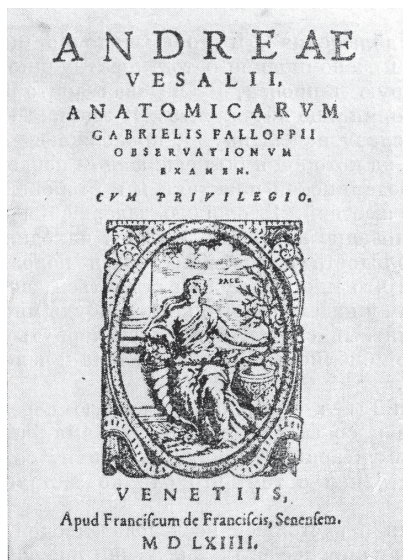

Титульный лист сочинения
Везалия «Послание о кровопу-
скании». Базель. 1539 г.

Титульный лист трактата Везалия
«О строении человеческого тела».
1604 г.

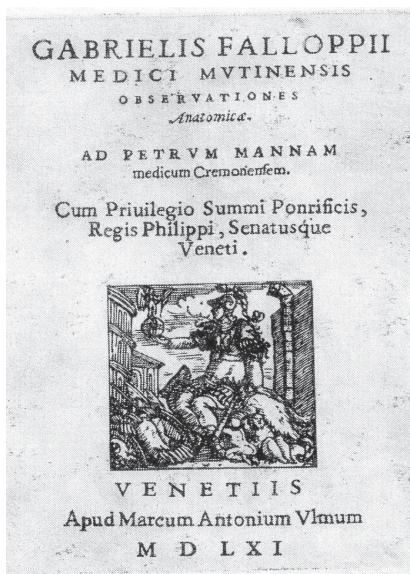
Титульный лист Экзамена Везалия, написанный им в ответ на Анатомические наблюдения г. Фаллопия. Венеция. 1564 г.

Титульный лист «Эпитоме» А. Визалия. Брюгге, 1569 г.

Фронтиспис первого издания трактата Везалия «О строении человеческого тела». Базель, издание И. Опорина, 1543 г.

Титульный лист «Анатомических наблюдений» Габриэля Фаллопия. Венеция. 1561 г.

терные для живых людей. Зарисовку движений мышц он осуществляет также с подчеркнутой динамикой. Прекрасные гравюры, резанные на дереве, изображающие анатомические структуры, оживлены фрагментами архитектурного пейзажа. Везалий подчеркивает композицией рисунков свой интерес к строению тела живого человека, его интересуется жизнь, а не смерть»¹.

Весьма интересна не только в художественном отношении, но и в идеологическом обложка (или, правильнее, фронтиспис) первого издания труда Везалия «О строении человеческого тела».

Академик В.Н. Терновский дает прекрасное и всестороннее описание этой картины, знаменующей принципиально новый отсчет времени анатомической науки.

«Трактат Везалия «О строении человеческого тела, в семи книгах» как и его «Ерiтome» («Извлечение») украшены замечательными по своему художественному выполнению фронтисписами. Они изображают, по замыслу Везалия, совершенно новый метод преподавания анатомии, введенный Везалием наперекор традициям галенистов. Изображен сошедший с кафедры молодой Везалий. Он сам производит вскрытие обнаженного женского тела. Центральное место в аудитории занимает скелет человека. Везалий считал необходимым начинать преподавание анатомии с демонстрации и изучения костей, так как во время секции кости обнажались последними. Он просил Калькара в подтверждение своего убеждения изобразить скелет человека в центре, на почетном месте.

Огромная толпа слушателей, среди которых не только студенты, но и именитые граждане города и монахи, заполнила всю аудиторию и окружает секционный стол. Все' взволнованно слушают лекцию и смотрят на интересную демонстрацию. Ненужные цирюльники с бритвами в руках рассерженно перебраниваются, сидя на полу у стола. По сторонам на первом плане фронтисписа служители держат приготовленных, очевидно для вивисекции, животных — с одной стороны, обезьяну, а с другой — собаку. Это символизирует интерес Везалия к сравнительной анатомии.

На фронтисписе, по мнению многих исследователей, имеется ряд портретных изображений. Так, среди присутствующих, выше Везалия, на скамье, стоит человек с книгой в руках. Думают, что это изображен друг Везалия художник Стефан Калькар, которого считают автором фронтисписа. На переднем плане справа изображен стоящим во весь рост в античной тоге ученик и ассистент Везалия Реальд Коломбо (1516—1559), описавший одним из первых легочное кровообращение.

Художник изобразил замечательную архитектуру секционного зала с хорами, на которых тоже присутствуют заинтересованные зрители;

---

¹ Терновский. Указ. соч., с. 79.

предполагают, что один из них — пожилой человек с бородой — издатель трактата Везалия — Иоанн Опорин.

Архитектура типичная для эпохи Возрождения, символизирует Храм Науки с великолепно выраженной перспективой. Такого анатомического театра во времена Везалия не существовало, и он представляет собой фантазию художника, который над колоннами коринфского стиля изобразил венецианского льва и быка — эмблему Падуанской школы. Геральдический щит с доспехами поддерживают два младенца. На щите изображены три ласки, бегущие по песчаному полю. По народной версии имя Везалия происходит от *Wesel* — ласка. Между окнами на стене инициалы *I* и *O* — монограмма Опорина, профессора греческого языка, издателя трактата «О строении человеческого тела» и «Извлечения».

Везалий увековечен на единственном подлинном портрете, резанном художником на деревянной доске. Этот портрет работы прекрасного гравера украшает как первое, так и второе издание трактата «О строении человеческого тела, в семи книгах» и «Извлечения». Живой портрет великого анатома представлен в обстановке, символизирующей торжество возрожденной им анатомии.

На фоне портрета художник изобразил мягкие складки портьеры, как бы закрывающей вход у греческой колонны ионического стиля. Препарируемый объект представляется олицетворением Анатомии — женщины с античной фигурой и характерным локоном на плече, со складками спущенной на бедро туники. Пропорции фигуры Везалия и препарируемого тела поражают несоответствием, это еще больше подтверждает мысль о том, что художник изобразил символическую фигуру — Анатомию в руках Везалия.

Костюм анатома — из венецианской парчи с длинными рукавами — подчеркивает парадность и величие науки о строении человеческого тела, торжественно демонстрируемой Везалием.

Перед Везалием небольшой секционный стол, по краю которого начертано: XXVIII, MDXLII, *Osuus jusude tuto* (возраст Везалия — 28 лет; 1542 — год завершения трактата и девиз школы Асклепиадов: «Быстро, приятно, безопасно»). На столе видны скальпели и чернильница с пером, возле нее лист из рукописи Везалия — описание мышц пальцев руки. Художник как бы иллюстрирует этот текст изображением блестяще препарированной руки. Композицию своего портрета Везалий связывал со своими научными идеями и борьбой за них. Описание мышц руки было одним из слабых мест в описаниях Галена, и на портрете — как бы доказательство правильности исследований Везалия.

Везалий в своем трактате не пишет об этом замечательном портрете, но, очевидно, он сам участвовал в его композиции, и нет сомнения, что автором-художником был его друг Стефан ван Калькар. Везалий, ви-

димо, был доволен своим изображением, иначе он не поместил бы этот портрет в изданиях своих трудов»¹.

Прекрасно выполненным иллюстрациям отвечало и превосходное качество их печати, ибо сам труд Везалия был напечатан в одной из лучших типографий Европы того времени, находившейся в Базеле и принадлежащей Иоанну Опорину (1507—1568), бывшему, в свое время, учеником Парацельса, но затем увидевшего, что медицина его учителя все более и более начинает походить на магию, а сам учитель ведет крайне разнузданный образ жизни, оставившего его.

Родившись в бедной семье, Опорин, благодаря своим способностям, вначале учится в школе в Страсбурге, потом работал корректором одной из типографий Базеля, потом учил, как мы отметили выше, медицину у Парацельса, потом снова работает корректором в Базеле, пока, наконец, в 1539 году не организует свое собственное издательство в Базеле.

В самом скором времени оно становится одним из лучших в Европе, как благодаря качеству издания, так и прекрасному оформлению и корректуре. И потому, неслучайно Везалий решает публиковать свой труд не в Италии, где он жил и работал, а в швейцарском Базеле. Так же к этому времени именно Базель становится одним из центров печатания прогрессивной на тот час литературы, включая и работы Эразма Роттердамского, тем более, что крупное Венецианское издание Джунта в то время было занято изданием сочинений Галена. Так же, безусловно, не мало важную роль сыграла и личная дружба Везалия с Опориним. До нашего времени дошло письмо Везалия, которое он пишет Опорину, направляя ему для издания свой главный труд жизни.

«Иоанну Опорину, профессору греческой литературы в Базеле, моему дражайшему другу.

Ты вскоре получишь, о мой Опорин, через миланских купцов Данон, таблицы, выгравированные для моих книг о строении человеческого тела и для Извлечения. Лишь бы дошли они до Базеля в том целом и нетронутом виде, в каком я их тщательно составил вместе с гравером Николаем Стопием, юношей, хорошо осведомленным в гуманитарных науках; лишь бы в них ничего не стерлось и перевозка не причинила им какого-либо другого повреждения. Между рядами таблиц мы разместили разрезанный экземпляр моей работы с печатным листком отдельных фигур, где я приписал, в каком месте должна быть помещена каждая, чтобы не создалось затруднения тебе и твоим помощникам в расположении фигур и чтоб последние нельзя было отпечатать не в

¹ Терновский. Указ. соч., с. 84, 86—87.

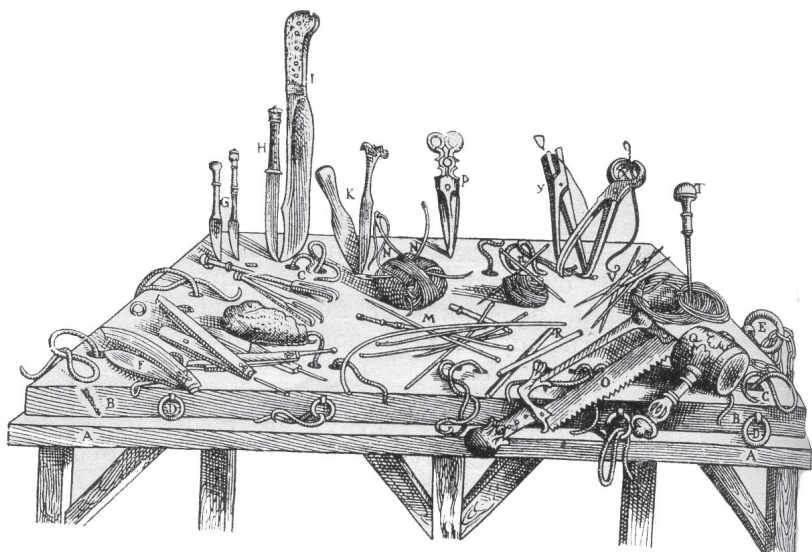
должном порядке. В этом экземпляре ты легко разберешь, где надо изменить характер букв, так как ту часть изложения, которая обнимает собой описание органов и, представляя сплошной обзор, завершается в отдельных главах, я отделил линиями от другой части изложения, помогающей объяснению литер на гравированных таблицах и потому называемой указателем к таблицам и их литерам.

В последовательном порядке изложения, нигде не прерываемом указанием на фигуры, ты заметишь маленькие буквы, называемые в типографиях надстрочными, которые соответствуют примечаниям, помещенным мною на внутреннем поле — с меньшим мастерством, но зато с большим трудом и даже с известной досадой; но это сделал я для того, чтобы они были для читателя как бы комментарием автора и указывали, к какой именно фигуре можно отнести упоминаемую часть тела. А отсюда примечания, попадающиеся на внешнем поле, известным образом представляют собой порядок и содержание описываемого. В примечаниях на внутреннем поле, — чтобы не распространяться, — я соблюдал следующий расчет: всякий раз, когда указывается фигура, предвещающая данную главу, содержащую примечание, я решил не давать при фигуре нумерации главы: такую нумерацию я прилагаю только в том случае, если фигура предпосылается другой главе. Точно так же, если фигура относится к той же книге, где делаю здесь тебе предписания, так как от гладкости и плотности бумаги и в особенности от тщательности ваших работ зависит, чтобы в типографии, находящейся под твоим управлением, детали были выполнены отчетливейшим образом и в этом самом могли бы стать всеобщим достоянием. Немного позже постараюсь приехать к вам сам, и если не на все время печатания, то хоть на некоторое останусь в Базеле; при этом я рассчитываю привезти с собой и формулу декрета Венецианского сената о том, чтобы никто не посмел печатать без моего согласия какую-нибудь из таблиц или вообще воспроизводить так или иначе что-либо из моих сочинений. Хотя ты имеешь общее разрешение на все впервые печатающиеся мои книги, но все же моя мать вышлет тебе из Брюсселя декрет цезаря: он мною уже давно испрошен, но чтобы он был поновее и, следовательно, мог быть использован на несколько лет дольше, мы до сих пор не торопились его получить. Декрет короля Франции отправился получить для меня представитель Венеции Монспессули; хотя с этой стороны я

Иоганн Опорин —
крупнейший издатель
города Базеля

Стол с инструментами Везалия.
Из трактата «О строении человеческого тела»

мало обеспокоен и даже не находил бы нужным тратить страницы издания на воспроизведение копий дипломов.

Какое значение имеют все эти декреты для книгопродавцов и типографов, так густо распространившихся по всем уголкам, об этом можно в досталь судить по моим анатомическим таблицам, которые были напечатаны три года назад в Венеции, а потом неоднократно жалким образом искажались, но при этом украшались важными заглавиями. Так, в Аугсбурге некий сутяга, подделав письмо от моего имени, предпослал от себя предисловие на немецком языке и без всякого основания что-то там наболтал,— однако со ссылками на Авиценну и арабов; он занес меня в число каких-то сокращенных Галенов и, дабы напустить туман на покупателя, он ложно утверждает, будто бы я свел к шести таблицам то, что Гален охватил пространно более, чем в тридцати книгах. Затем он добавляет, что выполнил на немецком языке перевод с латинского, и при этом утверждает, что им использованы и арабские слова, в то время как он их не только украл у меня, но и выпустил там, где был не в состоянии их перевести, и именно в тех местах текста, где, благодаря им, таблицы могли бы особенно выиграть; кроме того, там превратно воспроизведено венецианское гравирование. Гораздо грубее и неопытнее этого аугсбургского гравера был тот, кто приложил свою руку к моим таблицам в Кельне. Хотя и пишет там кто-то в пользу этого типографа, будто

бы по моим таблицам можно рассмотреть строение человека лучше, чем при вскрытиях, и что этот типограф из моих точнейших фигур сделал, якобы, еще более точные, но в действительности — наоборот, он очень испортил рисунки и добавил неудачную копию того начертания нервов, которое я, приложив к буквенному указателю, грубо нарисовал для одного моего друга, просившего меня об этом еще до того, как это начертание было издано. В Париже воспроизвели, — правда, точно — три первые таблицы, как в латинском, так и во французском изданиях, однако упустили прочие, — как я предполагаю, вследствие трудности гравирования, тогда как, принимая во внимание потребности учащихся, скорее можно было бы обойтись именно без первых. В Страсбурге один из плагиаторов оказал весьма плохую услугу науке, оказалось, что таблицы, которые вообще нельзя было предложить учащимся в достаточно больших размерах, еще более им уменьшены и при этом без всякого основания искажены; и вот эти-то таблицы, нарисованные крайне плохо, он и выпустил с местным переводом. Но славе этого человека, должно быть, позавидовал тот, кто в свое время скомпилировал отовсюду, без всякого разбора, изображения из разных книг и теперь еще продолжает выпускать в Марбурге и Франкфурте такого рода издания. Поэтому я не только признаю, но и усиленно приветствую божественные и удачливые умы италийцев, требующих перемены общего суждения о большинстве германских медиков. Ведь некоторые из них, подкупленные недобросовестными типографиями, ради того, чтобы выманить какое-то жалкое вознаграждение, — и чтобы при этом молчали декреты государей, — осмеливаются без всякого стеснения списывать, сокращать, изменять и издавать под своим именем любое сочинение под названием какого-то нового издания. Я пишу это затем, чтобы ты понял, что я вовсе не расположен присоединять и их к твоему печатанию. Я счел бы необходимым отметить, что, насколько от меня зависит, я гораздо охотнее перешлю свои таблицы какому-нибудь искусному типографу, готовому издать мое произведение для пользы литературного дела, чем чтобы какой-нибудь глупец, которому я всеми доступными мне средствами постараюсь воспрепятствовать, подделывал мои таблицы, с таким трудом выполненные для пользы просвещения, и они попали бы в руки людей под высокопарным заглавием, с непригодным сокращением моего описания человеческого тела. Такова главная причина того, что я приготовил таблицы на свои собственные средства; в заключение я еще и еще раз буду просить тебя, чтобы они были выполнены твоими трудами безошибочно и в самом отчетливом виде. Прощай. *Венеция. В 9-й день [до] сентябрьских календ.* Твой Андрей Везалий¹.

¹ Везалий. О строении человеческого тела. Указ. соч., т. 1, с. 23—27.

Сам Везалий смог приехать в Базель только в начале 1543 года, а в июне этого же года из типографии Опорина вышел из печати труд «О строении человеческого тела».

И если с его изданием начался новый прекрасный отсчет времени для анатомии, как науки, то также начался новый отсчет времени, причем, трагической жизни самого Везалия.

● Преследования Везалия

Издание труда Везалия стало настоящей сенсацией в мире науки, заставив одновременно с этим объединиться воедино всех его завистников и недоброжелателей, главным из которых стал его учитель по Парижскому университету профессор Яков Сильвий (1475—1555).

«Хотя Яков Сильвий был первым, кто применил для анатомических вскрытий человеческие трупы в более широком масштабе, чем это делалось до него во Франции, однако, всецело следуя данным Гиппократов и Галена, он не хотел видеть того, что объективные данные таких вскрытий всегда совпадали с описаниями величайших врачей древности. Фанатичный приверженец догм Галена, Сильвий дошел до того, что считал аномалией данные проведенных им вскрытий, если они не соответствовали описанию древних корифеев медицины. Сильвий даже допускал возможность существенных изменений в строении человеческого тела, которые, по его мнению, могли произойти за тринадцать веков, отделявших его время от эпохи Галена. Ведь Гален не мог ошибаться! Естественно поэтому, что тотчас после выхода в свет гениального труда Везалия «О строении человеческого тела», нанесшего смертельный удар многим заблуждениям Галена-анатома, против Везалия ополчились консервативно настроенные приверженцы Галена и прежде всего, Я. Сильвий, их признанный глава»¹.

Сам Сильвий был человеком очень жадным и завистливым. Примечательно, что когда Сильвий умер, то на дверях церкви, где была заупокойная служба, появилась записка со следующим содержанием.

«Сильвий здесь умер. Ничего он не делал бесплатно.

Умер — бесплатно, и все ж больно об этом читать»².

И потому, когда вышла работа Везалия в которой он, давая описание строения человеческого тела, вскрывал многие заблуждения Галена, то этим самым он бросал тень и на Сильвия, являвшегося его ярким приверженцем.

¹ Везалий А. Эпитоме. — М.: Медицина, 1974. — С. 97.

² цит. по Терновский. Указ. соч., с. 19.

Сильвий проклинает Везалия, презрительно назвав его не Vesalius, а — Vesanus, т.е. безумный, сумасшедший¹.

Наконец, в ответ на этот труд Сильвий в 1555 году издает памфлет под громким заглавием: «Опровержение клевет некоего безумца на анатомию Гиппократата и Галена», состоящий из 28 глав или опровержений различных утверждений Везалия. Примечательно, что все его, так называемые, опровержения заблуждений Везалия, основаны на крайне низком знании Сильвием анатомии и потому не выдерживают никакой критики. Памфлет Сильвия изобилует постоянными оскорблениями в адрес Везалия, который постоянно именуется в нем то безумцем, то невеждой, то клеветником, то лжецом². Словом, как раз качества своего собственного характера Сильвий приписывает Везалию.

Но одновременно с этим, сам Сильвий прекрасно понимал, что Везалий знает анатомию несравненно лучше его и потому главный удар в своем памфлете Сильвий наносит в духе того страшного времени, обвиняя Везалия в государственной измене.

Так, обращаясь к читателям трактата, Сильвий пишет следующее: «Мне кажется, что вы решили эту клевету, как и все прочие, перенести, разумеется с возмущением в душе. И назначить должное наказание этому бессовестному своеволию, чрезвычайно опасному для государства»³. В заключении своего трактата Сильвий, обращаясь к самому императору священной Римской империи, пишет: «Я умоляю цезарское величество, чтобы он жестоко побил и обуздал это чудовище невежества, неблагодарности, наглости, пагубнейший образец нечестия, рожденное и воспитанное в его доме, как это чудовище заслуживает, чтобы своим чумным дыханием оно не отравило остальную Европу»⁴.

Сильвий обвиняет Везалия в преступлении против государства и требует для него смерти! В поддержку Сильвию зазывали многие другие голоса бездарных завистников Везалия. Последний понимая, что ему может грозить в случае передачи его дела в трибунал инквизиции, останавливает свои столь плодотворно начавшиеся научно-практические изыскания.

«Везалий прекратил свою энергичную исследовательскую работу, более того, когда он увидел столь яростное отношение объединившихся врагов, Везалий сжег многие свои уже литературно

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 122.

² Сильвий. Указ. соч., с. 182, 188, 197.

³ Сильвий Яков. Опровержение клевет некоего безумца на анатомию Гиппократата и Галена. В кн. Терновский В.Н. Андрей Везалий. Указ. соч., с. 102.

⁴ Сильвий. Указ. соч., с. 240.

обработанные наблюдения и драгоценные для современников и потомства записи. Все это случилось потому, что Сильвий предал Везалия своим памфлетом и поставил его в центр внимания святейшей инквизиции, а также потому, что Везалий убедился в тщетности усилий пробить каменную стену несокрушимой косности в консервативных умах приверженцев священной для них старины, ставшей барьером на пути поисков нового, на пути движения научной мысли. Везалий переживал глубокий душевный кризис, чрезвычайное разочарование в недавних друзьях и соратниках. Он видел обнажившиеся честолюбие и зависть многих и не видел дружеского соревнования в общих поисках научных истин. Даже его соратник и ученик Реальдо Коломбо резко изменил отношение к своему учителю»¹.

В это критическое для себя время Везалий получает неожиданное предложение от императора Карла Пятого занять должность его придворного лекаря. Здесь сыграли и связи его семьи и мудрость самого Карла Пятого, понимавшего всю сущность клевет врагов Везалия. Последний покидает Падуанский университет и пребывает в военный лагерь императора, который вел тогда войну с Францией. Находясь в военном лагере, Везалий, как оказывает помощь тяжело раненым, блестяще проводя операции, так и продолжает занятия анатомией, вскрывая тела погибших и пытаясь установить причину их смерти. Примечательно, что в это же время во французском военном лагере медицинскую помощь раненым оказывал основоположник современной хирургии Амбруаз Паре.

Вскоре после этого Карл Пятый тяжело заболевает и Везалий становится его лечащим врачом. Примечательно, что будучи религиозным фанатиком, сознательно отвергнувшим возврат церкви к чистоте Евангельского учения через принятие учения Реформации, Карл Пятый, будучи, с одной стороны, вроде бы образованнейшим человеком своего времени, в вопросах медицины вел себя, как классический пример жертвы религиозного суеверия и темноты. «Он не слушал советов врачей, не признавал диетических норм. Зато советы шарлатанов-знахарей он охотно слушал и из их рук получал лекарства сомнительного качества, которыми они обещали излечить его от всех болезней»². Свое излечение император начинает связывать с появившимся в Европе новым лекарством — китайским корнем, который Везалий был вынужден назначать императору. Новое лекарство, однако, не помогло, но и

¹ Терновский. Указ. соч., с. 103.

² Терновский. Указ. соч., с. 114.

Мемориальная доска. Анатомический театр в Пизе,
где работал Везалий в 1543—1545 гг.

не ухудшило состояния императора. В это время император посылает Везалия лечить многих высокопоставленных вельмож и в это же время, пользуясь благосклонностью императора, Везалий продолжает активные занятия анатомией и проводит патологоанатомические вскрытия, описания некоторых из них дошли до нашего времени и свидетельствуют о Везалии, как опытном патологе. Так сохранилась весьма интересная переписка между Везалием и известным врачом и философом того времени Ахиллом Гассером в которой они анализируют полученные в ходе вскрытия данные.

«Ахилл Гассер Везалию

Когда полость живота была вскрыта, как обычно, органы оказались удивительно нормальными. Не было повреждений в желудке и в киш-

ках, печень была нетронута и очень велика; также полая вена была очень велика, больше, пожалуй, чем мы когда-нибудь видели во время какого-либо вскрытия. Она была прорвана там, где аневризма соприкасалась с ней. Селезенка была очень коротка и снаружи частично бледная и почти наполовину гниlostная. Почки были нетронуты. Большое сердце, которое было полно крови, было подобно здоровому. Ни малейшего расширения аорты, увеличивающего ее до размера ладони, она была так прикреплена к ребрам и к позвонкам, что ее нельзя было отделить без повреждения. Следовательно, когда она была изъята, жидкая красная кровь вытекла как нормальная артериальная кровь, содержащая в себе подобие сгущенной крови или мясообразное вещество без волокон. Оно было окружено твердым бледным веществом в толщину пальца, похожим на вареный свиной жир по цвету и внешнему виду.

Аневризма, полностью соединенная с ее содержимым, почти равнялась кулаку человека средней величины или яйцу страуса.

Ребра вокруг середины аневризмы были почти разрушены кариозным процессом, одно, без сомнения, от очень сильного сжатия совсем сломанное и разъединенное, и позвонки в том месте, где они прилежали к аневризме над диафрагмой, также были губчатыми и настолько изъеденными, эрозийными, что конец мизинца мог быть вставлен в их поверхность, но без заметного гниlostного запаха.

Не было повреждений легких, и так как пациента много рвало кровью перед смертью, может показаться, что его задушило этой кровью¹.

В ответном письме Везалий пишет Гассеру следующее:

«Вместе с письмами господина Бартоломея Вельзера я получил, мой учениший и искренний друг и господин Ахилл, и твои письма, где ты тщательно описываешь историю болезни умершего господина Леонардо, каковую вы тщательно наблюдали при вскрытии и за которое (письмо) я приношу наивозможную благодарность. Ибо с удовольствием узнаю более достоверно то, что мы у больных вынуждены бываем собирать по разным догадкам. Удивительно, конечно, как такого рода расширение артерии часто более зависит от вещества крови, нежели характеризуется каким-нибудь другим образом. Ведь и то, что ты сравниваешь в нашем господине с жиром, то я усмотрел весьма схожим со стекловидной влагой глаз, иногда же я находил лишь мясистым веществом, которое по своей поверхности соответствует внутренней поверхности желудочков сердца. Сестра атребатенского епископа испытывает подобное же заболевание [опухоль] под желудком в передней части живота, которое столь подвижно, что можно назвать его шаром, передвигающимся то вправо, то влево, смотря по тому, лежит ли она на том или другом боку. И недуг этот был присущ ей очень много лет. Как пишет ее

¹ Эпштейн Э. Письма врачей. — Берлин, 1920.

мать, она заметила у нее начало этого заболевания еще в раннем возрасте, его можно было определить в то время только по пульсации. Таким образом, если оно так часто встречается у живых также скрывающимся в теле, то сколько раз оно может скрываться от нас, находясь в мозгу и в полости грудной клетки и около крестцовой кости. Пропать мне, если не после осмотра мною господина Леонардо недуги этого рода встречались мне, по меньшей мере, шесть раз, но расположенные в разных местах. Увиденный мною первым недуг, как я сообщал господину Т, находился в полости грудной клетки вокруг шеи, причем он придавал такую форму верхним грудным ребрам, какую ребра и поперечные отростки позвонков, как ты пишешь, приняли у господина Леонардо, скорее постепенно, чем от кариеса или нагноения. Дано в Брюсселе 18 июля 1557 г. Андрей Везалий¹.

В это же время Везалий издает в августе 1555 года в издательстве Опорина в Базеле второе издание своего главного труда «О строении человеческого тела», существенно улучшив его и уточнив многие описания.

Это было последним успешным делом, которое смог осуществить Везалий до отречения престола Карла Пятого.

Примечательно, что всю жизнь борющийся с протестантизмом, в конце своих дней император осознал всю тщету своих действий. И потому он отрекается от престолов нескольких держав, которыми он правил и поселяется в Испании близ монастыря св. Юстава Эстрамадуре. Став с возрастом еще большим фанатиком, он перед смертью разыгрывает собственные похороны. Причем, находясь в гробу руководит тем, как и что должно происходить. Воистину, как близки фанатизм и безумие. Но «и в этом последнем убежище ему пришлось испытать еще новое разочарование после столь тревожной жизни; он видел, что многие его прежние приближенные и даже тот самый духовник, который произносил перед ним проповеди в св. Юсте, склоняются к исповеданию христианства согласно толкованию Лютера»².

Карлу Пятому наследует в Испании его сын Филипп Второй, вошедший в историю, как один из самых кровавых религиозных фанатиков, заливший по указке иезуитов кровью половину Европы, мечтавший полностью истребить учение Реформации и восстановить былую власть средневекового папства. Слепой фанатик, подчиненный суевериям средневековой церкви, Филипп Второй не мог оценить ценность Везалия для науки, которая в

¹ Brocas J. Contribution a l'etude de la vie et de l'oeuvre d'Andre Vesale. — Paris, 1958. — P. 83.

² Иереп. Указ. соч., т. 3, с. 114.

глазах короля была почти равносильна понятию ересь¹. Кстати, Филипп Второй перед смертью также повелит поставить рядом со своей кроватью гроб².

Итак, вначале Везалий, после ухода Карла Пятого с политической арены, становится одним из врачей Филиппа Второго и в 1539 г. вместе со двором переезжает из Брюсселя в Мадрид, ставший к тому времени одним из центров мракобесия тогдашней Европы. Вот, что о пребывании в Мадриде пишет сам Везалий «Я не мог прикоснуться рукой даже к сухому черепу, и тем менее возможности я имел производить вскрытия»³.

«В Испании служители церкви вникали во всю новсед невинную жизнь. Инквизиция беспощадно душила всякую свободную мысль. Занятие естествознанием считалось преступлением, а исследование скальпелем трупа человека — кощунством»⁴.

«Духовный климат, не в последнюю очередь под влиянием Инквизиции, порождал чрезмерную осмотрительность, которая душила зародыше все новое. Так что университетская наука постепенно коснела и вырождалась в рутинную схоластику... Уже с 1559 года кастильские студенты могли обучаться только в Испании — исключение составляли лишь Неаполь Коимбра, а также папские университеты Рима и Болоньи... За унификацию духовной жизни, обусловленную стремлением противостоять распространению еретических (протестантских) идей, Испания расплачивалась академической отсталостью. Можно считать, что распространение естественнонаучных знаний XVII века практически не затронуло Испанию... несомненно, деятельность инквизиции оказала длительное воздействие на интеллектуальный климат в стране»⁵.

В таких условиях Везалий решает вновь уехать в Падую, но Филипп Второй выступает против этого. В последующие годы Везалий лечит французского короля Генриха Второго, которого, кстати, одновременно консультирует и Амбруаз Паре. К сожалению, особой информации о встрече этих выдающихся ученых своего времени не сохранилось. Затем Везалий лечит сына Филиппа Второго — дона Карлоса, который при падении получает ранение головы, и, несмотря на препятствия, схоластически на-

¹ Терновский. Указ. соч., с. 122.

² Крамер Ф. Филипп II // В кн. Испанские короли. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — С. 111.

³ Cushing H. Fallopius and Vesalius. — London, 1962. — P. 185.

⁴ Терновский. Указ. соч., с. 123.

⁵ Шмидт П. Филипп III; Крамер Ф. Филипп II // В кн. Испанские короли. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — С. 127, 107.

строенных темных врачей Испании, Везалий производит у юноши трепанацию черепа, благодаря которой гной был удален, а пациент получил исцеление.

Вместе с тем атмосфера ханжеской религиозности в сочетании с изуверской жестокостью и темнотой вновь побуждает Везалия просить Филиппа Второго отпустить его в Италию. При этом Везалий обещает во искупление своих грехов отправиться вначале в паломничество в Иерусалим ко гробу Господню. До сих пор точно не установлено, какой грех или грехи имел при этом в виду Везалий.

Видимо, это было связано с тем, что против Везалия папские богословы начали фабриковать искусственно построенные обвинения в ереси. В частности, ему ставилось в вину то, что в своем труде он написал, что у мужчин и женщин одинаковое количество ребер, тогда как, утверждали они, раз Бог создал Еву из ребра Адама, то у мужчины должно было быть на одно ребро меньше¹.

Получив, наконец, согласие Филиппа Второго, Везалий в 1564 году вместе с женой и дочерью покидает Мадрид и отправляется вначале в Венецию, сенат которой предлагает ему после завершения его паломничества занять кафедру анатомии в Падуанском университете, которая пустовала после смерти его ученика Фаллопия. Однако этому не суждено было осуществиться, ибо на обратном пути из Палестины корабль на котором плыл Везалий, попал в Ионическом море в сильную бурю и был разбит 2 октября 1564 года у острова Занте.

Вскоре сюда прибывает венецианский корабль, на котором плывший ювелир узнает Везалия, который в это время был очень болен. Современник тех событий, Пиастро Биччари сообщает о последних днях жизни Везалия следующее.

«Незадолго до смерти Везалия прибыл венецианский корабль, и венецианский ювелир, путешествующий по острову, случайно узнал, где лежит несчастный больной Везалий. Движимый состраданием, он немедленно стал просить жителей острова помочь Везалию, но они были очень подозрительны, так как незадолго до этого у них была эпидемия, а также, может быть, пото-

Портрет Везалия из библиотеки Лувенского университета

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 164.

му, что не были гуманны и любезны, оставили его умирать одного. Достойный ювелир сделал для Везалия после его смерти то, что не мог сделать для него при жизни. С большим трудом он получил разрешение от жителей острова похоронить его, и собственными руками приготовил могилу и похоронил тело так, что оно не осталось пищей для диких зверей»¹.

До нашего времени не сохранилась ни могила Везалия, ни точная дата его смерти, однако, колоссальный импульс, данный им развитию анатомии, служит лучшим памятником этому достойному ученому.

● Развитие анатомии после Везалия

Несмотря на трагическую гибель Везалия, разрушенная им стена схоластических представлений в области анатомии, принесла самые положительные результаты, и дала возможность даже тем анатомам, которые выступали против него, совершить свои важные анатомические открытия.

— **Реальдо Коломбо.** Он родился в Кремоне в 1515 году в семье аптекаря и после учебы в Милане работал ассистентом венецианского хирурга Джованни Антонио Лониго. В 1540 году он переезжает в Падую, где работает под началом Андрея Везалия. Последний вкладывает в ученика, что называется, всю душу и в первом издании своего труда «Описание человеческого тела» называет Коломбо своим «близким другом» и «сметливым студентом анатомии». Однако, когда тучи скопились над головой Везалия, Коломбо предает его, и когда Везалий возвращается из Базеля в Падую, он с удивлением для себя слышит, как его ученик публично критикует его анатомические работы.

Так, непосредственный ученик Везалия, профессор Реальдо Коломбо, человек очень лукавый², предает своего учителя в самый трагический для того момент, получив за это его кафедру анатомии в Падуанском университете.

В 1545 году Коломбо переезжает во вновь открывшийся Пизанский университет возглавлять кафедру анатомии, а уже через несколько месяцев переезжает в Рим, став профессором университета Сапиенца. Примечательно, что в Риме он проводит свои анатомические исследования вместе с великим Микеланджело. Так же Коломбо всегда умел входить в доверие сильных мира сего, благодаря чему становится врачом основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, а в 1550 году одним из хирургов папы Юлиана III.

¹ Фигье Л. Жизнеописание знаменитых ученых Средних веков и времен Возрождения. — М., 1871. — С. 494.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 293.

Коломбо одним из первых европейцев описывает малый круг кровообращения (см. подробнее об этом главу Уильям Гарвей — основатель физиологии и эмбриологии данной монографии). И хотя вслед за Галеном он считал центром кровообращения не сердце, а печень, описанный им круг входил в явное противоречие со схоластическими представлениями об устройстве системы кровообращения. Боясь повторить для себя участь Везалия, Коломбо публикует свой труд «Анатомия», описывающий, в том числе, этот круг только на последнем году своей жизни в 1559 году. Данная работа состояла из 15 глав и первоначально амбициозный Коломбо, желая перещегоолять труд Везалия, хотел, чтобы рисунки к его труду выполнил бы сам Микеланджело, но тот умирает, успев сделать только одну гравюру, изображающую Коломбо в анатомическом театре. Коломбо вошел в историю медицины, в первую очередь, не как ученый, а как лукавый приспособленец, умеющий строить свою карьеру на костях других людей и политической конъюнктуре.

— **Бартоломео Евстахий.** Другой противник Везалия Бартоломео Евстахий (1510—1574), бывший папским лейб-меликом и профессором университета Сапиенца в Риме, хотя и объявлявший себя ярым сторонником Галена и участвовавший в травле Везалия, сделал важные открытия в области анатомии почек и органа слуха. Причём одна из важнейших частей последнего — соединительная труба между барабанной полостью и носоглоточным пространством, носит имя — *tuba Eustachii*. Так же имя Евстахия носит и полулунный клапан нижней поллой вены — *valvula Eustachii*.

Евстахий был прекрасным анатомом, производившим свои вскрытия с величайшей тщательностью, снабжая свои труды прекрасными, им же сделанными рисунками¹. Свой главный труд «Анатомические таблицы», включающий в себя обобщающие таблицы и 38 рисунков, он подготовил к печати, но смерть помешала ему осуществить это издание, которое увидело свет аж в 1714 году в Венеции, благодаря стараниям Ланцизия.

Бартоломео Евстахий

¹ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 294.

— **Иероним Фабриций (1537—1629)**, выпускник Падуанского университета, изучавший анатомию у Фаллопия, стал в 1562 году вместо него заведующим кафедрой анатомии и хирургии впервые описывает, хотя и не до конца понимает их значение, считая, что они регулируют движение крови от сердца (что на самом деле является, как раз наоборот, — они делают возможным ток крови только в сторону сердца), венозные клапаны, что стало важной вехой на пути открытия Гарвеем большого круга кровообращения. Также благодаря его стараниям в Падуе в 1562 г. был построен новый прекрасный анатомический театр. Фабриций так же описывает в 1600 году мозговую трещину, отделяющую височную кость от лобной и лимфоэпителиальный орган, который расположен в задней части клоаки у птиц, получивший название в его честь Фабрициевой сумки. Его ценная рукопись «О развитии яйца и цыпленка» была опубликована уже после его смерти, в 1621 г.

— **Габриэль Фаллопий (1523—1562)**, уроженец Модены, изучавший медицину в Падуанском университете у Андрея Везалия и Реальдо Коломбо, а также Феррарском университете (1545—1548 гг.). В 1548 году он по приглашению герцога Казимо Медичи, известного, с одной стороны, своей политической неразборчивостью в средствах, а с другой — меценатством, Фаллопий занимает кафедру анатомии в Пизанском университете, где, проработав три года, приглашается в Падуанский университет на место Реальдо Коломбо профессором анатомии, хирургии и ботаники. В отличие от Коломбо, Фаллопий был по единодушному мнению своих современников прекрасным человеком, благородным и справедливым. Он также был прекрасным лектором. Однако, тяжелое заболевание легких вынуждает его вначале отказаться от чтения лекций, потом от занятий анатомией и, наконец, в 1562 году приводит к несвоевременной кончине. Фаллопий описывает подробно зубной аппарат, строение слухового и зрительного аппарата, анатомию половых органов, а также костную систему, исследуя и проблему развития костей. Одновременно с этим Фаллопий занимался и проблемами сифилиса.

Фаллопий описал, в частности, маточные трубы, названные в его честь *фаллопиевыми*, а также клиновидные пазухи, тройничный, слуховой и языкоглоточный нервы, канал лицевого нерва.

В 1561 году Фаллопий публикует прекрасный труд «Анатомические наблюдения», который с полным правом можно было поставить в один ряд с работами Везалия, которому Фаллопий, несмотря на отрицательное отношение к тому в Италии, воздаст должное, называя его «князем анатомов» и «восхитительным вра-

Падуанский университет. Падуя, Италия. Фото автора

Палаццо Раджоне на площади Эрбе, Падуя. Италия. Фото автора

Площадь Дела Велла, Падуя. Фото автора

чом». В своем предисловии к «Анатомическим наблюдениям» Фаллопий пишет следующее: «Везалий стал учеником Галена, не слушая его лекций, но изучая его труды (и в совершенстве постиг их), он не был подавлен авторитетом своего предшественника, но добавил к его учению многое, что тот не заметил, то же произошло и со мной в отношении учения Везалия. Читая старательно его труды и отдавая им должное уважение, я также пытался продолжать эти исследования. Основываясь на них, я нашел некоторые немногие факты, благодаря которым наша наука может быть украшена новыми открытиями...»¹. И действительно, в своем труде Фаллопий указал на некоторые неточности в работе Везалия, что совершенно нормально для развития любой науки. Так, в частности, в противовес утверждениям Везалия он показал, что круглая связка не является мускулом; что нижняя полая вена берет начало в печени, а не в сердце; что желчные протоки не открываются в желудок.

Везалий, познакомившись с трудом Фаллопия, несмотря на содержащиеся в нем несогласия с его трудами, написал следующее. «Не без удовольствия я прочел ваши „Наблюдения“, и это вызвало во мне приятное и радостное воспоминание о той чрезвычайно светлой жизни, которую я провел, преподавая анатомию в Италии, верной кормилице интеллектов. Я еще надеюсь в будущем увидеть славу нашей науки, продолжающей развиваться в школе, из которой я был еще юнцом извлечен к скучной рутине медицинской практики и к беспокойству постоянных путешествий. Я ожидаю завершения того великого дела, основание которому, когда я находился в расцвете своей молодости и способностей, я положил настолько успешно, что мне нет нужды стыдиться своего прошлого. Я еще живу надеждой, что когда-нибудь мне представится благоприятный случай и я смогу вернуться к изучению подлинной библии человеческого тела и человеческой природы»². Однако, пока послание Везалия дошло до Фаллопия, тот уже скончался.

Главный труд Фаллопия «Opera genuina omnia» также вышел уже после его смерти, во Франкфурте в 1600 году и Венеции в 1606 г.

— **Каспар Азелли (1585—1626)** — профессор из Падуи, открывает лимфатические сосуды, которые до этого относили к нервной системе.

— **Анатомические театры.** Большую роль в развитии анатомии сыграло создание анатомических театров, первые из кото-

¹ Cushing H. Fallopius and Vesalius. — London, 1962. — P. 185.

² O'Malley C. D. Andreas Vesalius of Brussels. Los-Angeles, 1964. — P. 296.

Собор св. Антония , Падуя. Фото автора

рых были построены в Италии — в Падуе (1490 г., 1562 г.), Пизе (1569 г.), Ферраре (1588 г.), Болонье (1595 г.). Первый анатомический театр был построен в Падуе анатомом Александром Бенедетти. Анатомические театры, по примеру уже упоминаемого нами выше анатомического театра Фабриция, строились в форме колизеев, что позволяло зрителям, сидящим, как в амфитеатре, смотреть за ходом вскрытия, которое проходило на анатомическом столе в центре амфитеатра. Для того, чтобы присутствовать на подобных вскрытиях, которые проходили в зимнее время года, желающие должны были заплатить за вход. При этом в самом театре, как и в обычных театрах, им предлагались напитки. Примечательно, что анатомические вскрытия весьма любили посещать дамы¹. Кроме того, во время проведения вскрытия играла музыка.

Первые анатомические вскрытия проводились, в основном, цирюльниками, в то время, как профессор сидел на высокой кафедре и читал по латыни анатомию Галена, тогда как цирюльник должен был показывать тот или другой орган, о котором читал профессор, но так как цирюльник плохо знал латынь, то часто по-

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 148.

казывал невпопад¹. Анатомические театры могли вмещать до 300 зрителей. При этом первые скамьи могли занимать только администрация университета (ректор, деканы), представители городских властей и профессора. Второй и третий ряды имели право занимать студенты медицины, а уже выше расположенные ряды предназначались для желающей присутствовать при вскрытии публики.

После Италии анатомические театры были построены во Франции (Монпелье, 1556 г.), в Англии (Лондон, 1557 г.), Швейцарии (Базель, 1589 г.).

Во Франции в деле создания анатомических театров большую роль сыграл парижский анатом Ш. Эитен, который предложил полукруглую форму театра, при которой анатомы во время проведения вскрытий должны были быть обращены лицом к зрителям, чтобы тем было удобнее следить за каждым их действием.

Однако самыми известными анатомическими театрами стали театры, воздвигнутые в Нидерландах (Лейдене, 1597 г. и Амстердаме, 1619 г.), о которых мы писали выше.

Именно университеты стран, принявших учение Реформации становятся лидерами во всех направлениях развития медицинской науки и практики.

После этого анатомические исследования окончательно порывают с отжившей схоластической школой Средневековья и уже в эпоху Нового времени дополняются выдающимися открытиями, которые залагают необходимый базис для последующего развития всей клинической медицины.

Анатомический театр
медицинского факультета
Парижского университета

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 148—149.

Глава 6

ДЖИРОЛАМО ФРАКАСТОРО И ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

К сожалению, подробных биографических сведений о человеке, которого с полным правом можно назвать основателем эпидемиологии, практически не сохранилось. Известно лишь, что Джироламо Фракасторо родился в 1478 году в Вероне. Учился в Падуанском университете, где, кстати, лучшим его другом был будущий знаменитый астроном Николай Коперник. Причем последний был не только астрономом, но и прекрасным практическим врачом¹. Однако, последующие занятия астрономией отвлекли внимание Коперника от медицины, в то время, как с его другом Фракасторо произошло, как раз напротив. Фракасторо с юных лет проявив себя, как незаурядная личность, окончил Падуанский университет. Дело в том, что в то время Верона и Падуя входили в состав Венецианской республики, в которой центром образования считалась именно Падуя. И именно с Падуанским университетом будет связана вся последующая судьба Фракасторо, который будет преподавать в этом заведении до конца своей жизни. Как и его друг Николай Коперник, Фракасторо был учёным-энциклопедистом, проводя исследования в области физики, астрономии, а также занимаясь поэзией. Однако, занятия медициной вскоре почти всецело захватили Фракасторо и именно на этом поприще он снискал себе немеркнущую славу. Венецианская республика в те годы была одним из богатейших европейских государств, ведя торговлю практически со всеми известными тогда странами. Поэтому венецианцы чаще встречались и с различными эпидемиями, которые завозили к себе из дальних стран и которые к ним завозили заморские купцы. И потому проблема изучения этих эпидемий, или, как тогда говорили, моров или повальных болезней, была одной из актуальных для всей Венецианской республики. Фракасторо был непосредственным свидетелем многих из этих эпидемий, особенно сыпного тифа и сифилиса², который завезли моряки Колумба из Америки.

Изучая эти эпидемии, Фракасторо приходит к поистине революционным для своего времени открытиям, которые перевернули все предшествовавшие взгляды и представления об этом и

¹ Заблудовский. Указ. соч., с. 96.

² Заблудовский. Указ. соч., с. 102—103.

одновременно наметили пути для последующего развития эпидемиологии и изучения инфекционной патологии.

Фракасторо пользовался огромным авторитетом, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что известный географ и путешественник того времени Лев Африканский (1488—1554) именно ему посвящает свой капитальный труд «Африка — третья часть света», написав в предисловии к нему, обращаясь к Фракасторо, следующее. «Превосходнейшему мессиру Иеронимо Фракасторо. У древних был обычай, доживший до настоящего времени. Суть его в

Джироламо Фракасторо

том, что тот, кто желал выпустить в свет свои сочинения — прозаические или стихотворные, — посвящал их людям, которые могли их оценить, или друзьям, которые пожелали бы их прочесть, или же тем, кто блеском своего имени вызвал бы к ним большее доверие и способствовал бы их славе. Стремясь соблюсти этот обычай в настоящем моем труде (каким бы он ни был), который я предпринял с целью собрать и объединить сочинения некоторых писателей о делах Африки и Индии, я не смог найти никого, кроме вашего превосходительства, кому этот труд надлежало бы препоручить и кто удовлетворял бы меня в этих желаниях и целях. Ибо, я думаю, никто не сможет быть лучшим судьей моему труду, никто не пожелает прочесть его с большей благожелательностью и никто своим славным именем не воздаст ему большим доверием и долговечностью.

Это прежде всего потому, что именно вы, ваше превосходительство, будучи осведомленным в географии, как никто другой из известных людей, и считая, что этим трудом я доставляю какую-то пользу людям были тем, кто с самого начала всем своим влиянием побуждал меня к этому начинанию, а затем многими доводами неоднократно укреплял меня в нем с помощью мудрых бесед и приятных разговоров, которые мы вели в присутствии великолепного графа Римондо дела Торре, с таким удовольствием слушавшего ваше превосходительство, когда вы с большой ученостью обсуждали движения небес и положения земли.

Далее, потому, также, что этим своим трудом я желал оставить потомкам своего рода свидетельство нашей долгой и святой дружбы, нем имея лучшей возможности отдать дань почтения вашему превосходительству и отблагодарить за дружеские чув-

ства, которые вы ко мне питаете, так как я уверен, что этот труд будет вам дорог и охотно вами прочитан. Но, если я хочу, чтобы мой труд остался жить среди людей, — а в этом и заключается мое желание, — то разве можно сделать это лучше, чем доверить его вашему славному имени? Я уверен, что после смерти тела, имя это останется бессмертным, так как вы, ваше превосходительство, были в наше время тем единственным, кто возобновил в науке божественное обыкновение древних писать, не подражая, не перенося и не переписывая из одной книги в другую и не присваивая себе (как это делают многие) чужих трудов. Напротив, тщательно исследуя факты своим тонким умом, вы сообщили миру много нового, ранее неслышанного, о чем другие даже не подозревали. Так, в астрономии вы открыли точнейшие перемещения небес и чрезвычайно остроумную теорию концентрических окружностей; в философии — сокровенный способ, благодаря которому в нас возникают мыслительные способности, и неизвестный до сего времени путь отыскания достойных удивления явлений, остававшихся скрытыми на протяжении всех предшествующих веков, как, например, причины естественной гармонии и дисгармонии, наблюдать которые мы можем так часто.

В медицине вы открыли причины заразных болезней и наилучшие и превосходные лекарства от них, — я уже не говорю о вашей божественной поэме «De Syphilide», которая хотя и была написана вами в юности и развлечения ради, тем не менее настолько полна прекрасными философскими и медицинскими идеями, так блестяще воплощена в божественных мыслях и так украшена разнообразными поэтическими цветами, что люди нашего времени, не сомневаясь, приравнивают ее к античной поэзии и относят к таким произведениям, которые достойны жизни и чтения в течение бесчисленных столетий»¹.

Фракасторо умирает в 1553 году, на вершине своей славы, будучи профессором Падуанского университета и признанным авторитетом в медицинской сфере всей Европы. В память о своём великом земляке жители Вероны воздвигают ему памятник, сохранившийся до настоящего времени.

• Представления об инфекционных заболеваниях до Фракасторо

Чтобы по достоинству оценить вклад Фракасторо в развитие современной эпидемиологии и инфекционной патологии, необходимо рассмотреть, что представляли собой медицинские зна-

---

¹ Лев Африканский. Африка — третья часть света / Пер. с итальян, ком. и статья В. В. Матвеева; Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. — Л.: Наука, 1983. — С. 9—10.

ния в этих областях до него. Рассмотрим же сообщения об этом врачей Древности и Средневековья.

Древний мир

— **Гиппократ.** Первое упоминание в медицинских трудах, связанное с понятием заразных болезней, мы находим в трудах Гиппократа. «Действительно, что здесь причиною служит не образ жизни каждого из нас, это очевидно уже из того, что болезнь подряд поражает всех... Когда какая-либо болезнь будет действовать эпидемически, тогда очевидно, что не образ жизни причиной ее, но то, что мы вводим в себя дыханием и, очевидно, именно это последнее вредит нам каким-то болезненным, заключающимся в нем выделением»¹.

— **Фукидид.** Известия об эпидемиях было оставлено и современником Гиппократа, историком Фукидидом (471—391), который, хотя и не был врачом, но оставил в своем труде, посвященном Истории Пелопонесской войны (431—405) важные сведения об эпидемии, разразившейся во время ее в 430 г. до х.э. и потому вошедшей в историю под именем «чумы Фукидида». «Люди, при уходе друг за другом, заражались и умирали. Наибольшая смертность происходила именно от заразы...»².

— **Диодор Сицилийский.** Известия об эпидемии, случившейся в 395 г. до х.э. и вошедшей в историю под именем «Сиразский мир», оставил один из крупнейших историков древности Диодор Сицилийский (I в. до х. э. — I в. х. э.), который ее причину объясняет следующим образом. «Так как со всех сторон стекалось много народа в город, то от недостатка места люди, понятным образом (!), подвергались болезням, ибо они дышали испорченным воздухом»³.

— **Аристотель.** Весьма интересные наблюдения, вопросы и проблемы, напрямую связанные с заразными заболеваниями, эпидемиями, поставлены в трудах великого древнегреческого философа Аристотеля. Так, в своих трудах он ставит следующие проблемные вопросы.

Первая проблема. «Почему от некоторых болезней заболевают, когда соприкасаются с больными, а от здоровья (т. е. соприкосновения со здоровыми. — П. З.) никто не выздоравливает? Не

¹ Гиппократ. Избранные книги. — М., 1936. — О природе человека, 9. — С. 204—205.

² Фукидид. История. Пер. Ф. Мищенко. — М., 1915. //Под ред. акад. С. А. Жебелева. — Т. I, кн. II, 51.

³ цит. по Гезер Г. История повальных болезней //Перевод В. А. Манассеина и М. Г. Шершевского. — СПб., 1867. — Т.1, с. 11.

потому ли, что болезнь есть движение, а здоровье — покой? Поэтому первое может двигать, а второе не может?»

Вторая проблема: «Почему мор из всех болезней один только поражает по преимуществу тех, кто близко соприкасается со страдающими этой болезнью? Не потому ли, что мор — один из всех болезней — присущ всем людям, и, вследствие этого, легко переносится на всех тех, кто уже находится в испорченном (ослабленном) состоянии?»

Третья проблема: «Почему, когда соприкасаются с чахоточными, со страдающими офтальмией или чесоткой, то воспринимают их болезнь, тогда как не заболевают от соприкосновения с больным водянкой или апоплексией?»¹.

— **Лукреций Кар.** Интересные известия о эпидемиях содержатся в трудах крупного римского ученого Лукреция Кара, в которых, в частности, написано следующее.

«Ну, а теперь, отчего происходят болезни, откуда
Может внезапно прийти и повеять поветрием смертным
Мора неожиданного мощь, и людей и стада поражая,
Я объясню. Существует немало семян всевозможных,
Как указал я уже, из которых одни животворны,
Но и немало таких, что приводят к болезни и смерти,
К нам долетая. Когда они вместе сойдутся случайно
И небеса возмутят, зараженным становится воздух.
Весь этот гибельный мир, все поварные эти болезни
Или приходят извне и, подобно туманам и тучам,
Сверху чрез небо идут, иль из самой земли возникают,
Вместе сбираясь, когда загнивает промокшая почва...»²
«Новая эта беда и зараза, явившись внезапно,
Может иль на воду пасть, иль на самых хлебах оседает,
Или на пище другой для людей и на пастьбах скотины,
Иль продолжает висеть, оставаясь в воздухе самом;
Мы же, вдыхая в себя этот гибельно смешанный воздух.
Необходимо должны вдохнуть и болезнь и заразу»³.

Как видим, Лукреций пытается даже дать, выражаясь современным языком, определенную классификацию инфекционной патологии.

¹ Заблудовский. Указ. соч., с. 177.

² Лукреций. О природе вещей. Пер Ф.А. Петровского. — М.: Изд-во Ан СССР, 1945. — Кн. VI, стихи 1090—1101.

³ Лукреций. Указ. соч., кн. VI, стихи 1125—1130.

— **Клавдий Гален.** Весьма ценные сведения о заразных заболеваниях мы находим в трудах великого римского врача Клавдия Галена (ок. 138—201 х. э.),

«Все, кто только сохранил долю здравого смысла, не могут не знать, что моровое состояние воздуха приносит лихорадку и как опасно общаться с теми, кто болен мором...» (то же далее говорится о чесотке и офтальмии). «...Далее, опасно находиться вместе с тем, кто одержим чахоткой и вообще со всеми теми, кто выдыхает гнилостный воздух».

«При моровом состоянии (воздуха) вдыхание по преимуществу является причиной лихорадочного состояния»¹.

• Средние века

В истории медицины Средневековой Западной Европы мы отмечаем практически тысячелетнюю стагнацию развития всей медицинской науки, когда наделы, осуществленные античными врачами, были в большей степени или потеряны или извращены (как это было с Галеном) до неузнаваемости, а своих собственных достижений вследствие безраздельного господства государственной христианской церкви, зиждившейся на суевериях и темноте масс и восстававшей против любого проявления науки, сделано не было. Это в полной мере относится и к состоянию эпидемиологии в Средние века.

И потому неслучайно, что подлинным и практически постоянным бичом Средневековой Западной Европы были эпидемии. Отсутствие канализации, антисанитария улиц и домов, недоброкачественное питание, отсутствие как мы увидим ниже, даже элементарных методов борьбы с эпидемиями, наличие огромного числа собак и крыс в средневековых городах, служивших переносчиками инфекций, несоблюдение правил личной гигиены приводило к очень частым эпидемиям холеры, дизентерии и чумы².

Характеризуя эпидемии эпохи Средневековья, один из крупнейших историков медицины XIX века Э. Литтре отмечает следующее. «Порой приходится видеть, как почва внезапно колеблется под мирными городами и здания рушатся на головы жителей. Так же внезапно и смертельная зараза выходит из неизвестной глубины и своим губительным дуновением срезает человеческие поколения, как жнец срезает колосья. Причины неизвестны, дей-

¹ цит. по Заблудовский. Указ. соч., с. 182.

² Мультиановский. Указ. соч., с. 71.

ствие ужасно, распространение неизмеримо: ничто не может вызвать более сильной тревоги. Чудится, что смертность будет безгранична, опустошение будет бесконечно и что пожар, раз вспыхнув, прекратится только за недостатком пищи...»¹

Эпидемии имели место во все периоды развития человечества, однако они никогда не достигали такого размаха, как в период Средневековья в Западной Европе².

Примечательно, что Античная эпоха практически не знала такого явления³.

Несмотря на столь шарокое распространение эпидемий, практически единственным достижением средневековой медицины в области эпидемиологии стало введение понятия карантина. В то время понятие карантина (итальянское *quarantena* от *quaranta ginori* — 40 дней) включало в себя задержание людей и товаров сроком на 40 дней. Цифре 40 приписывалось в астрологии и алхимии особое место, поэтому и была взята именно эта цифра.

Первые такие карантинны были созданы в Венеции в 1348 году, на острове св. Лазаря, где были созданы и лазареты, для заболевших на кораблях во время карантина.

Второе достижение в области эпидемиологии, которое ставится иногда в заслугу средневековой медицине — является изоляция прокаженных. Однако, благодаря дикости и варварству своего исполнения и собственно представлениям она не может быть отнесена к таковым.

Примечательно, что в эпоху Средневековья причинами эпидемий считались следующие основные факторы.

— Первое, миазмы (с греч *miasms*-скверна), представлявшие собой, якобы, заразные испарения, порождаемые гниением и выделяющиеся из почвы или воды при извержении вулканов.

Основа миазматической теории была заложена еще Гиппократом, который писал об этом следующее. «Причиною этого, сказал бы я, бывает то, что тело отличается от тела, природа от природы, питание от питания: ведь не всем родам живых существ бывает пригодно или непригодно одно и то же; но одно полезно одним, другое — другим... Поэтому когда воздух будет наполнен миазмами, которые враждебны природе людей, тогда люди боле-

¹ Литтре Э. Великие эпидемии // Сб. «Медицина и медики». — СПб., 1873. — С. 1—2.

² Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1992. — Т. I, с. 178; Мультановский. Указ. соч., с. 71.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 71.

ют; когда же воздух будет не пригоден какому-либо иному роду живых существ, тогда эти существа болеют»¹.

— Второе, положение звёзд, якобы, приводило к вспышкам эпидемий.

Таким образом, вплоть до XVI столетия ни то, что понятия, а даже общих представлений об эпидемиологии, и тем более, об инфекционной патологии, не существовало, что самым неблагоприятным образом сказывалось, как на санитарном состоянии городов, так и уже упоминавшихся страшных эпидемиях.

• Учение Фракасторо о контагии

В самом начале своего руда «О контагии» Фракасторо, посвящая его двадцатипятилетнему кардиналу Александру Фарнезе, пишет, что в ней содержится очень много новых положений, о которых ничего не знали врачи прошлого. Фракасторо неслучайно посвящает свой труд Александру Фарнезе представителю одной из могущественнейших фамилий того времени, понимая, что новые положения, приведенные им в этом труде, могут вызвать недовольство всемогущей инквизиции.

«Славнейшему кардиналу Александру Фарнезе. Итак, высокочтимый государь, благодаря тому досугу, каким я располагал, у меня появилась возможность написать о контагии, обо всех контагиозных болезнях и о лечении их — предмете обширном и вызывающем немалое удивление. Я присоединил к этому и рассуждение — по моему мнению, не менее желательное — о согласии и несогласии вещей, что называют симпатией и антипатией; без последнего, как мне казалось, не было возможности ни с ясностью исследовать, ни показать природу контагиев. Эти два труда я предпринял с тем большей охотой, что первый я считал значительно способствующим здоровью людей, а второй — достойным знания. О том и о другом в сохранившихся сочинениях наших предков мы можем найти очень немного.

Гален, правда, сообщает, что он писал о симпатии и антипатии; но написанное им об этом или погибло, или, насколько мне известно, еще до сего времени не увидело света. Гиппократ, кажется, касался вопроса о контагии в связи с повальными болезнями; но он больше наблюдал эти болезни, чем рассуждал об их природе.

Хотя Гален после него и привел больше наблюдений, но ни сам он, ни последователь его Павел Эгинский, ни Аэтий Амидийский, ни другие древние, как мне кажется, не оставили об этом

¹ Гиппократ. Избранные книги. — М., 1936. — «О ветрах», 6, с. 266.

ДЖИРОЛАМО ФРАКАСТОРО
О КОНТАГИИ,
КОНТАГИОЗНЫХ БОЛЕЗНЯХ
И ЛЕЧЕНИИ

В ТРЕХ КНИГАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА
К.М. БЫКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1954

64

предмете ничего такого, что могло бы привлечь особенное внимание. Новейшие же авторы, кажется, не сказали о контагии ничего, кроме того, что он происходит от какого-то скрытого свойства.

Но какова вообще природа контагия, посредством какого начала он поражает, каким образом он порождается, и вследствие чего одни контагии оставляют очаги, а другие распространяются еще и на расстоянии; отчего одни болезни, хотя и контагиозные, переносятся легко, а другие, хотя и совсем не контагиозные, переносятся чрезвычайно тяжело и сопровождаются большим жаром; чем контагий отличается от ядов, и многое другое в том же роде, — обо всем этом никто не пытался говорить. Писавшие считали, что они достаточно сделали, отнеся причины всего этого к скрытым качествам, как они выражаются. Они не только считали, что это должно успокоить их самих, но учили тому же и других. Довольные этим, они слишком мудрствовали о многом таком, что я всегда считал недостойным истинного философа.

Из причин вещей одни являются самыми общими и самыми отдаленными, другие же — более близкими и более частными, а некоторые, наконец, — самыми близкими и собственными. Постигать ближайшие и собственные причины сокровенного и трудно доступного для нас — дело Божье или Божественного свойства; держаться причин самых общих — свойство лишь ленивого и грубого ума. Но доискиваться причин, занимающих среднее место, и стремиться, — насколько это возможно для человека, — к открытию причин собственных — вот что свойственно философу.

Ты, может быть, удивишься тому, что я взялся писать о таких двух предметах, один из которых остался почти незатронутым нашими предками, а другой считается всеми непознаваемым для человека. Действительно, и мы допускаем, что как симпатия, так и природа контагиев — предметы трудные и малодоступные; более того: дерзким и почти безумным был бы тот, кто взялся бы отыскивать их ближайшие и собственные причины. Но если бы кто-нибудь стал исследовать причины, занимающие среднее место, то я не сомневаюсь, что он открыл бы многое такое, что может доставить наслаждение и одновременно принести значительную пользу. Таким именно стремлением я и задался при этом исследовании.

Думаю, никто не удивится тому, что наши предки обходили вопрос о контагиях. Так бывает во всех науках: те, кто основывает их, не могут выяснить всё до конца, так как они уделяют внимание, главным образом, общим, основным началам. Таким образом, что касается природы, то философия оставила очень многое

частью совсем незатронутым, частью же не вполне изученным; ибо я до сего времени не вижу, чтобы было разъяснено, каким образом в нас совершается разумение, а также, чтобы достаточно была показана природа тех качеств, которые называются духовными, и многое другое.

То же самое происходит и в медицине: наши отцы оставили многое для изучения детям и внукам, а мы, в свою очередь, оставим также своим потомкам. Кроме того, погибло многое из того, что уже было написано. Много, хотя и существует, но не для всех; таковы условия преемственности людских деяний.

О том, есть ли необходимость в исследовании о контагиях, к которому, если будет угодно богам, мы теперь приступаем, сможет судить всякий, кто прочитает то, что мы напишем. Ты же, — каково бы ни было то, что мы, по древнему обычаю, посвящаем тебе, великому мужу, как уже тебе принадлежащее, для тебя созданное, — прими это благосклонно и защити своим великим авторитетом, чтобы никто не осмелился запятнать клеветой то, что будет принято тобой и выпущено в свет под твоим покровительством»¹.

Итак, какие основные положения открыл Фракасторо и привел их в своем труде.

— Введение понятия контагии

Фракасторо ввел понятие контагии (от лат. *contagio* — прикосновение), как заразного заболевания, источника заболевания, передающегося от человека к человеку². «Теперь мы будем говорить о контагии; для этого нами и произведено столько исследований о симпатии и антипатии; мы начнем с тех положений, которые представляются наиболее общими и служат основанием для других. Как показывает само название, контагий — это поражение, переходящее от одного к другому, так как контагий всегда происходит между двумя: это или две различные особи, или две смежные части одной и той же особи. Между отдельными особями происходит контагий просто, в собственном смысле слова; между двумя частями одной и той же особи нет настоящего контагия; это только некоторое подобие его.

Поражение, безусловно, тождественно как у того, кто воспринял, так и у того, кто передал контагий: таким образом, мы говорим, что произошло заражение, когда обоим коснулось тождественное поражение. Поэтому о тех, кто умер от яда, мы говорим, что они отравились, но отнюдь не говорим, что они заразились.

¹ Фракасторо. Указ. соч., Посвящение, с. 7—9.

² Мультановский. Указ. соч., с. 133.

И когда на воздухе, как обычно бывает, портится молоко, мясо и прочее, мы говорим, что происходит гниение, но не заражение»¹.

Таким образом, согласно Фракасторо контагия представляет собой живое распространяющееся заразное начало, выделяемое больным организмом.

— Семена контагия (возбудители инфекции)

Фракасторо первым стал говорить о том, что причиной контагий являются невидимые для нашего глаза частицы, которые он называл семенами заразы². Это стало первым, очень важным шагом на пути раскрытия понятия — возбудителей инфекции. «Следует думать, что это происходит по той же причине, а именно, от тех недоступных нашим чувствам частиц, которые испаряются, будучи не только теплыми и едкими, но и влажными вследствие смешения. Далее мы будем называть их семенами контагия»³.

— Очаги инфекции

Фракасторо показал и обосновал понятие очагов инфекции, что стало одним из фундаментов по профилактике заболеваний. «Очагом способны становиться не все тела, а только пористые и теплые или не очень холодные: благодаря наличию пор в этих телах могут откладываться семена контагиев, не разрушаясь ни самим очагом, ни внешними воздействиями, если только последнее не будет чрезвычайно сильным»⁴.

Очагами инфекции Фракасторо называл одежду, деревянные и другие предметы, которые способны сохранять семена контагии и поражать при помощи последних. Исходя из этого, Фракасторо сделал вывод о необходимости уничтожения зараженных вещей и о возможности их дезинфекции особыми порошками⁵.

— Размножение инфекции (семян)

Фракасторо утверждал, что семена (возбудители) способны к размножению. «Таким образом, несомненно, что во втором семени и причины те же, что и в первом, ибо, как сказано, семена обладают способностью порождать и распространять подобное себе так же, как это делают и духи»⁶.

Примечательно, что Фракасторо первым указал на взаимосвязь распространения контагии (инфекции) с температурой окружающей среды. Так, он отметил, что зараза удерживается при не

¹ Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 1, с. 13.

² Мультановский. Указ. соч., с. 133.

³ Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 3, с. 17.

⁴ Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 4, с. 19.

⁵ Мультановский. Указ. соч., с. 134.

⁶ Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 12, с. 37.

слишком высокой и не слишком низкой температуре окружающей среды, в то время, как высокая и низкая температура неблагоприятная для заразы¹. Также Фракасторо дал практически первые, достаточно полные описания сыпного тифа, оспы, кори, проказы и оспы.

— Различные степени поражения тканей при контагии

Фракасторо четко показал, что при контагии имеет место различное поражение тканей в зависимости от места повреждения инфекцией. «Если ты усвоил вышеизложенное, то знай, что существуют три главные вещи, на которые следует всячески воздействовать: во-первых, начала, от которых гниение возникает; во-вторых, материя, которая находится на пути к поражению и уже начала поражаться; в-третьих, материя, которая уже повреждена и больше не может восстановиться»².

— Пути распространения и проникновения контагий

Фракасторо первым наметил и выделил понятия путей проникновения и распространения контагий. «Контагии бывают трех родов: одни поражают только через соприкосновение; другие, кроме того, оставляют еще очаг и являются контагиозными через последний; таковы чесотка, чахотка, кружковая плешивость, слоновость и им подобные болезни (очагами я называю одежду, деревянные и другие предметы, которые сами по себе остаются неиспорченными, но все-таки способны сохранять первичные семена контагия и поражать при помощи последних); некоторые же контагии распространяются не только через соприкосновение или посредством одного лишь очага, но еще и на расстоянии; таковы моровые горячки, чахотка, некоторые офтальмии и такие высыпи, как оспа и подобные ей»³.

Так были сформулированы три основные пути распространения контагии (инфекции): 1. При непосредственном соприкосновении с больным;

2. Через зараженные предметы;

3. По воздуху на расстоянии.

При этом Фракасторо считал, что на расстоянии передаются не все контагии, а через соприкосновение все контагии.

Фракасторо также впервые вводит термин инфекция (от лат. *infectio* — внедряться) и дезинфекция (от лат. *des* — уничтожение). Благодаря исследованиям Фракасторо был нанесен существенный удар по миазматической теории эпидемий.

¹ Заблудовский. Указ. соч., соч., с. 103.

² Фракасторо. Указ. соч., книга 3, глава 2, с. 103.

³ Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 2, с. 15.

DE MORBIS CON-
tagiosis, Liber
Secundus.

De febribus contagiosis. Cap. I.

D hæc consequens
esse videtur, vt de
singulis contagio-
sis morbis, qui no-
bis cogniti sunt, a-
gamus, qui sint, & quibus de cau-
lis fiant, & quomodo differant in-
ter se, ab ijs incipientes, quorum
cognitio necessaria magis vide-
tur. tales autem sunt febres, quæ
in contagione consistunt. de qui-
bus tanto accuratius est agendū,
quanto plures earum nouæ inusi-
tateque annis nostris apparuere.
in vniuersum autem de omnibus
pauca quidem à maioribus no-
stris pro tanto negotio literis mā-
data sunt. quid autem simplici-
ter

ter sit febris, & quomodo fiat in
præsentiarum nobis est supponē-
dum. Contagiosæ autem vocā-
tur non quæcunq; vicinū & con-
tiguū humorē possunt inficere,
sed illæ solū quæ in alium consi-
milem inferre infectionē valent,
& quæ dicta seminaria contagio-
nis per se includunt. Earum verò
quæ contagiosæ dicuntur, aliæ pe-
stilentes vocantur, aliæ non pesti-
lentes, & pestilentum quædā sim-
pliciter pestilentes sunt, quædam
malignæ tantū appellantur, quasi
mediæ inter pestilentes, & nō pe-
stilentes. quippe contagiosarū fe-
brū, quædā vt plurimū salubres
sunt, quædā vt plurimum perdē-
tes, quædā verò partim salubres
partim per dentes, à quibus multi
quidem euadūt, multi verò per-
eūt. in dubio qui plures sint, qua-
ter les

Начало второй книги Фракасторо «О симпатии и антипатии и о контагии, контагиозных болезнях и лечении их». Лейден, 1550 г.

Одновременно с этим Фракасторо полностью не отказался от миазматической теории возникновения контагий, полагая, что они могут вызывать эпидемии при определенном состоянии или, как он говорил «конституции» воздуха. Именно этим он пытался объяснить, в частности, появление или необычайную вспышку сифилиса в Европе, до того не знающую об этом заболевании, имевшую место в его время.

— **Обращать внимание на возбудителя (семена)**

Фракасторо четко говорил о необходимости различения различного вида контагий, что заложило основы принципа дифференцированной диагностики инфекционных заболеваний. «Итак, если налицо общие начала, то мы должны делать только то, что велят врачи, когда у больного имеется переполнение, закупорки и другое в этом роде. Когда же у больного имеются начала, свойственные контагиям, то необходимы большая забота и внимание. Далее, если сами семена ты можешь либо убить, либо вывести,

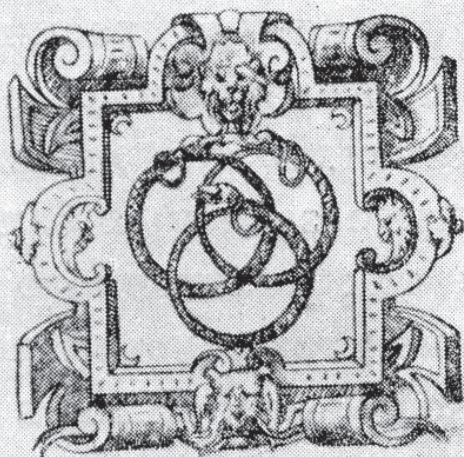

HIERONY
MI FRACASTO-
RI IVERON.
LIBER I,

De Sympathia & Antipathia rerum.

De Contagione, & Cōtagiosis Mor-
bis, & eorum curatione, Libri Tres.

Γίνεσθε φρόνιμοι ὡς οἱ ὄφεις.

Estote prudentes sicut Serpentes.

L V G D V N I,
Apud Culielmum Gazeium.

1 5 5 0

Титульный лист издания сочинений Фракасторо «О симпатии и антипатии и о контагии, контагиозных болезнях и лечении их». Лейден, 1550 г.

HIERONYMI FRACASTORII
VERONENSIS.

DE SYMPATHIA ET ANTIPATHIA RERVM

LIBER VNVS

DE CONTAGIONE ET CONTAGIOSIS

MORBIS ET CVRATIONE

LIBRI III

VENETIIS. M D XLVI.

Титульный лист первого издания сочинений Фракасторо «О симпатии и антипатии и о contagiis, contagiозных болезнях и лечении». Венеция, 1546 г.

либо лишить силы, то заболевание не распространяется далеко. Поэтому особенно внимательно оцени начальные явления, если ты можешь присутствовать при них. Если же не можешь, то знай, что на протяжении всего заболевания нужно обращать особое внимание на семена. Для этого существует много способов, и в одном случае с ними нужно поступать по одному способу, в другом — по-другому. Семена могут быть уничтожены и, как говорят, убиты, или удалены, или лишены силы и изменены, или изгнаны. Но пользоваться этим не всегда удастся и не всегда уместно; приходится действовать то одним способом, то другим, то несколькими, как этого требуют дело, обстоятельства и прочее¹.

Фракасторо также первым провел дифференциальную диагностику между контагиями и отравлениями. Некоторые контагии походят на отравления, но отличны от них тем, что отравленные люди не контагиозны»².

Фракасторо показал, что считавшаяся до этого, так называемая, чумная лихорадка, на самом деле представляет собой два отдельных заболевания: чуму и сыпной тиф. Он также показал различие между слоновостью и проказой³.

— О дифференцированной терапии контагий

Фракасторо четко говорил и показал, что каждая контагия требует своей специфической терапии и наблюдения. Тем самым были заложены основы понятий дифференцированной терапии и прогноза заболевания. «В первой книге мы рассмотрели вопрос о контагии, в чем он состоит, из каких начал и по каким причинам он возникает, и каковы, в общем, его отличительные черты? Во второй книге мы говорили о контагиозных болезнях — обо всех и о наиболее известных, в отдельности: каковы они, от каких причин они зависят и чем они отличаются одна от другой? Теперь остается сказать о лечении контагиозных болезней — сначала, как полагается, об общем методе, а затем и об особом для каждой болезни. Быть может, кто-нибудь усомнится в том, что контагиозные болезни требуют какого-то особенного лечения, отличного от лечения при других болезнях, и спросит, не писали ли о нем наши предки. Ведь было бы странно, если бы существовал какой-нибудь особенный метод и они о нем умолчали. Если правильно то, что выше было изложено о контагии, то контагиозные болезни, несомненно, требуют особого и определенного лечения именно потому, что они контагиозны. Ведь мы указали, что они сильно отличаются от дру-

¹ Фракасторо. Указ. соч., книга 3, глава 2, с. 104.

² Фракасторо. Указ. соч., книга 1, глава 11, с. 35.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 133.

гих болезней и по своему действующему началу, и по способу гниения, и, наконец, по сопутствующим явлениям. Каждая из них требует особого наблюдения и особого лечения»¹.

Особые исследования Фракасторо были посвящены сифилису, инфекции, которая на протяжении столетий является, с одной стороны одной из самых распространенных, а с другой прекрасным индикатором морального состояния общества. При этом немногие знают о необычном появлении самой этой инфекции, но вначале рассмотрим, что о ней пишет сам Фракасторо, который, кстати, и дал ей это наименование.

• Вклад Фракасторо в изучение сифилиса

Джироламо Фракасторо был, фактически, и первым, кто разработал методы доступного на тот период лечения данного заболевания, которому он, кстати, и дал название сифилис, по имени героя своей поэмы, пастуха Сифилиса, которого боги поражают этой болезнью. В переводе с греческого сифилис обозначает: люблю свиней². Это название, как нельзя лучше, соответствует, как причине появления этого заболевания, о чем мы будем говорить чуть ниже, так и моральной сути большинства путей передачи данной инфекции.

Одним из интересных, а главное, весьма поучительных и важных, с точки зрения профилактики заболеваний, разделов истории медицины является изучение причин появления тех или иных болезней, ибо значительный процент из них вызван самим человеком, его греховной деятельностью. К одним из таких заболеваний принадлежит и сифилис. На протяжении долгого времени высказывались различные причины появления данной патологии. Так одни ученые говорили о том, что сифилис с глубоких времен поражал человеческое общество. В пользу этого приводили доводы о том, что описания некоторых заболеваний, встречающихся у древних авторов, в частности, Гиппократ, Авиценна несколько напоминают сифилис. Однако, эти описания подходят и для других заболеваний, тем более, если учесть, что и в Средневековье и в Новое время врачи не отделяли сифилис от гонореи, считая их проявлением одного заболевания. Так же в пользу этой гипотезы приводили данные, что на некоторых костных останках, обнаруженных, в частности, в Забайкалье, находят следы, несколько напоминающие сифилитическое поражение костей³, однако, окончательных доказательств данное предположение не получило.

¹ Фракасторо. Указ. соч., книга 3, глава 1, с. 101—102.

² Верхратский. Вказ. тв., с. 84.

³ Рохлин Д. Г., Рубашева А. Е. Новые данные о древности сифилиса// Вестник дерматологии и венерологии. — 1938. — № 3. — С. 175.

Другие ученые полагали, что первичным очагом сифилиса была Африка, однако, в наше время, подавляющее число ученых, как отечественных, так и зарубежных пришли к четкому и однозначному выводу, который, кстати, подтверждается единодушно и всеми средневековыми источниками, что родиной сифилиса является Америка, откуда он и был завезен моряками Колумба, причем, при весьма необычных обстоятельствах.

Появление сифилиса как результат скотоложства. Благодаря масштабным работам профессоров Шагелотти, Жорегки, В.А. Башенника и акад. Л.В. Громашевского было показано, что сифилис произошел от полового спирохетоза южно-американских лам, от которых люди заразились в результате скотоложства¹. Эта болезнь была очень распространена на острове Гаити, задолго до прибытия туда моряков Колумба и была известна под именем «Quaynaras», «Hipas», «Taybas», «Icas»².

Так, знаменитый историк, епископ, долгое время несший служение в Америке и отстаивавший интересы индейцев и бывший участником второй экспедиции Колумба, испанец Лас Касас, на основании своих расспросов коренного населения острова Гаити утверждает, что сифилис существовал здесь задолго до приезда испанцев, «с незапамятных времен»³.

В хронике «Хроника Перу» испанского священника и историка, непосредственного участника покорения Америки Сьеса де Леона (1518—1554), написанной в 1553 г., даётся первое описание растения сарсапариль, использовавшегося индейцами из Гуаякиля (Эквадор) для лечения некоторых болезней, и, в частности, сифилиса: «Тут произрастает одно растение, в изобилии встречающееся на острове и в землях города Гуаякиль, под названием **сарсапариль**, потому что своим видом оно похоже на ежевику и покрыто маленькими листочками на побегах и на большей части своих веток. Корни этого растения полезны от многих болезней, а также от гнойной болезни [el mal de bubas — сифилис] и болей, причиняемых людям той заразной болезнью. И потому те, что желают вылечиться, располагаются в горячем месте, укрывшись так, чтобы холод или воздух не навредили болезни, принимая

¹ Фракасторо Дж. О сифилисе. Пер. с латинского. — М.: Медгиз, 1956. — Прим., с. 69.

² Коляденко В.Г., Степанченко В.И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Мистецтво лікування. — К., 2004. — №6.

³ Фракастро. О сифилисе. Указ. соч., прим., с. 69.

только слабительное и поедая отборные плоды, и воздерживаясь от пищи, и выпивая напиток из этих корней, замешанных для этого в необходимых пропорциях, а извлечённую жидкость, которая выходит очень чистой и без неприятного вкуса и запаха, несколько дней [подряд] дают пить больному, не воздействуя на него другими методами, отчего хворь покидает тело, потому он быстро выздоравливает и становится здоровее, чем был, а тело, как прополощенное, без отметин и следов, какие обычно появляются от иных лекарств, скорее оно становится таким совершенным, будто никогда и не было в нём хвори. И потому, действительно, творились великие излечения в том селении Гуаякиль в различные времена... Во многих местах Индии растет эта сарсапариль, но она не так хороша и полезна, как та, что растет на острове Пуна и в окрестностях города Гуаякиль»¹.

Еще один испанский историк и путешественник Гонзало-Фердинандо Овиедо (1478—1557) пишет о сифилисе, что «это болезнь, свойственная тамошней земле, и она столь же обыкновенна среди индейцев и индианок, как в других странах иные обычные недуги» (см. G. F. Oviedo, *Della generalee naturale historia delle Indie*, lib. X, cap. 2 в сборнике, составленном Джованни Баттиста Рамузио: *Navigazioni e viaggi*, vol. III, Venezia, 1556, fol. 149)².

В свою очередь, моряки Колумба, после высадки на Гаити 6 декабря 1492 г., где в результате своих беспорядочных половых связей заразились ею от местных туземок³.

История распространения сифилитической инфекции в Европе. Вернувшись на родину в Испанию, в Барселону, в середине апреля 1493 года, члены экспедиции Колумба заражают этой болезнью местных жителей, среди которых вспыхивает доселе неведомая в Европе эпидемия⁴.

В своем капитальном труде «О контагии» Фракасторо четко свидетельствует, что эта болезнь была совершенно новой, доселе не известной европейским врачам. «Перейдем теперь к тем контагиям, которые захватывают, главным образом, наружные покровы. Начнем с болезни, называемой сифилисом. Ведь наш век, среди прочего, достойного удивления, увидел новую и долгое время неизвестную в наших странах болезнь, распространившуюся

¹ Сьеса де Леон, Педро. Хроника Перу // Пер. с исп. А. Скронницкого. — К., 2008. — Часть 1, глава LIV.

² Фракастро. О сифилисе. Указ. соч., прим., с. 69.

³ Коляденко В.Г., Степанченко В.И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Мистецтво лікування. — К., 2004. — №6.

⁴ Григорьев П. С. Учебник венерических болезней. — М. — Л., 1934.

почти по всей Европе и в значительной части Азии и Африки. В Италии она обнаружилась около того времени, когда французы, при короле Карле, приблизительно за десять лет до 1500 г., заняли Неаполь. По их имени болезнь и была названа французской. В свою очередь, французы, обращая против нас обидное название, именуют эту болезнь итальянской, испанцы — патурсой, немцы — то болезнью святого Мевия, то французской болезнью. Некоторые, предложив новое название, окрестили болезнь пудендагрой, так как она начинается со срамных частей. Я в своих стихах, написанных в виде забавы, назвал эту болезнь сифилисом. Она является совсем новой для наших краев, но в некоторых областях она весьма обычна; так сообщают те, кто, участвуя в морских путешествиях испанцев, открыл Новый Свет, где этот контагий чрезвычайно распространен и не менее обычен, чем у нас здесь чесотка»¹.

Первые описания этой болезни сделали испанские врачи, непосредственно лечившие моряков Колумба. Так, испанский врач того времени Диаз де Исла (Roderic Diaz de Isla, 1462—1542) утверждал, что матросы экспедиции Колумба заразились сифилисом от местного населения открытого Колумбом острова Гаити².

Так же при исследовании архивов Америго Веспуччи известным историком-писателем Стефаном Цвейгом было обнаружено, что испанский королевский двор, разочарованный результатами дальнего плавания Колумба к берегам Нового Света, вначале отказал адмиралу в дальнейшей поддержке, поскольку получил вместо обещанного золота полумертвых рабов, а вместо пряностей — сифилис.

Джироламо Фракасторо также пишет, что эпидемия этой болезни вспыхнула в его время и появление ее связывали с американской экспедицией Колумба. «Итак, что касается первоначального возникновения болезни, то некоторые высказали мнение, что этот контагий был занесен к нам из Нового Света, который открыли испанские мореплаватели и где эта болезнь очень сильна. В доказательство этого они приводят то обстоятельство, что болезнь у нас появилась впервые после того, как было совершено первое морское путешествие и произошло общение с туземными племенами. По этой причине болезнь и была впервые обнаружена у испанцев. На этом основании и думают, что болезнь происходит вследствие заражения одного от другого. Однако, хотя наи-

¹ Фракасторо. О контагии. Указ. соч., книга 2, глава 11, с. 75—76.

² Скларова. Жаров. Указ. соч., с. 155; Фракасторо. Указ. соч., прим., с. 69; Коляденко, Степанченко. Указ. соч., №4.

большая часть людей, несомненно, получила эту болезнь вследствие контагия, все же наблюдались бесчисленные случаи, когда перенесли это поражение без какого бы то ни было контагия»¹.

Хотя, не зная еще особенностей сифилитической инфекции, и не зная до конца пути ее распространения, Фракасторо не мог объяснить быстрое распространение этого заболевания.

Примечательно, также, что в своей работе «О сифилисе» Фракасторо говорит о больных, у которых источник заражения установить не удалось. Возможно, что эти больные заражались сифилисом внеполовым путем, в частности, через зараженные предметы. Последний путь заражения Фракасторо здесь отрицает. В своем же труде «О контагии» (кн. II, конец 13 главы), написанном позднее, он указывает на возможность заражения через простыни².

Итак, в 1493 г., т. е. по возвращении экспедиции Колумба в Испанию, сифилис сначала появился в приморских городах, а в дальнейшем очень быстро стал распространяться, в первую очередь, в странах, граничащих с Испанией. Мощнейшим толчком к этому распространению стал поход французского короля Карла VIII в Италию (август 1494 г. — июль 1495 г.). Для этой военной экспедиции французский король нанимал наемников со всей Европы, и, как показал анализ архивов того времени, в этом его войске находилось несколько сотен испанских солдат больных сифилисом³. Кроме этих испанских солдат, зараженных сифилисом, войско Карла сопровождала целая «армия» испанских проституток, зараженных сифилисом⁴.

Одновременно с этим противник короля Франции Карла VIII, Неаполитанский король Фердинанд Второй также для предстоящей войны занялся наймом войск, в которое попали сотни испанских солдат, больных сифилисом, и сопровождавшие их испанские проститутки, больные той же болезнью⁵.

Вторгшись на территорию Италии, французское войско предалось самому отвратительному и неумному разврату.

«Как сообщает венецианский хронист Сануто, «французов интересовал лишь греховный акт, и женщин они хватили силой, без всякого уважения к личности». Он рассказывает об одном безутешном отце, чья шестнадцатилетняя дочь стала жертвой про-

¹ Фракасторо. О контагии. Указ. соч., книга 2, глава 11, с. 79—80.

² Фракасторо. О сифилисе. Указ. соч., прим., с. 72.

³ Аствацатуров К. Р. Сифилис, его диагностика и лечение. — М.: Медицина, 1971.

⁴ Коляденко, Степаненко. Указ. соч., № 6.

⁵ Бретон Ги. История Франции в рассказах о любви: Пер. с франц. — М.: Мысль, 1993. Т. 2.

ходившего мимо дома полка. «Король, — пишет Сануто, — вежливо выслушал несчастного и посочувствовал, но ничего для него не сделал. Сам же Карл VIII в тот момент наслаждался обществом насельниц монастыря Св. Клары, не считая милостей, расточаемых его фавориткой Ла Мельфи и многими прочими женщинами, которых к нему приводили его люди...»¹.

Заняв Неаполь в феврале 1494 года, армия Карла VIII в течение последующих трех месяцев предавалась нескончаемым оргиям, в которых участвовал и сам король, устраивавший пышные празднества, заканчивающиеся массовыми совокуплениями.

«В течение многих дней все, кто был приглашен на этот праздник, с восторгом вспоминали сладостные часы, проведенные на травке при лунном свете; но однажды утром один из благородных кавалеров почувствовал непонятное для него покалывание. На следующий день и того хуже, появились боли, а вскоре все тело покрылось мелкими прыщами. Обеспокоенный больной пригласил врача, который не смог прийти сразу по вызову по той причине, что в одно и то же время все гости короля оказались поражены какой-то странной болезнью... Несчастные дорого заплатили за миг наслаждения. Тела их от головы до колен покрылись коростой, у некоторых провалились рты, другие ослепли. Последних, впрочем, можно считать счастливыми, поскольку они не могли видеть свое заживо гниющее тело.

Спустя месяц, эпидемия в рядах французской армии достигла масштабов подлинного бедствия. Ведь красавицы, прислуживавшие на банкете, были не единственными разносчицами ужасной болезни. Большинство неаполитанок носили «яд» в своей крови, и тысячи солдат очень скоро оказались отравленными. Сотни их поумирали, даже не поняв, откуда на них свалилась страшная болезнь. В те времена много ходило невероятных историй об этом. Некоторые врачи уверяли, что всему виной одна женщина, заразившаяся от прокаженного, другие считали, что все это последствия каннибализма и обвиняли солдат в том, что они ели человеческое мясо, третьи не сомневались, что болезнь появилась в результате сношений какого-то типа с кобылой, зараженной кожным сапом...

В действительности же то был обыкновенный сифилис, завезенный из Америки матросами Христофора Колумба, а оттуда переправленный в Италию испанскими наемниками Фердинанда Арагонского, несчастного Неаполитанского короля, изгнанного со

---

¹ цит. по Бретон Ги. История Франции в рассказах о любви //Пер. с франц. — М.: Мысль, 1993. Т. 2.

своего трона французами Антуана Муза Брассаволе де Ферраре, который рассказывает: «В стане французов была одна знаменитая своей красотой куртизанка, у которой, однако, на матке была гнусная язва. Мужчины, с которыми она сходилась, получали от нее дурную болезнь. Эта болезнь поразила сначала одного, потом двоих, потом сто, потому что она была публичной женщиной и притом очень красивой, а так как человек по природе падок на все вышеупомянутое, многие женщины, имеющие связь с зараженными мужчинами, сами заболевают и передают заразу другим мужчинам». Болезнь распространилась с невероятной скоростью, и вскоре ее обладателями стали многие высокопоставленные люди. У епископов, у кардиналов стали проваливаться носы. Не удалось избежать заразы даже папе Римскому. Тогда сострадательные медики стали с важностью разьяснять, что болезнь эта очень заразная и может передаваться по воздуху, через дыхание, и даже через святую воду. Только так и удалось спасти честь святых отцов. Карл VIII, перепуганный возможными последствиями указанной болезни, решил незамедлительно покинуть страну, где женщины представляют такую опасность»¹.

После этого сифилис, разнесенный наемниками по всей Европе, привел к появлению страшной пандемии этого заболевания, пик которой пришелся на времена Фракасторо.

Появление сифилиса после морской экспедиции Колумба доказывается и тем, что после этого мы встречаем подробное описание этого заболевания у видных исторических деятелей того времени. «Не менее характерно и то, что самые знаменитые папы Ренессанса из-за безмерного разврата страдали сифилисом: Александр VI, Юлий II, Лев X. О Юлии II его придворный врач сообщает: «Прямо стыдно сказать, на всем его теле не было ни одного места, которое не было бы покрыто знаками ужасающего разврата». В пятницу на святой, как сообщает его церемониймейстер Грассис, он никого не мог допустить до обычного поцелуя ноги, так как его нога была вся разъедена сифилисом»². Время заболевания этих исторических личностей по времени также четко совпадает с занесением моряками Колумба данной инфекции в Европу.

В пользу американского происхождения сифилиса свидетельствует и тот факт, что если бы сифилис был с незапамятных времен на европейском континенте, то во время Крестовых походов, когда происходили массовые передвижения и смешения десятков наро-

¹ Бретон Ги. История Франции в рассказах о любви: Пер. с франц. — М.: Мысль, 1993. Т. 2.

² Фукс. Указ. соч., с. 137.

дов трех континентов (Азии, Европы и Африки), т.е. были созданы все условия для вспышки эпидемии сифилиса, как это было, к примеру, с проказой, однако, этого не происходит. И ни о каких известиях о сифилисе вообще мы не имеем в эту бурную эпоху¹. Наконец, последнюю точку в происхождении сифилиса поставили совсем недавно проведенные генетические исследования.

Генетический анализ и американская теория происхождения сифилиса. Последние научные исследования полностью подтвердили теорию американского происхождения сифилиса. Так с помощью генетического анализа, проведенного учёными под руководством Кристин Харпер (Kristin Harper) из университета Эмори, была установлена родственная связь возбудителя сифилиса — бледной трепонемы — с южноамериканскими трепонемами².

«Ученые под руководством Кристин Харпер (Kristin Harper) из Университета Эмори (Emory University) в Атланте использовали филогенетический метод, позволяющий устанавливать эволюционные взаимосвязи между различными видами, для анализа взяли 26 штаммов трепонем. Образцы были собраны в различных странах, причем среди них присутствовали два неизученных ранее штамма из южноамериканского государства Гайана. В числе штаммов имелись как возбудители сифилиса, передающегося половым путем и вызываемого бактерией *Treponema pallidum* (бледная трепонема), так и представители невенерических трепонематозов, вызываемых другими разновидностями трепонем.

Невенерические трепонематозы (в частности, фрамбезия, пинта и эндемичный сифилис), распространенные в экономически слабо развитых регионах, чаще всего передаются через поврежденную кожу или оральным путем. При пинте поражаются кожные покровы, при фрамбезии — кожные покровы и кости, а при эндемическом сифилисе — кожные покровы, кости и слизистые оболочки. Анализ показал, что наиболее древними являются штаммы из Южной Америки, считающиеся возбудителями фрамбезии. Штаммы, вызывающие венерический сифилис, являются их близкими родственниками, но появились значительно позже. «Это подтверждает гипотезу о том, что сифилис — или его

¹ Розентул М. А. Осложнения при лечении сифилиса специфическими средствами. — М., 1949.

² Debora MacKenzie. Columbus blamed for spread of syphilis, NewScientist (15 January 2008); Harper K.N., Ocampo P.S., Steiner B.M., et al (2008). «On the origin of the treponematoses: a phylogenetic approach». PLoS Negl Trop Dis 2 (1): e148. DOI:10.1371/journal.pntd.0000148. PMID 18235852].

предшественник — был занесен из Нового света», — заявила Харпер. По ее мнению, возбудители сифилиса, передающегося половым путем, появились в результате мутации невенерических трепонем в условиях более холодного европейского климата»¹.

Одновременно с этим сегодня показано, что обнаружение средневековых скелетов со следами сифилиса, которые приводились рядом ученых, как доказательство существования этой болезни в Европе задолго до Колумба, обусловлено действием другого штамма трепонемы, пришедшего в Европу из Африки. Этот подвид болезни, по их мнению, не передавался половым путём².

Сифилис, как бич, погрязшей в пороках Европы. Комплексно анализируя историю этого необычного заболевания, мы можем наблюдать и религиозно-философские параллели, связанные с ним. Сифилис стал действительно наказанием для погрязшей в самых отвратительных пороках Европы эпохи Ренессанса, когда все грехи и пороки были одеты в одеяния языческой культуры и религии. И одновременно наказанием Европе за ее варварскую политику по отношению к американским племенам, которые подвергались бесчеловечному истреблению со стороны европейских завоевателей. «Первое появление сифилиса в конце XV в. было самым страшным испытанием, какое пришлось пережить тогдашнему человечеству. То, что в его глазах было высшим вакхическим проявлением жизни, вдруг получило отвратительное, ужасное клеймо. То был проклятый подарок, поднесенный Европе Новым Светом, завоеванным капитализмом рукою Колумба. То был вместе с тем апогей всемирно-исторической трагикомедии: бедные туземцы вновь открытого мира заранее отомстили своим будущим, жадным до золота мучителям. Из них хотели выжать только золото, а они влили в жилы Европы огонь, заставляющий еще теперь, четыреста лет спустя, корчиться в беспомощном отчаянии миллионы людей.

Во время эпидемии запирались все «женские дома», все проститутки изгонялись из города или запирались до окончания эпидемии. Такого метода придерживались особенно часто в эпоху первой атаки болезни, в первой четверти XVI в. Там, где болезнь не носила такого зловещего характера или где по каким-нибудь другим причинам не решались закрывать притоны и изгонять проституток, «женские переулки» сами пустели, так как

¹ Генетики подтвердили вину Колумба в распространении сифилиса // MedPortal.ru. — 15.01.2008.

² Генетики подтвердили вину Колумба в распространении сифилиса // MedPortal.ru. — 15.01.2008.

боязнь заразы вместе с плохими временами удерживала многих мужчин от тех мест, где они когда-то были постоянными посетителями.

Многие содержатели просили в эти годы городские советы об отсрочке условленных платежей или о понижении аренды. Такие прошения всегда мотивировались тем, что ввиду редких посещений хозяева не в силах платить. А вместе с количеством посетителей понижалось и число обитательниц домов. Там, где раньше их находилось с десятков, теперь можно было встретить лишь трех или четырех¹.

Кстати, другим, своеобразным подарком, который поднесли индейцы своим кровожадным завоевателям, стали наркотики — кокаин, который был завезен в Европу из Америки в виде листьев коко и приносит до сих пор немало слез.

• Оптика Фракасторо

Примечательно, что Фракасторо был одним из первых ученых, который стоял у истоков создания микроскопа, о чем он писал следующее: «Чем дальше отодвигаешь ты стекло от глаза, тем большими покажет оно предметы для глаз 50 лет; если глаза для сравнения глядят один через очковое стекло, другой — вне его, то для одного предмет покажется большим, а для другого малым; но для этого видимые вещи должны быть удалены от глаза на 200 футов».

Так, Джироламо Фракасторо пришел к идее своеобразного «однолинзового телескопа-микроскопа»².

«Естественно возникает вопрос, не делал ли Фракасторо при помощи своей лупы попыток увидеть «зародыши», возбуждающие, по его представлению, инфекционные болезни? Однако ни в одной из своих книг астрономического, физического и медицинского содержания Фракасторо не упоминает о такого рода возможности использования оптических линз, возможности, которая позволила бы человеческому глазу проникнуть в невидимый мир мельчайших организмов, гениально предсказанный им. Возможно, что трезвому уму Фракасторо, который из опыта хорошо знал максимальную увеличительную силу очковых линз (а других, более короткофокусных линз, в его время изготавливать еще не умели), попытка использовать очковые стекла с целью увидеть «зародышей» заразных болезней представлялась столь же парадоксальной, как попытка увидеть атомы (корпускулы), отделяю-

¹ Фукс Э. История нравов. — Смоленск: Русич, 2003. — С. 174.

² Вавилова С.И. Галилей в истории оптики // В кн. «Галилео Галилей». Сборник под ред. А. М. Деборина. — М. — Л., 1943. — С. 19—20.

щиеся потоки которых обуславливают, по мнению Фракасторо, притяжение и отталкивание тел»¹.

● **Фракасторо, как основатель эпидемиологии**

Учитывая вышесказанное, вполне понятно, что Джироламо Фракасторо по праву считается основателем эпидемиологии, как науки, ибо до него, как мы рассматривали выше, хотя и существовали определенные представления о заразных болезнях, однако, они носили чисто описательный и эмпирический характер.

Профессор П. В. Модестов считал Фракасторо основоположником современной эпидемиологии, и в своем предисловии к выпущенному им переводу первой книги (части) труда Фракасторо он написал следующее: «Труд этот есть первый по времени, полный и законченный эпидемиологический трактат, и в своих существенных частях представляет ни более, ни менее, как эпидемиологию наших дней»². «Если каждая из современных научных идей имеет свою длинную историю происхождения и развития, то идея о происхождении повальных болезней вследствие контагия составляет в этом отношении совершенное исключение: ибо по своей сущности она является неизменной от времен самой почетной древности до самого последнего дня»³.

Профессор В. В. Фавр называет Фракасторо «основателем научной эпидемиологии»⁴.

Профессор Г. Ф. Вогралик считает Фракасторо «...первым, совершенно последовательным контагионистом почти в современном смысле этого слова...»⁵.

Профессор А.Н. Устинов в своем объемном исследовании, посвященном изучению эпидемий древности, отметил: «...Вопросы, поднятые и сформулированные Фракасторо, остались почти в той же форме, какую им дал автор...»⁶.

¹ Соболев С.Л. Фракасторо и изобретение оптических инструментов // В кн. Фракасторо. Указ. соч., с. 249.

² Фракасторо. О контагии, контагиозных болезнях и их лечении. Перевод П. В. Модестова. — СПб., 1897. — Предисловие, с. 3.

³ Там же, с. 6.

⁴ Фавр В.В. К истории сыпного тифа // Врачебное дело. — 1919. — № 14—15. — С. 475.

⁵ Вогралик Г.Ф. Учение об эпидемических заболеваниях. — Томск, 1935. — С. 138.

⁶ Устинов А.Н. К истории эпидемий Древнего мира. — М., 1894. — С. 103.

Глава 7

АМБРУАЗ ПАРЕ И ИСТОРИЯ ХИРУРГИИ, ТРАВМАТОЛОГИИ И АКУШЕРСТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

• Состояние развития хирургии до Амбруаза Паре

История средневековой хирургии занимает особое место в истории медицины, особо ярко демонстрируя то, как средневековая церковь влияла на развитие всех аспектов медицинской науки. «В Средние века (от времени падения Рима в 476 г. н. э. до захвата Константинополя турками в 1453 г.) медицина и хирургия в полной мере испытала гнет церкви. Католические догматики объявляли занятия хирургией греховными на том основании, что христианской церкви претит пролитие крови (4-й Лютеранский собор, 1215 г.). Врачи-хирурги были низведены до уровня цирюльников. Постановлением Майнцкого собора запрещалась даже помощь раненым рыцарям — участникам крестовых походов. Это явилось причиной того, что «две основные ветви лечебной медицины — хирургия (наружные болезни) и терапия (внутренние болезни) в странах Европы на протяжении столетий развивались совершенно обособленно»¹.

Примечательно, что исходя из этого же учения, что, якобы, бессмертная душа человека находится в крови, и, следовательно, если проливать кровь, то это значит посягать на бессмертную душу, в «гуманных целях», «во имя спасения человека» «все церковные приказы о смертной казни приводились в исполнение или через сожжение, или через повешение»².

Как видим, и на развитие хирургии самым пагубным и коренным образом сказались те лжеучения и суеверия, которых придерживалась средневековая папская церковь.

Стоит особо подчеркнуть, что хирургия в Средние века вообще считалась не наукой, а ремеслом, самих хирургов воспринимали почти что на уровне слуг³.

В период раннего Средневековья операции вообще делали обычные брадобреи, банщики и бродячие знахари⁴.

¹ Цвелев. Указ. соч., с. 122.

² Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С. 140.

³ История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 140.

⁴ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 175.

Хирургию вообще не изучали в университетах, заниматься ею для врачей считалось делом унижительным, лишающим их достоинства врача¹.

Церковные соборы в Латерани в 1139 году и в Монпелье в 1162 году запретили врачам заниматься любыми лечебными процедурами, а преподавателям преподавать их, если в ходе них проливалась кровь². Это же было подтверждено и решениями, уже упоминаемого Тулузского собора от 1215 года. Вследствие этого преподавание хирургии было полностью запрещено в рамках университетов.

Со временем, хирурги, по типу ткачей, кожевников образовывали свои цехи, гильдии. Так, лондонская гильдия хирургов была создана в 1368 году³.

Во главе цеха стоял цехмистер. При этом каждый мастер мог иметь до 4 учеников, а само обучение продолжалось 5 лет. После его окончания ученик получал звание подмастера, а еще через 2 года — звание мастера с правом открыть свою мастерскую по подготовке хирургов. Обучение будущие хирурги так же проходили внутри цеха, когда уже опытный хирург передавал свое умение ученикам. Позднее стали открываться хирургические школы. Между ними и университетами шли постоянные войны, процветало взаимное презрение. Врачи считали хирургов самоучками, а хирурги считали врачей философами, которые ничего не умеют. Примечательно, что, по сути, и те, и другие были правы в отношении друг друга.

В Средневековье хирургия была одной из самых опасных профессий. Так, по английским законам XII-XIII в.в., если хирург сделал бы своему лорду операцию неудачно, то его ждала смерть⁴.

За всю историю Средневековья мы можем назвать всего лишь несколько выдающихся французских хирургов. Это, в частности, преподаватель Болонского университета Бургоньен Гуго (1180—1282), который впервые стал говорить о том, что заживление ран возможно и без воспаления и гноя, как это считалось до него; это Г. Ланфранк, преподававший в Парижском университете, и начавший применять лигатуры для остановки кровотечения; это Анри де Мондевилль (Монпелье, Франция), который, в частности, ок. 1300 г. предложил метод лечения ран без нагноения, который,

¹ Грибанов. Указ. соч., с. 140.

² Верхратский. Вказ. тв., с. 66.

³ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 176.

⁴ Там же. — С. 175.

однако, не был принят. Составленный им же труд по хирургии представляет собой компилятивный свод из работ Гиппократов, Галена и восточных врачей¹, это Гийом де Салисе (XIII—XIV в.в.), который, особо прославился в лечении ранений кишечника.

Однако, все эти, пусть и малые открытия, не нашли никакого отражения в «Сборнике по хирургии» Ги де Шолиака, изданного в 1363 году и по которому в некоторых странах учились вплоть до XVIII века²! Преподавание ими в университетах азов хирургии было сопряжено со всевозможными опасностями, ибо, как уже указывалось выше, сама хирургия стояла, по сути, вне медицины.

Из английских средневековых хирургов известны лишь Джон Геддсденский, написавший для короля Эдуарда Второго медицинский трактат, в котором сочетались современные на то время, как медицинские представления, так в еще большей степени предрассудки, а основой терапии служили, в основном, заговоры; Роджер Бэкон, в трудах которого превалирует не столько медицина, сколько, в первую очередь, алхимия и астрология³.

Между тем война университетов с хирургией шла полным ходом. Медицинский факультет Парижского университета в 1301 году вообще открыто выразил свое крайне отрицательное отношение к хирургии, как таковой!

«В Средние века в Западной Европе к цирюльникам и банщикам относились как к низшему сословию. Например, в некоторых свидетельствах о рождении немецких ремесленников можно было найти такие записи: «Рожден в законном браке, не имеет в родне крепостных, цирюльников, банщиков»⁴.

Пропитанная насковью суевериями и оккультизмом, средневековая университетская медицина, в подавляющем большинстве случаев, отрицала в принципе эффективность и надобность хирургических манипуляций и вместо них предлагала в качестве лечения самые настоящие магические рецепты. Так одно из «наиболее распространенных целебных средств производилось из

Амбруаз Парэ

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 149.

² Заблудовский. Указ. соч., с. 66.

³ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 176.

⁴ Грибанов. Указ. соч., с. 154—155.

смертного пота, собранного со лба повешенного или умершего в жестоких мучениях и смешанного с двумя унциями человеческой крови, несколькими каплями топленого свиного сала, льняного масла и пряными добавками»¹.

Для прогноза течения заболевания или вообще для его возможного появления использовали различные приметы. «Разбитое зеркало, тиканье невидимых часов, зажженные три свечи предрекали скорую смерть. Люди следили за дрожанием язычков пламени, вслушивались в лай собак, пение петуха, карканье ворон, уханье филина — во всем им чудились знамения свыше... Путешествуя в дилижансе, следовало обращать внимание на волосы попутчиков: если они крашенные или накладные, следовало готовиться к встрече с разбойниками.

Считалось, что в рождественскую ночь пчелы в ульях жужжат гимн. Аистов охраняли как священных птиц; разорять их гнезда запрещалось полицией; в городе цена дома, на крыше которого устроились аисты, возрастала вдвое. Когда приходилось принимать тяжелое решение, водили наугад по страницам Писания концом ключа и силились узреть в выбранной строфе указание Божественного Провидения. Будущее предсказывалось небесами — кометы и затмения предвещали войну или иное общее бедствие. Прорицательниц, карточных гадалок, хироманток и ясно-видящих посещали самые высокопоставленные государственные деятели. «Колесо приключений», «Гадания по планетам и звездам» и сонники на любой вкус не сходили с прилавков книготорговцев. Никто не осмеливался приходить на кладбище ночью. Все знали, что дьявол может лично явиться за первым телом, погребенным на новом погосте. По всей стране встречались дома с привидениями»².

Соответственно этим воззрениям разрабатывалась и система профилактики заболеваний. Так, к примеру, обезопасить себя от нападений можно было «повернув свои туфли носами от кровати, перед тем как лечь спать»³. Безусловно, при господстве таких воззрений развитию хирургии, использующей вполне конкретные манипуляции не оставалось места.

В Средние века хирурги делились на три категории, каждая из которых, согласно цеховым правилам, должна была носить свою одежду⁴.

¹ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2001. — С. 183.

² Там же. — С. 184.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 184.

⁴ Заблудовский. Указ. соч., с. 104.

— Первая категория, это так называемые длиннополые хирурги (*chirurgiens de robe longue*), получившие свое название по длинным одеждам, которые они носили и которые выполняли наиболее сложные для того времени операции, как грыже- или камнесечение.

— Вторая категория, это так называемые короткополые хирурги (*chirurgiens de robe courte*), или именовавшиеся еще цирюльниками, в ведении которых было удаление зубов и кровопускание.

В немецких войсках цирюльники получили название *Feldschere* (с нем. полевые ножницы), откуда происходит и современный термин — фельдшер¹. При этом, «рекламной эмблемой цирюльников в Европе поначалу были изображения ножниц и гребней, а с XII в. — тазовых костей человека, белого цвета. Цирюльники красили свои лавки в синий цвет. В 1406 г. король Чехии Вацлав IV дал льготную гарантию цеху банщиков и цирюльников и утвердил их герб, по краям которого был изображен бинт, а в центре — попугай, являвшийся символом болтливости»². Главой цирюльников был королевский брадобрей³.

— Третья категория, это банщики (*barbiers*), которые занимались преимущественно удалением мозолей⁴.

При этом история Средних веков полна свидетельствами о нескончаемых противостояниях и судебных разбирательствах между не только врачами и хирургами, но и различными категориями хирургов между собой, обусловленных материальными интересами⁵.

Безусловно, отсутствие какого бы то ни было развития хирургии было обусловлено и запретом церкви на любые анатомические и физиологические исследования, без которых само развитие хирургии немыслимо в принципе. «Официальная университетская медицина, тесно связанная с богословием и проникнутая схоластикой, на практике ограничивалась назначением слабительных, клизм и кровопусканий. Она была, как правило, бессильна оказать действенную помощь больным»⁶. Таким образом, говорить о хирургии, как о науке, до XVI столетия не приходится.

¹ Бородулин. Указ. соч., с. 149.

² Грибанов. Указ. соч., с. 155.

³ Грибанов. Указ. соч., с. 151.

⁴ История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 140.

⁵ Там же. — С. 140.

⁶ Заблудовский. Указ. соч., с. 108.

● Амбруаз Паре: от цирюльника к первому хирургу королевства

Будущий основатель современной хирургии, травматологии и акушерства родился в 1510 году во Франции, в пригороде Лаваля в семье бедного сундучного мастера. С детства мальчик отличался сообразительностью, и что было необычно для того жестокого времени (впрочем, как и для нашего), состраданием к окружающим. Поэтому немудрено, что его желанием стало стать медиком, а поскольку врачами в то время могли становиться только выходцы из состоятельных семей, то перед ним стал путь в хирургию. Родители также поддержали это его желание, ибо это профессия всегда была востребованной и могла дать кусок хлеба. Вначале Паре обучался в городе Анжере у цирюльника Виоло, где ему приходилось много дополнительно работать, чтобы себя содержать. Потом он учится в низшей медицинской школе в Париже, потом его берут подмастерьем-цирюльником в парижскую больницу Отель-Дье (в пер. с фр. Божий приют), где он учится с 1533 по 1536 год. В 1536—1539 г.г. Паре в качестве цирюльника-хирурга служит в армии. В 1539 году он сдает экзамен на звание мастер цирюльник-хирург. Затем в течение многих лет он вновь служит в армии, принимая, как хирург участие в нескончаемых религиозных войнах, которые тогда раздирали Францию. В ходе этих боевых действий Паре зарекомендовал себя, как блестящий хирург, сострадательный человек, оказывающий помощь вне зависимости от религиозных убеждений пациента. Тогда же в ходе этих войн Паре делает несколько блестящих открытий и разрабатывает ряд методик, перевернувших взгляды тогдашней медицины, о чем мы будем говорить чуть ниже. Плодом этих изысканий становится написание и издание им в 1545 году книги «Способ лечить огнестрельные раны, а также раны, нанесенные стрелами, копьями и т.д.» В 1554 году он становится хирургом братства св. Козьмы. В 1561 году Паре переносит тяжелый перелом «обеих костей левой ноги на четыре пальца выше суставов стопы», однако, не только оправляется от него, но с еще большим усердием занимается лечением пациентов. Первого января 1562 года он получает титул «первого хирурга и акушера королевства», и это несмотря на то, что Амбруаз Паре по своим религиозным убеждениям был протестантом или как их называли во Франции — гугенотом (от нем. *eidgenôz* — собрат, соратник, союзник). Однако, его авторитет был так велик, а умения настолько блестящи, что королевская семья, всецело преданная папству, берет его своим личным врачом. В 1563 году он становится главным хирургом парижской больницы

цы Отель-Дье, в которой когда-то учился. «А. Паре был одарен всеми качествами, чтобы стать выдающимся хирургом. Он обладал трудолюбием, сноровкой, прекрасным интеллектом, ясным и оригинальным мышлением, приятным характером, даром пронизательного наблюдения и обобщения опыта»¹. Недаром о мастерстве Паре в те годы говорили: «Если уж сам Паре не мог ничем помочь страдальцу, то дело его совсем плохо».

Пациентами Паре в те годы были французские короли Генрих Второй (1547—1559), которому он пытался помочь от смертельного ранения, нанесенного королю на рыцарском турнире Монтгомери, его старший сын Франциск Второй (1559—1560), неожиданно умерший в ранней юности и второй сын Генриха Второго Карл Девятый (1560—1574). Будучи глубоко верующим человеком, Амбруаз Паре с не меньшим рвением оказывал помощь и самым бедным пациентам больницы «Отель-Дье». Особым периодом испытания для Амбруаза Паре становится злоеущая Варфоломеевская ночь.

• Амбруаз Паре и Варфоломеевская ночь

Боясь усиливающегося влияния на слабохарактерного и непостоянного короля Карла IX главы гугенотов Франции, выдающегося государственного деятеля и полководца адмирала Колиньи, королева-мать Екатерина Медичи в союзе с руководителями католического дворянства Франции, решает в одну ночь истребить протестантов всего королевства. Сломив с помощью запугивания и придуманных против гугенотов фактов волю короля, принимается решение устроить истребление протестантов в ночь с 23 на 24 августа (1572 год), в ночь святого Варфоломея. Для этого все городские ворота Парижа запираются, а католики, как горожане, так и дворяне, надевают на себя условные знаки для отличия своих. Этими знаками были белые кресты на шапках и белые перевязи на руках². В желающих принять участие в планируемом избиении гугенотов не было отбоя.

«Ничто не может быть опаснее, чем союз фанатизма и бедности, а Париж — это почти разоренный город, где сильна ненависть не только к религии, но и к богатствам гугенотов. Протестанты представляют собой аристократию: аристократию клинка, мантии и торговли. Они приняли слово Кальвина, по которому материальное процветание свидетельствует о милости Господа.

¹ Цвелев Ю.В. Остроменский В.В. К 500-летию со дня рождения. Амбруаз Парэ (Ambroise Pare, 1510—1590). // Журнал акушерства и женских болезней. — 2010. — Том LIX. — Вып. 3. — С.123.

² Иерер. Указ. соч., т. 3, с. 165.

Их враги приписывают им несметные сокровища, добытые пиратством и ограблением церквей. Если верить проповедникам, оправдано любое насилие, любые ответные меры против этих приспешников сатаны. Какое искушение для тысяч бродяг, нищих, оборванных рабочих, носильщиков, возчиков, рассеянных по городу и за городом, а тут еще и Двор Чудес, настоящая разбойничья армия»¹.

Примечательно, что накануне Варфоломеевской ночи 22 августа 1572 года по приказу лидеров католической партии Франции было осуществлено покушение на адмирала Колиньи, в результате которого одна пуля оторвала правый палец, а вторая застряла в кости локтя левой руки. При этом Амбруаз Паре, прибыв к раненому, вначале считал, что ему потребуется сделать ампутацию. Но, наконец, он отказывается от нее и имеющимися под руками скверными ножницами срезает то, что осталось от поврежденного пальца. Затем переходит к раздробленной руке и, произведя ряд разрезов, извлекает пулю. Колиньи обладает исключительным терпением героев того времени. Он не испускает ни стога, в то время как его близкие разражаются слезами. Друзья мои, — говорит он им, — почему Вы плачете? Я полагаю, что счастлив, ибо меня так ранили во имя Божие: вот она, милость Господня, друзья мои. Он благодарит Амбруаза Паре².

И потому, перед тем, как приступить к главной бойне, по приказу короля зверски убивают получившего только накануне ранение адмирала Колиньи. Когда же известие об этом получает Екатерина Медичи, то по ее приказу в 4 утра начинает звонить колокол церкви Сен-Жермен л' Оксерруа, набат которого и был сигналом к началу избиения гугенотов.

«Когда читаешь описания событий тех лет, комок подкатывает к горлу... католики верили, что грех обладает вполне материальной субстанцией и помещается во чреве еретика. Поэтому мятежники вспарывали животы своим жертвам, вытаскивали кишки, таскали их по городским улицам, а затем бросали в ямы, где и сжигали, как, например, сожгли внутренности пастора Жискара в Кастельнодари. В Туаре желание католиков уничтожить дьявола выразилось в том, что у еще живого Антуана Жюльена убийцы вырвали кишки, дабы показать, что Бог еретиков побежден. Они кричали умирающему: «Взывай к своему Богу, пусть Он тебя спасет!»

¹ Эрланже. Указ. соч., с. 179.

² Эрланже Ф. Резня в ночь на святого Варфоломея. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 173—174.

В организации погромов отчетливо прослеживалось стремление приравнять еретиков к служителям дьявола и лишить их человеческого облика...

Поступки погромщиков зачастую носили ритуальный характер. Так, у убитых пасторов отрезали детородный орган, вставляли его им в рот, а затем таскали изуродованные тела по улицам. Когда население города охватывала жажда крови, люди совершали надругательства над женщинами, пытаясь обнаружить тайные отметины распутства. В 1562 году в городке Сен-Мартен-де-Кастийон жену Андре Рено провели по городу «совершенно голый, без всяких одежд», а когда она оказала сопротивление насильникам, ее забили до смерти кнутом, а затем увенчали ее голову терновым венцом. В Монпелье женщин-гугеноток подвергли пыткам, которым обычно подвергали проституток: их били крапивой, а потом отрезали уши. После взятия Оранжа в 1562 году обнаженные трупы женщин выставили на всеобщее обозрение «после того, как в места, называть которые стыдливость не позволяет, им воткнули бычьи рога или рогатины». Обнаженным трупам мужчин и женщин придавали непристойные позы, дабы зрители могли видеть различные способы похотливого соития. В 1562 году в Оранже трупы мужчин, женщин и свиней сваливали попеременно, желая подчеркнуть звериный, сатанинский облик адептов новой веры.

Проповедники убеждали своих прихожан, что они таким образом борются с сатаной, и простолюдины-католики, доведенные до состояния невменяемости, олицетворяли себя с десницей Господней, карающей во имя чистоты, невинности и добра. Поэтому к еретикам применяли такой вид казни, как побивание камнями...

В «Истории мучеников» Крепена описаны сцены, исполненные подлинного трагизма: некий католик предложил красавице-протестантке пятнадцати-шестнадцати лет выйти за него замуж и отречься от реформатской веры. Мать девушки посоветовала дочери отвергнуть его предложение. Тогда обеих женщин бросили в воды Луары. Во время мятежа супруга нотабля Акаса д'Альбиака вместе с другими женщинами отказалась обратиться в католичество, и их всех бросили в реку; но тонули женщины медленно, ибо уровень воды в Луаре в этом месте был невелик, поэтому их добили веслами¹.

¹ Констан Ж-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 123, 124—125.

История той ночи полна просто неопишемых по своей жестокости картин. Мы приведем лишь очень маленькие примеры для того, чтобы можно было лучше понять то время, в котором мрачное фанатичное Средневековье не желало отступать перед светом Евангелия, а так же, как назидательный пример того, к чему ведет религиозный фанатизм и нетерпимость, попирающие свободу совести. «Маленькую девочку окунули совершенно нагую в кровь зарезанных отца и матери с жуткими угрозами, что если она когда-нибудь станет гугеноткой, с ней поступят так же»¹.

«Мост Менял между Шатле и Консьержери. Не меньший ужас. Мадлен Брисонне, вдова докладчика в совете д'Иверни, которая бежала, переодевшись монашенкой, разоблачена, ибо ее цветная юбка мелькнула из-под власяницы. От нее требуют отречения, она отказывается, ее бьют кинжалом и бросают в воду. Таким же образом поступают и с некоей беременной графиней, «которой вот-вот придет пора родить» (беременные женщины, кажется, возбуждают у погромщиков особую ярость)»².

«Множество маленьких детей оказалось среди жертв и, что, возможно, еще чудовищней, — среди убийц. Группа парнишек лет десяти выволокла на мостовую крохотное существо в свивальниках, обвязанное ремнем. Юный возраст, в сущности, ни для кого не защита. Младенец играет с бородой мужчины, который несет его, пока тот не всаживает в него кинжал и не бросает в реку»³.

«Чтобы сберечь усилия, протестантов выводят на мосты и сбрасывают в воду. Некто опрокидывает наплечную корзину, в которой лежали маленькие дети! Точно так же разгружаются и полные трупов телеги»⁴.

«Насилие, творимое католической чернью, — это поистине мистическая ярость, «сакральное» деяние, совершаемое по воле самого Господа, пожелавшего истребить сторонников новой религии, приравненных к еретикам и поклоняющимся сатане. Католики так жаждали покарать протестантов, что без малейшего сожаления калечили их, терзали, швыряли собакам, бросали в воду, сжигали, причиняя им на земле муки, ожидавшие их в загробном мире. Таким образом, в ожидании, когда Господь снизойдет к ним и подаст свой знак, они очищали христианский мир от скверны»⁵.

¹ Эрланже. Указ. соч., с. 204.

² Эрланже. Указ. соч., с. 204—205.

³ Эрланже. Указ. соч., с. 206.

⁴ Эрланже. Указ. соч., с. 213.

⁵ Констан Ж-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 145.

Памятная медаль, выбитая по приказу папы Григория XIII в честь празднования Варфоломеевской ночи

Самого Амбруаза Паре спасает только личное заступничество Карла IX, спрятавшего его в своих личных покоях и сказавшего при этом: «Я не понимаю, зачем надо убивать гугенота, который может спасти жизни стольким католикам». Количество жертв Варфоломеевской ночи и последующих затем вырезаний гугенотов в других регионах Франции точно не установлено. Так, в Париже по разным источникам количество жертв колеблется от 3000 до 10000, а в провинциях, в среднем, до 20000¹. Но даже если взять самые малые цифры, то получится, что всего за несколько дней было зверски убито 23000 человек! И это не считая грудных и малых детей, которых убивали наравне со взрослыми. Известия о Варфоломеевской ночи были с восторгом приняты в Италии и Испании!

Так «секретарь Мандело послал в Рим курьера, господина де Жу, который предупредил первым делом кардинала Лотарингского. То было 2 сентября. Кардинал, вне себя, поспешил к папе в обществе французского посланника Фералья. Григорий XIII вспыхнул бурным энтузиазмом. Не послушав Фералья, который советовал подождать официальных депеш, он приказал устроить фейерверк... 8 сентября Григорий XIII в Сен-Луи де Франсе торжественно возблагодарил Небо... Никогда ни одно событие не отмечалось в Риме с подобным блеском. Торжественные благодарственные молебны, памятные медали, артиллерийские салюты. «Те Деум» оглашало то одну церковь, то другую, следовали грандиозные процессии, живописцу Вазари сделали заказ на фреску, которая увековечила сцены 24 августа, не упустив и малейшей детали»².

До нашего времени сохранились тексты многих молитв, которые возносились в церквах в благодарность Господу за уничтоже-

¹ Эрланже. Указ. соч., с. 231.

² Эрланже. Указ. соч., с. 236, 237, 238.

ние гугенотов в день святого Варфоломея. Вот одна из них. «Otemus. Молитва, прочитанная после благодарственной мессы в церкви св. Людовика в Риме за поистине великую милость, полученную от Господа». Бог Всемогущий, низводящий сильных и милостивый к смиренным, мы возносим Тебе самые пылкие наши хвалы за то, что, благосклонный к вере Твоих слуг, Ты даровал им блистательное торжество над вероломными противниками католического люда, и смиренно молим Тебя продолжить в Твоем милосердии то, что Ты начал, ради верности Тебе, ради славы Твоего имени, которое прославляем. Во имя Христа, услышь нас!»¹. Также по приказу папы в честь одержанной победы над еретиками в Варфоломеевскую ночь была выбита памятная медаль².

«По справедливому замечанию одного из новейших историков, гораздо хуже этих «кровавых оргий» было то, что «наместник Христа», папа Григорий XIII, приказал петь торжественный «Te Deum» (Тебя, Бога, хвалим) по случаю этой великой победы, одержанной церковью над еретиками»³. После Варфоломеевской ночи и последовавших за ней гонениях «большая часть уцелевших крупных аристократов отреклась от кальвинизма. Единственными реформаторами, которые оставались при дворе, были смиренные Амбруаз Паре и Нанон, хирург и старая кормилица, без которых Карл IX не мог обойтись»⁴. Так, даже перед лицом смертельной опасности Паре не отрекся от своей веры и оставался верен ей до смерти, не скрывая своих религиозных взглядов.

Примечательно, что все организаторы Варфоломеевской ночи крайне печально оканчат свою жизнь. Король Карл IX потерял «с той самой ночи сон: от времени до времени ему чудилось, что он слышит нестройный гул голосов, крики и вопли, проклятия и вздохи, как в ту страшную ночь 24 августа. Его хилое тело не вынесло этого возбуждения и 24 — летний король скончался 30 мая 1574 года»⁵. Герцог Генрих Гиз и его брат кардинал Лотарингский будут убиты в 1588 году по приказу короля Генриха III, сам король Генрих III будет уже в 1589 году заколот фанатиком, католическим священником Жаком Клеманом. Брат короля Генриха III, Франсуа будет отравлен. Екатерина Медичи похоронит почти всех своих детей и умрет, находясь последние годы в состоянии постоянного страха, став свидетельницей Гражданской войны во Франции, которую она сама в свое время так разжигала, а теперь не могла уже

¹ цит. по Эрланже. Указ. соч., с. 295.

² Иегер. Указ. соч., т. 3, с. 165.

³ Иегер. Указ. соч., т. 3, с. 165.

⁴ Эрланже. Указ. соч., с. 250.

⁵ Иегер. Указ. соч., т. 3, с. 168.

остановить. А Амбруаз Паре переживет их всех, продолжая нести во все годы страшной гражданской войны во Франции помощь людям вне зависимости от их религиозных убеждений. В 1573 году он публикует свой фундаментальный труд «Две книги о хирургии», в которых приводит данные своих открытий и наблюдений в хирургической практике. Амбруаз Паре умрет 20 декабря 1590 года в своем любимом Париже, который, хотя в те дни и был оккупирован испанской армией, но уже на подступах к городу стояли войска Генриха Наваррского, будущего короля Франции Генриха Четвертого, и в воздухе уже витало скорое освобождение.

● Вклад Амбруаза Паре в развитие хирургии

Анализируя вклад Амбруаза Паре в развитие хирургии, мы можем выделить многие методы, разработанные и предложенные им, которые сделали возможным принципиальный переход средневековой цирюльнической хирургии к хирургии Нового времени. К этим инновациям мы можем отнести следующие.

— **Методы лечения ран.** Лечение ран со времен античности занимало одно из центральных мест в хирургии. Однако, появление в XIV веке артиллерии и пороха привело, с одной стороны, к росту огнестрельных ранений, а с другой — увеличению площади раневой поверхности, которую в целях нейтрализации остатков пороха, а точнее, как тогда говорили «порохового яда» предлагали (впервые этот метод предложил итальянский хирург Джованни Виго (1450—1545) прижигать каленым железом или заливать кипящими смолистыми веществами, что вело к невыразимым мучениям раненых¹. Здесь стоит отметить, что сам Джованни Виго, воззрения которого в течение нескольких десятилетий считались господствующими в хирургии, был ничем не примечательным врачом, имевшим авторитет благодаря тому, что он был папским лейб-медиком. В 1517 году он выпускает учебник по хирургии, который, однако, представлял собой обыкновенную компиляцию, ничего не давшую для развития хирургии².

Джованни Виго

¹ Мейер-Штейнед-Зудгоф. Указ. соч., с. 296, 298.

² Мейер-Штейнед-Зудгоф. Указ. соч., с. 296.

Его ученик, Альфонзо Ферри (1500—1560), активно внедрял учение Виго о необходимости выжигать огнестрельные раны. И хотя некоторые хирурги того времени (Бартоломео Маджи, Леонардо Боталло, Иоганн фон Берис, Генрих фон Пфальццеунт, Ганс фон Герсдорф) и видели те крайне неблагоприятные последствия такого варварского метода лечения ран, выступить против него они не смели и особого поиска альтернативных эффективных путей для их лечения не проводили, понимая, что любое новаторство в медицине может быть приравнено к ереси со всеми вытекающими отсюда последствиями.

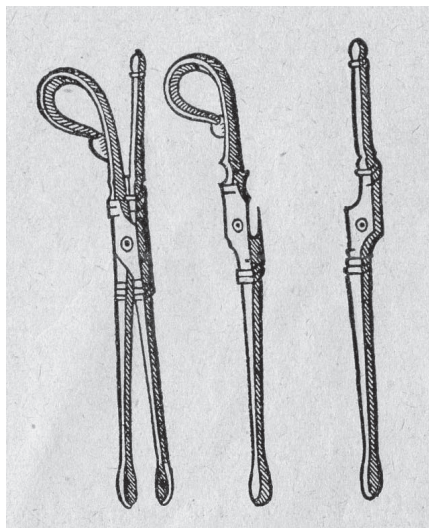
Итак, согласно учению Виго, раны были заражены так называемым «пороховым ядом»¹. «Огнестрельные раны считались отравленными. Внешний вид таких ранений в условиях стрельбы на близком расстоянии с применением древесного пороха и литой пули давал основание к такому предположению. Для борьбы с гипотетическим отравлением раны применяв жестокие по своему характеру мероприятия: прижигание огнестрельных ран раскаленным железом или заливание их кипящим маслом»². И вот в 1536 году во время военной кампании, которую французские войска короля Франциска Первого вели в Италии и во время которой Паре состоял хирургом-циркульником, произошел следующий случай, который сам Паре описал в своей работе и который дал толчок ко всему последующему принципу лечения ран.

«Перед тем, как использовать масло, зная, что данная процедура может причинить пациенту сильную боль, я сначала хотел разобраться, как лучше его применить, что делали другие хирурги для первой перевязки. Они применяли для ран очень горячее масло и использовали тампоны и марлю. Исходя из этого, я так и поступил. В конце концов, масло закончилось, и мне пришлось его заменить на средство, состоящее из яичного желтка, розового масла и скипидара. Той ночью я не мог спокойно спать, боясь, что раненые, которым я не наложил масло и не прижигал раны, умрут от заражения. Я пошел к больным рано утром, к своему удивлению обнаружил, что те, кому я обработал раны новым средством, хорошо отдохнули за ночь, практически не чувствовали боли и их раны не воспалились и не опухли. Тех, кому приложил горячее масло, мучила лихорадка, сильная боль и опухоли вокруг ран. И тогда я решил никогда больше не прижигать жестоко раны у жертв огнестрельного оружия»³.

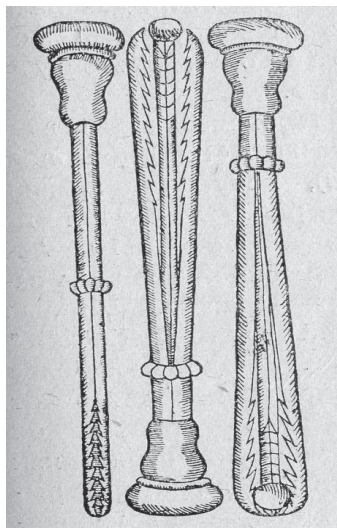
¹ Заблудовский. Указ. соч., с. 108.

² Мультиановский. Указ. соч., с. 135.

³ Paré A. The method of curing wounds made by gun-shot / translated english by Walter Hammond. — Paris, 1617. Электронный ресурс.

Ложечные щипцы для извлечения пуль, по Маджи

Пинцет для извлечения пуль, А. Ферри, 1552 г.

Продолжая в течение последующих нескольких лет заниматься этой проблемой, Паре в 1545 году публикует книгу по этому новому лечению огнестрельных ран¹.

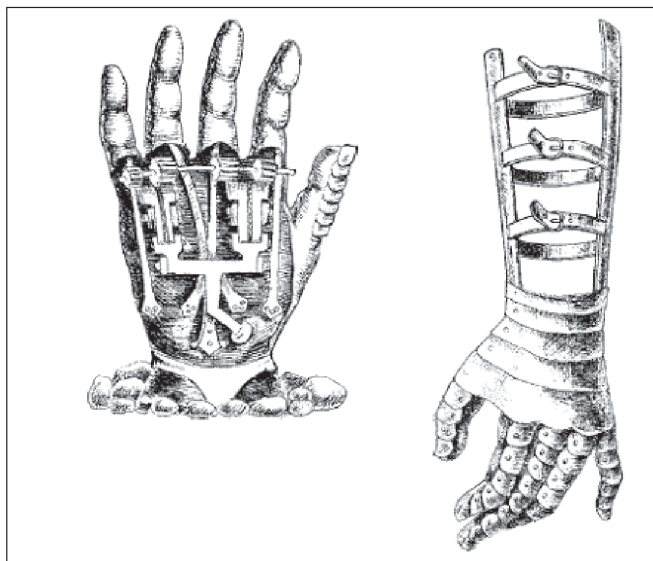
Так же Паре заложил еще один важнейший аспект для лечения ран. Так, «по А. Паре, главная задача хирурга состоит в расширении раны и создании условий для свободного оттока экссудата. В дальнейшем необходимо регулярно осуществлять перевязки для быстрого очищения ран. В основе такого подхода лежала идея способствовать естественному процессу заживления раны». Хотя, как и многие другие передовые идеи в науке, хирургические новации А. Паре не были оценены его современниками и коллегами. Концепция «доброкачественного» нагноения в качестве благоприятного этапа заживления ран еще долго сохраняла своих приверженцев (вплоть до XX в.)»².

— **Введение лигатуры в хирургическую практику.** Именно усилиями А. Паре в хирургическую практику была введена лигатура как основной способ остановки кровотечения³. Причем Паре использовал двойную лигатуру не только при ампутациях, но и при операции на аневризме.

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 135.

² Цыбуляк Г. Н. Общая хирургия повреждений. — СПб.: Гиппократ, 2005.

³ Там же, 2005.

Протезы, сконструированные Амбруазом Паре

Амбруаз Паре во время операций надрезал кожу несколько выше места самого оперативного вмешательства, обнажал сосуды и перевязывал их ниткой. И потому во время операции кровоточили только мелкие сосуды, которые он перевязывал уже по ходу самой операции. До него же при операции с целью предотвращения кровотечения жгутом перевязывали конечность выше места операции, что предотвращало кровотечение во время самой операции, но зато потом, после снятия жгута, приводило к сильному кровотечению, которое для большого процента больных становилось летальным. Другим методом остановки кровотечений, применявшихся до Паре, было или погружение кровоточащей конечности в кипящую смолу, от чего огромный процент пациентов погибал от болевого шока, или прижигание кровоточащих сосудов каленым железом¹, что также вело к фатальному для очень многих, если не большинства, болевому шоку.

— Доказал, что ампутировать нужно в пределах здоровых тканей. Именно Паре принципиально улучшил саму ампутационную технику², «в которой средневековая хирургия не сделала успехов³. Паре доказал, что ампутировать нужно в преде-

¹ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 303.

² Мульгановский. Указ. соч., с. 135.

³ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 303.

лах здоровых тканей, благодаря чему были предотвращены тысячи случаев возможного развития гангрены. Это стало настоящим переломом в понимании ампутирования.

— **Впервые диагностировал и осуществлял операции при переломах шейки бедра**¹. Он также разработал методы лечения с использованием застойной гиперемии при замедленном образовании костной мозоли.

— **Провел первую резекцию локтевого сустава.**

— **Описание показаний и техники по удалению зубов и разработал инструменты для их экстракции и лечения**².

— **Предложил протезы для глаз**³.

— **Предложение сложных ортопедических конструкций.**

В частности, искусственные суставы с зубчатыми колесами, искусственные конечности. И хотя сам он их не мог еще внедрить в практическую медицину, но эти его наработки способствовали дальнейшему развитию травматологии⁴.

Им также были разработаны первые жестяные корсеты. Поэтому его с полным правом называют отцом современной ортопедии.

— Введение в практику оперативных приемов — трахеотомии, операции при заячьей губе, торакоцентеза, трепанации черепа (в частности, при абсцессах мозга)⁵.

— **Описание эмпиемы плевры.** Им описан шум плеска у пациента с эмпиемой плевры, упоминаемый еще Гиппократом. У уроженца Турина, где А. Паре практиковал, развилась эмпиема как осложнение плеврита: «Он сильно кашлял, отхаркивая зловонный гной, в течение 6 недель; затем кашель прекратился на двадцать дней; в конце этого периода, когда пациент наклонялся и трясся, в грудной клетке был слышен звук, напоминающий шум полупустой бутылки... Спустя несколько дней организм выпустил гной через рвоту, а затем пациент поправился окончательно милостью Божьей»⁶.

— **Лечение варикоцеле.** Традиционное лечение неопущения яичек у детей, предложенное Паре, до сих пор считается правильным: «Я сказал отцу ребенка, чтобы он разрешил ему бегать и прыгать, чтобы помочь яичку опуститься до своего нормально-

¹ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 303.

² Верхратский. Вказ. тв., с 85.

³ Верхратский. Вказ. тв., с 85.

⁴ Заблудовский. Указ. соч., с. 106.

⁵ Мультиановский. Указ. соч., с. 135.

⁶ Флоренский В. М. Введение в гинекологию. Т. I. — СПб., 1869.

го положения, что постепенно и произошло без всяких осложнений»¹.

— **Освободил хирургию от средневековых суеверий.** Будучи глубоко верующим человеком, Паре выступал против суеверий и обрядности, которую насаждала средневековая государственная церковь, и потому в своих работах освобождал хирургию от всех этих суеверных обычаев, как лечения ран водой, которую надо было предварительно заговорить; как лечение грыж параллельно с осуществлением кастрации; что выпущенную циркуляниками кровь надо выливать обязательно в землю в особых местах и т.д.

Ценность работ Паре заключалась и в том, что в них было большое количество клинических примеров, что формировало у тогдашних врачей азы клинического мышления. Ценным было так же и то, что Паре в своих трудах оставил важные сведения по истории медицины своего времени.

Так же в отличие от предшествовавших работ хирургов, в частности, и врачей в целом, писавших свои труды на латыни, Паре, не знавший латыни, писал их на разговорном французском языке. И хотя, особенно вначале, литературный слог Паре не был изящен и красив², зато описанные на французском языке его открытия становились общеизвестными³ и многие из них внедрялись в самую широкую европейскую практику в течение кратчайшего времени. Но «именно этого и опасались представители официальной церкви»⁴. Они всегда выступали против какого бы то ни было просвещения, понимая, что темной массой всегда легче управлять. И потому всегда преследовали и притесняли ученых. И в этом отношении Амбруаз Паре не стал исключением.

Так, уже «будучи известным хирургом и автором многих книг, Паре стал добиваться степени доктора медицины, но ему в этом отказал медицинский факультет Парижского университета, мотивируя свой отказ тем, что Паре не учился в университете, не знал латинского языка, не изучал классические произведения средневековой медицины и писал свои сочинения на французском языке. Его также обвиняли в том, что он отказался от господствовавшего в Средневековье прижигания кровоточащих сосудов. Только вмешательство короля, личным врачом которого был Паре, помогло ему получить степень доктора медицины»⁵. Как

¹ Hamby W. B. The case reports and autopsy records of Ambrois Paré. — Springfield, 1960.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 302.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 136.

⁴ Заблудовский. Указ. соч., с. 106.

⁵ Мультановский. Указ. соч., с. 136.

мы помним, только вмешательство короля спасло его и от смерти в зловещую Варфоломеевскую ночь.

Амбруаз Паре является не только основоположником современной хирургии и травматологии, но и акушерства, но перед тем, как рассмотреть его вклад в развитие акушерства необходимо кратко рассмотреть состояние уровня этого раздела медицины в эпоху Средневековья.

● Состояние акушерской помощи до Амбруаза Паре

До времен Амбруаза Паре акушерства, как науки, не существовало вовсе. Единичные сведения по акушерству и гинекологии, имеющиеся в трудах античных ученых, носили единичный и несистематический характер. Из времен же Средних веков история нам сохранила имена всего лишь нескольких врачей (Винцен из Бове, Арнальд из Каталонии, Бернгард Гордон, Франц из Пьемонта, Антонио Биевиени), в работах которых имеются незначительные указания на отдельные вопросы, связанные с акушерством.

К тому же отсутствие анатомических и физиологических исследований приводило к тому, что и в этих указаниях и известиях содержалось огромное количество ошибок. К тому же, в эпоху Средневековья с ее ксенофобией по отношению к женщине, которая рисовалась государственной средневековой церковью, как исчадь греха, как существо, стоящее намного ниже мужчины, как существо, весьма склонное к половому общению с бесами, привело к фактически полному пренебрежению развитием акушерства и гинекологии.

Одновременно с этим, согласно тем же воззрениям средневековой церкви, мужчина не имел права принимать роды и вообще осматривать женщин.

Таким образом, в эпоху Средневековья «врачи-мужчины были устранены от наблюдения нормальных родов и приглашались к роженицам только в исключительных случаях для производства операций. Акушерство как наука не имело самостоятельного значения; оно было только частью хирургии. Хирурги, естественно,

Роды на стуле, по Руффу, 1554 г.

более тяготели к своему главному предмету и уделяли акушерству весьма незначительную долю своего внимания»¹.

Учитывая же, что врачей-женщин в эпоху Средневековья практически не существовало, то роженицами никто из врачей не занимался, как и диагностикой и лечением гинекологических заболеваний. Методы же, используемые при оказании акушерской помощи, так называемыми повивальными бабками, представляли собой методы народной медицины, в которой преобладали магические методы и приемы. При этом средневековые правители не обращали на вопрос деторождаемости никакого внимания, отдав его на откуп малограмотным и суеверным повивальным бабкам. И только в 1452 году, впервые в Европе, в Регенсбурге (Германия) городской совет составляет первую инструкцию для повивальных бабок, которых со временем обязывают проходить обучение у врачей².

Первый учебник по акушерству, автором которого был немецкий врач Эйхариус Ресслин из Вормса, выходит в 1513 году и представляет собой, в основном, компиляции труда античного врача Сорана Эфесского, из работы которого были взяты и почти все иллюстрации.

Если же учесть, что сама хирургия находилась в значительном проценте в руках цирюльников, и обучение ей осуществлялось в рамках цехового ученичества, то мы можем себе представить, каково было при этом положение акушерства.

Итак, «первые акушеры выходят из среды хирургов-цирюльников. В то время, как ученые врачи гордо остаются в стороне, энергичные цирюльники начинают бороться против захвата акушерской помощи исключительно акушерками и вскоре им удается завоевать новое обширное поле для своей деятельности. Вполне естественно, что под их влиянием развивалась, главным образом, хирургическая часть акушерства; но факт этот отнюдь не умаляет их заслуги. Передовые борцы за право подачи акушерской помощи мужчинами должны были сначала выказать себя истинными помощниками в нужде по сравнению со своими соперницами, упрочившимися под влиянием времени и обычаев, должны были приобрести доверие в широких кругах и таким путем создать себе возможность обогащаться наблюдениями, прежде чем можно было подумать об их научной разработке»³.

¹ Флоренский В. М. Введение в гинекологию. Т. I. — СПб., 1869.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 305—306.

³ Бумм Э. Руководство к изучению акушерства. — СПб.: Практическая медицина. — С. 1—15.

Таким образом, к XVI столетию говорить о существовании акушерства, как науки, мы не вправе.

• **Вклад Амбруаза Паре в развитие акушерства**

— **Внедрение поворота на ножку.** «Важнейшей заслугой А. Паре является возобновление поворота на ножку, известного еще Цельсу, но почти совершенно забытого в Средние века. Правда, еще до Паре о повороте на ножку говорили некоторые хирурги XV в., например Savanazola, Alexander Benedictas, Eucharius Roesslin и др., но только благодаря авторитету А. Паре способ этот получил более широкое распространение. Поворот на ножку дал возможность доводить до счастливого окончания многие такие роды, которые раньше оканчивались смертью для ребенка и значительным вредом для матери»¹.

— **Изобретение молокоотсоса.** Амбруаз Паре впервые ввел молокоотсос².

— **Методы лечения кровотечения во время родов.** Именно Амбруаз Паре при «кровотечениях в родах стал рекомендовать быстрое опорожнение матки от ее содержимого»³.

— **Изучение движения плода.** Паре первым стал изучать движение плода, в частности, как один из критериев для распознавания его жизни⁴.

— **Амбруаз Паре опровергает средневековые представления о причинах рождения нескольких детей одновременно.** «В античной и средневековой традиции рождение нескольких детей одновременно объяснялось тем, что женская матка состоит из семи полостей: три справа для мальчиков, три слева для девочек и одна в середине для гермафродитов. Паре решительно опровергает это традиционное представление: так считают лишь те, кто не знает анатомии!»⁵

— **Учреждение первой в мире акушерской школы.** «Паре впервые в истории учредил повивальную школу. Эта первая школа была основана при парижском госпитале Hôtel-Dieu. В эту школу принимали только женщин; курс обучения продолжался 3 месяца, из которых 6 недель отводилось на практические занятия. Организация Паре первого в мире родовспомогательного уч-

¹ Лахтин М. Исторический очерк развития хирургической помощи роженицам // Журнал акушерства и женских болезней. — 1900. — Т. XIV. — С. 1298 — 1321.

² Макаров Р. Р. Очерки общей истории развития акушерства и гинекологии // Многотомное руководство по акушерству и гинекологии. Т. 1 / под ред. Л. С. Персианинова. — М.: Медгиз, 1961. — С. 34—35.

³ Там же. — С. 34—35.

⁴ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 307.

⁵ Бергер. Указ. соч., с. 153.

реждения и при нем повивальной школы способствовала развитию акушерской науки»¹.

«Таким образом, преобразователь хирургии, великий французский хирург XVI века Амбруаз Паре внес огромный вклад в развитие мирового акушерства»². И потому неслучайно основателем современной акушерской науки по праву называют именно Амбруаза Паре. «Наиболее видное место в гинекологии, как и в хирургии в эпоху Возрождения принадлежит А. Паре»³.

• Мировоззрение и философия Амбруаза Паре

В одном из своих трудов, описывающих клинические случаи из его практики, Паре отметил следующее. «Я привел все эти истории не для того, чтобы прославиться, а чтобы дать наставление молодым практикующим хирургам и обратить их к Богу, зная, что все хорошее исходит не от нас, а от Него, как из неизменного фонтана. Так что благодарю Бога за все хорошие дела и молю Его приумножить в нас Его бесконечную любовь»⁴.

Несмотря на свою известность и славу, как величайшего хирурга, Паре оставался до конца своих дней очень скромным человеком, что хорошо видно из его поговорки, которую он очень любил повторять: «Я его перевязал, а Бог вылечил»⁵.

И в этих двух высказываниях поистине весь Амбруаз Паре. Всю свою жизнь этот великий хирург был глубоко верующим в Бога. Он принял протестантизм, видя все искажения и лжеучения папской церкви, и оставался верным евангельскому учению даже, как мы видели выше, в самые критические моменты своей жизни, когда многие, жертвуя принципами спасали свою собственную жизнь или, подобно Генриху Наваррскому, который в обмен на корону Франции сказал: «Париж — стоит мессы!», отказывались от своей веры.

В своих работах Амбруаз Паре приводит очень много библейских стихов, показывая теснейшую взаимосвязь духовного и физического здоровья.

В своих работах, как и в жизни, Амбруаз Паре отчетливо выступает перед нами, как глубоко верующий человек, поклоняю-

¹ Макаров Р. Р. Очерки общей истории развития акушерства и гинекологии // Многотомное руководство по акушерству и гинекологии. Т. 1 / под ред. Л. С. Персианинова. — М.: Медгиз, 1961. — С. 34—35.

² Цвелев. Указ. соч., с. 127.

³ Лахтин М. Исторический очерк развития хирургической помощи роженицам // Журнал акушерства и женских болезней. — 1900. — Т. XIV. — С. 1298 — 1321.

⁴ Paré A. De la generation // Oeuvres. Vol. 2. — Paris, 1841. Электронный ресурс.

⁵ Мейер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 302.

пийся Богу и осознающий, что в мире реально существуют ангелы и демоны, и одновременно, как противник всего суеверного и мистического. Работы Амбруаза Паре способствовали, с одной стороны, осознанию того, что не все в понятиях здоровья и болезнь человека может быть объяснено с материалистических позиций, а с другой — способствовали освобождению медицинской науки и практики от темного суеверного средневекового наследия.

Особенно хорошо отображены эти вопросы в трактате Амбруаза Паре «О монстрах». Данный трактат стал продолжением его работы «О рождении», в котором он анализирует проблему рождения детей с аномалиями развития или, как тогда говорили, монстров. Оба эти трактата увидели свет в 1573 году и предназначались, в первую очередь, для молодых студентов хирургии. В этой работе Паре стремится обобщить все имеющиеся сведения о врожденной патологии (в том числе, феноменов типа сиамских близнецов и т.д.) и одновременно с этим рассматривает вопросы мнимого уродства, к которому прибегали нищие того времени, и роли и места демонов в людских заболеваниях. В этой же работе наиболее полно представлены и религиозные взгляды Паре.

Итак, в качестве причин врожденных аномалий развития он выделяет две основные группы причин, которые мы можем озаглавить: медицинские и теологические.

— **Медицинские причины уродств, согласно А. Паре:** тугая шнуровка при беременности, некоторые позы и положения тела: если женщина во время беременности сидит, скрестив ноги, как часто делают портнихи, или на коленях, как вышивальщицы ковров, или слишком сжимают живот. Среди причин врожденных аномалий Паре известен малый размер матки, травмы беременной и даже наследственные болезни: «От горбатого рождается горбатый, от кривобокого — кривобокий, от людей маленького роста рождаются карлики, причем, без всяких других дефектов. От дураков редко рождаются мудрые, от прокаженных рождаются прокаженные, как всем известно. Так бывает не всегда, но чаще всего»¹.

— **Теологические причины уродств, согласно А. Паре.** Паре говорит о том, что рождение детей с уродствами может быть и Божьим наказанием за грехи их родителей. Будучи прекрасным и внимательным клиницистом, Паре подробнейшим образом расспрашивал родителей тех детей, которые родились с различными уродствами и весьма часто наблюдал эту связь: с одной стороны, вопиющие, порой, противоестественные грехи родителей,

---

¹ цит. по Бергер Е. Е. «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врожденных аномалий) // Средние века. — 2004. — №65. — С. 152.

Парижская городская больница-Отель Дье, XVI век

которые совокуплялись, как дикие звери не соблюдая ни времени, ни законов Бога и природы, а с другой — рождение детей с признаками страшных аномалий и уродств — «младенец с собачьей мордой или птичьей головой, с четырьмя рогами на голове, особыми знаками на лице»¹.

При этом сам Паре никогда не призывает судить о причинах рождения детей с уродствами, никогда не судит их родителей, ибо истинная причина этого известна только Богу. Одновременно с этим он подчеркивает, что не обязательно рождение монстров — это не наказание за грех роженицы, напротив, он часто подчеркивает, что тот или иной урод появился на свет в вполне почтенной семье.

Здесь мы видим весьма сбалансированный подход, лишенный с одной стороны, средневекового фанатизма, а с другой — и материализма, отрицающего вообще духовные факторы и причины в формировании здоровья.

В этом же своем труде Паре разоблачает средневековые схоластические представления в медицине, многие из которых веками препятствовали ее развитию.

¹ Бергр. Уаз. соч., с. 153.

— Амбруаз Паре выступает против средневековых методов лечения с использованием талисманов, заговоров и т.д. Вся медицина Средневековья была пропитана верой в целительную силу различных талисманов, амулетов и заклинаний. И вот Амбруаз Паре, изучая Библию, убеждается во всей пагубности этих представлений, в корне противоречащих ей. Он пишет, что «маги носят на шее или иначе на себе некие письмена, вещи, изображения, кольца; иные используют пение и танцы» и уверяют, что лечат лягушками, крысами, словом «абракадабра» и др. «Я видел, как желтуха исчезла с поверхности тела за одну ночь посредством маленького письма, повешенного на шею истеричке. Я видел, как лихорадки излечивались молитвами и разными церемониями, но потом возвращались еще хуже. Я спрашиваю вас: не суеверие ли говорить, что те, кто носят имена трех волхвов (Гаспар, Мельхиор, Балтазар), излечиваются от эпилепсии, что зубная боль проходит, если во время мессы произнести слова «*Os non communietis ex eo*» и прочее»¹.

Паре, признавая существование демонов и магов, через которых те действуют, говорит в своей работе и о многочисленных шарлатанах, зарабатывающих на невежестве и суевериях людей. Также Паре разоблачает многие приемы, которые использовали маги, чтобы завоевать доверие людей. Так, некоторые утверждают, что видели ужасающие вещи: маги, которые погружают руки в расплавленный свинец. Но «секрет фокуса» заключается в том, что перед этим руки моются в ледяной воде или же в уксусе: в последнем случае свинец свертывается и не достигает рук»².

— Амбруаз Паре выступает против астрологии. Астрология на протяжении веков считалась неразрывной частью медицинской науки и именно по ней определяли дни для операций, кровопусканий, родов и т.д. «Астрология, как система объяснения мира, его также не привлекает. Приводя суждение Аристотеля, что монстры встречаются в природе из-за расположения звезд, Паре замечает на полях: «Суждения астрологов очень спорны, я предоставляю им спорить и доказывать»³.

— Амбруаз Паре признает существование демонов, которые могут влиять на состояние здоровья человека. «В Священном Писании также говорится о существовании злых духов, которые называются демонами или дьяволами. Именно дьявол вселил в сердце Иуды предательство. Есть дьяволы, которых много в

¹ Бергер. Указ. соч., с. 153.

² цит. по Бергер. Указ. соч., с. 153.

³ цит. по Бергер. Указ. соч., с. 153.

человеке: о таких говорится: имя им легион. «Они по природе своей всегда стараются навредить человеческому роду делами, ложными иллюзиями, обманами и ложью. Если бы им было позволено осуществить все, чего они желают, воистину вскоре род человеческий погиб бы, но они творят лишь то, до чего Богу угодно их допустить. Когда их изгнали из рая, одни поселились в воздухе, другие на земле, третьи под землей, четвертые — в самых глубинах»¹.

Сегодня также значительнейшая часть психических заболеваний не получает своего объяснения с сугубо материалистических позиций, а если учесть изощренную жестокость, холодный расчет, проявление необыкновенной физической силы, которую проявляют многие психически больные люди, то проблема одержимости в наши дни не потеряла своей актуальности. Примечательно, что совершающих страшные преступления душевных больных преследуют страшные сновидения, в которых им являются бесы, которых они потом, и изображают на своих рисунках. Им слышатся голоса, отдающие им приказы убить, мучить людей. При этом голосов, призывающих их делать добро, они никогда не слышат.

Амбруаз Паре пишет о магах, что они «изгоняют неизвестно каких духов бормотанием, экзорцизмом, молитвами, заклинаниями и прочим». Дьявол не может изменить вещи, которые он не мог бы никак создать; он только портит ум человека; именно поэтому оценка магической, т.е. «дьявольской», медицины в трактате предельно резка: болезням дьявол не может дать настоящее и полное излечение, а только ложное и паллиативное»².

Эти слова Паре звучат весьма актуально и в наши дни, когда расцветает экстрасенсорика и некоторые уверяют, что получают исцеление во время этих сеансов, хотя после таких «исцелений» подавляющий процент людей вскоре обращается к врачам с очень серьезными, часто уже неизлечимыми заболеваниями, а другие начинают страдать психическими расстройствами, которых до прихода к экстрасенсу не наблюдалось.

— Амбруаз Паре отвергает средневековое учение, что демоны могут совокупляться с людьми и от их связи могут рождаться дети.

Это средневековое учение, согласно которому бесы могут вступать в сексуальные связи с женщинами и от их соития рождаться дети, было детально разработано средневековой государственной церковью и привело к поистине массовой эпидемии

¹ Бергер. Указ. соч., с. 153.

² Бергер. Указ. соч., с. 153.

эпохи Средневековья — охоте на ведьм, которая достигла ко времени начала Реформации просто ужасающих масштабов. «Вероятно, в истории человечества нет главы более отталкивающей, чем та, где рассказывается о дикой вере в колдовство и о безжалостных наказаниях за него в Западной Европе в век перед началом Реформации и последующее время. Во второй половине XIV века церковь и общество панически устрешились ведьм, и христианский мир вдруг мгновенно наполнился одержимыми, подчиняющимися непреодолимому влиянию сатаны. Эта мания из Рима и Испании распространилась в Бремен и Шотландию. Папы, юристы, врачи и деятели церкви всех уровней призывали к репрессивным мерам против ведьм, а протестовали в Средние века только жертвы, подвергаемые пыткам и погибающие на костре»¹.

Ведущий богослов средневековой церкви Фома Аквинский прямо писал «о сожительстве людей с бесами как о реальности, а также утверждал, будто старухи взглядом могут передать молодым некое злое влияние»².

По благословению папы пишутся целые трактаты об общении людей с бесами и о методах выявления этого. Так, в 1486 году монахами доминиканцами-инквизиторами Генрихом Инститориом и Якобом Шпренгером, занимавших видное место в ордене и в Кельнском университете, на основании буллы папы Иннокентия Восьмого создается труд «Молот ведьм», в котором авторы подробнейшим образом раскрывают виды колдовства и методы по обнаружению ведьм³. Эта книга была по праву названа «самым мощным орудием суеверия, когда-либо созданным людьми»⁴.

«Из всех разделов этого учебника особо печальной славой пользуется оценка, которую авторы дают женщинам. Если кто-то еще считает, что безбрачие — верный путь к чистоте мыслей, пусть прочитает, что говорят о женщине и браке эти средневековые авторы, священники и монахи, сами соблюдавшие целибат и предположительно хранившие целомудрие. Их нечестивые выражения свидетельствуют о греховности помыслов и речей. В самом заглавии, *Malleus maleficarum*, используется слово женского рода, «ведьма», потому что, по мнению авторов, именно женщины особенно тяготеют к одержимости и ко вступлению в отношения с бесами. Мнение авторов резко контрастирует с современным пред-

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 327.

² Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 329.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 330—332.

⁴ Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. — М. 2010. — Т.3, с. 543.

ставлением о религиозности женщин. Они даже производят слово *femina*, «женщина», от *fe* и *minus*, то есть *fides minus*, «меньшая в вере». Они заявляют, что слезы, обман и коварство — сама суть женской натуры. Женщина обманывает, так как она сотворена из ребра Адама, а оно было изогнуто.

Данная глава посвящена доказательству того, что женщина хуже мужчины. Ее союз с бесами описывается с явным удовольствием. В древние времена, утверждают авторы, сожительство с бесами происходило против воли женщины, но теперь оно происходит с ее полного согласия и даже при пылком желании с ее стороны. Авторы благодарят Бога за то, что они мужчины. Многие представители их пола, говорят они, соглашаются на столь непристойные отношения с бесами — в пропорции один мужчина на десять женщин»¹.

Согласно тем признакам одержимости, которые приводили авторы, практически любая женщина могла быть обвинена в сношении с бесами. Причем для этого было достаточно фактически чьего-либо доноса. А в нем могло упоминаться о том, что она не совсем обычно переступает порог дома, что у нее поздно горит свет, что для своего возраста она хорошо выглядит или что после встречи с ней кто-то заболел. При этом, если находился тот, кто начинал защищать подозреваемую перед судом инквизиции, то это считалось признаком того, что он сам находится под ее влиянием. Монахи-инквизиторы, заполучив подозреваемую в свои руки, брили все ее тело наголо и особенно интимные места, так как считалось, что бесы кроются именно там. И после этого приступали к пытке каленым железом, так как считалось, что она самая эффективная по дознанию в одержимости. Считалось, что если несчастная может удержать раскаленное железо в руках и пройти с ним несколько шагов, то она не виновна. Понятно, что таких практически не находилось².

Другим методом по выявлению одержимости был следующий. Женщину бросали в реку с моста, и если она выплывала, то считалась одержимой и подлежала сожжению, а если тонула в реке, то объявлялось, что одержимой она не была.

Гонения на так называемых ведьм приобрели широчайший размах. Всего через год после выхода буллы Иннокентия Восьмого в одной только епархии Комо в Италии был сожжен 41 человек по обвинению в колдовстве. Общее число сожженных по этой статье исчисляется десятками тысяч.

---

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 327.

² Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 333.

При этом для подтверждения правильности приговора жертву зверски пытали, вынуждая сознаться, и подавляющее большинство людей, не выдерживая нечеловеческих мучений, сознавалось, якобы, в своем общении с бесами.

С помощью доносов, в которых люди обвинялись в общении с нечистой силой, доносители сводили с ними счеты, в основном даже бытового плана, присваивали их имущество — часть которого им причиталась, убивали политических конкурентов, мстили за что-то или просто удовлетворяли, таким образом, зависть к более благополучным. Часто молодых и красивых женщин обвиняли в колдовстве за то, что они отказывались сожительствовать, мстя, таким образом, за их целомудрие.

До нашего времени дошло письмо к дочери невинно обвиненного, как потом выяснилось уже после его сожжения, бургомистра Бамберга от 1628 года. Вот, что он в нем пишет: «Множество добрых ночей тебе, возлюбленная дочь Вероника. Невинным я попал в темницу, невинным и умру. Ибо тот, кто попадает в тюрьму по обвинению в колдовстве, должен стать колдуном или терпеть пытки, пока сам не выдумает что-нибудь и (да сжалится над ним Бог!) не обвинит в чем-нибудь сам себя. Я расскажу тебе, что со мной делали... Пришел палач и засунул мои пальцы в тиски, связав руки вместе, так что кровь текла из-под ногтей и повсюду, и четыре недели я не мог пошевелить руками, ты видишь это по почерку... Потом они раздели меня, связали руки за спиной и подвесили меня. Я не понимал, где земля, где небо. Они проделывали это восемь раз и снова отпускали меня, так что я ужасно страдал... [Далее он перечисляет признания, которые он вынужден был сделать.]... Теперь, дорогое мое дитя, ты знаешь обо всех моих признаниях, из-за которых я должен умереть. Все это полная ложь. Я вынужден был сказать это из страха перед дыбой, потому что они не перестают пытаться человека, пока тот не признается в чем-либо... Дорогое дитя, спрячь это письмо, чтобы люди не нашли его, а то меня будут пытаться безжалостно, а тюремщиков обезглавят... Мне понадобилось несколько дней, чтобы написать это, потому что я не владею руками. Прощай, ибо твой отец Иоганн Юний больше не увидит тебя»¹.

Ни должность, ни безупречная жизнь, ни возраст, ни пол не гарантировали человека от обвинения в колдовстве. И многие, чтобы не быть обвиненными, писали доносы на других, полагая, что этим они свидетельствуют о своей верности церкви. Другие

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 337—338.

бросались в иную крайность и начинали действительно поклоняться злым силам, надеясь у них найти защиты от «христианской» инквизиции.

Общество было буквально охвачено массовым психозом, связанным с ведьмами. Причем росло как число тех, кто действительно занимался колдовством, так и еще более число невинно осужденных. В каждой начинали видеть ведьму, а сами женщины изнывали от страха быть уличенными в якобы, сношении с нечистой силой. Примечательно, что особый расцвет колдовства и суеверия начался в Европе прямо накануне Великой Реформации, как своеобразная альтернатива ей, как отчаянная попытка воспрепятствовать этому великому очищению средневековой церкви и людей от языческих и оккультных пут.

И вот, Амбруаз Паре решительно выступает против этого средневекового учения, возведенного фактически в церковное учение, подкрепленное, к тому же, всесильной инквизицией.

«Паре в главе о демонах решительно утверждает, что размножаться в людях они не могут. Мнение, что дьяволица может принять в себя семя мужчины, как живого, так и мертвого, и родить, ошибочно. Чтобы опровергнуть это, Паре напоминает, что семя возникает из крови и духа, способного к зарождению. Зачатие относится к функции живого тела, а демоны живого тела не имеют. И не надо верить, что демоны или дьяволы духовной природы могут плотски познавать женщин — для этого требуется плоть и кровь, чего у демонов нет. Невозможно, чтобы духи совокуплялись с женщинами — у них нет половых органов. Кроме того, демоны бессмертны и вечны, им не надо размножаться. Сатана не размножается. Монстры, следовательно, не возникают в результате действий демонов, от сожительства демонов с людьми»¹.

В своих трудах Паре четко показал, как отличается ученый — протестант от тех, кто именовал себя докторами медицины, принадлежа к папской церкви и отстаивая все ее схоластические учения и представления. Особенно ярко это видно в труде Паре, где великий хирург выступает четко против всевозможных проявлений и популяризаций в медицину мистики, оккультизма, астрологии и других проявлений парамедицины.

● Развитие хирургии после Амбруаза Паре

Мощный импульс, данный Амбруазом Паре развитию хирургии, способствовал тому, что постепенно отношение к самой хирургии, которая еще совсем недавно в глазах общества была приравнена к брадобрейству, начало меняться самым коренным об-

¹ Бергер. Указ. соч., с. 153.

разом. И это изменение, в первую очередь, стало происходить в странах, сбросивших себя средневековые путы суеверий и схоластики, странах, принявших учение Реформации. Первой из таких стран стали Нидерланды. «По давней традиции, хирурги выполняли еще и обязанности цирюльников. В их компетенцию входили врачевание ран, сращение переломов, кровопускание, а также стрижка бороды и волос. Мало-помалу последний вид работ перешел к специализированному парикмахеру, который часто был всего-навсего лакеем хирурга. К концу века большинство хирургов забросили ножницы и помазок. Тогда в городах появились цирюльни на французский манер. Политические власти не менее руководства гильдии были заинтересованы в том, чтобы возвести хирургию в разряд науки и привнести в нее достижения медицины. Это, в частности, послужило причиной создания анатомических курсов. В Гааге хирурги города на свои деньги создали «Анатомический театр»¹. Стали впервые в истории появляться муниципальные хирурги. Так, к примеру, «Амстердам располагал довольно многочисленной командой — два обычных лекаря, два внештатных, профессор анатомии, хирург, один «оператор» и «доктор от чумы». Все они получали жалованье, при этом им позволялось держать частную практику, причем официальная должность становилась неплохой рекламой. В их задачи входило как оказание помощи, так и осуществление контроля — наблюдение за хирургами и акушерками, лечение больных из богаделен»².

Стали появляться и домашние доктора. «Домашние» хирурги устраивали приемную в одной из комнат собственного жилища. Здесь же хранились и инструменты (многие из них были изобретены в XVII веке). Они делались из железа, меди и кости — хирургические ножи, прямые и изогнутые, с зубчатым лезвием, иглы для кровопускания и щипцы для вырывания зубов. Помимо инструментов кабинет хирурга украшали различные атрибуты — череп, склянки и профессиональное свидетельство»³.

Это взаимодействие хирургии и терапии стало прекрасным исполнением желания Амбруаза Паре, ибо его «усилия были направлены на снятие многих существовавших условных барьеров того времени, таких как обособление терапии и хирургии, исключение из родовспоможения мужчин (акушеров-хирур-

¹ Зюмтор. Указ. соч., с. 189.

² Зюмтор. Указ. соч., с. 189.

³ Зюмтор. Указ. соч., с. 190.

[Цвелев Ю.В. Остроменский В.В. К 500-летию со дня рождения. Амбруаз Парэ (Ambroise Pare, 1510—1590). // Журнал акушерства и женских болезней. — 2010. — Том LIX. — Вып. 3. — С. 124].

гов)»⁴. Паре утверждал единство медицинской науки, и на собственном примере показал, что хирургу необходимы знания внутренних болезней¹.

Амбруаз Паре остается для нас не только основоположником современной хирургии, травматологии и акушерства, но и прекрасным примером гражданина своей страны, глубоко верующим человеком, пронесшим через всю жизнь принципы Евангелия, любви к ближнему и верности своим принципам.

Глава 8

УИЛЬЯМ ГАРВЕЙ И ИСТОРИЯ ФИЗИОЛОГИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

Уильям Гарвей родился 1 апреля 1578 года в небольшом английском городке на берегу Ламанша — Фолькстоне, в семье зажиточного торговца. Отец Гарвея был дважды женат, имея от первого брака дочь, а от второго девять детей, старшим из которых и был Уильям, будущий великий ученый.

На формирование характера, системы ценностей и мировоззрения мальчика огромное влияние оказала его мать, которую прекрасно характеризует эпитафия на ее могиле. «1605 года, 8 ноября скончалась на 50-м году жизни Джоанна, жена Томаса Гарвея, мать семерых сыновей и двух дочерей.

Женщина богобоязненная; скромная, любящая супруга.

Снисходительная, уживчивая соседка. Кроткая почтенная мать семейства.

Усердная рачительная хозяйка. Нежная, заботливая мать.

Любезная супруга, почитаемая детьми.

Любимая соседями, избранница Господа.

Душа ее пребывает в раю, тело в этой могиле.

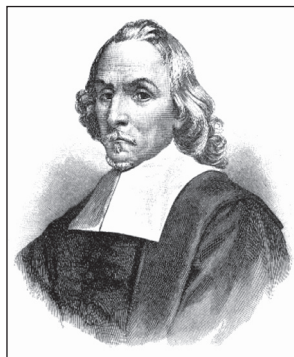
Для нее — счастливое приобретение, для ее близких — горькая утрата»².

Свое обучение Уильям начинает в Кентерберийском колледже, где учится с 10 до 16 лет, поступив затем в Кембриджский университет, изучая там четыре года философию и медицину. Крайне заинтересовавшись последней, он продолжает ее изучение вначале

¹ Бергер Е. Е., Пронин А. В. Амбруаз Паре — выдающийся акушер XVI века // Акуш. и гин. — 2005. — № 3. — С. 58—62.

² Быков К. О жизни и трудах В. Гарвея // В кн. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 171.

во Франции, потом в Германии, и, наконец, поступает в Падуанский университет, где в 1602 году получает степень доктора медицины. Вернувшись в том же году в Англию, он вскоре получает степень доктора медицины в Кэмбриджском университете. Благодаря своим исключительным медицинским талантам, он в 1607 году избирается членом Лондонской коллегии врачей, в 1609 году получает место врача при госпитале св. Варфоломея, одной из лучших больниц Англии, а вскоре становится придворным врачом короля Иакова Первого, а затем его сына Карла Первого. Именно в эти годы Гарвей приступает к изучению одной из самых сложных и практически неизученных в то время областей медицины — системы кровообращения. Став же в 1615 году заведующим кафедрой анатомии и хирургии, он в лекциях перед студентами начинает представлять совершенно новые взгляды, как на саму анатомию кровообращения, так и вообще на принципы преподавания. В одном из его конспектов лекций, дошедших до нашего времени, изложены основные 11 принципов, которыми руководствовался Гарвей. Вот эти основные его принципы.

Уильям Гарвей

- «1. Показать, насколько возможно, целую часть тела сразу так, чтобы учащиеся могли бы схватить соотношения и строение.
2. Демонстрировать особенности данного тела, лежащего на анатомическом столе.
3. Дополнять словами только то, что не может быть показано.
4. Как можно больше вскрытий производить в аудитории.
5. Подтверждать замечаниями и наблюдениями правильное суждение и объяснять строение человека, сравнивая его с животными, и кроме анатомии вводить точку зрения на причины заболевания на основании общих законов природы, с целью исправить ошибки и осветить назначение и действия отдельных частей организма.
6. Не хвалить и не осуждать других анатомов.
7. Не тратить краткого времени в спорах или уничтожая противников.
8. Излагать кратко и ясно, но не оставлять чего-либо необъясненным из того, что студенты видят перед собой.
9. Не говорить о том, что может быть выучено дома без наличия самого тела.

10. Не тратить времени на мелкие подробности.
11. На изучение каждой части тела определять известное время»¹.

Как видим, ни одно из данных положений, сформулированных Гарвеем, не утратило своей актуальности.

• **Представления о системе кровообращения до Гарвея**

До Гарвея представления о системе кровообращения оставались неизменными на протяжении более 1500 лет, и базировались на учении Галена.

Последний считал, что свои функции организм осуществляет благодаря наличию врожденных сил, носителем которых служит пневма. Последняя проникает в организм человека при вдыхании и затем дифференцируется в нем на три субстрата: «жизненную» пневму с локализацией в сердце, «психическую» пневму с локализацией в мозге и «физическую», локализирующуюся в печени².

Сама система кровообращения, согласно его воззрениям, подразумевала существование двух самостоятельных систем: артериальной, по которой движется пневма, особый дух, который бессмертен и который из легких проходит в сердце и разносится отсюда по всему телу, снабжая тело жизненной силой и управляя всеми функциями организма, и венозной системой, по которой движется собственно кровь. Последняя образуется в печени и отсюда идет в сердце, из которого по венам разносится по всему организму³. В отличие от философов и ученых античности, Гален показал, что в артериях так же содержится кровь, хотя, как полагал, Гален, основная масса крови все равно содержалась в венах.

Гален так же считал, что артерии вместе с этим небольшим, содержащимся в них, количеством крови переносят, в первую очередь, так называемый «жизненный дух» (пневму). В пользу своего мнения он приводил то, что у умерших людей в артериях не находили крови, которую зато находили всегда в венах, которых Гален и считал, как мы отметили выше, главным переносчиком крови. Поэтому, как объяснял Гален, и стенки артерий являются по сравнению со стенками вен более плотными, чтобы удерживать летучую «пневму», а стенки вен более порозными, чтобы кровь могла проникать через них и питать различные части тела.

¹ цит. по Быков К. О жизни и трудах В. Гарвея // В кн. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 171.

² Мейер-Штейнег. Указ. соч., с. 129.

³ Гарвей В. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Биографии. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. — Т. 3, с. 636—637.

Одновременно с этим, Гален не мог понять, каким образом кровь из вен попадает в артерии и левый желудочек. Пытаясь это объяснить, он предполагал наличие отверстия между желудочками сердца, через которое и происходит взаимный обмен, — из правого желудка в левый просачивается венозная кровь, а из левого в правый — «дух», представляющий собой одухотворенную и более светлую «желтую» кровь. Также Гален допускал существование отверстий (анастомозов) между венозными и артериальными сосудами, проходящими рядом¹. При этом Гален считал, что кровь движется туда и обратно одновременно в каждом отдельном сосуде и непрерывно тратится на питание тела и вновь создается в печени².

Вильям Гарвей (1578-1628)

Одновременно с этим никаких отверстий между желудочками ни Галеном, ни последующими учеными Древнего мира и Средневековья обнаружено не было.

В то же время Гален считал, что стенки левого желудочка толще стенок правого за счет того, чтобы уравнивать незначительный вес «пневмы» и «разжиженной крови», находящейся в левых отделах сердца с большим количеством крови в правых отделах сердца.

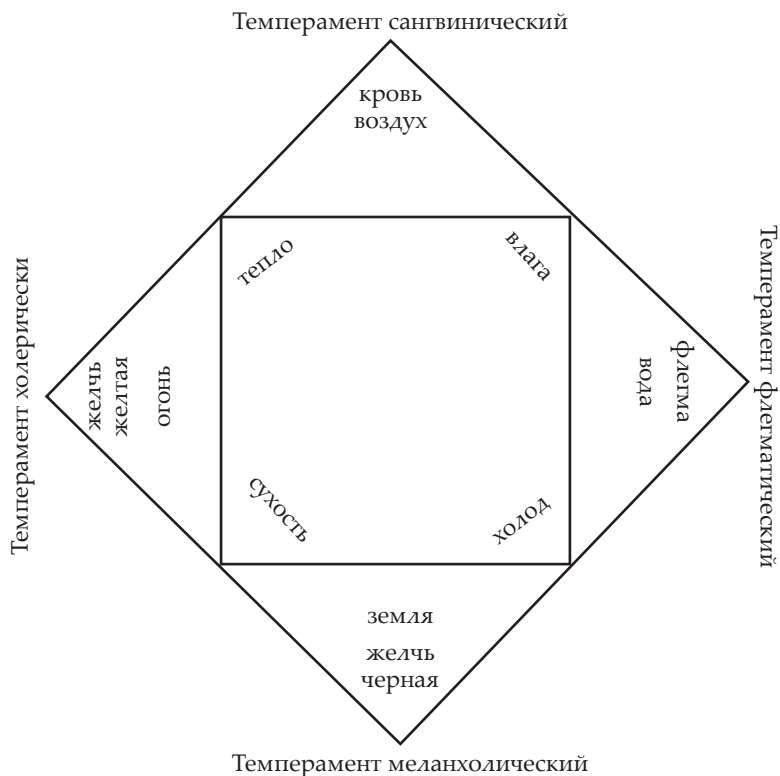
Центром кровеносной системы, согласно Галену, была печень. Последняя, получая пищу после предварительной обработки желудком и кишками, превращает ее в кровь. При этом, в качестве избытка этого процесса образуется желчь. Образовавшаяся, таким образом, в организме, кровь, разносясь вначале частью в вены, частью в правое сердце и оттуда для распределения по телу поступает в артерии, затем возвращается обратно в печень, где образуется уже новая партия крови³.

Пытаясь при этом выявить принцип взаимодействия между нервной системой и системой кровообращения, он говорил, что главное место в этом процессе принадлежит преобразованию так называемого «жизненного духа (пневмы)». Последний, якобы, поступает в организм человека при дыхании и затем, попадая в ар-

¹ Быков. Указ. соч., с. 180.

² Быков. Указ. соч., с. 183.

³ Мейер-Штейнег. Указ. соч., с. 129.

Гуморальная физиология в систематизированном средневековыми последователями Галена виде

терии, вместе с находящейся там кровью достигает чудесного сплетения — особой сосудистой сети, расположенной у основания мозга, где трансформируется в «животный дух» (центром которого был, по мнению Галена, четвертый желудочек), который являлся основным медиатором передачи двигательных и чувствительных импульсов ко всем частям человеческого организма¹.

Именно этот взгляд на систему кровообращения, предложенный Галеном просуществует в Европе более тысячи лет, вплоть до открытий Везалия и Гарвея.

Первую догадку о существовании круга кровообращения высказал арабский врач XIII века Ибн-аль-Нафиз из Дамаска², в рукописи которого, найденной в 1924 году, было написано следующее.

¹ Гален. Сочинения, т. 2, с. 13—14.

² Заблудовский. Указ. соч., с. 99.

«Когда кровь в правом желудочке становится утонченной, необходимо, чтобы она перешла в левый желудочек, где возникает жизненный дух. Но между ними нет никакого места сообщения, ибо вещество сердца там (в перегородке) плотно и не имеет ни видимого места прохода, как думали, ни невидимого, могущего служить для перехода этой крови, как полагал Гален... Поэтому эта кровь должна, когда она истончается, доходить через артериальную вену до легких с тем, чтобы распространиться в их веществе и смешаться с воздухом, дабы тончайшая часть была им очищена и затем текла в венозную артерию для доставки в левый из обоих желудочков сердца, ставши после смешения с воздухом пригодной для возникновения жизненного духа ...¹».

Мигуэль Сервет

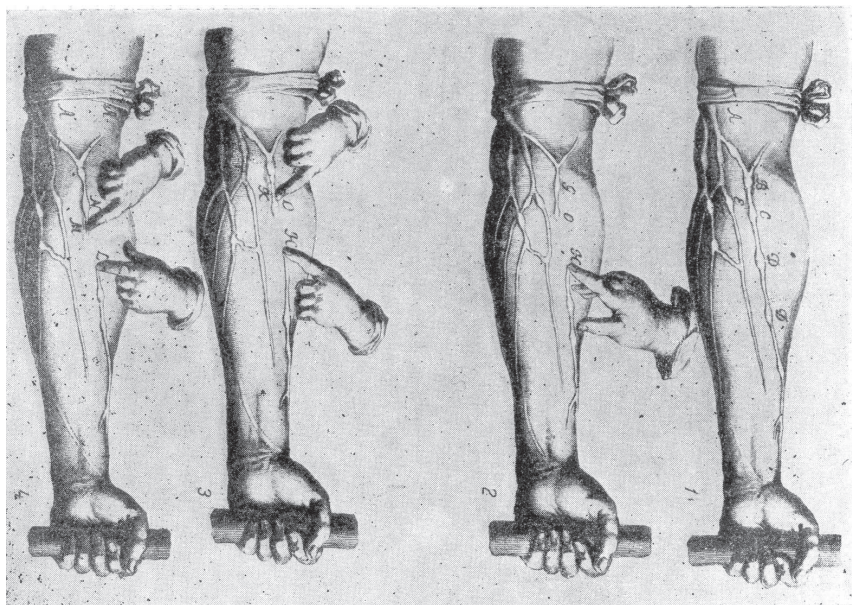
Эта рукопись, обнаруженная только в наши дни, была, видимо, известна в Средневековье, что доказывается тем, что испанский врач и теолог Мигуэль Сервет (1509—1553), прославившийся, как один из амбициознейших и тщеславных людей своего времени, готовый отвергать для роста собственной популярности даже извечные христианские догматы, в своем произведении «Восстановление христианства» излагает почти дословно эту идею арабского врача.

«Жизненный дух возникает в левом желудочке сердца, причем, главную роль в его возникновении играют легкие. Это тонкий дух, выработанный силой тела, желтоватый и огневой, подобный светлomu пару чистейшей крови и содержащий в себе субстанцию воды, воздуха и огня. Порождается он образовавшейся в легких смесью вдыхаемого воздуха и тонко выработанной кровью, которую правый желудочек сердца передает в левый. Но осуществляет эта передача не через среднюю стенку сердца, как думали обыкновенно, а весьма сложным способом: правый желудочек гонит тонкую кровь по длинному пути через легкие; в легких она перерабатывается и приобретает желтоватый цвет и из артериальной вены переливается в венозную артерию»².

Видимо, рукописи Ибн-аль-Нафиза могли быть переведены на испанский язык или с ее содержанием Сервета могли ознако-

¹ цит. по Быков. Указ. соч., с. 183—184.

² цит. по Быков. Указ. соч., с. 184—185.

Опыт В. Гарвея с перевязкой руки, доказывающий циркуляцию крови

мить мавры¹. В советское время Сервета было принято изображать чуть ли не как революционера, гениального ученого, который был казнен за свои научные исследования². В действительности же он не был ни революционером, ни гениальным ученым, ни грамотным теологом, отчего и были его комплексы и желание прославиться на весь мир, выступив, ни много, ни мало, а как преобразователь всего христианства. Также в работах крупнейших ученых из Падуи Везалия, и особенно его ученика Реальда Колумба (1516—1559), с которыми Гарвей знакомился во время своего обучения в Падуанском университете, содержались сведения о легочном кровообращении, но оно рассматривалось этими авторами отдельно, вне всей системы кровообращения. Итальянский ученый Андрей Цезальпино (1519—1603) сделал описание малого круга кровообращения и высказал в 1569 году мысль о возможном существовании большого круга кровообращения, но ничем это предположение не было подкреплено, хотя в Италии ему поставлен памятник, как творцу теории о кровообращении³.

¹ Быков. Указ. соч., с. 185.

² Бородулин. Указ. соч., с. 168; Заблудовский. Указ. соч., с. 99.

³ Верхратский. Вказ. тв., с. 80.

Но как бы то ни было, до Гарвея никакого четкого целостного представления о системе кровообращения не существовало.

«Большим толчком к исследованию Гарвея послужило описание венозных клапанов в 1574 г. Фабрицием, у которого учился Гарвей. Эти заслонки вен, не позволяющие крови течь по направлению от сердца, навели Фабриция на мысль о их назначении и общем круге кровообращения, однако Фабриций установил только факт, но не сделал из него надлежащего заключения»¹.

Таковы были исходные представления о системе кровообращения к моменту начала деятельности Гарвея.

• **Открытие системы кровообращения**

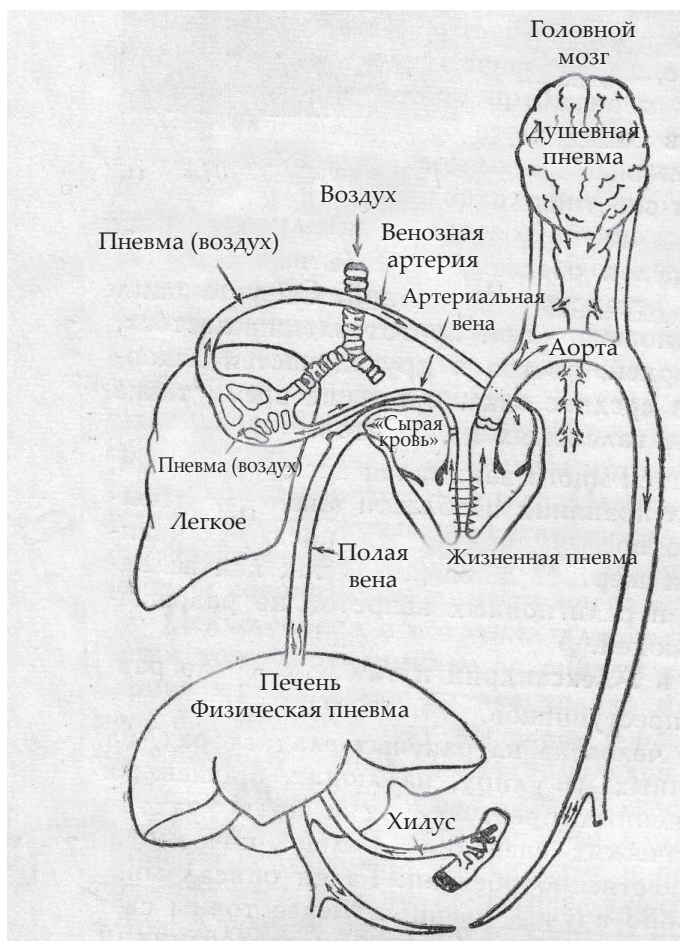
И вот Гарвей, в ходе своих более чем десятилетних исследований, после многочисленных анатомических исследований, вивисекций, опытов и наблюдений публикует в 1629 году свой труд «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных».

Понимая, что его открытия приведут к возмущению многих ученых, верящих в непоколебимость трудов древних авторитетов, Гарвей в своем Посвящении к нему отмечает следующее.

«Подлинно просвещенные люди, движимые горячей любовью к мудрости и истине, никогда не считают себя настолько мудрыми и ум свой настолько самодовлеющим, чтобы не принять истину, когда бы и откуда бы она ни пришла; их кругозор не настолько узок, чтобы считать, что все, сделанное в науке и искусствах является настолько законченным и совершенным, что для старания и труда новых деятелей не осталось ничего. Большинство сознает, что все наше знание представляет только небольшую часть того, что нам неизвестно. Такие просвещенные люди не лишают себя свободы исследования и не подчиняются рабски преданиям и предписаниям авторитетов настолько, чтобы не верить собственным глазам, и не настолько преклоняются перед авторитетом старины как своей учительницы, чтобы изменить правде. Одинаково бессмысленными считают тех легковверных людей, которые все принимают с первого взгляда, как и тех, кто не видит явно ощущаемого, кто не признает дня в полдень. Они учат в научном исследовании избегать поэтических вымыслов и народных сказок, как и скептических отказов от исследований. Все честные и настоящие ученые никогда не поддаются до такой степени зависти или раздражению, чтобы не выслушать хладнокровно того, что высказывается ради истины, и чтобы не понять правильно ос-

---

¹ Быков. Указ. соч., с. 187.

Представление Галена о сосудистой системе

вещенного факта. Они не считают позором менять свое мнение, если правдоподобность и явное доказательство этого требуют. Они не считают постыдным отказаться от заблуждения»¹.

Вместе с тем, Гарвей особо подчеркивает свое глубокое уважение древним авторам и ученым прошлых веков, открытия которых сыграли в свое время большую роль. В связи с этим Гарвей пишет. «Дорогие коллеги, я вовсе не хотел пересмотром и перебиранием статей и мнений анатомических авторитетов в громад-

¹ Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 9.

ном томе показать свою памятьливость, ночные труды и свою начитанность, так как я нахожу, что анатомы должны учиться и учить не по книгам, а препаровкой, не из догматов учености, но в мастерской природы. Я не собирался кого-либо из древних лишить подобающих ему почестей, ни бросить вызов кому-нибудь из позднейших; не считаю честным поднимать руку на тех, у которых я сам учился и кто прославился в анатомии. К этому надо добавить, что я намеренно никого, кто стремится к истине, не хотел заклеить как лжеучителя, ни обвинять кого-либо в заблуждении, но, старательно следуя только истине, я приложил все усилие, чтобы быть в состоянии что-нибудь создать, что было бы добрым людям желательно, ученым приемлемо и образованности полезно. Итак, прощайте, славнейшие доктора, и будьте благосклонны к Вашему коллеге, анатому Вильяму Гарвею¹.

Вообще скромность, такт, уважение даже к своим противникам были отличительными чертами Уильяма Гарвея, на формирование которых оказала его глубоко верующая мать, привившая ему с детства христианские добродетели, одной из которых является любовь к врагам.

Гарвей так же откровенно говорит о своих трудностях и переживаниях при работе над этим трудом, посвященном кровообращению и работе сердца.

«Произведя многочисленные вивисекции для изучения функции сердца и его движений, наблюдая факты, а не по книгам различных авторов, я нашел это настолько затруднительным, что вместе с Фракастором почти готов был думать, что движение сердца может быть понятно лишь одному Богу. В самом деле, скорость сердечного движения не позволяет различить, как происходит систола и диастола, и поэтому невозможно узнать, в какой момент и в которой части совершается расширение и сжатие. Действительно, я не мог отличить систолы от диастолы, так как у многих животных сердце показывается и исчезает в мгновение ока, с быстротой молнии, так что мне казалось один раз — здесь систола, а там диастола, другой раз — наоборот; во всем разность и сбивчивость. Я не знал, что мне утверждать или насколько можно довериться другим авторам... Наконец, при ежедневном внимательном и терпеливом изучении движений сердца, собрав множество наблюдений над внутренностями живых животных, я думал, что достиг цели, что мне удалось выбраться из этого непроходимого лабиринта и познать движение и функции сердца и

---

¹ Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 10.

артерий. После этого я не убоюсь изложить свое учение не только в частных беседах с друзьями, но и публично в моих анатомических лекциях с полным научным обоснованием.

Моя теория, конечно, одними была принята, иными же нет, как это всегда бывает. Одни усиленно меня опровергали и порицали за то, что я отклонился от правил и доктрин всех анатомов, другие же утверждали, что новая доктрина была достойна более глубоких изысканий, и они требовали более детальных объяснений. Мои друзья просили меня дать возможность воспользоваться всеми моими изысканиями; с другой стороны, меня побуждала ненависть тех, которые с предубеждением относились к моему учению и, мало понимая его, пытались вынести на суд общества мою доктрину и осмеять меня самого. Поэтому я решил опубликовать мои открытия, чтобы все могли составить мнение обо мне и о моих трудах... И, наконец, если я окажусь правым, я надеялся своей работой принести некоторую пользу ученому миру, чтобы никто не сказал, что жизнь моя прошла даром»¹.

В этом труде Гарвей приводит описание и обоснование своих открытий, которые стали фундаментом для последующего развития не только физиологии, но и всей медицины.

1. Открытие циркуляции кровообращения

Подводя итог своим исследованиям кровообращения, Гарвей пишет следующее. «Теоретические изыскания и эксперименты подтвердили следующее: кровь проходит через легкие и сердце благодаря сокращению желудочков, из которых она посылается во все тело, проникает в вены и «поры ткани» и по венам, сначала по тонким, а потом по более крупным, возвращается от периферии к центру и, наконец, через полую вену приходит в правое предсердие. Таким образом, кровь течет по артериям из центра на периферию, а по венам от периферии к центру в громадном количестве. Это количество крови больше того, что могла бы дать пища, а также больше того, которое нужно для питания тела. Следовательно, необходимо заключить, что у животных кровь находится в круговом и постоянном движении. В этом и состоит деятельность — или функция — сердца, осуществляемая посредством биения. И, конечно, движение сердца и деятельность, проявляемая во время пульса, — одно и то же»².

К этому важнейшему открытию Гарвей приходит через следующие теоретические предпосылки.

---

¹ Гарвей Указ. соч., с. 29—30.

² Гарвей. Указ. соч., с. 81.

ВИЛЬЯМ ГАРВЕЙ
АНАТОМИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ О ДВИЖЕНИИ
СЕРДЦА И КРОВИ
У ЖИВОТНЫХ

ПЕРЕВОД, РЕДАКЦИЯ И КОММЕНТАРИИ
АКАДЕМИКА К. М. БЫКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1948

Первое. Количество крови, выбрасываемое из сердца при его сокращении так велико, что пища, как думали древние врачи, не могла бы пополнить, и более того, постоянно пополнять такой объем.

Второе, такое количество крови больше, чем нужно для питания тканей¹.

Исходя из этих двух предпосылок, Гарвей весьма резонно задает вопрос, а куда тогда вообще девается кровь, которая выбрасывается из сердца? Значит, она совершает круговое движение — отвечает он сам на свой вопрос.

«Наблюдая обильное количество крови, виденное мною при вивисекциях и вскрытиях артерий, замечая симметрию и обширность желудочков и приносящих и выносящих сосудов (а природа не создает ничего всуе и не могла напрасно дать этим сосудам такой объем), наконец, размышляя над удивительным механизмом клапанов и всей структуры сердца, над обилием крови, приходящей в движение, над быстротой этого движения, я много думал и задавал себе вопрос: мог ли хилус перевариваемой пищи пополнять беспрестанно опустошаемые вены? Я понял, что артерии могли бы разорваться от этого непрерывного прилива крови, если бы она не возвращалась какими-либо путями из артерий в вены и не приходила бы вновь в правый желудочек сердца. Итак, вначале я задал себе вопрос, не имеет ли кровь кругового движения, в чем я позднее убедился как в истине: я признал, что кровь по выходе из сердца отбрасывается сокращением левого желудочка через артерии во все части тела так же, как сокращением, правого желудочка она прогоняется через артериальную вену в легкие. Проходя через вены, она возвращается в полую вену и дальше в правое предсердие, проходя же из легких через артерию, названную венозной, она возвращается в левый желудочек... Это движение крови можно назвать круговым»².

Чтобы доказать этот свой ответ, Гарвей продельывает следующий опыт.

«При перевязке поллой вены, при впадении ее в сердце, ниже места перевязки происходит вздутие, тогда как правое предсердие, не получая крови, пустеет, становится бледным и прекращает свою работу. Если вскрыть аорту, то кровь с силой выбрасывается, аорта и ее разветвления пустеют и перестают пульсировать. При перевязке аорты центральная часть ее раздувается, а левое предсердие переполняется кровью. Эти и ряд других доказательств делают убедительным предположение о круговом движении крови»³.

¹ Верхратский. Вказ. тв., с. 80.

² Гарвей. Указ. соч., с. 57.

³ Гарвей. Указ. соч., с. 191.

2. Открытие роли венозных клапанов в системе кровообращения

Гарвей первым показал и доказал, что «благодаря клапанам, кровь движется от периферии к центру, а не наоборот».

«Для того, чтобы еще яснее доказать эту истину, сделаем следующий опыт: перевяжем у кого-нибудь руку выше локтя, как это обычно делают при кровопускании (АА). На венах можно будет видеть через промежутки некоторого рода узловатости и бугры (В, С, Д, Д Е, Е), и не только там, где есть разделение (Е, Е), но также и там, где оно отсутствует (С, О). Эти узловатости происходят из-за клапанов, которые таким образом обнаруживаются на внешней стороне руки или локтя. Если же, наложив большой или указательный палец ниже узловатости, выдавить кровь, то наблюдается, что ниже узловатости (Я, фиг. 2) клапан совершенно препятствует проходу крови, а поэтому часть вены (И, О, фиг. 2), сжатая между узловатостью и пальцем, опустев, скрывается. Тем не менее, выше этой узловатости или этого клапана вена несколько растянута (О, О). Если продолжать придерживать опустошенную вену (Н), а другой рукой прижать (К, фиг. 3) выше клапана (О) на месте расширения, то кровь нельзя никаким образом протолкнуть через клапан (О); и чем сильнее нажимать, тем она больше будет вздуваться и растягиваться со стороны клапана (О) или узловатости (О); тем не менее, нижележащая часть будет оставаться пустой (Я, О, фиг. 3).

Этот опыт, который всякий может повторить в различных областях, доказывает, что назначение клапанов в венах такое же, как и трех сигмообразных клапанов, расположенных в начале аорты и артериальной вены. Они закрывают отверстия и препятствуют обратному возврату той крови, которая через них прошла»¹.

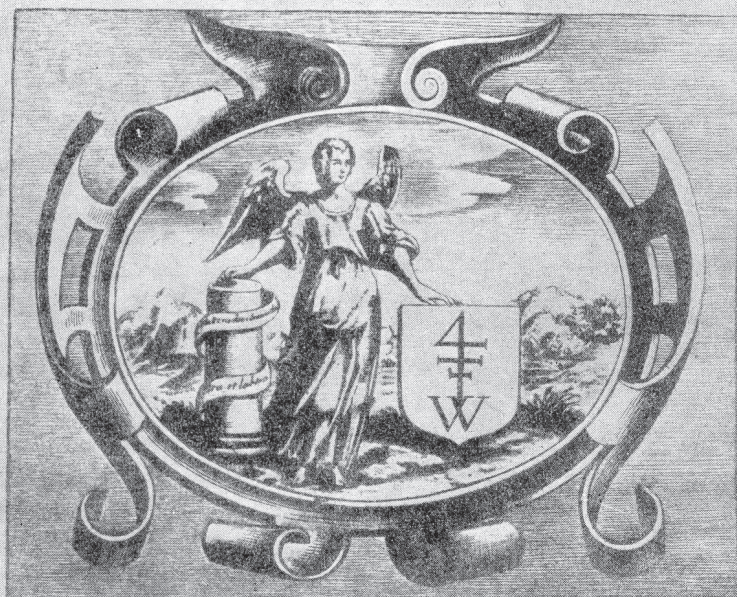
3. Открытие причины формирования пульса

«1. Моменту напряжения, сокращения и удара в грудь, т. е. моменту систолы сердца, отвечает момент расширения и пульсации—диастолы артерий. Во время сокращения и выбрасывания крови правым желудочком происходит пульсация артериальной вены, которая расширяется одновременно с другими артериями тела.

2. При совершенном бездействии левого желудочка артериальный пульс прекращается; при слабом же его сокращении артериальный пульс едва ощутим. То же происходит с правым желудочком и артериальной веной.

¹ Гарвей. Указ. соч., с. 79.

EXERCITATIO
ANATOMICA DE
MOTV CORDIS ET SAN-
GVINIS IN ANIMALI-
BVS,
GVILIELMI HARVEI ANGLI,
*Medici Regii, & Professoris Anatomia in Col-
legio Medicorum Londinensi.*

FRANCOFVRTI,
Sumptibus GVILIELMI FITZERI.
ANNO M. DC. XXVIII.

Титульный лист трактата В. Гарвея, изданного во Франкфурте в 1628 г.

EXERCITATIO
Anatomica,
DE MOTV CORDIS
ET SANGVINIS IN
ANIMALIBVS.

Caput Primum.

*Cause, quibus ad scribendum Author permotus
fuerit.*

VM multis viuorum dissectionibus (vti ad ma-
num dabantur) animus ad obseruandum primū
appuli; quo cordis motus vsus, & vtilitates in a-
nimalibus per autopsiam, & non per libros alio-
rumque scripta inuenirem: Rem arduam plane,
& difficultatibus plenam cōtinuo reperi, vt (cum
Fracastorio) motum cordis soli Deo cognitum
fuisse, penē opinarer. Nec enim quomodo Systole, aut Dia-
stole fieret, nec quando, aut vbi dilatatio, & constrictio existeret, recte potui inter-
noscere, propter celeritatem scilicet motus qui in multis animalibus,
nisi tu oculi, quasi traiecto fulgure, se in conspectum exhibuit, & subtra-
xit illico, ita vt modo hinc Systolen, illinc Dia-
stolen, modo è contra, modo varios, modo confusos fieri motus me existimabam cernere:
vnde animus mihi fluctuabat, nec quid vel ipse statuerem, vel alijs cre-
derem habebam, & motum cordis esse qualis Euripi fluxus, & refluxus
Aristoteli, Andream Laurentium scripsisse non mirabar.

Tandem maiori indies, & disquisitione, & diligentia vsus, multa
frecuen-

*Перевод страницы 73 записной лекционной тетради В. Гарвея
по общей анатомии*

Слово „cor“ (происходит) от *currendo*, так как постоянно движется.

164. Наиважнейшая из всех частей.

По составу тело волокнистое, плотнее и холоднее печени, но (содержит) большое количество крови и духов в желудочках.

1. Откуда источник всего тепла.

2. Откуда правый желудочек вследствие расширения (разбухания) только что умершего.

3. Откуда у рыб как бы бассейн крови и тем больше, чем кровь одухотвореннее и горячее; полагаю, что чем кровь разреженнее, а не сгущеннее, (тем) пригоднее для жизни, поэтому желудочек ушка пульсирует после удаления количества крови из сердца, главного источника; потому что думаю, что желудочки (которые у зародыша оба, как у рыбы, соединяются) происходят из капли крови в яйце. И сердце вместе с прочим (?) подобно тому, как колосья во ржи разбухают все одновременно, независимо от нечувствительной величины. Есть ли капля крови в «желудке» предсердия, распространяющая оттуда во все части тепло, ниоткуда его не получая. Убежище тепла и жилище, дух-хранитель этого здания, источник, соединяющий с головой. Образ водоворота. Подобие сосновой шишки и флакона для нюхательной соли. У птиц круглый конус, у макрели овальное, у черепахи с двумя вершинами, у некоторых, как у зародыша.

Перевод 73 страницы В. Гарвея

3. При рассечении или прободении какой-либо артерии кровь в момент сокращения левого желудочка с силой выталкивается наружу из раны. То же самое бывает и при сокращении правого желудочка, если есть ранение на артериальной вене. И, наконец, при перерезке какой угодно артерии можно видеть кровь, которая выбрасывается то дальше, то ближе из раны, причем сильнейшее выбрасывание ее отвечает диастоле, в самый момент удара сердца в грудную клетку. Значит, во время сокращения сердца кровь входит в артерии.

Эти факты доказывают, в противоположность принятому мнению, что диастола артерий отвечает систоле сердца и артерии расширяются и наполняются кровью вследствие сжимания желудочков сердца, которые вгоняют в них свою кровь. Артерии растягиваются вследствие того, что они наполняются кровью, подобно бурдюкам или мочевому пузырю, а не наполняются от растяжения наподобие раздувательного меха. Итак, артериальный пульс сосудов всего тела происходит от одной и той же причины:

именно от сокращения левого желудочка; пульс же артериальной вены — результат сокращения правого желудочка.

Одним словом, пульс артерий есть результат, полученный от толчка крови при сокращении левого желудочка. Под давлением сердечного сокращения пульс становится сильнее, чаще, отражая ритм, число и силу сокращений сердца; это можно сравнить с игрой на волынке, когда одновременно происходят и движение пальцев, и раздувание пузыря. Не следует ожидать, что при последовательном движении крови может произойти хотя бы минутный перерыв между сокращением сердца и расширением артерий, как бы отдалены они ни были от сердца... Все артерии расширяются одновременно... пульсация всех вен происходит в один и тот же момент, ибо все вены зависят от сердца»¹.

Так, Гарвей четко показывает, что пульсация артерий связана с сокращением сердца, а не является результатом действия особой силы — *vis pulsitiva*. Он также доказал, что систола — это активное сокращение сердца, а диастола — его расслабление. В то время, как до него, согласно Галену, систола рассматривалась, как пассивное спадение сердца, а диастола считалась его активным расширением для втягивания воздуха в ток крови»².

4. Открытие влияния состояния сердца на работу других органов и систем организма человека

Гарвей одним из первых показал прямую взаимосвязь между состоянием сердца и работой других органов и систем. «Если сердце здорово, то все части тела могут еще возвратиться к жизни или же восстановить здоровье. Но при охлаждении или при тяжком поражении сердца естественно должен страдать и разрушаться весь организм животного, ибо его первооснова повреждена и разрушена. Тогда ничего не может заменить сердце и взять на себя его функции. Вот почему, может быть, горе, любовь, зависть, заботы и все им подобное может вызывать исхудание, истощение, худосочие и различные страдания, влекущие за собой болезнь и гибель людей. Ибо все движения души — горе, радость, надежда, волнение, — возбуждающие ум человека, отзываются на сердце и производят в нем изменения устройства и деятельности. Не нужно удивляться, что изменение питания и ослабление сил в центральном очаге быстро порождает в членах и в теле различные неизлечимые болезни, так как все тело страдает от изменения питания центрального очага и от недостатка естественной теплоты в нем»³.

¹ Гарвей. Указ. соч., с. 34—35.

² Заблудовский. Указ. соч., с. 100.

³ Гарвей. Указ. соч., с. 83.

5. Через кровь по организму разносятся различные инфекции

Гарвей показал, что наличие циркуляции крови приводит к разносу инфекции по организму. «В учении о циркуляции можно найти причину и обоснование для многих темных вопросов. При всяком заражении, например, при ядовитой ране, укусе змеи или бешеной собаки или при венерической ране наблюдается общее заражение организма, хотя болезненным процессом непосредственно затронута какая-либо одна часть. При венерических болезнях иногда наблюдаются боли в плечах, голове и других местах, хотя раны в половых частях отсутствуют. Точно так же при заживлении раны от укуса бешеной собаки наблюдались факты возврата лихорадки и других устрашающих симптомов бешенства. Таким образом, очевидно, что источник заразы, первоначально привитый известной части тела, переходит вместе с кровью в сердце и оттуда может распространяться по всему телу»¹.

Для построения окончательной схемы системы кровообращения не хватало капиллярных анастомозов, через которые и осуществляется связь артериальной и венозной систем, но их Гарвей открыть не мог, так как хотя микроскоп был уже изобретен (в 1590 г. оптиками Гансом и его сыном Захарием Янссенами), но свое распространение он получил уже после смерти Гарвея, когда усовершенствованный Антоном Левенгуком (1632—1723) он позволил профессору Болонского университета Марчелло Мальпиги открыть в 1661 году существование капилляров. Однако, Гарвей интуитивно предполагал наличие подобных образований, именуя их порами тканей или анастомозами².

«Итак, несмотря на то, что Гарвей не мог видеть капиллярных анастомозов, он своим творческим воображением почти ясно представлял себе картину замкнутой системы кровообращения так, как представляем ее мы в настоящее время»³.

• Атаки на теорию Гарвея

Несмотря на прекрасную доказательную базу, открытия Гарвея привели в бешенство значительное число ученых того времени. Хотя, правильнее, наверное, будет отметить, что именно эта доказательная база и стала предметом их ненависти, обусловленной, в первую очередь, завистью, которая, к сожалению, всегда играла не малую роль в развитии науки. Так, к примеру, врач из Падуи Паризиани в ответ на выход книги Гарвея, объявил учение

¹ Гарвей. Указ. соч., с. 85.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 322.

³ Быков. Указ. соч., с. 193.

Иоанн Риолан
(1580—1657)

его о тонах сердца совершенно несостоятельным и саркастически стал говорить, что, видимо, в Италии врачи более глухие, чем в Англии, и потому не слышат того, что выслушивал Гарвей. Враги Гарвея провозглашают надменный принцип: «Желаем лучше ошибаться с Галеном, нежели признавать циркуляцию крови по Гарвею!»¹

Но главным противником Гарвея становится профессор Парижского университета, личный врач французской королевы Марии Медичи Иоанн Риолан (1580—1657), прозванный «королем анатомов». С большим высокомерием он отозвался о книге Гарвея, сказав: «Всякий лезет со своими открытиями»². И это несмотря на то, что во время своего визита в Англию, сопровождая Марию Медичи, Риолан встречался с Гарвеем и тот демонстрировал ему свои яркие и четкие опыты. К тому же сам Риолан был прекрасным анатомом и много сделал для развития медицинского факультета Парижского университета, и потому говорить о его некомпетентности или косности мы не можем. И потому, видимо, зависть к чужому успеху двигала им на протяжении многих лет, в течение которых он всячески дискредитировал Гарвея и его труды.

Но если в этой борьбе выявилась нечистоплотность Риолана, то в не меньшей степени она открыла прекрасные черты характера Гарвея, и как ученого, и как человека, не теряющего собственного достоинства даже перед лицом насмешек и издевательств врагов, к которым он всегда относился с неизменным уважением, хотя и не разделял их взглядов. Это особенно хорошо видно из его Посланий Риолану, написанных им в ответ на обвинения, выдвигаемые тем.

Уже в самом адресате Послания видно уважение, с которым Гарвей обращается к Риолану. «К Иоанну Риолану, опытнейшему парижскому медику, корифею анатомов, превосходному королевскому профессору анатомии и ботаники и декану в Парижской академии, главному врачу королевы, матери Людовика XIII»³.

¹ Верхратский. Вказ. тв., с. 80.

² Быков. Указ. соч., с. 199.

³ Гарвей. Первое Послание Риолану. Указ. соч., с. 105—106.

Затем он пишет, что с большим уважением относится к трудам Риолана и, однако, считает и свои работы важными для развития медицины.

«Несколько месяцев тому назад вышел небольшой труд знаменитого Риолана по анатомии и патологии, переданный мне собственноручно автором, за что приношу ему благодарность; со своей стороны, поздравляю этого мужа, доведшего до конца предпринятое им достойнейшее величайшей похвалы начинание. Изложить наглядно местонахождение всех болезней — тяжелый труд, преодолеть который может только божественное дарование. Он, действительно, проник в важнейшую область, предусматривая болезни, ускользавшие даже от проницательного ума. Такие попытки приличествуют главе анатомов: ибо нет такой науки, которая не возникла бы из предшествовавшего познания, и никакое полное и верное познание не происходит без чувственного восприятия. Поэтому и самое дело и пример такого мужа настоятельно требуют и побуждают дух мой к тому, чтобы я свою медицинскую анатомию, сколько возможно к пользе медицины приспособленную, передал письменно, но не так, как он, который перечисляет места болезней, исключительно изучая их на трупах здоровых людей и соображаясь с мнениями других, но на основании многоперечисленных вскрытий тел больных, изнуренных тягчайшими и удивительными заболеваниями. Необходимо мне было описать, каким образом и как изменяются и поражаются внутренние части — по положению, по величине, по построению, форме, составу и другим признакам, доступным чувствам. Я описал, насколько органы уклоняются от природных форм и вида (которые анатомы обычно описывают). Подобно тому, как вскрытие здоровых и хорошо сложенных тел дает очень многое для философии и истинной физиологии, так и исследование тел больных и немощных — для философской патологии. Конечно, физиологическое наблюдение того, что сообразно природе, должно прежде всего изучаться медиками, потому что то, что сообразно природе, — правильно, как в норме, так и при патологии; исходя из нормы, следует определять ошибки и неестественные состояния. А из изучения патологии — проистекает польза и искусство врачевания и представляются возможности нахождения многих новых лекарств.

Не всякий легко поверит, насколько в болезнях, особенно хронических, разрушаются внутренности и какие необыкновенные явления возникают во внутренних частях. Осмелюсь также сказать, что вскрытие пораженного болезнью тела, или изнуренного застарелой болезнью, или отравленного принесет больше пользы медицине, чем десять тел повешенных.

Поэтому я не только не осуждаю предпринятое ученым и опытным анатомом Риоланом, но полагаю, что следует при-

ветствовать его высшей похвалой как весьма полезное учение для медицины, освещающее сторону физиологическую. Однако считаю, что не менее полезным будет для искусства врачевания, если будет указано не только место заболевания, но и самое поражение, наблюдаемое глазом»¹.

После этого он скрупулезно разбирает все доводы, приводимые Риоланом против его теории кровообращения, и показывает их полную несостоятельность. Но при этом крайне уважительно относится к самому Риолану, именуя его ученым мужем, учнейшим Риоланом². В этом своем Послании Гарвей приводит прекрасный пример подлинно научной дискуссии, которая должна иметь место между учеными, целью которых является не искусственное самовозвышение, путем очернения другого, а поиск истины на благо людям.

Свое послание к Риолану, Гарвей заканчивает прекрасными словами. «Ты с большим изяществом соединил анатомию с патологией и обогатил с большой пользой остеологию — хвала тебе, знаменитейший муж! Отнесись же с любовью ко мне, который желает тебе быть счастливым и долговечным, и чтобы знаменитые труды твои были бы тебе в вечную славу»³.

Но благородство Гарвея не было оценено Риоланом, который болезненно наблюдал за успехами Гарвея, продолжая его очернять.

В ответ на это Гарвей пишет свое Второе послание Риолану и вновь в нем мы видим красоту характера Гарвея и его нежелание опускаться до обвинений и очернений своих врагов. Он, как истый ученый-христианин, желает стоять над людской злобой и ненавистью.

«Много лет тому назад учнейший Риолан издал часть моего труда. Не проходило почти ни одного дня со времени появления в свет моего учения о кровообращении без того, чтобы я не слышал чего-либо хорошего или дурного об открытой мною циркуляции крови. Это нежнейшее дитя терзали злословием как недостойное появления в свет, считая, что этот зародыш я пестую и вскармливую своими писаниями. И если одни нападали на меня с большим презрением, то нашлись другие, которые отнеслись ко мне с большим одобрением, считая, что факт кровообращения я подтвердил опытами, наблюдениями и вскрытиями, несмотря на сильные нападки и доказательства обратного. Некоторые и до сих

¹ Гарвей. Первое Послание Риолану. Указ. соч., с. 105—106.

² Гарвей. Первое Послание Риолану. Указ. соч., с. 110, 114.

³ Гарвей. Первое Послание Риолану. Указ. соч., с. 124.

пор думают, что вопрос еще недостаточно выяснен и еще не может притязать на признание. Есть и такие, которые громко заявляют, что вивисекциями я домогаюсь суетной славы, высмеивают меня за то, что я будто бы вывожу на сцену лягушек, змей, мух и других ничтожных животных, порицают меня за мальчишеское легкомыслие и даже проклинаят меня.

Я считаю недостойным для ученого, взыскующего истину, отвечать проклятиями моим противникам. Для него будет гораздо более достойным и разумным развеять злобу светом очевидного и неоспоримого исследования. Неизбежно, что собаки лают и извергают свою блевотину, неизбежно, что и среди ученых имеются циники, а потому следует остерегаться, как бы они не искушали и не заразили бы других бешенством и не подгрызли своими собачьими зубами кости и основы истины. Порицателей, насмешников и грязных злословящих писак (от которых не следует ожидать ничего основательного или благородного, кроме проклятий) я решил никогда не читать и .считаю их недостойными ответа. Они пользуются своим злым гением, каковым, я полагаю, никогда не обладают благожелательные читатели (чего следует, прежде всего, и больше всего желать). Бог же Всеблагий не дает мудрости нечестивым: пусть продолжают проклинаят, пока не устыдятся и самим не надоест»¹.

В этом своем Послании он также развенчивает, еще имевшую в медицине со времен Древнего мира и Средневековья веру в духов, которые, якобы, населяют организм человека и подразделяются на десятки подвидов, вызывая, как различные болезни у человека, так определяя и особенности его характера.

«Что касается духов, — каковы они сами по себе, каковы в теле и какого состава, отдельные и различные от крови и плотных частей или с ними смешанные, то существует много различных мнений. Поэтому неудивительно, что духи, природа которых спорна, служат прибежищем общего невежества. Обычно хвастуны, не умея указать причину, тотчас ссылаются на духов и вводят их как виновников всех явлений, наподобие плохих поэтов, вызывающих их на сцену для разрешения фабулы и катастрофы. Фернелий и другие полагают, что духи суть воздушные и невидимые субстанции; он доказывает, что есть живительные духи (так же, как Эразистрат относительно артерий), так как в мозгу находятся клеточки, и он считает, если не признавать пустоты, что они наполнены у живых людей духом. Медицинские школы устанавли-

---

¹ Гарвей. Второе Послание Риолану. Указ. соч., с. 125—126.

вают три вида духов: природные в венах, живительные в артериях и проникающие нервы — душевные; поэтому медики говорят, придерживаясь Галена, что иногда части мозга, когда не представляется возможности работать вместе с сущностью, т. е. с духом, работают вопреки своему существу. Сверх того, кроме трех родов духов, находящихся в крови, они, по-видимому, насчитывают столько же духов привходящих. Мы же ни в венах, ни в нервах, ни в артериях, ни в других частях у живых, исследуя их при вскрытиях, таковых не находили. Одни создают телесных духов, другие бестелесных, а сторонники последних иногда понимают под ними самую кровь, или тончайшую часть ее, — связь души, содержащуюся в крови, как пламя в копоги. Те, которые утверждают, что духи бестелесны, не имеют, на что опереться, но все же признают их по их действительности. По их действию различаются: духи переваривающие, выделяющие хил, житнетворные и еще столько духов, сколько возможностей.

Но схоласты причисляют к духам дух могущества, осмотрительности, терпения и всех добродетелей, дух святейшей мудрости и всякий дар божественный. Они также предполагают, что добрые и злые духи могут помогать, овладевать, покидать и блуждать, и что болезни причиняются злым духом так же, как и худосочием. Но, хотя нет ничего более неверного и сомнительного, чем передаваемое учение о духах, тем не менее, почти все медики с Гиппократом, по-видимому, делают то же»¹.

Четкие доводы, приведенные Гарвеем, еще более разожгли ненависть его врагов, среди которых после ухода по возрасту из университета Риолана главным становится преемник Риолана в Парижском университете, профессор Гюи-Платен, которого, кстати, тонко высмеял Мольер в своей комедии «Мнимый больной». И действительно, выдающиеся умы того времени, такие, как Рене Декарт, поддерживали работы Гарвея, хотя и расходились с ним по ряду положений.

● Гарвей — основоположник эмбриологии

В самый разгар этой дискуссии в Англии происходит буржуазная Революция, которая меняет довольно-таки плавное течение жизни Гарвея. В 1642 году король Англии Карл Первый под напором республиканских войск Кромвеля бежит из Лондона в Шотландию и Гарвей, как его придворный медик, следует за ним. В это время его квартира в Лондоне была разграблена, а имущество сожжено. Главным для Гарвея стала гибель его библиотеки и рукописей еще не опубликованных его работ. После того, как королевские

¹ Гарвей. Второе Послание Риолану. Указ. соч., с. 132—133.

войска снова захватили Оксфорд, который стал на определенное время ставкой короля, Гарвей был назначен деканом Оксфордского университета, но с приходом вскоре вновь войск Кромвеля и захватом ими Оксфорда в 1646 году, Гарвей был вынужден оставить эту должность. После этого он переселяется в предместье Лондона — Ламбет, где до конца своих дней занимался научными исследованиями, главным из которых становится изучение развития животных. В эти годы на свои сбережения Гарвей строит дом для Лондонской коллегии врачей, в котором была размещена прекрасная библиотека и музей с подаренной им же обществу коллекции естественно-исторических препаратов.

Именно в эти годы, скрупулезно проводя вскрытия животных на разных стадиях внутриутробного развития, Гарвей становится основателем новой науки — эмбриологии¹.

Плодом этих исследований становится труд «О рождении животных», напечатанный в 1651 году, в котором Уильям Гарвей наносит сокрушительный удар по фантастической теории самозарождения, согласно которой животные самопроизвольно зарождаются из ила, грязи или песка². Кстати, данная теория будет в XIX веке взята на вооружение эволюционистами, в том числе ближайшими сподвижниками Дарвина. Об этом было непринято писать в бывшем СССР, чтобышний раз не демонстрировать всю антинаучность дарвинизма и эволюционной теории. Однако, в работах, посвященных Гарвею, даже в советское время упоминалось об этом его труде, как об одном из выдающихся научных произведений.

«Этот весьма обширный труд поражает огромным количеством материала, собранного Гарвеем, многочисленностью опытов и наблюдений над различными представителями животного царства. К сожалению, большое количество собранного Гарвеем материала по развитию животных погибло во время революции.

В этом трактате, так же как и в исследовании о движении сердца, мы встречаемся снова с точным и ясным мышлением Гарвея и с его правильной оценкой метода исследования. В предисловии к своему трактату Гарвей говорит: «Во всякой науке необходимы прилежные наблюдения и частые советы с чувством. Мы не должны полагаться на опыты других людей, но должны производить свои собственные, без которых никто не может сделаться учеником ни в какой отрасли естествознания». Но, собрав большое количество фактов и не имея под руками микроскопа, при

¹ Быков. Указ. соч., с. 202.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 322; Заблудовский. Указ. соч., с. 101.

помощи которого можно было бы разобраться в самых существенных вопросах эмбриологии, Гарвей не мог выбраться из лабиринта разрозненных представлений и туманных предположений. Тем не менее, обладая громадным обобщающим умом, он высказывал замечательные, поистине пророческие мысли об общих законах развития животных. Гарвей показал, что все животные развиваются из яйца»¹.

Однако, при этом не упоминалось о том, что эта работа развенчивает дарвинизм. Более этого, ее искусственно пытались даже вписать в эволюционную теорию Геккеля, согласно которой, животные в своем онтогенезе повторяют филогенез².

В этом своем труде Гарвей четко провозглашает принцип: «Все живое происходит из яйца»³. Никакого самозарождения, никакой эволюции. Гарвей умирает 3 июня 1657 года на восьмидесятом году жизни. Утром своего последнего дня жизни он почувствовал, что не владеет языком, и, чувствуя приближение смерти, послал за родными, раздал им на память свои вещи и вечером того же дня скончался⁴... До своей последней минуты он сохранял ясность ума и спокойствие, которое ему даровала его глубокая вера в Бога.

В Предисловии к первому изданию книги Гарвея, переведенной на русский язык изданной в СССР в 1927 году, Нобелевский лауреат, академик И.П. Павлов написал следующее: «Физиологи, натуралисты вообще, да и все образованные люди должны быть очень благодарны за появление этой книжки доктору-физиологу К. М. Быкову, сделавшему перевод ее с латинского подлинника. Эта книжка есть одно из великих творений английского ума, английского ясновидения действительности. Триста лет тому назад среди глубокого мрака и трудно вообразимой сейчас путаницы, царивших в представлениях о деятельности животного и человеческого организмов, но освященных неприкосновенным авторитетом научного классического наследия, врач Вильям Гарвей рассмотрел одну из важнейших функций организма — кровообращение и тем заложил фундамент новому отделу точного человеческого знания — физиологии животных... Труд Гарвея не только редкой ценности плод его ума, но и подвиг его смелости и самоотвержения. Так, через крест поношений прокладывала себе

¹ Быков. Указ. соч., с. 203.

² Верхратский. Вказ. тв., с. 81.

³ Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 322.

⁴ Гарвей В. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Биографии. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. — Т. 3, с. 638.

дорогу в те времена научная истина. Это можно видеть и чувствовать в его книжке»¹.

И, действительно, работы Гарвея, написанные в эпоху Возрождения и Реформации, несмотря на отчаянное сопротивление средневековой науки, проложили дверь в медицину Нового времени, заложив подлинно научные фундаменты для развития физиологии, эмбриологии и клинической медицины.

---

¹ Предисловие акад. И. П. Павлова, предпосланное первому изданию перевода на русский язык книги: Вильям Гарвей. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных // Пер. и прим. К. М. Быкова. — М. — Л.: ГИЗ, 1927.

Часть третья
ИСТОРИЯ
ПАРАМЕДИЦИНЫ ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ
И РЕФОРМАЦИИ

The chapter folowing conuener for a do
shew with the concls of the subtil work

Вступление

Как мы отмечали выше, парамедицина, ставшая детищем эпохи Возрождения и Контрреформации, представляющая собой реанимированное колдовство, в течение последующих десятилетий получит самое широкое распространение, причем, в тех странах, где победит Контрреформация. Так параллельно и шли два эти процесса. С одной стороны, отход в этих странах от библейского учения, отвержение Реформации, с возвратом в тёмное невежество Средневековья и развратное язычество, а с другой — победное шествие в них парамедицины с её колдовством и спиритизмом.

Примечательно, также, что уже в наши дни с поправлением во многих странах, к сожалению, и в некоторых из тех, кто принял в свое время учение Реформации, библейских принципов и понятий о грехе, семье, начинает вновь возрождаться парамедицина, которая уже принесла и ещё принесёт много зловещих плодов.

Глава 1

ТЕОФРАСТ ПАРАЦЕЛЬС: ОСНОВАТЕЛЬ ПАРАМЕДИЦИНЫ

Примечательно, что в эпоху Реформации, приведшую к рождению подлинно медицинской науки, как своеобразная ей альтернатива, начинают зарождаться или получает принципиально новый импульс парамедицинские направления в виде гомеопатии, животного магнетизма, нумерологии, учение об ауре, телепатии, ставящие своей конечной задачей переустройство мира и которые сегодня приобретают весьма широкую популярность, причем, не только среди населения, но и у многих медицинских работников. Более того, некоторые из этих псевдонаук пытаются сегодня войти и стать неразрывной частью медицинской науки.

У истоков этой парамедицины стоят фигуры докторов Парацельса и Фауста, современников и одновременно противников Мартина Лютера и Реформации, предложивших свой путь преобразования общества. Учитывая вышесказанное, изучение истоков этой парамедицины представляет собой не только интерес с

Парацельс в зрелом возрасте

точки зрения собственно истории медицины, но и имеет важное практическое значение для развития современной медицинской науки и практики.

• Парацельс: биографический очерк

Будущий знаменитый врач-алхимик Средневековья Парацельс или, как звучало его подлинное имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм родился 21 сентября 1493 года, в небольшой деревушке на склонах Альп возле Цюриха. Свой псевдоним Парацельс (в перевод. с латыни — превзошедший Цельса) он возьмет много позже, желая этим показать, что своими знаниями он превзошел знаменитого врача античности Цельса. Итак, он родился в древней знатной швабской семье. Хотя его принадлежность к ней и была омрачена тем, что его отец был незаконнорожденным сыном швабского дворянина, который, занимая в свое время ответственный пост в тевтонском ордене, лишился затем и поместий, и репутации. Поэтому отец Парацельса свою жизнь строил своими собственными силами и благодаря своей настойчивости получил медицинское образование. Мать Парацельса работала медсестрой богадельни Бенедиктинского аббатства в Айнзидельне, где и познакомилась со своим будущим мужем Вильгельмом Бомбастом фон Гогенхаймом, работавшим врачом в этой же богадельне.

Вследствии этого уже с детства ребенок воспитывался в разговорах о лекарствах и больных. К тому же, и его отец мечтал, чтобы сын пошел по его стопам, преподавая ему с ранней юности свои знания по медицине и алхимии, которая в те дни составляла с ней неразделимое целое. В 1502 году мальчик теряет мать¹.

Примерно в это время, согласно одному из преданий, Парацельс был оскотлен пьяным солдатом. Однако, этот факт не подтверждается, хотя и не опровергается ничем. «Был ли Парацельс оскотлен в детстве в результате несчастного случая или пьяным солдатом, как гласит предание, или не был — это доподлинно неизвестно. Известно, однако, что на его лице не росла борода, и

¹ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 275.

череп, сохранившийся до наших дней, по форме больше напоминает женский, чем мужской. Его всегда рисуют безбородым»¹. «Природа... дала ему лишь приблизительно полтораметровый рост, болезненный вид, слишком короткую верхнюю губу, не до конца прикрывающую зубы (признак, который нередко встречается у нервных людей), и таз, женственность которого показалась поразительной, когда в XIX в. его останки эксгумировали в городе Зальцбурге. Ходила даже молва, будто он был евнухом, но, по моим сведениям, этому нет убедительных доказательств. Впрочем, любовь, кажется, так никогда и не вплела розы в его земное бытие, а её пресловутые шипы для него были излишними, так как его характер и без того был колючим ...сварливый, дерзкий и склочный нрав».

В 1509 году юноша поступает в Базельский университет, но вследствие неуравновешенного характера, не оканчивает и покидает его в 1513 году. «После этого его обучал знаменитый Иоганн Тритемий из Шпангейма (1461—1516), настоятель монастыря св. Иакова в Вюрцбурге, один из величайших адептов магии, алхимии и астрологии, и именно под руководством этого учителя особенное развитие и практическое применение получили склонности Парацельса к оккультным наукам. Тяга к оккультизму привела его в лабораторию богача Сигизмунда Футгера в Шватце (Тироль), который, как и аббат Тритемий, был известным алхимиком, способным передать ученику многие ценные секреты»². Затем, он продолжает свое обучение и в итальянском университете в Ферраре, где и получает степень доктора медицины. И там же берет себе новое имя, под которым и входит в историю медицины — Парацельс³.

В последующие 12 лет Парацельс совершает долгие путешествия. По одним сообщениям, он побывал не только практически во всех странах Европы, но даже в Индии и Африке, и даже был в плену у татар. Однако проверить сегодня эти сообщения не представляется возможным. Вместе с тем в любом случае, он много путешествует по Европе, включая Швецию и Данию, и везде, где он ни бывает, он знакомится не только с медицинскими представлениями и методами лечения, но и с алхимиками, астрологами, оккультистами тех стран⁴. Кстати, во время своего посещения

¹ Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетейя, 2001. — С. 26—27.

² Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетейя, 2001. — С. 18.

³ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 276.

⁴ Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетейя, 2001. — С. 18.

Литвы, в Вильнюсе, он имел долгий и горячий диспут с одним из местных врачей, которым, скорее всего, был знаменитый врач, белорус по происхождению Франциск Скорина, который выступал против мистики и прославился, как переводчик Библии на белорусский язык¹. И потому их диспут, как людей, стоящих на совершенно разных позициях вполне логичен и понятен.

В возрасте 32 лет, в самый разгар Великой Реформации, Парацельс прибывает в Германию, где благодаря своим выдающимся медицинским способностям приобретает широкую известность. В 1527 г. по протекции известного книгоиздателя Иоганна Фробена он становится городским врачом Базеля и в том же году городской совет назначает его профессором физики, медицины и хирургии Базельского университета, положив высокое жалование. Так он получает должность профессора того самого университета, который в свое время он покинул. В приглашении Парацельса в Базель и назначении его профессором сыграли свою роль и его друзья, известные гуманисты Эколампадий и Эразм Роттердамский. Последний вначале своей деятельности прославился как великий просветитель и обличитель лжи и преступлений средневековой государственной церкви, но затем, во время Великой Реформации, когда все ожидали от него поддержки этого движения и присоединения к ней, он, с одной стороны, в страхе за последствия, а с другой, будучи поглощен идеей преобразования мира человеческими силами, без Бога, отошел от дальнейшей борьбы. Поэтому его дружба в конце жизни с мистиком Парацельсом не является видимо случайной.

Прибыв туда уже в качестве профессора, Парацельс не изменил своему неуравновешенному и непредсказуемому характеру, который проявлял буквально во всем.

С одной стороны, он начинает читать лекции в университете не на латыни, считавшейся тогда языком науки, а на немецком языке, что делало, безусловно, преподавание более понятным для большинства студентов. Также в своем курсе лекций, рассчитанных на два семестра, он, наряду с классическими лекциями, проводит со студентами значительную часть времени у постели больного и совершает совместно с ними экскурсии в поля и горы, где и беседует с ними и показывает лекарственные травы². Одновременно с этим он указывает на тесную взаимосвязь терапии с хирургией, которая в те годы вообще не признавалась,

¹ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 74.

² Гессманн Г.В. Тайные символы алхимии, фармацевтики и астрологии средних веков. — К.: Пор-Роял, 2007. — С. 73.

как наука¹. Парацельс указывал, что и хирургия и терапия исходят из одного знания. И потому самого себя он именовал доктором обеих медицинских². Он также говорил о том, что раны должны быть «предохранены от внешних врагов» чистыми повязками³. Так же во время своих странствий по Германии он описал некоторые профессиональные заболевания рудокопов⁴.

Он открыто и последовательно выступал против античного учения о четырех соках⁵. Он также, в отличие от средневековой системы преподавания, базирующейся на слепом цитировании Гиппократов, Галена и Авиценны, отходит от этого принципа, выдвигая на первый план не авторитет, а личный опыт. «Теория врача — это опыт», — утверждал он⁶.

«Его усердие столь велико, что он спит крайне мало, даже не снимая одежды. Обутый в сапоги со шпорами, он дремлет в течение двух-трех часов, а затем снова хватается за перо»⁷.

Однако, все эти хорошие начинания будут нивелированы в деятельности Парацельса из-за его непомерной гордыни и увлеченности мистикой и алхимией, которая пропитает, как его труды, так и саму жизнь.

Так, перед самым началом своего преподавания в Базеле он вывешивает горделивое объявление следующего содержания: «В наше время мало кто имеет счастье успешно заниматься врачебным искусством. Кто-то желает очистить его от внесенных варварами грубых ошибок: слишком боязливо, как за оракула, они держатся за имена Гиппократов, Галена, Авиценны. Не красноречие и знание языков, не изучение книг и не украшение титулами создает врача, а только познание тайн природы. Ежедневно по два часа читаются лекции на основе собственных работ по практической и теоретической медицине, а не строк из Гиппократов, Галена, основываясь на собственном опыте, полученном у наивысшего

¹ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Просвещение, 1981. — С. 91.

² Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 73.

³ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Просвещение, 1981. — С. 91.

⁴ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 163.

⁵ Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 277—278.

⁶ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Просвещение, 1981. — С. 91.

⁷ Domandl S. Paracelsus, Werk und Wirkung, Festgabe für Kurt Goldammer zum 60. Geburtstag. — Wien, 1975. — P. 391.

ны следовать за мной, а я не должен следовать за вами. Если вы не пристанете чистосердечно к моему знамени, то не стоите даже быть местом испражнения для собак».

Вершиной этого пренебрежения становится сожжение им 27 июня 1527 года на площади Базеля трудов этих ученых¹.

За этот свой варварский шаг он был назван некоторыми «Лютером медицины», по аналогии с тем, что Лютер прилюдно сжег папскую буллу. Сам Парацельс еще более напыщенно сравнивает себя с Лютером, говоря: «Нет, я не Лютер, я Теофраст, которого в насмешку вы называете в Базеле Какофрастом. Я выше Лютера, он был только богословом, а я знаю медицину, философию, астрономию, алхимию. Лютер не достоин развязывать завязок моих башмаков».

Но какая громадная пропасть между этими двумя деяниями, совершившимися почти в одно и то же время. Лютер сжигал буллу, одну из тех, которая препятствовала людям читать Библию и жить по Божьей воле. Он сжигал буллу, которая отстаивала права пап, как авторитета выше Божьего Закона и, в конечном счете, выше Самого Бога. Он сжигал буллу, одну из тех, которые провозглашали насилие, утверждали институт инквизиции, объявляли крестовые походы, обрекали тысячи людей на уничтожение только за то, что они не желали следовать папским лжеучениям! Он сжег буллу, одну из тех папских булл, которые провозглашали суеверия и языческие учения в церкви.

Парацельс же сжигал труды древних авторов в своей непомерной гордыне, желая продемонстрировать, что только он достоин уважения. Он сжигал труды древних авторов, презируя их. Он сжигал труды древних авторов, чтобы утвердить свое учение, базирувавшееся на магии и оккультизме.

И потому, безусловно, не случайно, что Лютер и Парацельс были современниками. Ибо в то же самое время, когда через реформаторскую деятельность Лютера открывались Евангельские истины добра и мира, воля Бога на страницах Библии, в это же время через деятельность Парацельса выдвигалось магическое восприятие мира и методы лечения души и тела.

Он также прямо оскорбляет других врачей и одновременно с этим в свой адрес произносит самые хвастливые выражения и восхваления! О самом себе и своих достижениях он, в частности, пишет следующее: «Я, наделенный Господом особыми талантами в данной области, которые прочитавший этот труд может поже-

---

¹ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 162.

лать повторить, чтобы следовать моим стопам»¹. Этим он встречает гнев со стороны других врачей и многих студентов. В это же время у него случается конфликт с одним из высокопоставленных должностных лиц Базеля, который не заплатил ему за оказание медицинской помощи. Возбужденный им судебный процесс он проигрывает и после этого Парацельс вынужденно покидает Базель.

И вплоть до самой своей смерти странствует по немецким городам, предлагая желающим свои медицинские услуги. Путешествует он всегда в сопровождении своих учеников, которые, впрочем, его покидают всякий раз, как он их знакомит со своими секретами медицинского искусства. Благодаря своим выдающимся познаниям в медицине, Парацельс исцеляет многие заболевания, зарабатывая огромные суммы денег, которые, впрочем, почти сразу же спускает в кабаках в обществе самых отъявленных пьяниц².

«Этот экстравагантный холерик изумлял горожан не только своей рваной и грязной одеждой, непристойностями и пьянством, но и пространными рассуждениями о магии и своим врачебным искусством»³.

Вообще крайне распушенный образ жизни и пьянство были отличительнейшими чертами его образа жизни⁴.

Один из его учеников, ставший в будущем профессором греческого языка и книгоиздателем, Иоганн Опоринус, в одном из своих писем пишет следующее: «Почти два года я общался с Парацельсом и жил у него, и за это время видел, что он пьёт и днём и ночью, и вряд ли хоть час или два в сутки бывает трезвым... На ночь, сколько я помню, он никогда не раздевался, что я приписал его опьянению, а он очень часто приходил домой к полуночи, не вяжущий лыка и заваливался в постель, не снимая ни одежды, ни мечи... нередко он, едва улегшись в кровать, с шумом вскакивал с обнажённым мечом и вонзал его в стену, я боялся, как бы он ненароком не отрубил мне голову»⁵. Он также был опиоман.

На фоне всего этого Парацельс пишет, что «врач не смеет быть лицемером, старой бабой, мучителем, лжецом, легкомысленным,

¹ цит. по Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 167.

² Леманн. Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней. — М.: Книжное дело, 1900. — К.: Украина, 1991. — С. 154.

³ Шойфет М. С. (2004) 100 великих врачей. — М.: Вече, 2004. — С. 33.

⁴ Леманн. Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней. — М.: Книжное дело, 1900. — К.: Украина, 1991. — С. 154.

⁵ Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. — М.: «КРОН-ПРЕСС», 1995. — С. 423, 435—436.

но должен быть праведным человеком. Знайте, что врач должен денно и ночью думать о своем больном и ежедневно наблюдать его. Все свои думы и помыслы он должен направлять на хорошо обдуманное лечение больного...сила врача — в его сердце. Работа его должна руководствоваться Богом и освещаться естественным светом и опытностью; величайшая основа лекарства — любовь»¹.

«Все, что происходит, происходит по воле Всевышнего. Совесть — это то, что дано нам Богом, то, что позволяет нам увидеть самих себя; в соответствии с ним должны мы поступать, не пытаясь докопаться до оснований, руководящих нами в смысле морали и добродетелей»².

В эпоху Реформации, когда мир разделился на тех, кто поддерживал Лютера или папу, Парацельс утверждает: «Среди всех сект нет ни одной, которая обладала бы истинной религией. Мы должны читать Библию скорее сердцем, нежели умом, пока когда-нибудь в будущем в мир не придет истинная религия»³.

В этом хорошо прослеживается та глубокая внутренняя борьба, которая совершается в душе Парацельса, его метания между стремлением к высшим добрым идеалам и самыми низкими пороками. Примечательно, что чем дальше Парацельс уходил в своих исследованиях в мистику и оккультизм, тем более разнузданной становилась и его личная жизнь, пока, наконец, его греховные наклонности в виде пьянства (кстати, до 20 лет он вообще не употреблял никакого алкоголя) и разврата не взяли верх в его жизни.

В 1529 и 1530 гг. он посещает Эссlingen и Нюрнберг. В последнем он вступает в конфликт с местными врачами, и хотя вылечивает на спор с ними под контролем членов городского совета не-

Т. Парацельс

¹ цит. по Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 285.

² цит. Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетейя, 2001. — С. 23—24.

³ цит. Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетейя, 2001. — С. 24.

сколько крайне тяжелых пациентов, которым врачи Нюрнберга не могли помочь, был вынужден покинуть и этот город. После этого он посещает Аугсбург, Регенсбург, Санкт-Галлен, Мерене, и, наконец, поселяется в Зальцбурге, где находит теплый прием и покровительство герцога Эрнста, пфальцграфа Баварии¹, интересовавшегося оккультными науками. Герцог предоставляет Парацельсу дом и лабораторию, создав все необходимые условия для того, чтобы тот мог писать, заниматься медицинскими исследованиями и практикой, и таинственными магическими опытами. Однако, 24 сентября 1541 года, Парацельс внезапно умирает в маленьком номере гостиницы «Белая лошадь» на набережной Зальцбурга. По мнению некоторых исследователей, он был убит по проишкам враждебно настроенных к нему врачей.

После себя Парацельс оставил громадное творческое наследие, состоящее из около 500 работ самого различного содержания². Главными из них были: «Великая астрономия» (1531 г.), «Парамирум» (1532 г.), «Лабиринт заблуждающихся медиков» (1533 г.), «Потаенная философия» (1533 г.), («Шнеебергская легочная болезнь» (1533—1534 гг.), «Философия» (1534 г.), «Парагранумом» (1535 г.), «Хроника Картины» (1535 г.), «Большая хирургия» (2 кн., 1536 г.), «Книга о нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах, гигантах и прочих духах» (1536 г.).

● **Парацельс, как врач-алхимик**

Медицинские воззрения Парацельса базировались на следующих, основанных им же учениях.

— **Медицина, как одна из форм алхимической магии**

Для Парацельса медицина была одной из форм алхимической магии. В контексте этого он пишет следующее: «Как врач напитывает свойствами трав больного человека и излечивает его, так и маг наделяет человека привлеченными им небесными силами». «Если маг может привлечь небесные силы и направить их в предмет, то почему мы не способны создать образы, проводящие здоровье или болезнь»³.

— **Ятрохимия**

Придавая алхимии ведущее значение в медицинской практике, Парацельс основывает своеобразную науку — ятрохимию (от

¹ Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 284.

² Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 284.

³ цит. по Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 169.

греч. «ятро» — врач), целью которой становится получение на основании алхимических представлений химическим путем лекарственных препаратов.

В связи с этим иногда можно прочесть утверждение о том, что эта ятрохимия, основанная Парацельсом, является, чуть ли не предшественницей медицинской химии или фармакологии. При этом ссылаются и на вырванное из общего контекста высказывание Парацельса о том, что «задача химии не в том, чтобы делать золото и серебро...химия должна быть одним из столпов, на которые должна опираться врачебная наука»¹. Однако это было совсем не так. В ятрохимии все, начиная от теоретических предпосылок, составления рецептуры, приготовления самих химических препаратов и показаний к их назначению служили алхимические представления. Смысл имело не столько сочетание тех или иных минералов или лекарственных трав с точки зрения своего медицинского эффекта, сколько сочетание этих веществ с точки зрения их алхимико-окультиного влияния. Парацельс прямо писал, что «алхимия извлекает на свет то, что скрыто в природе»².

Равно как в ятрохимии нельзя видеть и основание Парацельсом, как то отмечают некоторые ученые³, опытной экспериментальной медицины, ибо его опыты носили чисто алхимический характер и были строго подчинены алхимическим и астрологическим законам, и потому не могли принести никакого особого прорыва в медицинских исследованиях. Они были зажатые в тиски этих алхимических суеверий не менее жестко, чем средневековая медицина в тиски схоластики. Только здесь на место суеверного средневекового богословия пришли суеверные алхимические представления.

Парацельс учил, что так как, согласно Библии (Бытие 2:7), человек сотворен из праха земного, то и основными составными его элементами надо считать не кровь, желчь и слизь, как учили античные врачи, а «землянные частицы» и, в первую очередь, ртуть, серу и соль⁴.

Последние были выбраны им не случайно, ибо им отводила особую роль алхимия. Тут мы видим вновь соединение в учении

¹ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 162.

² цит. по Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 169.

³ Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — С. 114—115.

⁴ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 162.

Парацельса, с одной стороны, вырванного из общего контекста, библейского текста, а с другой — типично алхимических воззрений. И так, согласно его учению, все живые организмы состоят из тех же ртути, серы, солей и ряда других веществ, которые образуют все прочие тела природы. При этом, когда человек здоров, эти вещества находятся в равновесии друг с другом, а болезнь представляет собой преобладание или, наоборот, недостаток одного из них. И раз все болезни происходят от расстройства химических процессов, поэтому и наибольшую пользу при лечении могут оказать лишь те лекарственные средства, которые изготовлены химическим путем.

Поэтому для достижения этого равновесия для лечения пациентов Парацельс предлагал широко использовать минеральные вещества, и, в первую очередь, серу, мышьяк, свинец, ртуть¹. В этом контексте Парацельс изучал заболевания рудокопов и литейщиков, связанных с отравлениями свинцом, серой и ртутью².

Одновременно с этим, каждый из этих веществ, согласно алхимическим воззрениям, находился под покровительством того или иного знака зодиака, точно так же, как и каждый орган человеческого организма находился под покровительством того или иного зодиакального знака. Поэтому при лечении того или иного органа надо назначать те химические вещества, которые находятся под тем же знаком зодиака, что и больной орган. И хотя Парацельс указывал, что «Все есть яд и ничто не лишает ядовитости. Одна только доза делает яд незаметным», именно ятрохимия привела к появлению чрезвычайно популярного лечения в XVII-XVIII вв. последователями Парацельса большими дозами серы, ртути, мышьяка, которые приносили невообразимый вред организму человека³.

Одновременно с этим Парацельс уделял большое внимание роли окружающей среды в формировании болезни. Но, в отличие от Гиппократов, который основной акцент делал при этом на роли воздуха, климата, особенностей рельефа местности, качества воды Парацельс уделяет ведущее внимание не этим объективным факторам окружающей среды. Согласно Парацельсу, эти влияния окружающей среды, которые он именует энсами, можно разде-

¹ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 152.

² Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 152.

³ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 152.

лить на две основные группы: влияния, проистекающие от человеческой телесной и духовной организации и некие космические влияния. Последние, которые он именует астральными (или архе-ем), являются, согласно Парацельсу, главенствующими¹. Примечательно, что Парацельс крайне презрительно и равнодушно относиться к анатомии и патогенезу заболевания². Он и его последователи «отрицали значение анатомии и физиологии в медицине, и потому их учение не могло иметь большого значения для развития медицины, основой которой являются знания о строении и отправлениях организма»³. И это не является случайным, ибо, он основывался на мистическом понимании болезни, при котором анатомии, физиологии и патогенезу места практически не остается.

— Учение о глазе и порче

В работах Парацельса четко видны и другие магические положения, в частности, о возможности наведения порчи и глаза на расстоянии. Так, он писал: «Возможно, что моя душа, без всякой помощи со стороны тела, исключительно посредством твердой воли, способна безо всякого меча ранить других. Возможно также, что я могу вообразить себе душу врага и, к своему удовольствию, уничтожить или изувечить его»⁴. Вообще воображению он отводил одно из важных мест в лечении заболеваний, утверждая, что: воображение есть начало всех магических действий»⁵. Парацельс верит в существование античных нимф, сатиров, nereид, а также гномов, леших, русалок⁶.

— Учение о знаках природы — «сигнатуре», или «сигна натурале»

Согласно этому учению, предложенному Парацельсом, якобы, сама «природа дала готовые средства лечить болезни, обозначив их специальными знаками; так, например, листья растения, плоды которого имели форму сердца, применялись при болез-

¹ Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 163.

² Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: Медгиз, 1961. — С. 163.

³ Быков К. О жизни и трудах В. Гарвея //В кн. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 173.

⁴ Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 172.

⁵ Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 171.

⁶ Дмитриева М.Э. Некоторые проблемы художественной жизни Германии эпохи Реформации //В кн. Культура эпохи Возрождения и Реформации. — Л.: Наука, 1981. — С. 146.

нях сердца, чистотел применялся при желтухе, потому что его сок имеет желтый цвет»¹. А если лист по форме напоминает почку, его надо использовать при заболеваниях почек. «При таком состоянии медицины шарлатанство и личная изобретательность играли огромную роль. Каждый врач имел собственные рецепты, свои средства и свои приемы лечения»².

— Учение о создании гомункулов (искусственных людей)

Оккультные увлечения Парацельса и его непомерная гордыня привели его, наконец, к идее возможности создания гомункулов — искусственных людей.

В своем трактате «Книга о нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах, гигантах и прочих духах» он пишет следующее о методике создания такого гомункула. «Они могут вырасти, не будучи выношенными и рожденными женским организмом, а лишь посредством мастерства искусного алхимика. Если сперму, заключенную в плотно запечатанную бутылку, поместить в лошадиный навоз приблизительно на 40 дней и «намагнетизировать», она может начать жить и двигаться. По истечении этого времени субстанция приобретает форму и черты человеческого существа, однако, будет прозрачной и бестелесной. Далее опыт продлевается еще на 40 недель. Если теперь его искусственно питать и держать в лошадином навозе при неизменной температуре, оно вырастет в человеческое дитя. Члены его будут развиты так же, как и у любого другого ребенка, рожденного женщиной, но будут намного меньше. Мы называем такое существо гомункулом, и его можно вырастить и воспитать, как и любого другого ребенка. Когда оно станет старше, приобретет разум и интеллект, то будет в состоянии заботиться о себе. Это и есть одна из величайших тайн, и она, должно быть, останется таковой»³.

— Учение о человеке, как микрокосме

Согласно учению Парацельса, человек представляет собой микрокосм, в котором отражаются все элементы макрокосма. При этом связующим звеном между двумя этими мирами является сила «М» (с этой буквы начинается имя Меркурия). Таким образом, согласно Парацельсу, человек представляет собой «вы-

¹ Быков К. О жизни и трудах В. Гарвея // В кн. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. — С. 173.

² Быков. Указ. соч., с. 173.

³ цит. по Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. — М.: Алетеия, 2001.

Обложка труда Т. Парацельса

D Practica teutsch auff
das Tausent fünffhundert vnd
XXXVIII. Jar. GepRACTICIRT durch
den Hochgelöbte Doctorem
Paracelsum.

Mars.

Saturnus.

Mit Künig. Mayestat gnad vnd priuilegio nit nach Zudrucken. &c.

Обложка труда Парацельса

тяжку» целого мира. И, следовательно, все законы астрологии переносятся на человеческий организм. Согласно Парацельсу, сам человеческий организм состоит из семи элементов:

1. «элементарное тело» (материальное, физическое тело),
2. «archaeus» (электро-магнетическое тело), дающее фосфористый свет; начало, без которого физическое тело не может ни существовать, ни двигаться;
3. «evestrum» (астральное тело), оно представляет собой точную копию материального тела, может покидать физическое тело, сопровождает дух человека после его смерти;
4. «spiritus animalis» (животная душа), где сосредоточиваются низменные, животные, эгоистические инстинкты и страсти;
5. «anima intelligens» (разумная душа) представляет собой форму, в которую облачается человеческая душа в высших сферах в момент воссоединения с ангельским миром;
6. «anima spiritualis» (духовная душа) имеет божественное происхождение, являясь местопребыванием всех благороднейших и возвышенных стремлений человека;
7. «человек Нового Олимпа» — искра Божества, часть божественного «я», пребывающая в человеке.

Примечательно, что это деление человеческого естества на семь элементов имеет очень много сходного с языческими воззрениями древних египтян и с иудаизмом, в котором в эпоху Средневековья играет одно из видных мест учение каббалы.

Именно это учение Парацельса со временем ляжет в основу псевдонаучных представлений об астральном теле человека, об аурах, светящихся различными цветами, по которым можно якобы судить о состоянии здоровья человека и определять те заболевания, которыми он страдает. Все эти псевдонаучные проокультурные учения расцвели в наши дни и пытаются найти себе видное место в медицинской науке и практике, только уже под видом якобы, еще не открытых законов физики, химии и биологии, являя же собой на самом деле типичное средневековое колдовство.

Итак, основу своих философских воззрений Парацельс базировал на учениях герметиков, неоплатоников неопифагорейцев и алхимии¹.

• Методы лечения, применяемые Парацельсом

Система лечения заболеваний, разработанная Парацельсом, базировалась на следующих двух основных методах: арканах и симпатических средствах.

¹ Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 169.

Парацельс в последние годы жизни, гравюра 1540 г.

Первый метод лечения при помощи арканов. Данный метод лечения исходил из следующих магических воззрений Парацельса. Каждый орган человеческого тела подчинен определенной планете или знаку зодиака и, следовательно, химические вещества, которые принадлежат этой же планете и знаку зодиака будут самыми действенными при лечении данного органа. Так, к примеру, золото является наиболее действенным для лечения заболеваний сердца, так как по воззрениям астрологов оба они подчинены солнцу. Так же

микстурой на основе золота он лечил параличи, эпилепсию, обмороки, а эпилепсию он лечил окисью цинка.

Эти вещества, которые были призваны лечить тот или иной орган, согласно общности знака зодиака, и назывались арканами. Исходя из этого, Парацельс утверждал, что главное предназначение алхимии должно состоять не в получении драгоценных металлов, а в поисках этих самых арканов для лечения тех или иных болезней.

Парацельс утверждал, что если найти для каждого органа свой аркан, то все болезни будут исцелены. Поэтому никаких специфически действующих веществ, препаратов медицины для лечения не требуется¹.

Это учение иногда желают представить таким образом, что Парацельс выступал против существования единого универсального лечебного средства, а выступал за дифференцированный подход в лечении. Однако, к современному пониманию дифференцированной терапии эти воззрения Парацельса, как видим, не имели никакого отношения, а базировались на все тех же алхимических представлениях, что и учение о философском камне — универсальном средстве лечения.

Одновременно с этим Парацельс утверждал, что ношение амулетов и печатей, содержащих в себе части веществ, находя-

¹ Леманн. Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней. — М.: Книжное дело, 1900. — К.: Украина, 1991. — Леманн. Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней. — М.: Книжное дело, 1900. — К.: Украина, 1991. — С. 155.

щихся под тем же знаком зодиака, что и органы человеческого организма, могут предохранять эти органы от заболеваний.

Второй метод лечения при помощи симпатических средств. Согласно Парацельсу, данный метод лечения базировался на следующих воззрениях. Вследствие того, что однородные силы взаимно притягиваются, то, значит и болезнь может быть излечена в случае того, если ее часть будет перенесена на другие тела людей или животных или даже растения. Так, согласно рецепту того же Парацельса зубную боль можно вылечить следующим образом: «Зубная боль пересаживается на вербу, орешник и т.д. таким образом: содрав немного кору, вырезают из дерева спичку, вкалывают ее в десну, пока не пойдет кровь, затем спичку вкладывают на старое место, опять закрывают корой и затепливают грязью». Этот перенос болезни на другие тела или предметы и именовался, по примеру симпатической магии, — симпатическим средством лечения¹.

Эти предметы, с помощью которых переносится болезнь Парацельс называет магнитами. «Ношение магнитных амулетов было весьма распространено и считалось очень действенным лекарством. Эта вера в значение магнита для организма человека поддерживалась также средневековыми врачами, прописывающими магнитные мази, магнитные порошки и вообще приписывающими магниту благотворное влияние на психику человека. Парацельс придумал целую теорию влияния магнита, небесных светил и прикосновения некоторых людей на болезни, объединив все эти явления под общим названием «магнетическая симпатия и антипатия»². Именно Парацельсом была заложены основы будущего спиритического учения — магнетизма, разработанного позднее Месмером и Фрейдом³.

Заключение

Таким образом, личность Парацельса является одной из самых противоречивых в истории медицины, постоянно борющейся, с одной стороны, между подлинно научными исследованиями, наблюдениями и мистическими, алхимическими опытами, а

¹ Леманн. Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней. — М.: Книжное дело, 1900. — К.: Украина, 1991. — С. 155—156.

² Беллин Э.Ф. Гипнотизм, его значение в науке, праве и судопроизводстве. — Спб.: Т-я Мин-ва Внутренних дел, 1898. — С. 9.

³ Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 171; Беллин Э.Ф. Гипнотизм, его значение в науке, праве и судопроизводстве. — Спб.: Т-я Мин-ва Внутренних дел, 1898. — С. 9.

с другой стороны, между высоким предназначением врача и самыми низкими пороками.

В работах Парацельса доминировали мистические учения: о ятрохимии с ее алхимическим представлением о природе человека; возможности наведения сглаза; о сигнатуре — таинственных знаках, оставляемых, якобы, самой природой на форме растений; об астральном теле и микрокосме; алхимии и астрологии; а методы лечения базировались на сугубо языческих средствах в виде арканов и симпатических средств.

Парацельс явился основоположником парамедицины, заложив фундамент для формирования в дальнейшем гомеопатии, животного магнетизма, учения об аурах, хилерства и экстрасенсорики, которые способствовали и способствуют вытеснению из медицинской науки и практики подлинно научной составляющей взамен мистической и шарлатанской. При этом, увлечение Парацельса мистикой крайне неблагоприятно сказалось на его личной жизни, погрязшей в пьянстве и разврате.

Постскриптум

Примечательно, что после крушения в ходе Великой Реформации института средневековой государственной церкви, который базировался на проязыческих суевериях и схоластике, и который веками сдерживал развитие медицинской науки и практики, медицина в своем развитии пошла по двум путям.

Один путь, это путь врачей, принявших учение Реформации или принявших ее плоды, главными из которых были не противопоставление веры и науки и возможность развития подлинной науки. Это тот путь, который привел к выдающимся открытиям в области медицины.

Другой путь — это путь, начертанный Парацельсом, который во главу поставил алхимию и астрологию, и который привел к рождению парамедицины с ее антинаучными и проокультурными учениями в виде гомеопатии¹, животного магнетизма, хилерства, экстрасенсорики и т.д.

---

¹ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 152.

Глава 2

ДОКТОР ФАУСТ: ИСТОРИЯ И ПРЕДАНИЯ

Одной из наиболее известных и одновременно легендарных фигур эпохи Возрождения и Реформации, оказавшей большое влияние на формирование парамедицины, был Иоганн Фауст¹. Примечательно, что наше время, характеризующееся, с одной стороны, выдающимися открытиями в области медицинской науки, стало одновременно, временем расцвета самых различных суеверий в виде экстрасенсорики, хилерства, натуропатии и других парамедицинских направлений. Основная причина этого расцвета обусловлена духовным кризисом общества, в котором все более и более стираются грани между «что такое хорошо и что такое плохо». Философия постмодерна учит каждого человека вырабатывать свою систему ценностей в зависимости от того, когда и что выгодно или нет на данном этапе. Этот цинизм и секуляризм ведет к духовному опустошению и человек начинает искать выхода из этого вакуума, чтобы найти ответы на волнующие его духовные вопросы, которые оказывают самое непосредственное влияние и на состояние физического и психического здоровья человека. И потому, парамедицина с ее претензией лечить и воздействовать не только на физический, но и на психический и духовный компонент здоровья, привлекает все большее и большее число последователей, особенно в условиях социального кризиса и недоступности значительному проценту лиц необходимой медицинской помощи. Чтобы разобраться в набирающей сегодня популярности парамедицины необходимо проанализировать сами истоки ее возникновения и формирования ее философии. И вот именно у этих истоков и стоит фигура доктора Иоганна Фауста. Информация об этом человеке уже с XVI века носила крайне противоречивый, а, порой, просто фантастический характер², что привело к тому, что некоторые исследователи стали вообще ставить под сомнение само его существование. Безусловно, сегодня мы не можем четко проследить основные вехи жизни этого человека, его деятельности и воззрений, но и имеющиеся в наших руках исторические данные позволяют составить весьма четкое

¹ Шаховской И. Легенда и первая народная книга о Фаусте // Журнал министерства народного просвещения. — 1880. — Ч. ССXI. — С. 369—401.

² Белецкий А.И. Легенда о Фаусте // Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете. — Вып. V. — 1911. — С. 59—193; — Вып. VI. — 1912. — С. 67—84; Корелин М. Западная легенда о докторе Фаусте // Вестник Европы. — 1882. — Ч. 11. С. — 263—294; — Ч. 12. — С. 699—734.

представление об этой личности, проповедуемого им учения и его влиянию, как на современников, так и на многие направления парамедицины сегодня.

• Исторические известия о докторе Фаусте

Известия о Фаусте оставлены его многочисленными современниками: реформаторами Мартином Лютером и Филиппом Меланхтоном, алхимиками того времени Корнелием Агриппой и аббатом Тритгеймом, гуманистом Иоахимом Камерарийским и Конрадом Муцианом Руфом, конкистадором Филиппом фон Гуттенем, многими священниками, а также в городских хрониках того времени¹.

«Известия о Фаусте, дошедшие до нас от его современников, настолько обстоятельны, что не только делают несомненным реальное существование этой личности, но дают некоторые подробности его жизни и довольно живо рисуют перед нами его образ»².

В 1480 году «Фауст родился в местечке Книтлинг, что лежит в Вюртембергской земле на границе Пфальца. Одно время при Франце фон Зиккингене он был школьным учителем под Крейценахом. Оттуда ему пришлось бежать из-за того, что он предавался содомии. После этого он разъезжал со своим дьяволом по разным странам, изучал чернокнижие в Краковском университете»³. Один из крупнейших лидеров Реформации, который был его современником и видел его лично, Филипп Меланхтон, передает о Фаусте следующее известие Иоганна Манлиса. «Знавал я человека по имени Фауст, из Кундлинга, маленького городка по соседству с местом моего рождения. В бытность свою студентом в Кракове он изучил магию, которой там прежде усердно занимались и о которой публично читали лекции. Он много странствовал по свету и всюду разглагольствовал о тайных науках»⁴. Меланхтон лично знал Фауста, о чем мы подробно будем говорить ниже. Меланхтон считал чудеса, творимые Фаустом, дьявольским наваждением⁵.

Эти известия полностью подтверждает Филипп Камерариус, который в 1602 году пишет следующее. «Доныне еще известно

¹ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978; С. 271—273, Агриппа Неттесгеймский. — М., 1914. — С. 94.

² Корелин М. Западная легенда о докторе Фаусте // Вестник Европы. — 1882. — Ч.11, с. 273.

³ Августин Лерхеймер. В кн. Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 27.

⁴ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 15.

⁵ Культура эпохи Возрождения и Реформации. — Л.: Наука, 1981. — С. 164—165.

нам, что среди шарлатанов и магов, запечатлевшихся в памяти наших отцов, большую славу стяжал своими необычайными проделками и бесовскими чарами Иоганн Фауст из Кундлингена, который изучил магию в Кракове, где ее раньше публично преподавали. В народе нет почти человека, который не мог бы привести какого-либо примера, свидетельствующего о его искусстве»¹.

Даже весьма скептически настроенный к известиям о Фаусте К.Ф. Заттлер в своем «Историческом описании Вюртенберга» пишет следующее. «Городок этот [Knittlingen] примечателен тем, что, по преданию, там был растерзан дьяволом знаменитый чернокнижник доктор Иоганн Фауст, о чем с уверенностью говорит доктор Дитрих.

Хотя нынче и полагают, что история этого колдуна — досужий вымысел, однако не следует начисто отрицать все то, что говорят о пресловутом докторе Фаусте. Ибо хотя сведений о нем не так уж много, но все же известно, что он родился (а, следовательно, существовал на самом деле) в Книттингене, что настоятель Маульброннского монастыря Иоганн Эntenфус был земляком и приятелем некоего доктора Фауста, и последний, по достоверным сведениям, гостил у него в монастыре, примерно, в 1516 году, так что нет ничего невероятного в том, что спустя некоторое время Фауст этот умер в Книттингене от несчастного случая»².

Итак, Фауст из Германии, учился в Краковском университете, где увлекся изучением магии. «Иоганнес Фауст, родом из городка Кундлинг, научился магии в Кракове, где ее в то время преподавали открыто, и незадолго до 1540 года лживым и обманным образом практиковал ее в разных местностях Германии»³.

Затем он некоторое время учился в Гейдельбергском университете, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что «в списках философского факультета Гейдельбергского университета за 1509 год числится среди учащихся Иоганн Фауст, получивший степень бакалавра теологии»⁴. Бакалавр теологии Иоганн Фауст

Доктор Фауст

¹ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 29.

² Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 30.

³ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 29.

⁴ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 273.

*Doct. Faust.
Berühmter Schwarzkünstler*

Des
Durch die ganze Welt
beruffenen
**Erz-Schwarz-Künstlers
und Zauberers
Doctor Johann
Fausts,**
Mit dem Teufel auffgerichtetes
Bündniß, Abentheurlicher Lebens-
Wandel und mit Schrecken genom-
menes Ende,
Nur neue übersetzt/
In eine beliebte Kürze zusammen gezogen,
Und allen vorseßlichen Sündern zu
einer herrlichen Vermahnung und
Warnung
zum Druck befördert
von Einem
Christlich-Meynenden.
Stendeburg und Leipzig,
1725.

Доктор Фауст

упоминается в 1509 году в Acta philosoph. Heidelb., Tom. III, Fol». Кстати, в средневековых университетах изучение астрологии и алхимии вообще входило в обязательную программу обучения. И потому немудрено, что многие студенты после изучения таких «наук» переходили непосредственно к самой магии.

Имя Фауста четко засвидетельствовано и Протоколах постановлений магистрата города Ингольштадта, где, в частности, значится следующая запись. «Сегодня, в среду, после Вита, 1528. Предписать прорицателю, чтобы он покинул город и искал себе пропитание в другом месте»¹. «В среду после Вита 1528 года приказано некоему человеку, называвшему себя доктором Георгом Фаустом из Гейдельберга, искать себе пропитания в другом месте и взято с него обещание властям за этот приказ не мстить и никаких неприятностей им не учинять»².

¹ Протокол о высылках из Ингольштадта. цит. по кн. Легенда о докторе Фаусте. Указ. соч. — С. 11.

² Протокол постановлений магистрата города Ингольштадта. цит. по кн. Легенда о докторе Фаусте. Указ. соч. — С. 11.

О Фаусте упоминает под 1513 годом, современник Конрад Муциан Руф (1471—1526), известный немецкий гуманист, возглавлявший кружок гуманистов города Эрфурта. «Восемь дней тому назад в Эрфурт прибыл некий хиромант по имени Георгий Фауст, гейдельбергский полубог, истинный хвостун и глупец. Искусство его, как и всех прочих прорицателей, дело пустое, и такая физиогномика легковеснее, чем мыльный пузырь. Невежды восторгаются им. Вот на кого следует обрушиться богословам вместо того, чтобы стараться уничтожить философа Рейхлина. Я сам слышал в харчевне его вздорные рассказы, но не наказал его за дерзость, ибо что мне за дело до чужого безумия!»¹.

Особый период жизни Фауста был связан и с Прагой, где до сих пор сохранился дом, в котором он жил и который до сих пор носит его имя. Этот дом расположен на Карловой площади. История этого дома весьма интересна. Первоначально на его месте стоял в XIV веке Опаевский дом, бывший дворцом одной из ветвей правящей в Чехии династии Пржемысловичей, один из которых по имени Вацлав очень увлекался алхимией. В 1420 году дом был передан Новоместскому бурмистру Петру Каменику, а спустя 14 лет стал собственностью городского совета Нового места Праги. Кстати, после Фауста, в этом доме будут жить еще два известных мага и оккультиста Якуб Куцинка и Эдвард Келли.

Смерть Фауста окружена многими преданиями и сообщениями, но практически все они сходятся к следующему.

«В юртембергскую деревню он приехал под вечер в какой-то праздник. Был он удручен и совсем болен, ибо пришел уже час, назначенный ему дьяволом в договоре. Видит он, что на постоялом дворе шумят пирующие крестьяне, просит поэтому хозяина отвести ему отдельную каморку. Крестьяне же кричат все сильнее, и просит тогда Фауст, чтобы они уважили его, как больного, и были потише. А они давай шуметь еще пуще, как это всегда бывает, если мужика о чем попросишь, тогда Фауст в последний раз применил свои чары и всем им так раздвинул челюсти, что они сидят и пялят глаза друг на друга, а слова вымолвить никто из них не может. Знаками указывают на комнату постояльца, чтобы хозяин попросил его снова закрыть им рты. Фауст соглашается при условии, что они впредь шуметь не будут. После этого они поспешно уходят. В полночь хозяин услышал грохот в комнате постояльца, а наутро он увидел, что у Фауста шея свернута, а голова свисает с кровати»². Это место идентифициру-

¹ цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 10.

² цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 28.

ется сегодня, как Штауфен-им-Брайсгау (земля Баден-Вюртенберг). Точный год его смерти не известен. Но большинство исследователей относят ее, примерно, к 1540 году. Таковы основные вехи жизни Фауста. Но что же представлял собой Фауст, как человек.

● **Иоганн Фауст, как человек**

Исходя из имеющихся известий о жизни Фауста, мы можем себе нарисовать портрет этого человека, выделив его несколько основных черт.

— **Во-первых, он был мошенником.** Вот, что об этом писал еще при жизни самого Фауста в 1539 году доктор Филипп Бегарди. «Был еще один знаменитый и отчаянный человек. Не стал бы я называть его имени, да сам он не желал скрываться и жить в неизвестности. Несколько лет тому назад он странствовал по всем землям, княжествам и королевствам, похваляясь своим великим искусством не только во врачевании, но и в хиромантии, некромантии, физиогномике, в гадании на кристалле и в прочих таких вещах. И не только похвалялся он всем этим, но именовал себя устно и письменно знаменитым и искусным мастером. Он не отрицал, а открыто заявлял, что имя его Фауст и, расписываясь, прибавлял — «философ философов». Однако нередко мне жаловались на его мошенничества, и таких людей было множество. Ведь на обещания был он щедр, как Фессал, слава его была не меньше, чем Теофраста Парацельса; а вот дела его, как я слышал, были весьма ничтожны и бесславны. Зато он хорошо умел получать или, точнее, выманивать деньги, а затем удирать, так что только и видели, говорят, как его пятки сверкали»¹.

— **Во-вторых, он был содомитом и некромантом.** Так, в 1532 году жители Нюрнберга официально запретили ему въезд в город, как содомиту и некроманту.

Аббат Тритемий, лично видевший Фауста, в 1507 году, когда Фаусту было около 30 лет, писал своему знакомому, что в городе Гельнгаузене ему «была дана должность школьного учителя, которую он и получил, так как ему покровительствовал Франц фон Зиккинген, наместник твоего князя, человек, весьма склонный ко всему мистическому; но вскоре после этого он стал развращать своих учеников, предаваясь гнуснейшему пороку, и, будучи избалован, скрылся от угрожавшего ему строгого наказания. Таков по достоверным свидетельствам человек, которого ты ждешь с таким нетерпением»².

¹ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 274; Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978.

² Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 10.

Книтлинген. Дом, в котором родился И. Фауст

— **В-третьих, он был постоянным участником попок и разнузданных кутежей.**

В хрониках того времени Фауст упоминается многократно, как участник многочисленных и разнузданных попок и кутежей¹.

В 1587 году во Франкфурте на Майне выходит книга типографа Иоганна Шписа, в которой были собраны практически все сведения и воспоминания современников о Фаусте. К моменту издания книги были живы очень многие из тех, которые знали Фауста лично, а само его имя еще не успело стать легендарным и обрасти различными небылицами и преувеличениями. Там четко указывается, что чувственность (или, как говорят сейчас, сексуальность) была одной из главных черт Фауста. «Черт соблазняет Фауста к чувственной жизни, чтобы преградить ему возврат к Богу, и Фауст поддается соблазну только тогда, когда отчаивается в спасении»².

— **В-четвертых, он был недобрым человеком.** В жизни Фауста было немало задокументированных случаев, когда он проявлял жестокость, в том числе к людям, которые хорошо относились к нему. Так, во время «прибытия в Баттенберг на Маасе, Фа-

¹ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 276.

² Корелин. Указ. соч., ч. 12, с. 716.

уст был арестован, и надзор за ним был поручен капеллану Дорстению, который обходился с ним очень мягко; желая научиться тайным наукам, капеллан доставлял Фаусту вино, до которого тот был большой охотник. Когда однажды они допили бочонок и капеллан хотел идти бриться, то Фауст обещал научить его обходиться без помощи цирюльника, если Дорстений даст ему еще вина. Капеллан согласился. Тогда Фауст велел ему намазать подбородок арсеником, отчего у бедного капеллана сошла кожа»¹.

— **В-пятых, он был очень хвастливым и амбициозным человеком.** Уже цитированный нами, Аббат Тритемий писал об этой черте характера Фауста следующее. «В присутствии многих он хвастался таким знанием всех наук и такой памятью, что если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были начисто забыты, то он, как новый Ездра Иудейский, по памяти полностью восстановил бы их и даже в более изящном виде. После этого, когда я находился в Шпейере, он явился в Вюрцбург, где не менее самонадеянно говорил в большом собрании, что ничего достойного удивления в чудесах Христовых нет, и что он сам берется в любое время и сколько угодно раз совершить все то, что совершал Спаситель. В нынешнем году он приехал в конце великого поста в Крейценах и столь же нелепо чванился там своим искусством, называя себя величайшим из всех доныне живших алхимиков и уверяя, что он может и готов выполнить все, что угодно»².

Таковы черты Фауста, как человека. Примечательно, что в ряде работ, особенно советского времени, Фауста любили представлять, как символ, пусть и легендарный, как некоего борца за науку, смелого ученого и новатора, попирающего, якобы, отжившее христианство. И в этом нет ничего удивительного, ибо любая атеистическая секулярная философия вправе видеть в Фаусте одного из своих адептов. Единственно, только, ни о каком Фаусте ученом не может идти речи и в принципе, что четко прослеживается из его учения и деятельности.

● **Учение и деятельность Иоганна Фауста**

Основу его учения, без сомнения, составляли спиритизм, магия и астрология, которые ему и принесли широкую известность практически во всех странах Западной Европы. Причем, далеко не все деяния Фауста мы можем объяснить, базируясь на чисто материалистических позициях. Только анализируя его деятельность в контексте Библии, с которой, кстати, он вел войну, мы сможем понять природу и происхождение его деяний.

¹ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 277.

² Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 9—10.

HISTORIA
Von D. Johann
Fausten/ dem weitbeschreyten
Zauberer vnd Schwarzkünstler/
Wie er sich gegen dem Teuffel auff eine be-
nandte zeit verschrieben / Was er hiezwischen für
seltsame Aeuenteurer gesehen / selbs angerich-
tet vnd getrieben/ biß er endlich sei-
nen wol verdienten Lohn
empfangen.

Mehrertheils auß seinen engen hân-
derlassenen Schrifften/ allen hochtragenden/
fürwitzigen vnd Gottlosen Menschen zum schrecklichen
Beispiel/ abscheurlichen Exempel/ vnd treuw-
herniger Warnung zusammen gezo-
gen/ vnd in den Druck ver-
fertigt

IACOBII IIII.

Seyt Gott vnderthänig / widerstehet dem
Teuffel/ so stehet er von euch.

CVM GRATIA ET PRIVILEGIO.

Bedruckt zu Franckfurt am Mann/
durch Johann Splers.

M. D. LXXXVII.

Титульный лист первого издания книги Шписа о Фаусте. 1587 г.

— **Фауст-спиритист.** Известия о необычайных спиритических сеансах, проводимых Фаустом, сохранились во многих хрониках того времени.

«В хронике рассказывается еще много подробностей о пребывании д-ра Фауста в Эрфурте. Вот одна из них. Поселившись в Большой коллегии, доктор Фауст своим хвастовством добился позволения читать публичные лекции в университете. Объясняя Гомера, он так подробно описывал, как выглядели его герои, что студенты возымели желание увидеть их воочию и обратились к нему с просьбой вызвать их силою своих чар. Когда студенты собрались в назначенный Фаустом день, в аудиторию один за другим стали входить герои, упомянутые в лекции, и под конец явился одноглазый великан Полифем с длинной огненно-рыжей бородой, пожирая на ходу человека, ноги которого еще торчали из его пасти. Он навел ужас на всех, кто там был, и, не желая уходить обратно, с такой силой ударял своим железным копьём об пол, что стены аудитории сотрясались, причем он даже пытался вцепиться зубами то в одного, то в другого студента»¹.

«И в наше время люди, встречавшиеся с Фаустом, немецким чернокнижником, утверждают, что однажды, по просьбе нюрнбержцев, он выставил за воротами крепостного вала на лицезрение всем восседавшим на конях Энея, Ахилла, Гектора, Геркулеса и других героев, точно таких же по облику, какими они были при жизни, и в той одежде, какую они тогда носили»².

Странные тени, вызываемые Фаустом из преисподней и выдававшие себя за древнегреческих ученых, производили зловещее впечатление и способствовали росту популярности Фауста. Сегодня спиритические учения набирают особую популярность, особенно на Западе, являясь частью парамедицинских учений. Кстати, в медицине фашистской Германии, проводившей зверские опыты на людях, спиритизм и оккультизм играли видную роль.

— **Фауст-астролог.** В эпоху Средневековья и в эпоху Возрождения астрология занимала одно из центральных мест, как в жизни человека в целом, так и в медицинских воззрениях, где без составления гороскопов не осуществлялись медицинские манипуляции³. Фауст составлял гороскопы многим видным деятелям того

¹ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 32.

² Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 26, 20.

³ Опарин А. А. Медицина Средних веков. Религия. Философия. Суеверия. // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. — 2015. — №1. — С. 75—81; Опарин А.А. Сардис: город золота. — Харьков: Факт, 2014; Опарин А.А. Фиатира: город отступлений. — Харьков: Факт, 2016; Гессманн Г.В. Тайные символы алхимии, фармацевтики и астрологии средних веков. — К.: Пор-Роял, 2007.

Дом Фауста. Вестибюль. Прага, Чехия. Фото автора

Доктор Иоганн Фауст.
С гравюры Рембрандта

времени. «Годовой отчет камермейстера Ганса Мюллера от Вальпургиева дня года тысяча пятьсот девятнадцатого до следующего Вальпургиева дня года тысяча пятьсот двадцатого: Назначено и пожаловано философу доктору Фаусту 10 гульденов за составление гороскопа или предсказания судьбы милостивому моему господину. Уплачено в воскресенье после Схоластики по распоряжению его преосвященства»¹. Составление гороскопов сегодня занимает видное место в парамедицине.

— **Фауст-маг.** Став учителем, Фауст вскоре стал выдавать себя за великого ученого, а главное, — волшебника. Известный английский писатель конца XVI века Кристофер Марло, много изучавший деятельность Фауста, не случайно вкладывает в его уста следующие слова: «Мой полон ум мечтой о колдовстве. Постылы мне обманы философий; Лишь магия одна меня пленяет»².

В 1546 году Конрад Гесснер писал: «Из школы магов вышли те, которых называли странствующими схоластами, между которыми особенно славится некто Фауст, недавно умерший»³.

Фауст уверял, что может повторить все чудеса Христа⁴. В этом ему помогали таинственные духи и тени, с которыми он общался во время особых сеансов, и которым он продал свою душу в обмен на получение от них силы и знаний. Чудеса, совершаемые им, не могут быть объяснены только с помощью обмана, да и его популярность не могла бы продержаться столь многие годы на одном пустом шарлатанстве. Не только народные сказания, но и хроники того времени передают сведения о необычных и сверхъестественных деяниях Фауста. И хотя некоторые из них и обросли небывлицами, однако, многие зафиксированные в хрониках того времени не могут не вызывать внимания. Приведем некоторые из них. «Когда погребщикам в Ауэрбаховском винном погребке никак не удавалось выкатить непочатую бочку с вином, знаменитый чернокнижник доктор Фауст сел на нее верхом и силою его чар бочка сама поскакала на улицу»⁵.

¹ Из приходо-расходной книги епископа Бамбергского. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 10.

² Марло К. Трагическая история доктора Фауста. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 273.

³ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 274.

⁴ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 272.

⁵ Из «Лейпцигской хроники» Фогеля. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978.

Один из крупнейших книгоиздателей XVI века «Опоринус из Базеля был некогда учеником и другом Теофраста (Парацельса) и рассказывает чудеса о его общении с демонами. Они занимаются пустой астрологией, геомантией, некромантией и другими запретными науками»¹.

«А что упражнения в таком искусстве — дело не только богопротивное, но и весьма пагубное, никто отрицать не может. Это доказано опытом, а также примером судьбы широко известного чернокнижника Фауста. Этот Фауст за свою жизнь совершил так много чудесных дел, что их хватило бы на сочинение целого трактата, но в конце концов нечистый все же удушил его во владении Штауфен, в Брейсгау»². В своей непомерной гордыне Фауст доходит до того, что заявляет, что он скоро будет повелевать князем мира сего, т.е. сатаной³.

Для популяризации своего учения Фауст пишет и книги, известные о которых сохранились в письмах того времени. «Его высокородию господину Вольфу Эрнсту, графу Штольбергскому, Кенигштейнскому, Рутцшефуртскому и Вернигеродскому, милостивому моему государю в Вернигероде. Брауншвейг, 30 октября 1587 года. Високородный милостивый господин мой, по милостивому соизволению и повелению Вашей милости ювелир Геден Хельдинг лично обещал мне, что он всенепременно прибудет в Вернигероде ко 2 ноября. Посылаю Вашей милости Платина и сообщаю, что на прошлой Франкфуртской ярмарке впервые появилась история доктора Иоганна Фауста, полсотни экземпляров которой привез один книгопродавец. Однако прежде, чем я об этом узнал, книга оказалась распроданной, кроме одного экземпляра, который хотя уже и продан в Вольфенбюттеле, но еще не отправлен. В уважение Вашей милости книгопродавец готов вернуть людям из Вольфенбюттеля деньги, 9 добрых грошей, или же при первой возможности доставить им другой экземпляр, а этот предоставить Вашей милости, так что книга эта в распоряжении Вашей милости... Призываю благословение Божие на Вашу милость, желаю Вашей милости Господнего благоволения и всяческого благополучия в правлении и заверяю Вашу милость в своей готовности служить верой и правдой. Брауншвейг. 30 октября 1587 года по х.э. Покорный слуга Вашей милости Лудольф Людерс, регент церкви св. Власия в Брауншвейге»⁴. Парамедицина

¹ Конрад Гесснер. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 14.

² цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 15.

³ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 716.

⁴ цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 26—27.

практически вся пропитана магическими идеями и ритуалами, начиная от заговоров и заканчивая учениями об экстрасенсорике и биополях, которые, хотя и носят современные «научные» названия, по сути, представляют собой типичные средневековые колдовские учения и представления.

— **Фауст-целитель.** Иоганн Фауст говорил о себе и как о великом целителе. Его современники подтверждают это, говоря, что Фауст свидетельствовал о себе, что «он может скреплять или разрушать узы брака и любви и даже излечивать стигийскими снадобьями все неизлечимые недуги, далеко зашедшую чахотку, сильную водянку и застарелую дурную болезнь»¹.

В своих методах лечения Фауст прибегает к заклинаниям и другим парамедицинским методам «лечения» и одновременно в своих трудах критикует медицину, как науку. Для него излечение от болезней возможно только при помощи магических обрядов и заклинаний. Поэтому никакая анатомия, физиология, терапия и хирургия не нужны в принципе.

● **Фауст, как противник Реформации**

Примечательно, так же, что на несколько лет городом для своей деятельности Фауст избирает именно немецкий город Виттенберг, где в это же время работают великие реформаторы Лютер и Меланхтон, которых Фауст знал лично². «При жизни доктора Лютера и Филиппа черно книжник Фауст проживал некоторое время в Виттенберге; это допустили в надежде, что, приобщившись к учению, процветающему там, он раскается и исправится»³.

В 1595 году «еще сохранились развалины его дома неподалеку от дома Меланхтона, как все уверяют, на краю города Виттенберга, противоположном университету»⁴. Но Фауст преследовал свои коварные цели. Фауст прямо критикует Библию. Так, в частности, он «сопоставляет два текста Нового Завета и приходит к выводу, что по Библии, человек по необходимости грешит, а затем Бог наказывает его за это смертью»⁵. Через свою критику Библии он пытается вызвать у людей недоверие к этой Книге, только что переведенной Лютером на немецкий язык.

Так же, для того, чтобы отвлечь внимание людей от учения Реформации, Фауст начинает проводить в Виттенберге спиритические сеансы, которые объяснить с чисто материалистических

¹ Агриппа Неттесгеймский. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978.

² Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 272—273.

³ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 23.

⁴ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978.

⁵ Культура эпохи Возрождения и Реформации. — Л.: Наука, 1981. — С. 165—166.

позиций не представляется возможным в виду того, что многие из них проводились прилюдно при скоплении большого числа людей. «Фауст показывал в Виттенберге студентам и одному знатному лицу Н Гектора, Улисса, Геркулеса, Энея, Самсона, Давида и других, каковые появились с недовольным видом, всех устранив своей грозной осанкой, и снова исчезли. Говорят, что среди присутствовавших и глядевших на все это лиц были и владетельные особы (о чем Лютер отозвался весьма неодобрительно)»¹.

Более того, Фауст лично встречался с ближайшим помощником Лютера Филиппом Меланхтоном. «Распутный слуга дьявола Фауст проживал одно время в Виттенберге и как-то пришел к господину Филиппу. Тот отчитал его как следует и стал призывать его отступиться от нечестивых дел, говоря, что они не доведут его до добра, как это позднее и случилось. Но Фауст все это пропустил мимо ушей. Как-то раз господин Филипп сошел в 10 часов из своей учебной комнаты вниз, чтобы сесть за стол, и видит: пришел к нему Фауст, которому тогда так досталось от него. Тот повел такую речь: «Вы всегда поносите меня бранными словами, за это я сделаю так, что все горшки на кухне вылетят в трубу, как только вы сядете за трапезу, и ничего ни вам, ни вашим гостям не останется». На это господин Филипп ответил ему: «Советую тебе отказаться от этого. Плевать мне на твою магию». И тот действительно отказался от своей затеи»².

Филипп Меланхтон писал о Фаусте. «Дьявол удивительный мастер: может он творить такие художества, которые кажутся натуральными, так что мы и не знаем. Повествуют о многих чудесах магии, о чем я уже сказал в другом месте... Так и Фауст-маг пожрал в Вене другого мага, которого спустя немного дней нашли в каком-то месте. Дьявол может творить много удивительного. Однако и церковь имеет свои чудеса»³. Меланхтон прямо называл Фауста вместилищем многих бесов⁴.

Упоминает о Фаусте и Мартин Лютер. «Когда еще был жив реальный Фауст, Лютер выступил с первыми заявлениями, в которых маг Фауст был объявлен пособником дьявола»⁵. В книге «Застольные беседы Мартина Лютера» упоминается несколько раз о Фаусте. Когда однажды за ужином зашла речь о некоем черно-

¹ Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 20—21.

² Вольфганг Бютнер. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 22—23.

³ Филипп Меланхтон. цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 14.

⁴ Филипп Меланхтон. цит. по кн. Легенда о докторе Фаусте. Указ. соч. — С. 15.

⁵ Бейджент М., Ричард Л. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. — М.: Эксмо, 2004. — С. 153.

Дом Фауста. Прага, Чехия. Фото автора

книжнике Фаусте, доктор Лютер сказал внушительно: «Противоборствуя мне, дьявол не прибегает к помощи колдунов. Если бы он мог этим нанести мне вред, он бы давно уже сделал это. Не раз уже он хватал меня за глотку, но приходилось ему все-таки отпустить меня. Я-то уж по опыту знаю, каково иметь с ним дело. Он часто так донимал меня, что я уже не ведал, жив я или мертв. Бывало, доводил он меня до такого смятения, что я вопрошал себя, есть ли на свете Бог, и совсем отчаивался в Господе-Богe нашем. Но, словом Божиим я отгонял наваждение». «Зашла речь об обманщиках и об искусстве магии, каким образом сатана ослепляет людей. Много говорилось о Фаусте, который называл черта своим куманьком и говаривал, что если бы я, Мартин Лютер, протянул ему только руку, он бы меня сумел погубить. Но я не хотел его видеть и руку протянул бы ему во имя Господа, так что Бог был бы моим заступником. Думается мне, немало против меня затевалось всяких чародейств»¹.

¹ цит. по Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978. — С. 16.

И Лютер, и Меланхтон пытались со своей стороны отвлечь Фауста от занятий магией, но это не удалось, он продолжал соблазнять людей своими колдовскими занятиями¹. Однако, видя, что все его старания встречают отпор, а власти Виттенберга стали на сторону реформаторов, приказав посадить Фауста в тюрьму за его развратную жизнь и порчу нравов, Фауст бежит из тюрьмы и начинает свои скитания, которые продолжались вплоть до самой его смерти².

На сегодняшний день сохранилось много преданий, повествующих о заключении договора между Фаустом и сатаной, однако, выявить среди всех этих известий историческое зерно сегодня практически невозможно³. Но главное не в самой форме договора, а в том, что Фауст действительно пошел на поводу злой силы, что привело его к страшному финалу. Уже современники Фауста, хорошо знавшие его лично, анализируя его жизнь и деяния, отмечали следующее. «Страшный пример Фауста и ужасный исход его занятий волшебством показывает, чтобы все христиане и все разумные люди лучше узнали дьявола и его приемы, и таким образом научились бы его остерегаться. История Фауста поучительна тем, что она есть замечательный и страшный пример, в котором не только можно видеть зависть, обман и жестокость дьявола по отношению к роду человеческому, но можно с очевидностью проследить, куда приводит человека беспечность, дерзость и заносчивость. Так окончилась истинная история и чародейство доктора Фауста. Всякий христианин, а особенно с надменной, гордой, дерзкой и упрямой головой должен научиться из нее бояться Бога, избегать колдовства, заклинаний и других бесовских дел, запрещенных Богом. Никогда не приглашать к себе в гости дьявола и не давать ему у себя места, как это сделал Фауст»⁴.

Типограф Шпис в 1587 году в этом же своем труде, посвященном описанию жизни Фауста, отмечает в качестве назидания читающим его, что бесы корыстно используют людей, потакают им в их наклонностях, а затем, доведя их до полного духовного разложения и падения, бросают на смерть, как никому ненужную вещь. Эта мысль образно передана Шписом в обращении беса к Фаусту: «ты пренебрег искусством, которое дал тебе Бог и пригласил к себе дьявола. Ты 24 года думал, что все то золото, что блесстит, и верил в то, чему учил тебя дьявол. Посмотри, ты был пре-

¹ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 273.

² Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 273.

³ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 284—286.

⁴ Корелин. Указ. соч., ч. 11, с. 283, 284.

красным созданием Божиим. а теперь принужден плясать под дудку черта, хлеб которого ед. Ты выучился дурному искусству, от которого не можешь отстать, как кошка от охоты за мышами. Пока ложка нова, ею пользуется повар, когда же она состарится, то ее бросят; не тоже ли самое с тобою? Ты был кухонной ложкой дьявола, и теперь он не нуждается в тебе»¹.

Однако, несмотря на страшный финал жизни самого Фауста, немало людей, в том числе и врачей, пошли его путем изучения оккультизма и магии и попыток внести их в медицину под самыми различными видами и формами. Таким образом, Иоганн Фауст выступает в истории медицины, с одной стороны, как один из ярых противников Реформации, которая, сбросив средневековые цепи схоластики и суеверий, опутывавших медицину на протяжении многих столетий, создала тем самым возможности для развития медицинской науки, а с другой — как один из основателей парамедицины.

Глава 3

УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПАРАЦЕЛЬСА

Философия Парацельса и его медико-мистические изыскания оказали значительное влияние на последующее развитие медицины, и многие врачи того времени находились под влиянием его идей. Главными среди них были следующие.

• Ян Баптиста ван Гельмонт

Ян Баптиста ван Гельмонт родился 12 января 1580 года в Брюсселе в семье прокурора и члена Совета Брюсселя. Свое медицинское образование получил в университете Левена, во время обучения в котором путешествовал по Европе, в частности, был в Англии и Швейцарии. Причем, вначале он изучал математику, астрономию, потом теологию, потом юриспруденцию, ботанику, пока, наконец, не остановился на медицине, получив в 1609 году степень доктора медицины. В том же году он женился на Маргарет ван Ранст из богатой семьи. Молодая семья поселилась в городке Вилворде, вблизи Брюсселя, который Гельмонт не покидает до конца своих дней².

В эти годы Гельмонт прицельно изучает каббалистическую литературу и другие различные мистические сочинения, среди которых одно из центральных мест принадлежало работам Пара-

¹ Корелин. Указ. соч., ч. 12, с. 718.

² Верхратский. Вказ. тв., с. 89.

цельса. Параллельно с этим он занимается химическими опытами, в ходе которых им была открыта, в частности, углекислота и введены впервые в химии понятия газ и фермент (от лат. *fermentum* — «брожение»), а также врачебной практикой¹.

Таким образом, химия, каббала, мистика и медицина становятся главными направлениями его изучения, и именно эти направления он пытается объединить воедино в своей теории о происхождении заболеваний.

Согласно последней, в организме человека все его жизненные функции зависят от высшего жизненного начала, так называемого — архея. Причем, каждая отдельная часть тела имеет своего архея. Гармоничное взаимодействие этих археев между собой и обеспечивает состояния здоровья. В свою очередь над всеми этими археями человеческого организма стоит высший архей, движимый извне Высшим Разумом². Гельмонт считает, что у археев различных частей человеческого тела есть возможность самостоятельно победить болезнь, и потому задачей врача является лишь вспомогательная функция в лечении пациентов. Поэтому своим больным он практически не прописывает никаких лекарственных средств, ограничиваясь назначением диеты, умеренным назначением слабительных и кровопусканий, которые со времен Средневековья рассматривались, как средства очищения организма. При этом, однако, Гельмонт делает принципиальное уточнение о том, что все эти мероприятия не столько действуют на сам организм, сколько способствуют возбуждению целительных свойств в архее.

Будучи отравлен каббалистическими и мистическими учениями, Гельмонт, находившийся в их жестких тисках, не только не смог дальше продолжить свои ценные исследования, но и не смог понять их. Умирает Гельмонт в 1644 году. Биография Гельмонта, как человека и ученого, представляет собой трагедию, нереализованных дарований, вследствие увлечения мистикой.

Ян Баптиста ван Гельмонт

¹ Верхратский. Вказ. тв., с. 89.

² Мейер-Штейнег-Зудгоф. Указ. соч., с. 326.

• Роберт Фладд

Имя этого человека вошло в историю, как настоящего мага эпохи Возрождения¹.

Итак, Роберт Фладд родился в 1574 году в Берстедде, в семье рыцаря, пользовавшегося покровительством самой королевы Елизаветы Первой и служившим военным казначеем во Фландрии.

Роберт Фладд

Учился он в Оксфордском университете. Во время обучения совершил много путешествий, объездив Францию, Германию, Италию. Испанию. По окончании обучения получил степень доктора медицины и, поселившись в Лондоне, занялся с 1606 года медицинской практикой. Причем, в своем доме он открыл лабораторию, в которой сам составлял лекарственные препараты и проводил алхимические опыты. Начиная с этого времени он очень много пишет, причем в его работах отчетливо чувствуется

влияние Парацельса, Агриппы и знаменитого мага того времени Джона Ди. Последний был одной из поистине зловещих фигур своего времени.

В своих трудах, главным из которых был «История макрокосма и микрокосма», Фладд пытался соединить воедино все существовавшие тогда эзотерические учения — алхимию, астрологию, нумерологию, Каббалу в единую систему².

В этих своих рассуждениях он дошел до того, что отождествлял философский камень со Христом. «Он проводил опыты с магнетизмом и вместе с Парацельсом проложил дорогу Месмеру и основателям современной парапсихологии»³. Фладд весьма сблизился с орденом розенкрейцеров, одной из первых тайных оккультных организаций Европы, ставящих во главу угла перестройку всего мира на основе магии и оккультизма.

Фладд с самого начала своих исследований пошел по пути не столько медицинских исследований, сколько алхимических изысканий, которые способствовали эволюции герметизма, которая

¹ Бейджент. Ли. Указ. соч., с. 189.

² Бейджент. Ли. Указ. соч., с. 189.

³ Бейджент. Ли. Указ. соч., с. 189.

состояла в том, что теперь оккультные знания стали отходить от исследователя-одиночки в сторону формирования тайных обществ и орденов, ставящих своей целью переустройство всего общества¹. Это очень дорого обойдется для всей Западной цивилизации. Ибо за этой эволюцией оккультизма уже четко проглядывают идеи фашизма с его переустройством мира.

• Франциск Сильвий

Франциск Сильвий, родился 15 марта 1614 в Ханау в Германии. Он был одним из ведущих представителей алхимической школы ятрохимии. Считал, что все болезни зависят от дисбаланса в человеческом организме кислот и щелочей. И потому, если формируется заболевание, при котором преобладает кислая среда, то больному следует назначать щелочи, и, наоборот, если при заболевании преобладает щелочная среда, то следует назначать кислоты. За это некоторыми учеными он считается отцом биохимии. Однако, вследствие увлечения идеями Парацельса, алхимией он, как и Гельмонт, не смог реализовать своих несомненных дарований и правильно интерпретировать свои открытия, которые, наконец, потонули в груди алхимических измышлений.

Он умирает 15 ноября 1672 в Лейдене.

Остальные последователи Парацельса такие, как швейцарские врачи Леонард Турнейссер (1531—1596) и Тюрке де Майерн (1573—1655), датский врач Петр Северинус (1540—1602), немецкие врачи Генрих Кунрат (1560—1605) и Либавий Андреас (1555—1616), итальянский врач Ди Капуа Леонардо (1617—1695) и Густав Шведский (1568—1607), хотя и были довольно заметными фигурами в медицине своего времени, однако, не оказали сколько-нибудь значимого влияния на последующее развитие медицины или парамедицины.

Однако, само учение Парацельса, как мы отмечали выше, намного пережило самого Парацельса, став одним из базовых для формирования учения гомеопатии, животного магнетизма и теософии. И, хотя появление данных учений хронологически выходит за рамки рассматриваемого нами периода истории медицины, мы считаем логичным рассмотреть их именно здесь.

Франциск Сильвий

¹ Бейджент. Ли. Указ. соч., с. 188—189.

Глава 4

ФРАНЦ МЕСМЕР И ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ

Франц Антон Месмер родился 23 мая 1734 в Швабии, на берегу Боденского озера, в семье егеря местного епископа. Первоначальное свое образование Месмер получил в иезуитских коллегиях Диллингена и Ингольштадта, которые оказали неизгладимое впечатление на всю его жизнь, хотя от духовной карьеры он и отказался.

Обучение Месмера у иезуитов, которое мы подробно рассматривали выше, заложило основы не только его общего уровня образованности, но и приобщило его к мистике, которая занимала весьма видное место, как в философии иезуитов, так и в их практиках, которые они использовали и в самой системе преподавания, и в системе обмана и фальсификации, которую они весьма широко использовали в своих корыстных целях, и которой обучали будущих своих членов.

Свое образование он продолжил в 1759 году в Венском университете, вначале на отделении права, а затем уже через год на медицинском факультете. Венский университет находился под полным контролем папской церкви, которая, в свою очередь, значительную часть системы образования доверила тем же иезуитам. Там он изучает медицину и теологию. В 1766 году он получает в Венском университете степень доктора медицины, защитив диссертацию «О влиянии звезд и планет как лечебных сил», в которой он говорил о воздействии небесных сил на «отливы» и «приливы» в человеческом организме. В этой своей работе он приводит ряд положений, заимствованных у Парацельса¹. Уже само название диссертации говорит о том месте, которое занимала астрология в странах, отвергнувших Реформацию и избравших путь развития медицины, начертанный Парацельсом, в основе которого лежали принципы магии, алхимии и оккультизма в отличие от стран, принявших Реформацию, которые освободили медицину от вековых пут схоластики, алхимии и астрологии.

В январе 1768 года Месмер заключает выгодный брак с состоятельной венской вдовой Анной-Марией фон Пош, который ему дает роскошный особняк в Вене и вхождение в высшее венское общество. В эти годы Месмер начинает свою медицинскую практику, основанную на применении минеральных магнитов², пред-

¹ Леманн. Указ. соч., с. 364.

² Беллин. Указ. соч., с. 9.

ложенных для лечения практически всех заболеваний еще Парацельсом¹.

Однако, занимаясь этим лечением, Месмер обратил внимание на то, что некоторым больным становилось лучше после того, как он прикасался к больным руками или поглаживал больные области. Исходя из этого, он делает вывод, что источником животной силы является не магнит, который служит лишь в качестве посредника, а сам гипнотизер².

После этого он бросает лечение магнитами и продолжает лечение при помощи прикосновений и поглаживаний. На основании этих наблюдений он формулирует свою теорию животного магнетизма, согласно которой существует, якобы, особая жизненная (или животное-магнетическая сила) при помощи которой один человек может влиять на другого и которая под влиянием гипнотизера может переходить на одушевленные или неодушевленные предметы. При этом и вся вселенная, якобы, наполнена особым веществом флюидом — магнетической жидкостью, обуславливающей влияние планет на одушевленную и неодушевленную природу. Силу, заставляющую реагировать людей на эту жидкость, он назвал животным магнетизмом³.

Всю вселенную, наполненную этими флюидами, он уподоблял «космическому морю», приливы и отливы, которого оказывают, якобы, значительную роль на состояние здоровья человека⁴.

Вот, что по этому поводу пишет сам Месмер. «Все тела в той или иной мере способны проводить магнетический флюид так, как это делает природный магнит. Этот флюид наполняет всю материю. Этот флюид может быть аккумулирован и усилен так же, как электричество. Этот флюид можно передавать на расстоянии. В природе есть два вида тел: одни усиливают этот флюид, а другие его ослабляют».

К Месмеру начинают обращаться весьма многие и многие пациенты, и вскоре слава о его необыкновенных методах лечения облетает всю Вену. Чтобы увеличить свою славу он становится меценатом и покровительствует музыке. Так, в частности, он становится одним из первых покровителей Моцарта, который в его доме ставит одну из своих первых опер⁵.

В 1778 году он переезжает в Париж, где становится одной из наиболее знаменитых фигур, к которой буквально стекается прак-

¹ Мейер-Штейнег, Зудгоф, с. 376.

² Мейер-Штейнег, Зудгоф, с. 376.

³ Беллин. Указ. соч., с. 9.

⁴ Бейджент, Ли. Указ. соч., с. 272.

⁵ Бейджент, Ли. Указ. соч., с. 272.

А. Месмер

тически весь французский двор и аристократия. Вследствие того, что желающих стало так много, Месмер, имея только две руки — главные инструменты своего лечения, уже не справлялся с таким наплывом. И тогда он разрабатывает методы, направленные на удовлетворение этого спроса.

Так, он начинает магнетизировать воду, деревья и даже предметы, служившие лечебными талисманами и, якобы имеющие такое же воздействие на больного, как и прикосновение рук самого Месмера. В этой его методике принципиально нового ничего не

было, ею весьма широко пользовались жрецы Древнего Египта, Древнего Вавилона и Древней Греции, широко изготавливающих различные талисманы и обереги. Эта же методика будет широко использоваться и экстрасенсами Новейшего времени, заряжающими даже воду, как Чумак у экранов телевизоров.

Примечательно, также, что время расцвета подобных оккультных методик лечения в истории также имеет весьма четкие параллели и причины. Так, период Французской истории первой трети XVIII столетия характеризовался секуляризацией общества и расцветом материалистических философских учений Вольтера, Дидро, Монтескье. Это было, в свою очередь, обусловлено более чем тысячелетним господством папской церкви, костров инквизиции, мрачной схоластики и преследованием любых проявлений свободы, что внушило людям отвращение к церкви и к Богу, что и обусловило расцвет секуляризма. Однако, секуляризм, атеизм не могут восполнить духовных запросов человека, и потому отвержение Бога, веры всегда приводит к расцвету всего оккультного, предлагающего человеку путешествие в мир таинственного и неизданного, обещая, при этом, решение, как духовных, так и физических проблем.

То же мы можем наблюдать и во время, предшествующее Октябрьской Революции 1917 года, когда вследствие длительного господства государственной церкви, основанной на выполнении обрядов и не учившей людей библейским истинам и законам, и преследующей, при этом, любые попытки свободомыслия и желания просто читать Библию, расцвели спиритические учения. Среди последних, кстати, ведущее место занимал спиритизм и животный гипнотизм. Разгул атеизма, пришедшийся на период

Гражданской войны и первых десятилетий советской власти, привел к новой волне популяризации спиритизма и гипнотизма, сеансы которого проводились тогда в центральных Дворцах культуры и театрах.

Подобную картину мы можем наблюдать и в последние годы существования СССР, когда общество, разуверившееся в коммунистических идеалах, и утратившее вследствие длительного господства атеистической идеологии веру в Бога, оказалось в руках новейших гипнотизеров и экстрасенсов.

Применяя методы заряжения воды и различных предметов, Месмер, наконец, перешел и к сеансам одновременного проведения гипноза. Для этого он изобрел специальные кадки, содержащие большое количество воды, и через которую из кадки выходили специальные железные полосы, заменявшие руки гипнотизера. За эти специальные полосы держались пациенты, которые для этого садились вокруг этой кадки. При этом сам Месмер касался этой кадки, передавая через нее свою энергию всем пациентам одновременно. Этот сеанс проходил в полутемном помещении, освещенном слабым светом цветных фонариков и под звуки плавной музыки или пения. Все это создавало особую обстановку, предрасполагающую к медитации. Все это колоссальным влиянием воздействовало на чувства и настроения больных, особенно подверженных истерическим припадкам, а именно такие пациенты составляли (кстати, и составляют) тогдашнюю аристократию¹.

Со временем Месмер стал утверждать, что животный магнетизм может передаваться и при помощи звуков. «Погружая своих пациентов в гипнотическое состояние, он им давал установки, которые вызывали серьезные изменения в поведении человека. Выражаясь современным языком, Месмер проникал в подсознание»². При этом, если одни пациенты впадали в гипноз, то с другими, напротив, случались тяжелые истерические припадки³.

Более того, эти сеансы привели к смерти некоторых пациентов⁴! Это дало повод Сорбоннскому университету Парижа выступить против учения Месмера и проводимых им сеансов. Ученые объявили, что успех лечения, проводимого Месмером, связан исключительно с воображением и перевозбуждением самих пациентов⁵.

¹ Беллин. Указ. соч., с. 10.

² Бейджент, Ли. Указ. соч., с. 273.

³ Леманн. Указ. соч., с. 365.

⁴ Леманн. Указ. соч., с. 365.

⁵ Мейер-Штейнер, Зудгоф, с. 377.

Однако, это не мешает Месмеру продолжать свою деятельность и, даже, более того, он организует так называемое, Общество вселенской гармонии, членами которого в считанные годы становятся около 500 человек и филиалы которого открываются в Страсбурге, Лионе, Бордо, Монпелье, Байонне, Нанте, Гренобле, Дижоне, Марселе, Кастре, Дуэ и Ниме. Самого себя Месмер делает казначеем этого общества, что превращает его вскоре в самого богатого врача Европы, состояние которого оценивается в 344 тыс. ливров. Параллельно Месмер начинает сотрудничать с масонами¹, в философии которых также видное место занимал оккультизм.

Месмер также считал, что в состоянии магнетического сна человек способен уйти в прошлые эпохи или предвидеть будущее или увидеть свои внутренние органы изнутри, что позволяет, якобы, определить их состояние и выбрать при необходимости правильное лечение.

После начала Французской Революции 1789 года, когда класс аристократии, поддерживающий Месмера, пал, а в социальной жизни общества восторжествовал рационализм, Месмер покидает Францию, предпринимая поездки по Германии, затем в Англию, потом Вену и Швейцарию. В 1798 году он вновь прибывает во Францию, однако прежней популярности уже не имеет. В 1801 году он отправляется в Швейцарию. Он умирает в неизвестности и бедности от сердечного приступа у себя на родине, в Меерсбурге на Боденском озере, в 1815 году.

Еще при жизни Месмера в месмеризме наметилось два основных направления: материалистическое и идеалистическое, хотя эти названия крайне условны, ибо оба зиждятся на принципах оккультизма. Материалисты во главе с Месмером считали основой гипноза флюиды, а идеалисты, к которым относились маркиз де Пуоисегюр, шевалье де Барбарен, говорили о том, что главная действующая сила магнетизма скрывается не во флюидах, а в скрытых возможностях человеческой души. Тогда же некоторыми оккультистами учение Месмера было соединено с воззрениями Сведенберга, в результате чего оформилась одна из основ спиритического учения. Учение о животном магнетизме развивала и одна из основательниц эзотерики Е.П. Блаватская.

Месмер стал своеобразным связующим звеном между оккультистами эпохи Возрождения в лице Парацельса и оккультистами и гипнотизерами Нового и Новейшего времени, пытающимися придать гипнозу сугубо научное объяснение, недаром Месмера

---

¹ Бейджент, Ли. Указ. соч., с. 274.

называют первым психологом-магом¹. Последующее развитие психологии и психиатрии будет демонстрировать постоянное балансирование между подлинно научными исследованиями высшей нервной деятельности человека (И.П. Павлов, В. М. Бехтерев, С.С. Корсаков, В.А. Гиляровский и т.д.) и уходом в парамедицину, имеющую лишь научный вид, а на деле представляющей собой древнюю алхимию и оккультизм (З. Фрейд, К. Юнг и т.д.).

Глава 5

ДОКТОР ГАНЕМАН ИЛИ ГОМЕОПАТИЯ: МЕЖДУ ЛЖЕНАУКОЙ И ОККУЛЬТИЗМОМ

Среди методов лечения, находящихся в последнее время самое широкое распространение, особенно в странах бывшего СССР, принадлежит гомеопатии. Практически в каждом не только областном, но и районном городе есть специальные гомеопатические аптеки и огромный процент населения прибегает к ним, причем, часто в тех случаях, когда полагает, что традиционная медицина не поможет. Так же бытует весьма широкая убежденность, причем, не только среди населения, но и врачей практического здравоохранения в безопасности назначения гомеопатических средств, их высоком биологическом качестве, приравнивании их назначения к методам фитотерапии².

Получает свою популяризацию у нас и разновидность гомеопатии — гомотоксикология, пытающаяся с использованием современных понятий и терминов реанимировать гомеопатию³.

Одновременно с этим на Западе в последние десятилетия отмечается прямо противоположное отношение к гомеопатии, которая практически во всех ведущих странах мира официально признана лженаукой, представляющей опасность для населения. В то же время ряд восточных стран, в частности, Индия и Пакистан, наоборот, всячески рекламируют гомеопатию, а в противовес им ведущие христианские протестантские церкви сопоставляют гомеопатию с одним из видов оккультизма. Одни университеты го-

¹ Бейджент, Ли. Указ. соч., с. 274.

² Кейн С. Гомеопатическая фармация. — М.: Гомеопатическая медицина, 2002; Кулкарни А. Гомеопатия в клинической практике. В 11 ч. — М.: Гомеопатическая медицина, 2002.

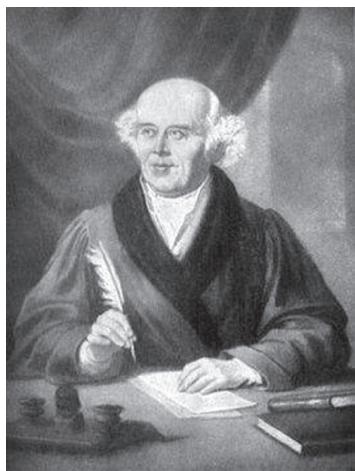
³ Свейн Д. Гомеопатический метод. — М.: Гомеопатическая медицина, 2007; Ульман У. Открытие гомеопатии — медицины XXI века. — М.: Гомеопатическая медицина, 2010.

готовят даже бакалавров по альтернативной медицине, включая гомеопатию, которая изучается на некоторых кафедрах и в системе последипломного образования врачей, в то время, как в других университетах ее прямо сопоставляют с лженаукой и суевериями. Что же представляет собой гомеопатия: науку, лженауку, философское учение или одну из разновидностей оккультизма.

Исходя из этого, целью нашего исследования стал комплексный медико-исторический анализ метода гомеопатии, как лечения и выявления роли в его формировании философских и религиозных идей.

• Доктор Ганеман — основоположник гомеопатии

Основатель гомеопатии Христиан Фридрих Ганеман родился в Германии в городе Мейсене в 1755 г. в семье художника по фарфору. Медицинское образование получил в Лейпцигском и Венском

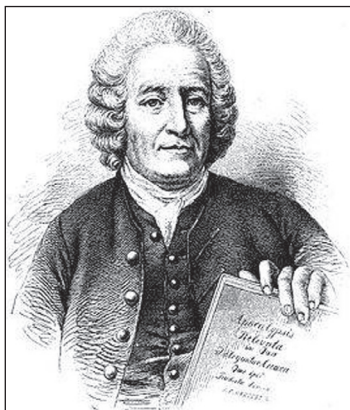
Х.-Ф. Ханеманн (Гансман)

университетах, овладев помимо медицинских знаний большим количеством иностранных языков, включая не только ведущие языки Европы: английский, итальянский, французский, но и арабский, греческий, латинский, древнееврейский. В 1779 году он получает степень доктора медицины. Занятия медициной привели Ганемана к нескольким выводам. Так, он увидел, что многие препараты, используемые медициной того времени, в частности, ртуть, мышьяк приносили пациентам больше вреда, чем пользы. Так же Ганеман видел, что медицина того времени очень мало уделяет внимания

вопросам, как личной гигиены, так и гигиены домов, а также роли физических упражнений и здорового образа жизни в лечении пациентов. Мало уделялось внимания и особенностям характера больного, его типа личности на формирование заболеваний. Господствовавшие в то время атеистические направления в философии стали господствующими и в медицине, что привело к недооценке духовного компонента здоровья человека. Вместе с тем, кризис традиционного христианства, обусловленный, с одной стороны, наследием средневековой папской церкви, чьи зверства и злоупотребления дискредитировали для миллионов людей Бога и церковь, а с другой, остановка в преобразованиях христианства, нача-

тых Великой Реформацией в 1517 году и заглухнувших к середине XVIII века, способствовали популяризации оккультизма и восточных учений, которые заняли опустевшую духовную нишу в жизни интеллигенции того времени.

Именно к этим учениям и обратился за ответами на свои вопросы пытливый ум Ганемана. Так, его очень привлекли работы известного шведского спирита и медиума того времени Эммануила Сведенборга (1688—1772). Последний, по его собственным словам, 6 апреля 1744 года удостоен посещения Господом Иисусом Христом. «В эту же ночь открылся и мой внутренний взор, так что я получил возможность видеть обитателей мира духов, небеса и ад, и, благодаря этому, множество скрытых аспектов бытия. После этого я совершенно оставил мои занятия в земных науках и посвятил себя исключительно духовным постижениям, и Господь Сам руководил моими записями об этом».

Эммануил Сведенборг

После этого сны и путешествия в потусторонний мир постоянно сопровождают Сведенборга до самой его смерти. Согласно открытым ему видениям он трактует Библию чисто аллегорически, полностью выхолащивая из нее исторический и пророческий элементы. К примеру, Красное Море, через которое Моисей перевёл свой народ, Сведенборг называет аллегорией ада, а Египет — природного начала. Согласно этим же видениям он проповедует небиблейское учение о бессмертии души, призраках, астральных телах и т.д. Подробно описывает он и ад, в котором, якобы, люди даже могут жениться и выходить замуж. Отрицает Сведенборг и Троицество Бога. Словом, откровения, данные ему в видениях, полностью противоречат библейскому учению¹.

Именно эта философия и оказала одно из решающих влияний на мировоззрения Ганемана, который поверил в существование астральных тел, вселенской жизненной силы, которая и управляет, как физическим, так и астральным телом и использо-

¹ Сведенборг Э. Апокалипсис Открытый. — М.: АСТ, 2003; Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. — М.: Амфора, 2006; Сведенборг Э. Супружеская любовь. — М.: АСТ, Астрель, 2005; Сведенборг Э. Тайны небесные. — М.: АСТ, Ермак, 2005.

вание которой и может приносить исцеления от недугов. Увлекается так же Ганеман и идеями другого известного спирита того времени Месмера (1734—1815). Последний был основоположником оккультного учения о так называемом «животном магнетизме». По мнению Месмера магнитотерапия благоприятно действует на пациента, но не благодаря самому магниту, а в результате действия таинственной силы — флюида, исходящей от магнетизера, которую он и назвал «животным магнетизмом». Последний, по его мнению, может накапливаться и усиливаться за счет зеркал или звука и передаваться другим с целью устранения болезней. Именно неравномерное распределение этого флюида в организме и формируются заболевания.

По поводу влияния на свое учение месмеризма Ганеман писал следующее: «Я нахожу необходимым сослаться здесь на животный магнетизм, как его называют, или месмеризм... месмеризм... это чудесный и бесценный дар Божий, с помощью которого сильная воля человека посредством контакта или без него и на некотором расстоянии от больного способна принести ему жизненную силу гипнотизера»¹.

Большое влияние оказали на мировоззрения Ганемана и восточные религии, и, в первую очередь, конфуцианство. Наконец, по собственному уверению Ганемана он стал «водим невидимой силой Всемогущего, слушая, наблюдая и следуя Его указаниям, полностью концентрируя все свое внимание и религиозную проницательность на этом вдохновении»².

И вот однажды, переводя одну английскую медицинскую работу, посвященную лечению малярии хинным деревом, он, не согласившись с выводами ее автора, предлагавшего лечить малярию большими дозами хинина, решил проделать над собой эксперимент. Ганеман принял большую дозу коры хинного дерева внутрь, и у него вскоре разыгралась дрожь и боли в суставах, которые он счел признаком малярии. Довольствовавшись этим опытом, Ганеман объявил, что лекарственные препараты вызывают у здоровых людей симптомы, подобные симптомам болезни, которую они сами и лечат. Исходя из этого, он сделал вывод, что если больному дать эти самые вещества только в микродозах, то они будут стимулировать организм к выздоровлению. После Ганемана никто больше не наблюдал у себя после приема коры хинного де-

¹ Hahnemann S. Organon of Medicine, 6th edition, reprint, B. Jain Publishing. — New Delhi, India, 1978. — P. 309. 311.

² Bopp H.J. Homeopathy. — Down, North Ireland, Word of Life Publishing, 1984. — P. 3.

рева подобных ему симптомов, а после и вовсе было показано, что передозировка хинином не имеет ничего сходного с клиникой малярии и что хинин вылечивает малярию благодаря уничтожению малярийного плазмодия. Но и сам Ганеман, и его последователи не желали на это вовсе обращать внимания. Продолжая свои исследования, Ганеман приходит к методике получения гомеопатического препарата¹.

● Способ приготовления гомеопатического препарата

Исходные вещества, выбранные для приготовления того или иного лекарства, растираются в порошок или растворяются в воде, после чего их смешивают с растворителями и дают смеси время отстояться. Потом смесь фильтруют и помещают в темную емкость для хранения. После этого эту «материнскую» настойку начинают разводить водой. Это разведение может быть десятичным и сотенным, которые обозначаются римскими буквами X и C, соответственно. Затем эти разведения многократно повторяют. Например, повторенное 12 раз сотенное разведение обозначается 12C².

Однако, при таком разведении препарата действующего вещества в нём практически не остается вообще, а те небольшие оставшиеся его следовые количества не могут оказывать никакого фармакологического действия в принципе. Но это, по мнению гомеопатов, и не важно, ибо главное состоит не в количестве оставшегося препарата, а в том, что вода, в которой разводится данный препарат, обладает, якобы, информационной памятью и сохраняет память о препарате. И потому, чем сильнее разведение, тем больше воды и, следовательно, тем больше памяти она содержит, и, следовательно, более эффективен сам препарат.

Весьма примечательным является и то, что при назначении того или иного гомеопатического средства большинство врачей-гомеопатов учитывают знаки зодиака, под которыми родился тот или иной их пациент, а также прибегают к помощи маятника при выборе того или иного гомеопатического препарата. Само использование маятника в качестве поиска ответа на те или иные вопросы, является одним из древнейших видов гадания, восходящего к цивилизациям Древнего Китая и Древнего Вавилона. Со-

¹ Ганеман С. Органон врачебного искусства — М.: Симилия, 1998; Ганеман С. Хронические болезни. Предисловие о технике гомеопатии. Антипсорические средства. — СПб.: Астериан, 2014; Ганеман С. Хронические болезни. Симптом споры. — СПб.: Астериан, 2014.

² Кейн С. Гомеопатическая фармация. — М.: Гомеопатическая медицина, 2002; Кулкарни А. Гомеопатия в клинической практике. В 11 ч. — М.: Гомеопатическая медицина, 2002.

временные экстрасенсы обосновывают использование маятника тем, что, якобы, разные анатомические области человеческого организма по-разному реагируют на маятник, и потому он по-разному раскачивается над разными участками организма человека и по-разному, при наличии в них той или иной патологии. Вместе с тем гомеопатия признает и языческие восточные учения об астральном теле. Все это демонстрирует связь философии гомеопатии с древним оккультизмом.

Итак, суммируем основные положения учения гомеопатии.

● Основные положения гомеопатии

1. В основе всех заболеваний лежат инфекционные причины, названные Ганеманом миазмами, которых существует три: миазма псоры (псориаза), миазма сифилиса, миазма гонореи. При этом, первоначальное свое действие миазмы оказывают местно, но затем, вследствие применения традиционных лекарственных препаратов, миазмы проникают вглубь организма, вызывая заболевания внутренних органов. Так, к примеру, миазма псоры вызывает, якобы, эпилепсию, рак, катаракту и глухоту.

2. Традиционные лекарственные вещества в больших количествах вызывают те же симптомы, что имеет и сама болезнь, от которых их применяют, и потому заболевания должны лечиться малыми дозами.

3. Принцип лечения, который провозгласил Ганеман, сводился к закону: «Подобное лечится подобным». Так, к примеру, лук провоцирует развитие слезотечения и отделению слизи из носа, то гомеопатический препарат на основе лука помогает в лечении насморка.

4. Вода, согласно учению гомеопатов, обладает информационной памятью, и потому, чем сильнее разведение того или иного препарата, тем этот препарат более эффективен (так называемый закон бесконечно малой величины).

5. Каждый препарат содержит, якобы, так называемую «витальную» энергию, для активации которой необходимо встряхивание препарата при его приготовлении. Именно это встряхивание, по учению гомеопатов, и активирует эту витальную энергию разводимого вещества и, следовательно, делает более эффективным сам препарат.

6. Гомеопатическое средство, по учению гомеопатов, лечит, в первую очередь, высшие энергетические уровни человека, а затем уже физический недуг.

Однако, само учение гомеопатии содержит в себе множество ключевых неразрешимых противоречий, которые вместе с накопленным научным материалом не только полностью опроверга-

ют гомеопатию, как науку, но и раскрывают ее опасные для физического и духовного здоровья человека стороны. При этом стоит подчеркнуть существенное различие между гомеопатией и фитотерапией, между которыми, порой, проводится знак равенства на том основании, что гомеопаты так же используют травы. Но в фитотерапии, в отличие от гомеопатии, применяются рецептуры с высоким содержанием получаемых из растительного сырья веществ.

● Опровержение положений гомеопатии

1. В жидкой воде имеются связи между атомами водорода и кислорода соседних молекул, но эти связи перемешиваются каждые несколько десятков квадриллионных долей секунды, и, следовательно, ни о какой информационной памяти воды не может идти речи в принципе.

2. Если даже допустить, что вода обладает информационной памятью, то почему тогда она должна помнить именно то, что в нее добавили на стадиях изготовления гомеопатического средства и не сохранять информации о том, когда лекарства в нее еще не добавили. Гомеопатия никак не объясняет механизм «забывания» водой содержащейся в ней информации до гомеопатических изготовлений препарата.

3. Частицы различных загрязнений, которые содержатся в воде и память о которых не может быть удалена в принципе из нее, по учению той же гомеопатии должны, таким образом, оказывать намного более выраженное влияние на организм человека, чем содержащийся в ней гомеопатический препарат.

4. Если даже допустить учение гомеопатов о «памяти воды», то как тогда передается «память» сахару и другим балластным веществам, из которых состоят гомеопатические таблетки. Кстати, значительнейшая часть гомеопатических препаратов выпускается именно в таблетках или капсулах.

5. При своем перетирании во время изготовления гомеопатического препарата сахар, используемый гомеопатами в качестве балластного вещества, захватывает частички ступки и сам подвергается химическим превращениям, что, согласно гомеопатическим воззрениям, должно приводить к изменению его влияния на организм человека, на что, впрочем, врачи-гомеопаты внимания не обращают.

6. Если даже допустить, что разведение усиливает положительные действия того или иного вещества, то оно же должно усиливать и его отрицательные действия, которые существуют в принципе в любом веществе (излишек даже самого полезного всегда несет вред). К примеру, кофеин, который используется го-

меопатами по закону «подобное лечится — подобным» в качестве снотворного средства, должен за счет своих побочных действий вызывать тромбозы.

7. Любая вода или сахар содержат различные примеси и, следовательно, согласно гомеопатическим представлениям, память о них должна оказывать тоже влияние на организм человека, что, впрочем, гомеопатами вообще не замечается.

8. Сегодня показано, что в основе хронических заболеваний организма человека не лежат никакие миазмы, и тем более, видеть первопричины всех заболеваний в псоре, сифилисе и гонорее просто антинаучно и абсурдно.

9. При разведении лекарственных препаратов, которые используют гомеопаты, действующего вещества в препарате не остается либо вообще, либо его ничтожные следовые количества, которые не обладают никакими фармакологическими эффектами в принципе, и, следовательно, о проведении какой бы то ни было терапии говорить не приходится вовсе.

Независимые исследования, проведенные под эгидой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) показали полную несостоятельность гомеопатии, как лечения тех или иных заболеваний. Проведенный обширный мет-анализ, опубликованный 27 августа 2005 года в одном из ведущих мировых медицинских журналов «The Lancet», показал, что клиническая польза приёма гомеопатических препаратов обусловлена эффектом плацебо¹.

В 2015 году Совет по медицинским исследованиям Австралии, проанализировав 1800 публикаций результатов клинических исследований, пришёл к выводу, что в исследованиях не обнаружено доказательств пользы гомеопатии при лечении рассмотренных им 61 заболеваний.

В 2013 и в 2015 годах Американская академия клинической токсикологии (American College of Medical Toxicology) и Американский колледж клинической токсикологии (The American Academy of Clinical Toxicology) опубликовали рекомендацию не использовать гомеопатию для лечения и профилактики заболеваний и отмечали, что нет доказательств эффективности гомеопатического лечения и что, более того, оно может нанести вред, например, вследствие задержки назначения патогенетического лечения².

¹ The Lancet, Volume 366, Issue 9487, 27 August 2005—2 September 2005: P. 691—692, 705—706, 726—732.

² American College of Medical Toxicology and The American Academy of Clinical Toxicology Five Things Physicians and Patients Should Question // Choosing Wisely. September 26, 2013 (1-5) and March 26, 2015 (6—10).

В сентябре 2017 года Совет европейских академий наук (включающий в себя представителей 29 национальных и международных европейских академий^[63]) выпустил заявление, в котором подвергалась резкой критике гомеопатия и утверждалось, что заявляемые принципы действия гомеопатических средств неправдоподобны и находятся в противоречии с общераспространёнными научными концепциями, а также, что не существует известных заболеваний, для которых имеются надёжные доказательства, что гомеопатия эффективнее плацебо¹.

Комитет по науке и технологии Парламента Великобритании в феврале 2010 года издал документ о проверке доказательной базы гомеопатии². Согласно выводам Комитета, государственная медицинская страховка не должна покрывать гомеопатическое лечение, так как «систематическая оценка и мета-анализ окончательно демонстрируют, что гомеопатические продукты работают не лучше плацебо».

В 2014 году Национальный совет по здоровью и медицинским исследованиям Австралии сделал заключение о неэффективности гомеопатического подхода к лечению болезней.

В 2016 году Федеральная торговая комиссия США (FTC) обязала производителей гомеопатических препаратов информировать потребителей о том, что гомеопатия основана на теориях XVIII века, а сами препараты не проходят необходимые клинические испытания и не одобрены медицинскими экспертами.

В 2016 году Совет Евразийской экономической комиссии принял решение, что в маркировке гомеопатического лекарственного препарата, зарегистрированного по упрощённой процедуре регистрации, должна присутствовать запись: «Гомеопатический лекарственный препарат без одобренного показания к применению».

В июле 2017 года Национальная служба здравоохранения Англии объявила о запрете на гомеопатию, поскольку «гомеопатия есть в лучшем случае плацебо и растрата ограниченных финансовых службы, которые можно было бы использовать на действительно работающее лечение»³.

Таким образом, научными исследованиями, проведенными в разных странах, было показано, что:

¹ Homeopathic products and practices: assessing the evidence and ensuring consistency in regulating medical claims in the EU. — European Academies' Science Advisory Council, September 2017.

² «Stop funding homeopathy, say British MPs» Newscientist, 2010.

³ Donnelly L. NHS to ban homeopathy and herbal medicine, as 'misuse of resources' // The Telegraph, 21.07.2017.

1. Лечение гомеопатическими препаратами не имеет под собой никакой научной доказательной базы.

2. Назначение гомеопатических препаратов при многих заболеваниях является жизненно опасным для человека, так как не только не приносит улучшения клинического течения заболевания, но и приводит к тому, что больной не получает необходимое лечение, отсрочка назначения которого может при многих заболеваниях приводить к летальному исходу.

3. Положительный эффект выявляемый при назначении некоторых гомеопатических препаратов в малых дозах и при определенных заболеваниях, связанных, в основном, с переутомлением, нервным перенапряжением, функциональными гормональными изменениями связан с эффектом плацебо.

Заключение

Гомеопатия основывается, с одной стороны, на устаревших научных представлениях о природе заболеваний и миазмах, с другой-псевдонаучных учениях об информационной памяти воды и витальной энергии и с третьей — на откровенных языческих оккультных учениях об астральном теле, маятнике и астрологии.

С медицинской научной точки зрения гомеопатические препараты, лишённые эффективной концентрации действующего вещества, не обладают фармакологическими свойствами, не оказывают особого патогенетического действия, подтвержденного клинико-лабораторными и инструментальными исследованиями, а единичные случаи улучшения у некоторых пациентов симптоматики при их приеме связаны с эффектом плацебо или изначально имевшим место легким течением заболевания, не требующим особой терапии.

Список использованной литературы

Источники по истории медицины эпохи Возрождения и Реформации

1. Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. 1-5. — Ташкент: ФАН, 1981.
2. Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья /Пер. Ю.Ф. Шульца. — М., 1970.
3. Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1971.
4. Василий Валентин. Алхимические трактаты. — К.: Пор-Роял, 2008. — 592 с.
5. Везалий А. О строении человеческого тела. В 7 кн. Т.1-2. — М., 1950-1954.
6. Везалий А. Эпитоме. — М.: Медицина, 1974. — 104 с.
7. Виженер Блез. Трактат об огне и соли. — К., 2012.
8. Война рыцарей. Алхимические поэмы. — М.: Автограф, 2008. — 240 с.
9. Гален. О назначении частей человеческого тела /Пер. с лат. — М., 1971.
10. Гален. Сочинения. Том I. — М.: Весть, 2014. — 656с.
11. Гален. Сочинения. Том II. — М.: Практическая медицина, 2015. — 800 с.
12. Гален. Сочинения. Том III. — М.: Практическая медицина, 2016. — 560 с.
13. Гарвей В. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
14. Гиппократ. Избранные книги // Пер. В.И. Руднева. — М.: Биомедгиз, 1936.
15. Гиппократ. Сочинения // Пер. В.И. Руднева. — М. — Л.: Медгиз, 1941 — 1944, Т. II—III.
16. Декарт Р. Сочинения. В 2 т. — М.: Мысль, 1989.
17. Декарт Р. Описание человеческого тела. — М.: Госполитиздат, 1950.
18. Одо из Мена (Мацер Флоридус). О свойствах трав /Пер. Ю.Ф. Шульца. — М., 1976.
19. Паре А. О создании и превосходстве медицины и хирургии (пер. со ст. фр. Е.Е. Бергер) // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. — 2014. — №2. — С. 288—298.
20. Салернский кодекс здоровья // Исторический журнал. — 2012. — №3. — С. 34—95.
21. Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. — М.: Медгиз, 1954.
22. Фракасторо Дж. О сифилисе. Пер. с латинского. — М.: Медгиз, 1956.
23. Хрестоматия по истории медицины / Сост. Э. Д. Грибанов; Под ред. и с прим. П. Е. Заблудовского. — М.: Медицина, 1968. — 359 с.
24. Хрестоматия по истории медицины: учебное пособие // Сост. Е.Е. Бергер, М.С. Турская; под ред. Д.А. Балалыкина. — М.: Литера, 2012. — 617 с.
25. Pare A. Briefve collection de l'administration anatomique, avec la maniere de cojoindre les os, et d'extraire les enfans tat mors que vivans du ventre

de la mere, lors que nature de foy de peult venir a son effect (1550). Электронный ресурс.

26. Pare A. Deux livres de chirurgie, de la génération de l'homme, & manière d'extraire les enfans hors du ventre de la mère, ensemble ce qu'il faut faire pour la faire mieux, & plus tost accoucher, avec la cure de plusieurs maladies qui luy peuvent survenir (1573). Электронный ресурс.
27. Pare A. Discours d'Ambroise Paré: à savoir, De la mumie, De la licorne, Des venins, De la peste. Avec une table des plus notables matières contenues esdits discours (1582). Электронный ресурс.
28. Pare A. Dix livres de la chirurgie: avec le magasin des instrumens nécessaires à icelle (1564). Электронный ресурс.
29. Pare A. La maniere de traicter les playes faictes tant par hacquebutes, que par flèches, & les accidentz d'icelles, come fractures & caries des os, gangrene & mortification, avec les pourtraictz des instrumentz nécessaires pour leur curation (1552). Электронный ресурс.
30. Pare A. Les Œuvres d'Ambroise Pare (1585). Электронный ресурс.
31. Pare A. Opera Chirurgica (1594). Электронный ресурс.
32. Pare A. Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle (1568). Электронный ресурс.

Источники по Всемирной истории эпохи Реформации и Возрождения

1. Боккаччо Дж. Декамерон. — М., 1987.
2. Брантом. Галантные дамы. Пер. И. Я. Волевнч, Г. Р. Зингера. — М., 1998.
3. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. — М., 1997
4. д'Обинье Т.-А. Трагические поэмы. Мемуары. Пер. А. Ревича, В. Парнаха. — М., 1996.
5. Галилео Галилей. Диалог о двух главнейших системах мира. — М., 1948.
6. Данте А. Малые произведения: Пир. О народном красноречии. Монархия. — СПб., 1996.
7. Данте А. Новая жизнь; Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. — М., 1967.
8. Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561- 1563 гг. // Под редакцией А. Д. Люблинской. — М.-Л., 1962.
9. Документы по истории Франции середины XVI века / Публикация Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари под редакцией А. Д. Люблинской // Средние века. — М., 1958. Вып. 12 и 13; — М., 1959. Вып. 14—15; — М., 1961. Вып. 19.
10. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. В 3 т. — М.: Изд-во Рос. Гос. Гум. Унив-та, 1999.
11. Кальвин Ж. Толкование на Деяния святых апостолов. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2009.

12. Кальвин Ж. Толкование на Евангелие от Иоанна. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2007.
13. Кальвин Ж. Толкование на Послание апостола Павла к Коринфянам. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2008.
14. Кальвин Ж. Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам и Галатам. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2007.
15. Коменский Ян Амос. Избранные педагогические сочинения. — М.: Учпедгиз. 1939. — Т. 1
16. Лойола Игнатий. Духовные упражнения. Духовный дневник. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 376 с.
17. Лютер М. 95 тезисов. — Спб.: Роза мира, 2002.
18. Макиавелли Н. История Флоренции. — Л.: Наука, 1973.
19. Маргарита де Валуа. Мемуары («Мемуары королевы Марго») //Пер. И. В. Шевлягиной. — М., 1995.
20. Монтень М. Опыты. В 3 т. — М.: Наука, 1992.
21. Петрарка Франческо. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. — М., 1974.
22. Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты. — М., 1982.
23. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. — М., 1974.
24. Пулен Никола. Донесение агента-двойника [1585]. Публикация П. Ю. Уварова. — М., 1992.
25. Тайные наставления иезуитов. — Рязань: Александрия, 2010.
26. Цвингли У. Богословские труды. — М.: Икар, 1999.
27. Цвингли У. Истолкование и обоснование тезисов, или положений. В 2 т. — Тбилиси, 1997.
28. Цвингли У. Комментарий к истинной и ложной религии. В 2 т. — Тбилиси, 1997.
29. Цвингли У. Объяснение христианской веры. — Тбилиси, 1997.
30. Цвингли У. Отчет о вере. — Тбилиси, 1997.
31. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. — М., 1930.
32. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. — М.: Художественная литература, 1960.
33. Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М.: Наука, 1986. — 704 с.
34. Loyola I. Obras completas. — Roma- Madrid, 1952.

Общие труды по истории медицины эпохи Возрождения и Реформации

1. Барашнев Ю.И. Паломничество в прошлое медицины. — М.: Триада-Х, 2013. — 296с.
2. Бородулин Ф.Р. История медицины: Избранные лекции. — М., 1961. — 252 с.
3. Бородулин В.И. История клинической медицины от истоков до середины XIX века: учеб. пособие. — М.: Медицина, 2008. — 180с.

4. Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — 352с.
5. Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. — 520 с.
6. Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — Спб., 1867.
7. Гезер Г. Исторический обзор хирургии. — Спб., 1880.
8. Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — 206 с.
9. Гуардиа Ж.М. История медицины от Гиппократов до Бруссэ и его последователей. — Казань: Изд-во Н.А. Ильяшенко, 1892. — 545 с.
10. Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Просвещение, 1981. — 352с.
11. История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — 282 с.
12. Ковнер С. История средневековой медицины. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893.
13. Лахтин М. Этюды по истории медицины. — М.: Универст. тип-я, 1902. — 200 с.
14. Лебедев И. Д. Краткая история медицины. — М., 1827.
15. Лисицын Ю.П. История медицины. — М.: ГОЭТАР-Медиа, 2008. — 400 с.
16. Менье Л. История медицины. — М. — Л., 1926.
17. Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — 464 с.
18. Мирский М.Б. История медицины и хирургии: учеб. пособие. — М.: ГОЭТАР-Медиа, 2010. — 528с.
19. Мультиановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — 348 с.
20. Мультиановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1967.
21. Опарин А.А. История Древней и Средневековой медицины. — Харьков: Факт, 2017. — 784 с.
22. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. — М. — Л., 1965.
23. Семенченко В.Ф. История фармации: Учебное пособие. — Ростов-на-Дону: МарТ, 2003. — 640 с.
24. Склярва Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — 346 с.
25. Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1992.
26. Сорокина Т.С. История медицины. — М.: Академия, 2008.
27. Сорокина Т.С. Атлас истории медицины: Средние века (476—1640): Учебное пособие. — М.: Изд-во УДН, 1983. — 192 с.
28. Терновский В.Н. Медицина эпохи Возрождения и ее изучение в Советском Союзе. — М.: Медгиз, 1954.
29. Шамин Л.Н. История аптек и аптечного дела: Краткий курс лекций. — М.: OSF, 2000. — 90 с.
30. Эмери А., Эмери М. Медицина в искусстве. В 2 кн. //Перевод, комментарий. и науч. ред. Т.С. Сорокиной. — М., 2009. — 457 с.

31. Daremberg Ch. Histoire des Sciences medicales. 2 vol. — Paris, 1870.
32. Laignel - Lavastine M. Histoire generate, le la medecine, de la pharmacie, de l'art dentairc et de art veterinaire: V. 1—2. — P., 1936—1939.
33. Margolla R. An illustrated history of Medicine. — Hamlyn, 1968.
34. Neuburger I. Geschichte der Medizin. 2 Bde. — Stuttgart, 1906.
35. Science in the Middle Ages. — Chicago: L., 1978.
36. Singer Ch., Underwood E. A. A short History of Medicine. — Oxford, 1962.

Труды по истории эпохи Реформации

1. Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. — М., 1965.
2. Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. — Минск: Лучи Софии, 2002. — 432 с.
3. Бейнтон Р. На сем стою... Жизнь Мартина Лютера. — Заокский: Источник жизни, 1996.
4. Бемер Г. Иезуиты. — М.: И-е М. и С. Сабашниковых, 1914.
5. Бецольд Ф. История Реформации в Германии. В 2 т. — СПб., 1900.
6. Бильбасов В.А. Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные — М. Лютером. — СПб., 1869.
7. Булли К. Книга Даниила. — Варшава: Знамение времени, 1966.
8. Быков А.А. Лойола. Его жизнь и общественная деятельность. — М.: Республика, 1995.
9. Великович Л.Н. Черная гвардия Ватикана. — М.: Мысль, 1985. — 271 с.
10. Величкина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Тип.-я И.Н. Кушнерева, 1906.
11. Виппер Р. Церковь и государство в Женеве XVI века. — М., 1894.
12. Вульфийс А.Г. Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. — Пг., 1916.
13. Вульфийс А.Г. Проблемы духовного развития. Гуманизм, Реформация, католическая Реформа. — Пг., 1922.
14. Гергей Е. История папства. — М.: Республика, 1996.
15. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997.
16. Гонсалес Х. История христианства. В 2 т. — СПб.: Библия для всех, 2005.
17. Грабеньский В. История польского народа. — Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Купалы, 2014. — 800 с.
18. Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. — М., 1987.
19. Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985.
20. Гринингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004.
21. Губер Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. — СПб., 1898.
22. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004.

23. Дрэпер Д.У. История отношений между католицизмом и наукой. — СПб., 1876.
24. Иегер О. Всеобщая история. В 4 т. — СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1904.
25. История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). — М., 1993.
26. История Нового времени // Под общ. ред. И. Пфлуг-Гартунга. — СПб.: Самообразование, 1910. — Т. 1
27. История средних веков. В 2 т. / Под. ред. Е.А. Косминского. — М., 1952.
28. Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. — М., 1979.
29. Кареве Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. II. — СПб., 1898.
30. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912.
31. Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992.
32. Констан Ж.-М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — 341с.
33. Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14-16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. — СПб., 2004.
34. Кратохвил М. Ян Гус. — М.: Молодая гвардия, 1959.
35. Крывелев И.А. История религий. В 2 т. — М.: Мысль, 1975.
36. Лебедев А. П. История запрещенных книг на западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох. — СПб.: И-во О. Абышко, 2005.
37. Левченков А. С. Последний бой чешского льва. Политический кризис в Чехии в первой четверти XVII века и начало Тридцатилетней войны. — СПб., 2007.
38. Ли Г.-Ч. История инквизиции в средние века. В 2 т. — СПб., 1911-1912.
39. Лозинский С. Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986.
40. Льоренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. — М.: Ладомир, АСТ, 1999.
41. Макрат А. Богословская мысль Реформации. — Одесса: Богомыслие, 1994.
42. Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Bielefeld: GBV, 1994.
43. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы в X-XV вв. — М.: Молодая гвардия, Классик, 2002. — 346 с.
44. Огієнко І.І. Українська церква. — К.: Україна, 1993.
45. Опарин А. А., Зозулин М.С. Между Сциллой и Харибдой. Библия. Лжеучения. Трудные тексты. — Харьков: Факт, 2010.
46. Опарин А. А., Зозулин М.С. У врат Таната. Библия. Лжеучения. Трудные тексты. — Харьков: Факт, 2010.
47. Опарин А.А. Пергам: город черного престола и белого камня. Серия «Семь периодов церквей». — Харьков: Факт, 2013.
48. Опарин А.А. Сардис: город золота. Серия «Семь периодов церквей». — Харьков: Факт, 2014.

49. Опарин А.А. Фиатира: город отступлений. Серия «Семь периодов церквей». — Харьков: Факт, 2016.
50. Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. — М., 1897.
51. Порозовская Б.Д. Ульрих Цвингли. Его жизнь и реформаторская деятельность. — СПб., 1892.
52. Прокопьев А. Ю. Забытый историк раннего Нового времени: Александр Германович Вульфийс // Университетский историк. Альманах. — СПб., 2003. — Вып. 2. — С. 173—192.
53. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555-1648). — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 483 с.
54. Прокопьев А.Ю. Саксония и ее курфюрст Иоанн Георг I на завершающем этапе Тридцатилетней войны // Новая и новейшая история. — 2005. — №5. — С. 179—197.
55. Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии// Университетский историк. Альманах. — СПб., 2002. — Вып. 2.
56. Ранке Л. Римские папы в последние четыре столетия. В 2 т. — СПб., 1874.
57. Робертсон Д. История христианской церкви. В 2 т. — СПб.: И-е И. Л. Тузова, 1890—1891.
58. Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. — М., 1955.
59. Таксиль Л. Священный вертеп. — К.: Политиздат, 1985.
60. Филиппов М.М. Ян Гус, его жизнь и реформаторская деятельность. — СПб., 1902.
61. Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010.
62. Шлоссер Ф. Всемирная история. — СПб.: Типография И. Огризко, 1862.
63. Штекль А. История средневековой философии. — М., 1912.

Труды по истории эпохи Возрождения

1. Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. — М., 1979.
2. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004.
3. Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. — М., 1965.
4. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. — М., 1989.
5. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение как исторический тип культуры. — М., 1991.
6. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. — М., 1995.
7. Белов А. Обвиненные в ереси. — М., 1971.
8. Белый Ю. Иоганн Кеплер. — М., 1971
9. Бенеш О. Искусство северного Возрождения. — М., 1973.

10. Бёрк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. — М., 1994.
11. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. — СПб., 1996.
12. Бойл Д. Искусство Возрождения. — М., 2003.
13. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. — СПб., 1895.
14. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм (Этические учения XIV—XV вв.). — М., 1977.
15. Бранка В. Боккаччо средневековый. — М., 1983.
16. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. — М., 1996.
17. Варбаней Н. В. Йохан Гуттенберг и начало книгопечатания в Европе. — М., 1980.
18. Вейс Г. История цивилизации. В 3 т. — М.: Эксмо-Пресс, 1998.
19. Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. — Пг., 1915-1919. — Т. 1—2.
20. Веселовский А. Н. Петрарка. — СПб., 1912.
21. Вишпер Б. Р. Итальянский Ренессанс XIII—XVI вв. В 2 т. — М., 1977.
22. Выгодский М.Я. Галилей и инквизиция. — М.-Л., 1934.
23. Гайденок В. П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в средние века. — М., 1989.
24. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. — М., 1980.
25. Горфункель А. Х. Джордано Бруно. — М., 1973.
26. Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. — Л., 1990.
27. Гурев Г.А. Учение Коперника и религия. — М., 1961.
28. Гурлянд А. Кто настоящий «отец книгопечатания» — Гуттенберг или Костер? // Журналист. — 1927. — № 3. — С. 65—66.
29. Жебар Э. Мистическая Италия. — СПб.: Т-я А. Пороховщикова, 1900. — 334 с.
30. Даннеман Ф. История естествознания. — М.; Л., 1936. — Т. 2.
31. Де Санктис Ф. История итальянской литературы. — М., 1963. — Т. 1.
32. Девятайкина Н. И. Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. — Саратов, 1988.
33. Демков М. И. История западноевропейской педагогики. — М., 1912.
34. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004.
35. Джейм П. Все возможные миры. История географических идей. — М., 1988.
36. Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. — М., 1925.
37. Диттес Ф. История воспитания и обучения. — СПб., 1873.
38. Дмитриева Н. А. Искусство Возрождения // Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. Вып. 1: От древнейших времен по XVI век. — М., 1985. — С. 215—311.
39. Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. — М., 1990.
40. Долгополов И. Мастера и шедевры. — М., 1986. — Т. 1.
41. Дрэпер Д. История умственного развития Европы. В 2 т. — К., 1896.
42. Еремеева А. И., Цицин Ф.А. История астрономии: (Основные этапы развития астрономической картины мира). — М., 1989.

43. Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2001. — 390 с.
44. Ивонин Ю. Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в. Исторические очерки. — Днепропетровск, 1994.
45. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения // Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1999.
46. История педагогики как учебный предмет // Под ред. К. И. Салимовой. — М., 1996.
47. Константинов Н. А, Медынский Е. Н., Шабаетова М.Ф. История педагогики. — М., 1966.
48. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. — Ставрополь, 1995. — Ч. 1—2.
49. Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901.
50. Культура Западной Европы в эпоху Возрождения: Учебник. — М., 1996.
51. Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения: В 3 т. — М., 1956. — Т. 1; 1959. — Т. 2; 1979. — Т. 3.
52. Лазарев В. Н. Старые итальянские мастера. — М., 1972.
53. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. — М., 1997.
54. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982.
55. Лункевич В. В. Подвижники и мученики науки. — М., 1962.
56. Любимов Л. Д. Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии. — М., 1976.
57. Мангуэль А. История чтения. — Екатеринбург, 2008.
58. Любимов Л. Небо не слишком высоко: Золотой век итальянской живописи. — М., 1979.
59. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. — К., 2004.
60. Мищенская Н. В., Мирская Е. В. Культура эпохи Возрождения. — М., 1996.
61. Модзелевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. — СПб., 1892.
62. Мортон Г. В. От Милана до Рима. Прогулки по Северной Италии. — М., 1996.
63. Мортон Г. В. От Рима до Сицилии. Прогулки по Южной Италии. — М., 1996.
64. Мортон Г. В. Рим. — М., 1996.
65. Муратов П. Образы Италии. В 3 т. — М., 1994.
66. Нессельштраус Ц.Г. История искусства зарубежных стран. Средние века. Возрождение. — М., 1982.
67. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. — М., 1908.
68. Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. — М., 1982.

69. Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных ренессансов. — Л., 1989. — Кн. 1.
70. Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. — М., 1982.
71. Прокофьев В. По Италии. — М., 1971
72. Пуришев Б. И. Литература эпохи Возрождения: Курс лекций. — М., 1996.
73. Рабинович В. Л. Ученый человек в средневековой культуре // Наука и культура. — М., 1984. — С. 199—234.
74. Рассел Б. Возникновение современной философии. — М., 1998.
75. Рассел Б. Мудрость Запада. — М., 2001.
76. Ревуненкова Н. В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. — М., 1988.
77. Ролова А. Ф. Конец эпохи Возрождения в Италии: специфика экономики и общества XVI в. — Рига, 1987.
78. Рождин В.С. Джордано Бруно и инквизиция. — М., 1955.
79. Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. — Л., 1974.
80. Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. — Л., 1992.
81. Савина С. Л. Политика Реформации в области образования // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. — М., 1990. — С. 113—121.
82. Свасьян К. А. Становление европейской науки. — Ереван, 1990.
83. Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века. — Харьков: Майдан, 2017.
84. Типология и периодизация культуры Возрождения. — М., 1978.
85. Тэн И. Путешествие по Италии. В 2 т. — М., 1913—1916.
86. Фёдорова З. В. Знаменитые города Италии: Рим. Флоренция. Венеция. — М., 1985.
87. Фортинский Ф. Я. Борьба Парижского университета с «нищенствующими монахами» в первой половине XIII века. — М., 1883.
88. Фуко Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. — М., 1996.
89. Хлодовский Р. И. «Декамерон». Поэтика и стиль. — М., 1982.
90. Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. — М., 1974.
91. Чеколини Л. С. Средневековая и ренессансная культура Италии в русской дореволюционной историографии // Средние века. — 1984. — Вып. 47.
92. Чемберлин Э. Эпоха Возрождения. Быт. Религия. Культура. — М., 2006.
93. Черняк И. Х. Проблемы идеологии итальянского Возрождения в трудах советских ученых (1917-1977) // Проблемы культуры итальянского Возрождения. — Л., 1979.
94. Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов. — М., 1880. — Т. 2.

95. Шрамкова Г. Искусство Возрождения. Италия. Нидерланды. Германия. Франция. — М., 1977.
96. Штекли А. Э. Галилей. — М., 1972.
97. Эрс Ж. Повседневная жизнь папского двора во времена Борджиа и Медичи (1420—1520). — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2007. — 220 с.
98. Юсим М. А. Этика Макиавелли. — М., 1990.
99. Уайт Е. Великая борьба. — К.: Вісник миру, 1993.
100. Уайт Е. Конфликт веков. В 5 т. — Заокский: Источник жизни, 2000.

Работы по истории медицины эпохи Возрождения и Реформации

1. Арнаутова Ю. Е. Болезнь // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 54-58.
2. Арнаутова Ю. Е. Западноевропейские средневековые «оборотни» // Вопросы истории. — 1997. — № 6. — С. 161-165.
3. Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетей, 2004. — 398 с.
4. Арнаутова Ю. Е. Тревоги повседневной жизни: болезни, представления об их причинах и лечении // Средневековая Европа глазами историков и современников. Вып. III. — М.: Интерпракс, 1993. — С. 101—122.
5. Асмус В. Ф. Декарт. — М.: Высшая школа, 2006. — 335 с.
6. Балалыкин Д.А., Бергер Е.Е., Бородулин В.И. Медицина XVI века: Мифы историографии и зарождение науки. Часть I. // Главный врач: хозяйство и право. — 2013. — №4. — С. 46—51.
7. Балалыкин Д.А., Бергер Е.Е., Бородулин В.И. Медицина XVI века: Мифы историографии и зарождение науки. Часть II. // Главный врач: хозяйство и право. — 2013. — №5. — С. 47—51.
8. Бенштрём А. Г. Медицинский факультет в Монпелье до середины XIV в. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1908. — № 9. — С. 143—169. — № 10. — С. 209—249.
9. Бергер Е. Е. «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врожденных аномалий) // Средние века. — 2004. — №65. — С. 147—165.
10. Бергер Е.Е. Введение к собранию сочинений (об отношении А. Паре к наследию античных авторов) // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. — 2014. — №2. — С. 278—287.
11. Бергер Е.Е. Особенности хирургического образования в средневековой Европе // История медицины. — 2014. — Т.1. — №3. — С. 112—118.
12. Бергер Е.Е. Представления о яде в медицинской литературе XVI века // Средние века. — 2008. — № 69 (2). — С. 155—173.
13. Бергер Е.Е. Пронин А.В. Амбруаз Паре — выдающийся акушер XVI века // Акушерство и гинекология. — 2005. — № 3. — С. 58—62.

14. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. — СПб.: Мифрид, 1995. — 264 с.
15. Боргош Ю. Фома Аквинский. — М., 1975.
16. Богоявленский Н. А. К переводу на русский язык анатомического трактата Андрея Везалия // Клиническая медицина. — 1959. — Т. 9.
17. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. — СПб.: Евразия, 2002. — 256 с.
18. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1—4. — М., 1999-2000.
19. Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. — Л., 1986.
20. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М., 1989.
21. Дюби Ж. Европа в Средние века. — Смоленск, 1994.
22. Епифанов Н. С. Уильям Гарвей. — Киров: Вятка, 2002. — 288 с.
23. Жданов Д. А., Фомичева Т. Д. Андрей Везалий и его живописный портрет в Эрмитаже // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. — 1964. — Т. 2.
24. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. — М.: Высшая школа, 1999.
25. Катасонов В. Н. Метафизическая математика XVII в. — М.: Наука, 1993.
26. Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. — М.: Наука, 1987.
27. Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006.
28. Ковнер С.Г. Сифилис в древности и средние века. — К., 1896.
29. Ковнер С.Г. Хирургия во второй половине средних веков (XIII-XV в.в.). — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1895.
30. Коляденко В.Г., Степанченко В.И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Мистецтво лікування. — К., 2004. — №6.
31. Констан Ж.М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, 2005.
32. Кривушин И.В., Кривушина Е.С. Амбруаз Паре. Апология и путешествия. Путешествие в Мец // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — 2005. — №5. — С. 320—327.
33. Культура и общество Италии накануне Нового времени. — М., 1993.
34. Куприянов В. В. Андрей Везалий в истории анатомии и медицины. — М.: Медицина, 1964. — 136 с.
35. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992.
36. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. — М.: Текст, 2008. — 189 с.

37. Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 536 с.
38. Логинов С. Драгоценнее многих (медицинские хроники). — СПб.: Изд-во Союза писателей Санкт-Петербурга, 2013.
39. Лучицкая С. И. Грехи и добродетели // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 125-128.
40. Ляткер Я. А. Декарт. — М.: Мысль, 1975.
41. Маль Э. Религиозное искусство XIII в. во Франции. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008. — 552 с.
42. Матвиевская Г. П. Рене Декарт, 1596—1650. — М.: Наука, 1976.
43. Мирский М. Б. Хирургия от древности до современности. — М., 2000. — 189 с.
44. Монахов С. А. Загадка Фракасторо // Росс. журн. кож. и вен. бол. — 2010. — № 6. — С. 69 — 70.
45. Монахов С. А. О галльской болезни почти пять столетий спустя // Росс. журн. кож. и вен. бол. — 2007. — № 4. — С. 86 — 87.
46. Опарин А. А. Медицина Средних веков. Религия. Философия. Суеверия. // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. — 2015. — №1. — С. 75—81.
47. Опарін А.А. Медична наука і практика: від Середньовіччя до Реформації // Матеріали міжнародної науково-практ. конф. "Реформація, як суспільне явище: український вимір. Львівський національний університет ім. І. Франка. — Львівський національний університет ім. І. Франка, Львів, 3—4 жовтня, 2017 р. — С. 39—56.
48. Ру С. Повседневная жизнь средневекового Парижа. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2008.
49. Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. — Л., 1987.
50. Солл Д. Политика лечения тела: Французские королевские врачи, история и рождение нации (1560—1634) (пер. с англ. Е.Е. Бергер). // Средние века. — 2008. — №69 (2). — С. 128—154.
51. Сорокина Т. С. Андреас Везалий (1514—1564) и Падуанская анатомическая школа (к 500-летию со дня рождения) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2014. — № 5. — С. 52— 56.
52. Терновский В. Н. Андрей Везалий. — М.: Наука, 1965. — 256 с.
53. Тохович Л. Исторический очерк Краковской медицинской школы. — Краков. 1963.
54. Фишер К. Декарт, его жизнь, сочинения и учение — Декарт, его жизнь, сочинения и учение / Пер. с нем., под ред. Н. Н. Полилова. — СПб.: Д. Е. Жуковского, 1906. — 460 с.
55. Флоренский В. М. Введение в гинекологию. Т. I. — СПб., 1869.
56. Фролова Е. А. Декарт и некоторые аспекты концепций человека в средневековой арабской философии // Сравнительная философия. — М., 2000. — С. 229 — 244.
57. Фукс Э. История нравов. — Смоленск: Русич, 2002. — 624 с.

58. Цвелев Ю.В. Остроменский В.В. К 500-летию со дня рождения. Амбруаз Парэ (Ambroise Pare, 1510-1590). // Журнал акушерства и женских болезней. — 2010. — Том LIX. — Вып. 3. — С. 122—127.
59. Цыбуляк Г. Н. Общая хирургия повреждений. — СПб.: Гиппократ, 2005.
60. Энгельгардт М. А. В. Гарвей, его жизнь и научная деятельность. — СПб., 1892. Яновская М. И. Вильям Гарвей (1578—1657). — М.: Молодая гвардия, 1957. — 176 с.
61. Ambroise Paré (1510—1590): Écriture et pratique de la science à la Renaissance, Actes réunis par É. Berriot-Salvadore. — Paris, Champion, 2004.
62. Ambroise Paré : stratégie professionnelle et périple intellectuel, Actes réunis par A.-M. Moulin. — Laval, 1991.
63. French R., William Harvey's Natural Philosophy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
64. Gregory, Andrew. Harvey's Heart, The Discovery of Blood Circulation. — Cambridge: Icon Books, 2001.
65. Jean-Michel Delacomptée. Ambroise Paré: la main savante. — Paris: Gallimard, 2007.
66. Jean-Michel Delacomptée: Ambroise Paré. la main savante. — Gallimard, 2007.
67. Jean-Pierre Poirier. Ambroise Paré, Un urgentiste au XVI siècle. — Paris: Pygmalion, 2005.
68. Jean-Pierre Poirier: Ambroise Paré, Un urgentiste au XVIe siècle. — Pygmalion, 2005.
69. M. Broussais: Ambroise Paré, sa vie, son œuvre. — Paris, 1900.
70. O'Malley, CD. Andreas Vesalius of Brussels, 1514—1564. — Berkley: University of California Press, 1964.
71. Paule Dumaître: Ambroise Paré, chirurgien de quatre rois de France. — Paris, Perrin, 1986.
72. Schmitt C.B., Webster C. Harvey and M. A. Severino. A neglected medical relationship. // Bulletin of the History of Medicine. — 1971. — Jan-Feb. 45 (1). — P. 49 —75.

Работы по истории парамедицины эпохи Возрождения и Реформации

1. Алхимия как пример // Повесть Л., Бержье Ж. Утро магов. — К., 1994. — С. 87—131.
2. Белецкий А.И. Легенда о Фаусте // Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете. — Вып. V. — 1911. — С. 59—193; — Вып. VI. — 1912. — С. 67—84.
3. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука, II. Рождение астрономии. — М., 1991.
4. Водовозов А. В. Гомеопатия: растворённая медицина // Популярная механика. — 2009. — № 10.

5. Володарский В. М. Леонардо да Винчи и Парацельс о магии и алхимии // Леонардо да Винчи и культура Возрождения. — М.: Наука, 2004. — С. 176—183.
6. Володарский В. М. Образ природы в творчестве Парацельса // Природа в культуре Возрождения. — М., 1992.
7. Володарский В. М. Социальная утопия Теофраста Парацельса // История социалистических учений: сб. статей. — М., 1985.
8. Вронский С. Классическая астрология. — М., 2006.
9. Гессманн Г.В. Тайные символы алхимии, фармацевтики и астрологии средних веков. — К.: Пор-Роял, 2007. — 224 с.
10. Гундольф Ф. Парацельс / Пер. Л. Маркевич, общ. ред. и послесл. В. Н. Морозова. — СПб.: Владимир Даль, 2015. — 191 с.
11. Джуа М. История химии. — М.: Мир, 1975. — 450 с.
12. Дрэпер Д. История умственного развития Европы. — СПб., 1866.
13. Жулинский К. История астрологии. — СПб., 2007.
14. Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. — М.: Новое литературное обозрение, 1997.
15. Йейтс Ф. Искусство памяти. — СПб: Университетская книга, 1997.
16. Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение. — М.: Алетейя; Энигма, 1999.
17. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.- сост. Г. Кавалло Р. Шартъе; пер. с фр. — М., 2008.
18. Казанцева А. Растворённая магия // Вокруг света. — 2016. — № 2 (2905).
19. Карташкин А. Алхимик Раймунд Луллий // Книга тайн / Сост. В. Щербаков. — М., 1991. — С. 281—294.
20. Коган Д. А. Гомеопатия и современная медицина. — М.: Медицина, 1964. — 220 с.
21. Койре А. Парацельс // Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии XVI века / пер.и посл. А.М. Руткевич. — Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. — 170 с.
22. Корелин М. Западная легенда о докторе Фаусте // Вестник Европы. — 1882. — Ч. 11. С. — 263-294; — Ч. 12. — С. 699-734.
23. Ларгье Л. Никола Фламель: В поисках золота. — М., 1998.
24. Легенда о докторе Фаусте. — М., Наука, 1978.
25. Майер П. Парацельс — врач и провидец / Пер. Е. Б. Мурзина. — М.: Алейя, 2003. — 560 с.
26. Морозов Н. А. В поисках философского камня. — СПб., 1909.
27. Опарин А.А. Теофраст Парацельс — основатель парамедицины // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. — 2018. — №1. — С. 44—53.
28. Орчов М.А. Алхимия. — Пг., 1917.
29. Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — М., 1979.
30. Садуль Ж. Сокровища алхимиков. — М., 2000.

31. Свинцовые врата алхимии: История, символы, практика. — СПб., 2002.
32. Теории и символы алхимиков. — М., 1995.
33. Фламель Н. Алхимия. — СПб., 2001.
34. Шаховской И. Легенда и первая народная книга о Фаусте // Журнал министерства народного просвещения. — 1880. — Ч. ССXI. — С. 369-401.
35. Юнг К. Г. Психология и алхимия. — М., 1997.
36. Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005.
37. Colquhoun D. Science degrees without the science // *Nature*. — 2007. — Vol. 446. — P. 373—374.
38. Giles J. Degrees in homeopathy slated as unscientific (Special Report) // *Nature*. — 2007. — Vol. 446. — P. 352—353.
39. Godwin J. Robert Fludd: hermetic philosopher and surveyor of two worlds. — London: Thames and Hudson, 1979.
40. Holmes O. W. Homeopathy and Its Kindred Delusions // *Examining Holistic Medicine.* / Eds. Douglas Stalker, Clark N. Glymour. — Prometheus Books, 1985. — 406 p.
41. Huffman W.H. Robert Fludd and the end of the Renaissance. — London; — New York: Routledge, 1988
42. Hutin S. Robert Fludd (1574—1637) — Alchimiste et philosophe rosicrucien. — Paris: Omnium Littéraire, 1971.
43. Jole Shackelford. A Philosophical Path for Paracelsian Medicine: The Ideas, Intellectual Context, and Influence of Petrus Severinus (1540—1602). — Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2004. — P. 519.
44. Legood A. Robert Fludd of Bearsted. — Kent: Bearsted & District Local History Society, 2006
45. Lewith G.T., Watkins, A.D., Hyland, M.E., Shaw, S., Broomfield, J.A., Dolan, G., and Holgate, S.T. «Use of Ultramolecular Potencies of Allergen To Treat Asthmatic People Allergic to House Dust Mite: Double Blind Randomised Controlled Clinical Trial.» // *British Medical Journal*. — 2002. — 324(7336):520-4.
46. Rastogi D.P., Singh, V.P., Singh, V., Dey, S.K., and Rao, K. «Homeopathy in HIV Infection: A Trial Report of Double-Blind Placebo Controlled Study» // *British Homeopathic Journal*. — 1999. — 88(2):49-57.
47. Whitmont E. *Psyche and Substance: Essays on Homeopathy in the Light of Jungian Psychology*, North Atlantic Books, 1982.

Содержание

Предисловие. А. Жаловага.....	3
Предисловие. Б.А. Рогожин	4
От автора	6

Часть первая. Европа эпохи Возрождения, Реформации и Контрреформации	7
Вступление	9
Глава 1. Эпоха Возрождения или назад в античность.....	10
Глава 2. Великая Реформация или путь к Новому времени	34
Глава 3. Контрреформация или назад в Средневековье.....	75
Глава 4. Тридцатилетняя война.....	105

Часть вторая. История медицины эпохи Возрождения и Реформации	125
Вступление	127
Глава 1. Фрэнсис Бэкон или эмпирический метод познания.....	129
Глава 2. Рене Декарт или рациональный метод познания.....	148
Глава 3. Книгопечатание и история медицины.....	160
Глава 4. Университеты эпохи Возрождения и Реформации.....	167
Глава 5. Андрей Везалий и история анатомии эпохи Возрождения и Реформации.....	186
Глава 6. Джироламо Фракасторо и история эпидемиологии эпохи Возрождения и Реформации	252
Глава 7. Амбруаз Паре и история хирургии, травматологии и акушерства эпохи Возрождения и Реформации	281
Глава 8. Уильям Гарвей и история физиологии эпохи Возрождения и Реформации.....	312

Часть третья. История парамедицины эпохи Возрождения и Реформации	341
Вступление	343
Глава 1. Теофраст Парацельс: основатель парамедицины	343
Глава 2. Доктор Фауст: история и предания.....	363
Глава 3. Ученики и последователи Парацельса	385
Глава 4. Франц Месмер и животный магнетизм	384
Глава 5. Доктор Ганеман или гомеопатия: между лженаукой и оккультизмом	389

Список использованной литературы.....	399
---------------------------------------	-----

Наукове видання

Опарін Олексій Анатолійович

**ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
И РЕФОРМАЦИИ**

Монографія

(Рос. мовою)

Відповідальний за випуск *М. В. Десятникова*

Формат 60×90 1/16 . Ум. друк. арк. 26,75.
Тираж 1000.

Видавництво «Факт»

Україна, 61166, м. Харків, вул. Бакуліна, 11, оф. 2-26.

+38(057)760-47-16, publish_fakt@ukr.net

Свідоцтво про держреєстрацію: серія ДК № 3172 від 22.04.2008 р.

Виготовлено у ФОП В. Є. Гудзинський

Україна, 61072, м. Харків, вул. 23-го Серпня, 27.

+38(057)340-52-26, for_veg@ukr.net

Свідоцтво про держреєстрацію: серія ХК № 269 від 23.11.2010 р.